

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»

На правах рукописи

Варфоломеева Юлия Николаевна

**ГЛАГОЛЬНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
РЕЦЕПТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ
ТИПА «ОПИСАНИЕ»**

10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор В.Н. Степанов

Улан-Удэ
2021

Оглавление

Введение	5
Глава I. Семантика перцептуального пространства как полевая структура в описательном тексте	25
§1.1 Текст типа «описание» в современной научной парадигме	25
1.1.1. Текстовые единицы в лингвистике. Текст и дискурс.....	25
1.1.2. Когнитивная основа описания. Структурно-семантические и лексические свойства описательного текста.	32
§1.2. Поле пространства в языкознании.....	46
1.2.1. Языковое поле: понятие, структура, виды	46
1.2.2. Категория пространства и теория восприятия	54
1.2.3. Поле глагольной локативности.	66
Выводы по главе I	84
Глава II. Стилистическая парадигма описательного текста	86
§2.1. Вербализация пространства в художественном описании	89
§2.2. Особые виды описания в книжных стилях	107
§2.3. Специфика текстовой организации разговорного описания	128
Выводы по главе II	139
Глава III. Зоны ядра и ближайшей периферии семантического поля пространства: семантика неакциональных глагольных предикатов описания	142
§3.1. Классификация глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики.....	142
§3.2. Частотность ЛСГ неакциональных предикатов в описательных текстах разных стилей.....	201
3.2.1. Количественный анализ предикатов зрительной рецептивной характеристики художественно описания.....	201

3.2.2. Частотность ЛСГ неакциональных предикатов в описательных текстах книжных стилей и разговорной речи.....	208
Выводы по главе III	219

Глава IV. Предикаты разных рецептивных характеристик в структуре семантического поля пространства	222
§4.1. Восприятие пространства как интермодальная категория	222
§4.2. Семантика предикатов разных рецептивных характеристик в художественном тексте как имплицитный способ вербализации значения пространства	226
4.2.1. Классификация рецептивных глагольных предикатов.....	229
4.2.2. Частотность ЛСГ рецептивных глагольных предикатов в художественном описании.....	241
§4.3. Предикаты разных рецептивных характеристик в описательных текстах нехудожественных книжных стилей и разговорной речи.....	242
4.3.1. Функционирование рецептивных предикатов в книжном и разговорном описании.....	242
4.3.2. Частотность групп глагольных предикатов в книжном и разговорном описании.....	246
Выводы по главе IV	254

Глава V. Отдаленная периферия поля пространства: семантика акциональных глагольных предикатов в тексте типа «описание».....	257
§5.1. Анализ акциональных предикатов: данные словарей	259
§5.2. Роль ЛСГ акциональных предикатов в вербализации пространственного значения в художественном описании.....	265
§5.3. Акциональные предикаты в нехудожественном книжном и разговорном описании.....	277
Выводы по главе V	284

Глава VI. Типологическое разнообразие глагольных предикатов в жанровых разновидностях описания	287
§6.1. Вербализация свойств пространства в описании-пейзаже, описании-интерьере, описании-портрете, описании предмета.....	287
§6.2. Функционирование ЛСГ глагольных предикатов в разновидностях описания.....	303
Выводы по главе VI.....	320
Заключение	322
Список использованной литературы	331
Список источников	392
Приложение 1. Текстогрфия диссертационной работы	405
Приложение 2. Тематический справочник рецептивных глагольных предикатов, составляющих зоны ядра и периферии семантического поля рецептивного пространства в описании	426

Введение

На протяжении длительного времени интерес филологов к тексту неизменен. В 60-80-х гг. XX в. исследование текста оформляется в самостоятельную языковедческую отрасль – лингвистику текста. На настоящий момент проблемы изучения текста переосмысляются в аспекте когнитивно-дискурсивных исследований. В рамках функционально-смыслового подхода к тексту особое внимание обращено на проблему типов речи, поставленную в теоретическом аспекте О.А. Нечаевой («Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)»), «Типы речи и работа над ними в школе», «Лингвистика текста: констатирующие тексты типа “описание” и “повествование”» и др.), получившую развитие в работах С.В. Чебанова, Г.Я. Мартыненко, В.И. Конькова, О.В. Неупкоевой, К.А. Роговой, И.В. Ребровой, И.А. Гончар, О.В. Протопоповой, Н.Д. Десяевой, С.А. Арефьевой, Т.Б. Трошевой и др.

Актуальность работы обусловлена рядом факторов.

1. Назревшая необходимость пересмотра функционально-смыслового подхода к тексту в свете новых парадигм дискурсивной и когнитивной лингвистики обуславливают актуальность диссертации. Новый динамический подход сопряжен с исследованием динамики ролей наблюдающего субъекта, видение которого передается в описании. В соответствии с функционально-смысловым подходом фигура воспринимающего субъекта формально выведена из структуры описательного текста. Создание рецептивно-прагматической модели описания, отражающей динамику восприятия и позиции наблюдающего субъекта, представляет особый лингвистический интерес. Согласно принципу антропоцентризма исходной категорией при объяснении языковых явлений выступает фигура воспринимающего. Особенно ярко языковой антропоцентризм проявляется в пространственных выражениях, так как

пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда «ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета» [Кравченко 1993: 50].

2. Контекстологический и лингвокогнитивный подходы к исследованию, эксплицированные в работе, позволяют вскрыть ряд закономерностей функционирования глагольных предикатов на текстовом уровне, выстроить семантическое поле рецептивного пространства, организованное семантикой предикатов в текстах типа «описание», объединенных инвариантным значением «существование». Указанное значение предикатов, составляющих наряду с актантным ядром модель описания, выступает доминантой обозначенного поля.

3. Исследование представляется значимым для лингвистики текста в силу обращения к описательному тексту как языковой модели, обладающей свойством воспроизводимости, имеющей закономерности строения, требующей в настоящее время пересмотра ее состава в свете лингвокогнитивной теории.

4. Актуальность настоящей диссертации обусловлена также неполнотой изученности и дискуссионным характером реализации категории пространства в языке [Журинский 1971, Москальская 1981, Всеволодова, Владимирский 1982, Рассел 2000, Бессуднова 2004, Федосеева 2013 и др.]. Интерес вызывают как категория пространства в целом [Гак 2000, Всеволодова 2000, Е.Е. Яковлева 2003, Федосеева 2013 и др.], так и выражение пространственных отношений разноуровневыми языковыми средствами, в частности глагольными предикатами.

Осмысление категории пространства в разных науках, выделение множества разных типов пространств в языкознании, возникновение новой области – лингвистики пространства говорят не только о неослабевающем, а скорее нарастающем интересе в науке к данному феномену.

В науке до настоящего времени остается ряд нерешенных вопросов, касающихся классификации глагольных единиц [Васильев 1981, 2000,

Гайсина 1981, Степанов 1981, Булыгина 1982, Селиверстова 1982, Апресян 1992, Падучева 2001, 2002, Зализняк 2006 и др.], объема и границ выделяемых глагольных классов, их количества, принципов выделения, терминологического многообразия при наименовании одного объекта анализа, отсутствия комплексных работ, в которых функционирование глагольных предикатов исследуется с позиции актуальных в лингвистике методов (лингвокогнитивного, контекстологического, компонентного анализа).

При исследовании модельных свойств описательного текста представляет интерес определение лексического наполнения модели текста данного типа, выявление роли семантики глагольных предикатов в вербализации значения пространства, выступающего основой описания.

Исследованными на настоящий момент являются средства выражения именной локативности в описании: анализ структурно-семантической актантной модели, вербализующей параметры и основные свойства пространства, проведен В.М. Хамагановой [Хамаганова 2002], в своей кандидатской диссертации Н.В. Русакова описывает совмещение временной и пространственной семантики в лексических средствах темпоральности [Русакова 2006]. Т.И. Мисайлова исследует дейктические средства, создающие локализацию [Мисайлова 2005], С.И. Смирнова при рассмотрении механизмов реализации иронии в констатирующих текстах делает ряд замечаний, касающихся когнитивных и психофизиологических аспектов описательного типа текста, вербализующего пространственные характеристики объекта описания [Смирнова 2014]. Недостаточно изученным остается использование глагольных предикатов в модели текста типа «описание».

5. Значимым следует признать исследование стилистической парадигмы описания, сопряженной с изучением специфики текстовой организации и функционирования глагольных предикатов в текстах разной стилевой принадлежности, что оказывается существенным для

разграничения стилистических и жанровых разновидностей описания. На настоящий же момент подавляющее большинство исследований в области типов речи посвящено анализу художественных и научных фрагментов.

6. Актуальность исследования обусловлена применением теории поля, позволяющей представить семантику предикатов описания с вычленением компонента-доминанты, ядра и ряда периферийных зон.

Локативная семантика может быть представлена в языке в виде поля [Абдуллина 1994, 1997; Всеволодова 2000; Гак 2000; Засухина 2001; Иванова 2001; Киферова 1994; ТФГ 1996; Федосеева 2013в и др.], включающего предлоги [Мальцева 2004; Муравьева 1994, Филиппенко 2000 и др.], формы существительных [Апресян 1992; Князев 1999б; Кошелев 2000; Лебедева 2000; Плунгян 1999, 2002; Рахилина 1999; Степанов 1981 и др.], прилагательные [Борщев 1996, Топорова 1999, 2000], наречия [Лягушкина 2001; Мазурова 2000 и др.], глаголы [Гайсина 1981; Гукина 1997; Рахилина 1998; Семантические типы предикатов 1982; Штукарева 2000 и др.], придаточные предложения места [Пронина 1988, ТФГ1996 и др.], анализу подвергается также локативность в тексте [Пивоварова 2005; Чумирина 2005; Федосеева 2013 а, 2013 б, 2013 в и др.].

Начиная с 20-х гг. XX в. теория полей стала одной из самых популярных в изучении лексики. Однако термин «поле» часто используется весьма произвольно, при этом в него вкладывается разное содержание, что ведет к смешению понятий и путанице в терминологии [Артемова 2003; Абрамов 2003]. Понятие языкового поля определяется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» как «совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений». Отмечается «взаимосвязь семантических полей в пределах всего словаря», «семантические» (лексико-семантические) поля «характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей,

взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка» [ЛЭС 1990: 380-381].

Говоря о семантическом поле, следует заметить, что в его состав входят разные лексико-семантические группы (ЛСГ) слов. Предложенная в настоящей работе классификация глагольных предикатов, образующих в описании семантическое поле, строится на разграничении лексико-семантических групп предикатов по их семантическим признакам. ЛСГ представляют собой группы слов с общим основным компонентом значения [Филин 1982: 229-239] или общими семантическими признаками [Васильев 1971: 110].

Авторы современных лингвистических исследований говорят о возможностях, которые открывает применение теории поля в новой научной парадигме [Чигашева 2006 а, 2006 б; Буракова 2009; Зубарева и др. 2019 и др.]. Экстраполирование метода не только на лексические, но и фонологические, словообразовательные, грамматические и др. явления, а также интерес к исследованию функционирования единиц полей в реальном дискурсе в рамках новой антропоцентрической парадигмы говорят об интересе в науке к теории поля. В понимании поля как средства экспликации некоего фрагмента действительности и метода ее познания видятся взаимосвязь теории поля и лингвокогнитологии.

Применение полевой модели при исследовании описательного текста позволяет комплексно представить языковые явления в их системности и взаимообусловленности.

Объектом работы являются тексты типа «описание», в которых представлена модель реализации свойств когнитивного пространства.

Предметом исследования служит рецептивно-прагматическая модель описания, предполагающая дифференциацию глагольных предикатов в структуре глагольного семантического поля, «постоянных» и «переменных»

величин, фигуры и фона, семантических и прагматических смыслов, референциального и рецептивного пространств.

Цель данной работы – создание динамической рецептивно-прагматической модели описания с опорой на исследование структуры глагольного семантического поля в описательных текстах в русле трех парадигм (функциональной, стилистической и жанровой) в соответствии с функционально-смысловой и лингвокогнитивной методологиями.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) переместить акценты в анализе описаний с позиции функционально-смыслового подхода на лингвокогнитивный, сопряженный с созданием динамической модели описания;

2) пересмотреть принцип моделирования описания с учетом выделения «постоянных» и «переменных» величин, фона и фигуры, референциального и рецептивного пространств;

3) выявить и классифицировать предикаты эксплицитной и имплицитной рецептивной характеристики;

4) исследовать семантику глагольных предикатов описательного текста с привлечением лингвокогнитивного, контекстологического подходов, методов компонентного и количественного анализа;

5) выявить лексико-семантические модели предикатов для представления референциального и рецептивного пространств в описательных текстах;

6) исследовать стилистическую парадигму описательного текста, выявив специфику описания в зависимости от стилистической принадлежности фрагмента (художественного, книжного (научного, публицистического, официально-делового) и разговорного), в том числе с использованием критерия частотности;

7) изучить особенности категоризации знаний о когнитивном пространстве, выраженных в лексических значениях глагольных предикатов

в описательных текстах, реконструировав иерархическую структуру (модель) семантического поля пространства с выделением компонента-доминанты, ядра и ряда периферийных зон;

8) сопоставить полученные эмпирическим путем данные с материалами словарей, провести анализ примеров, представленных в разных корпусах текстов, и составить тематический справочник глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики, в которых пространственная сема проявляется в лексической семантике; и предикатов разных рецептивных характеристик – единиц имплицитного представления пространственных отношений в описании;

9) исследовать типологическое разнообразие глагольных предикатов разных ЛСГ в жанровых разновидностях описания.

Гипотеза исследования. Модель описательного текста предполагает включение в ее состав «постоянных» и «переменных» величин, а также фигуры, связанной с семантическими смыслами, референциальным пространством и субъектной перспективой текста, и фона, сопряженного с выявлением прагматических смыслов, рецептивного пространства и субъектной навигацией в тексте. Разнообразные модели ЛСГ предикатов составляют некоторое глагольное семантическое поле пространства в описательном тексте с выделением компонента-доминанты, ядра и ряда периферийных зон.

В данном диссертационном исследовании автор исходит из базовых теоретических постулатов:

а) о возможности рассмотрения содержательной структуры сенсорного восприятия как онтологической основы текста (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев и др.);

б) о представлении в тексте перцептуального пространства (Б. Рассел, А.В. Кравченко и др.), отражающего основные характеристики физического пространства, обладающего свойствами трехмерности и вещности;

в) о системной организации лексики, находящей отражение в членении на лексико-семантические группы и семантические поля (Г.С. Щур, А.В. Бондарко, В.Г. Адмони, Ф.П. Филин, М.В. Всеволодова и др.).

Исследование основывается на трудах по лингвистике текста (И.Р. Гальперин, Н.С. Валгина, О.И. Москальская и др.), синтаксису (Т.В. Шмелева, Г.А. Золотова, А.П. Сковородников и др.), нарратологии (Б.А. Успенский, Е.В. Падучева, В. Шмид и др.), теории функционально-смысловых типов речи (О.А. Нечаева, С.В. Чебанов, Г.Я. Мартыненко, В.И. Коньков, О.В. Неупокоева, В.М. Хамаганова, Г.Г. Хазагеров и др.), теории когнитивной лингвистики (Л. Талми, Е.С. Кубрякова, Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, М. Минский и др.), теории восприятия (А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, Е.Г. Борисова и др.), классификации глагольной лексики и предикатов (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, Л.М. Васильев, Е.В. Падучева, О.Н. Селиверстова, С.Г. Макеева и др.), функциональной стилистике (В.В. Виноградов, М.Н. Кожина, Е.А. Земская, А.Н. Васильева, В.В. Одинцов, О.Б. Сиротинина, В.И. Коньков, Т.В. Ицкович и др.).

Изучение материала ведется в синхроническом аспекте. Методика исследования продиктована поставленными в работе задачами. В качестве основополагающего выбран полевой метод, обладающий высокой методологической ценностью и позволяющий выявить иерархическую соположенность языковых единиц с обозначением их функциональной значимости.

Диссертационное исследование, направленное на анализ языковых единиц и построение модели описательного текста, апеллирует к лингвокогнитивному подходу, предполагающему исследование роли языка в концептуализации и категоризации мира (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, И.А. Стернин, З.Д. Попова, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина, Е.В. Рахилина, А.А. Залевская, В.А. Маслова и др.).

По утверждению ученых-когнитологов, проблемы когнитивной науки не могут быть решены без учета феномена восприятия [Кубрякова 1996: 20;

Кравченко 1996; Попова, Стернин 2006: 9 и др.]. В настоящей работе совмещаются данные лингвистики, психологии, физиологии и философии. В данном случае важно реконструировать субъективное восприятие мира индивидом, при этом в основу положен антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений.

При определении особенностей восприятия пространства автор обращается к теории порождения речи Н.И. Жинкина и Л.С. Выготского, трудам в области психологии Б.Г. Ананьева и Ф.Н. Шемакина и работам физиологов И.С. Бериташвили, Э.Ш. Айрапетьянца и др., связывая онтологическую структуру описательного текста с особенностями восприятия человеком пространственных отношений.

При создании рецептивно-прагматической модели описания в работе применен метод лингвистического моделирования, предполагающий построение и изучение модели.

При исследовании функциональных особенностей глагольных предикатов в контексте описания используется интегрированный подход, сочетающий структурно-описательный, а также методы компонентного и количественного анализа, заключающиеся в исследовании содержательной стороны глагольных предикатов с целью разложения значения на минимальные семантические составляющие и вычисления с помощью приема пропорции частотности использования ЛСГ глагольных предикатов в описательных текстах. В работе используются референциальный анализ, применение которого способствует реконструкции набора исходных ситуаций (референциальное пространство), и метод контекстологического анализа, способствующий выявлению прагматических смыслов когнитивной сферы субъекта речи (рецептивное пространство). Кроме того, используются отдельные приемы сопоставительного метода.

Эмпирическая база работы включает глагольные предикаты (4325 единиц), которые используются при построении текстовых структур описания (более 2900 текстов) и вербализуют параметры когнитивного

пространства. В корпус исследованных текстов вошли 970 художественных, 1652 нехудожественных книжных (643 научных, 684 публицистических, 325 официально-деловых описаний) и 280 разговорных описаний.

Текстом типа «описание» признается описательный фрагмент, содержащий как минимум две синхронных предикативных части, составляющих полипредикативное предложение или оформленных в виде набора простых предложений или высказываний [Нечаева 2011: 48]. При этом «изменение пространственной точки отсчета при констатации свойств предметов внеязыкового ряда является условием появления нового описательного текста, так как меняется объект описания» [Хамаганова 2002 б: 173].

В качестве источников материала для исследования использовалась художественная, научная литература, официально-деловые тексты, публицистика, а также записи разговорной речи. Тексты типа «описание» вычленены из русской классики (произведения А. Пушкина, Н. Гоголя, Д. Григоровича, И. Тургенева, В. Вересаева, И. Гончарова, А. Писемского, И. Бунина, М. Булгакова, А. Куприна, М. Шолохова и др.), современной художественной литературы (тексты В. Беляева, П. Краснова, М. Рыбакова, А. Рекемчука, Г. Маркова, А.Иванова и др.), научных трудов (исследования по географии, зоологии, археологии, астрономии, изобразительному искусству и др.), официально-деловых материалов (проекты организации строительства, технические отчеты обследования строительных конструкций, генеральные планы поселений, протоколы осмотра места происшествия и др.), публицистики (книги воспоминаний, очерки, эссе, туристические проспекты и др.). Примеры фрагментов разговорной речи заимствованы из хрестоматии А.А. Юнаковской «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска)», Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (www.ruscorpora.ru), из материалов проекта «Рассказы о сновидениях» и другие корпуса звучащей речи» (www.spokencorpora.ru), с сайта «Прожито», где представлены личные

истории в электронном корпусе дневников (www.prozhito.org), с сайтов отзывов (www.otzovik.com, www.irecommend.ru) и др.

В качестве источников материала использовались словари и справочники («Русский семантический словарь» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко, «Системный семантический словарь русского языка» Л.М. Васильева, справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов» под общей редакцией Т.В. Матвеевой и др.).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) в работе предложена методологическая корректировка функционально-смыслового подхода к тексту, предполагающая учет активной роли наблюдающего субъекта, особенности восприятия которого вербализуются в описательном тексте;

2) пересмотрен состав модели описания, включающей «постоянные» (инструменты имплицитного выражения) и «переменные» (инструменты эксплицитного выражения) величины с учетом применения лингвокогнитивного метода;

3) дифференцированы функционально-смысловой подход, который позволяет реконструировать референциальное пространство текста и является предметом семантического синтаксиса [Шмелева 1988], и лингвокогнитивный подход, позволяющий раскрыть субъектную навигацию в тексте и выступающий предметом прагматического синтаксиса [Степанов, Варфоломеева 2021];

4) разработана рецептивно-прагматическая модель описания, включающая фон (инструменты имплицитного выражения, рецептивное пространство, выводящие на уровень субъектной навигации в тексте и прагматического синтаксиса) и фигуру (инструменты эксплицитного выражения, референциальное пространство, связанные с субъектной перспективой текста и семантическим синтаксисом) с учетом применения лингвокогнитивного метода;

5) в данном исследовании дифференцированы языковые средства категории локативности на материале глагольных предикатов описания, внутри которых выявлены предикаты эксплицитной (зрительной) и имплицитной рецептивной характеристики (предикаты разных рецептивных характеристик, а также акциональные);

6) впервые семантика глагольных предикатов описательного текста подвергается анализу с привлечением лингвокогнитивного, констектологического подходов, с помощью которых происходит масштабирование пространства, выявляются микроконтекст (фигура) и макроконтекст (фон), а также методов компонентного и количественного анализов, в результате чего разработана классификация глагольных предикатов зрительной перцепции, соотносимая с двумя системами мировидения (ГДЕ-система и ЧТО-система);

7) выявлены 10 моделей предикатов представления референциального и рецептивного пространств в описательных текстах;

8) введено понятие стилистической парадигмы описания, проведено исследование описательных текстов разной стилевой принадлежности, ранее получивших разработку в основном в плоскости художественного и отчасти научных стилей; новым следует признать выявление особых видов описания и исследование специфики функционирования глагольных предикатов в описательных текстах художественного, книжных и разговорного стилей;

9) в работе для исследования семантики глагольных предикатов предложено использование критерия частотности, в результате чего определена частотность выявленных моделей ЛСГ глагольных предикатов при построении художественного, научного, официально-делового, публицистического и разговорного описаний;

10) в структуре моделей ЛСГ выделены ядро и периферия, содержание которых варьируется в разных стилях, в результате исследована полевая структура предикатов в описании в разных стилях;

11) выявлены характеристики ЛСГ глагольных предикатов в жанровых разновидностях описания (описании-пейзаже, описании-интерьере, описании-портрете, описании предмета), ранее дифференцированные только на уровне актантов.

Проблема исследования имеет как теоретическую, так и практическую значимость. В работе описательный тип текста рассмотрен сквозь призму трех исследовательских парадигм (функционально-смысловой, стилистической и жанровой) с опорой на две методологии (функционально-смысловую и лингвокогнитивную). Полученные в результате изучения проблемы выводы способствуют методологической корректировке функционально-смыслового подхода к тексту в свете новых научных парадигм, созданию динамической рецептивно-прагматической модели текста типа «описание», определяют глагольное лексическое наполнение модели описательного текста, способствуют уточнению сведений о реализации значения пространства текстом типа «описание», описывают глагольное семантическое поле рецептивного пространства в тексте типа «описание». В научный оборот вводится новая терминология (динамическая рецептивно-прагматическая модель описания, стилистическая парадигма описательного текста, рецептивный предикат, субъектная навигация в тексте, прагматический синтаксис и др.).

Материалы исследования могут применяться в теоретических и практических вузовских и школьных курсах по теории языка, теории текста, лексикологии, а также в лексикографической практике. Составленный автором справочник глагольных предикатов зрительной и иных рецептивных характеристик, представляющих зоны ядра и периферии семантического поля рецептивного пространства в описании (Приложение 2), может быть использован в школьной практике при обучении составлению различных видов описательных текстов, при написании сочинений-описаний, а также в методике обучения русскому языку как иностранному, поскольку содержит

значительный корпус единиц (455 предикатов), частотные для моделирования описательных текстовых структур.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ функционально-смысловых типов речи с использованием современных лингвистических подходов позволяет создать динамическую рецептивно-прагматическую модель описания, конструируемую с учетом активной роли наблюдающего субъекта и включающую «постоянные» (инструменты имплицитного выражения, свернутые пропозиции) и «переменные» (инструменты эксплицитного выражения, учитывающие предикатно-актантный состав, свернутые пропозиции) величины.

2. Использование контекстологического метода позволяет говорить о масштабировании контекста (выделение микроконтекста – макроконтекста), что способствует различению фигуры и фона. Описание того, что попадает в поле зрения субъекта, определено как фигура (микроконтекст), фоном же выступает макроконтекст, способствующий репрезентации отношения субъекта речи к тому, что он воспринимает. Таким образом, в описании исследуется не только референциальное пространство, но и прагматические смыслы, т.е. рецептивное пространство, которые позволяют управлять вниманием читателя. Масштабирование контекста может быть определено как прагматический локализатор рецептивного пространства субъекта и репрезентации фона в описании.

3. Внутри глагольных предикатов описания выявлены предикаты эксплицитной (зрительной) и имплицитной (предикаты иных рецептивных характеристик, а также акциональные) рецепции. Эксплицитные предикаты зрительной рецепции, используемые в описательном тексте, делятся на два класса: 1) глагольные предикаты, выражающие пространственные характеристики объектов, и 2) глагольные предикаты проявления качественного состояния объекта (всего 11 ЛСГ). Имплицитные рецептивные предикаты (слуховой, обонятельной, тактильной, вкусовой, недифференцированной рецептивных характеристик), организуют поле

восприятия субъекта, содержат в своей семантике значение пространства, проявляющееся в оппозиции «близко-далеко». У акциональных предикатов на семантику действия накладывается значение признака, и действующий объект воспринимается как один из признаков описываемой картины.

4. Выявленные 10 моделей предикатов представления референциального и рецептивного пространств могут быть сведены к следующим схемам: 1) представление о расположении объекта в пространстве в горизонтальном / вертикальном измерении; 2) длительность / кратковременность размещения объекта в пространстве; 3) существование в пространстве в виде точки / линии / плоскости / вместилища; 4) характеристика вешности пространства; 5) характеристика объекта, выделяющегося световыми или цветовыми свойствами; 6) отражение возможности опосредованного восприятия (просвечивать, отражаться и др.); 7) отражение формы объекта; 8) вербализация расстояния до объекта или между объектами: от дистантного до контактного; 9) квазидинамические модели; 10) реальное действие, приобретающее характеризующую функцию.

5. Исследование стилистической парадигмы описания позволяет констатировать, что репрезентация фона и фигуры в каждом из стилей носит градуированный характер. Художественный текст располагает не только нейтральными, но разностилевыми, экспрессивными и окказиональными предикатами для вербализации свойств пространства. В научном и официально-деловом текстах выявлены особые виды описания – контаминированные, функционирование нейтральных, специализированных и книжных предикатов. Публицистические описания демонстрируют дуализм их стилистической природы: в ряде жанров выбор глагольных предикатов оказывается близок текстам художественного стиля, другие жанры тяготеют к официально-деловому письму. Разговорное описание отличается незавершенностью текстовых структур, наличием повторов, распространенностью безглагольных конструкций, употреблением нейтральных и разговорных глагольных предикатов.

6. При использовании критерия частотности определена частотность выявленных моделей ЛСГ глагольных предикатов при построении художественного, научного, официально-делового, публицистического и разговорного описаний. Наиболее частотны в художественном описании глагольные предикаты световых / цветовых характеристик, что может быть связано с особой ролью цвето- и светообозначений в тексте для отображения мировидения автора, наполнения пространства символическим смыслом, создания настроения. Описательные тексты научного, а также официально-делового стилей, характеризуются высокой частотностью глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики со значением размещения. Частотность тех или иных ЛСГ предикатов в публицистике и разговорной речи во многом зависит от тематики текста.

7. Исследована полевая структура предикатов в описании в разных стилях. Неакциональные предикаты зрительной рецептивной характеристики образуют ядро семантического поля когнитивного пространства в описании. Ближайшая периферия семантического поля организована стилистически ограниченными, экспрессивными и окказиональными неакциональными единицами зрительной рецептивной характеристики. Периферийная зона семантического поля пространства состоит из рецептивных глагольных предикатов, которые представляют пространственные отношения имплицитно. Роль акциональных глагольных предикатов в вербализации пространственного значения сводится к реализации в контексте описания бытийной функции, при этом акциональные предикаты служат для обозначения существования действующего объекта в пространстве и составляют зону отдаленной периферии семантического поля пространства в описательном тексте.

8. При изучении специфики употребления рецептивных предикатов в описании отмечена высокая частотность предикатов слуховой рецептивной характеристики в силу особой значимости для человека слухового восприятия, а также единиц обонятельной рецептивной характеристики.

9. Объект описания накладывает ряд ограничений на выбор глагольных предикатов. Наибольшее их разнообразие отмечено в описании-пейзаже. Более ограниченный набор глагольных предикатов зафиксирован в описании-интерьере в силу меньшего количества самих объектов описания и возможности характеризовать описываемое пространство только актантами, связанными значением «существование». Наиболее частотны в этом жанре позиционные глагольные предикаты и единицы заполнения пространства. Минимальный набор пространственных предикатов представлен в описании-портрете, где наиболее частотны глагольные предикаты с семантикой формы предмета. Поскольку объектом описания предмета могут выступать разнообразные материальные сущности, исследование специфики функционирования глагольных предикатов в данной разновидности описания представляется затруднительным (при этом описание может принимать вид описания-портрета, описания-пейзажа, описания-интерьера или характеризовать специфический объект).

Апробация. Материалы исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, расширенных заседаниях кафедры медиакоммуникаций Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, а также на ежегодных научно-практических и научно-методических конференциях и семинарах преподавателей Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (2011-2021 гг.), Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (2018-2021 гг.).

Основные положения диссертационного исследования были изложены на региональной научно-практической конференции «Языковая картина мира Байкальского региона» (2009, Улан-Удэ, БГУ), региональной молодежной научно-практической конференции «Народы Сибири в составе Российского государства: история и современность» (2011, Улан-Удэ, ВСГУТУ), региональной научно-практической конференции «Публичность социальной

сферы: проблемы и перспективы формирования в современной Бурятии» (2011, Улан-Удэ, ВСГУТУ – БГУ), Международной научной конференции «Мир Центральной Азии» (2012, Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН), всероссийской научно-практической конференции «Имиджевая политика Российской Федерации: теория и практика регионов» (2012, Улан-Удэ, ВСГУТУ), XVII Международной научно-практической конференции «Современные концепции научных исследований» (2015, Москва, Евразийский союз ученых, ООО «Международный Образовательный Центр»), Международной научно-практической конференции «Россия и монгольский мир: вектор на сближение» в рамках XII Международного всебурятского фестиваля «Алтаргана» (2016, Улан-Удэ, БГУ), Международной научно-практической конференции «Улан-Удэ – 350 лет» (2016, Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН), Международной научной конференции «Проблема рациональности в эпоху медиального поворота» (2016, Улан-Удэ, ВСГУТУ), в VII Международной научно-практической конференции «Коммуникативная культура и современность» (2017, Новосибирск, Новосибирский государственный университет), X Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (2017, Чита, ЗабГУ), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории языка и методики преподавания в современном образовательном пространстве» (2017, Улан-Удэ, БГУ), VIII Международной научно-практической конференции «Коммуникативная культура: история и современность. Культурно-историческое наследие в социальной коммуникации» (2018, Новосибирск, Новосибирский государственный университет), Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию профессора О.А. Нечаевой «Современный текст: традиции и новаторство» (2019, Улан-Удэ, БГУ имени Доржи Банзарова), X Международной научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура» (2019, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ЛГУ имени А.С. Пушкина).

Отдельные аспекты исследования получили разработку в рамках реализации следующих научных грантов: «Моделирование текста: лексический состав текста типа “описание”» (РГНФ, 2015-2017 гг.), «Молодые ученые Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления» (ВСГУТУ 2013, 2016, 2018, 2019, 2021 гг.), «Лингвистика текста: констатирующие тексты типа “описание” и “повествование”» (БГУ, 2010 г.), «Семиотические, лексико-грамматические и прагматические свойства констатирующих типов речи» (БГУ, 2007 г.).

По теме диссертации опубликовано 60 работ: 3 монографии, 22 статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, 4 из них в журналах, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science, кроме того, 1 публикация в научном журнале, индексируемом в международной базе данных Web of Science, 30 статей, опубликованных в сборниках научных трудов, материалах конференций и научных журналах, 4 учебных издания. Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 97,59 п.л., вклад диссертанта – 63,94 п.л.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников и приложений.

Первая глава «Семантика перцептуального пространства как полевая структура в описательном тексте» посвящена обобщению теоретического материала в области текстовых единиц, категории пространства и теории восприятия.

Во второй главе «Стилистическая парадигма описательного текста» обобщается материал, касающийся роли языковых средств дифференциации стилей при построении описательных текстов, вводится понятие стилистической парадигмы описательного текста, рассматриваются разные виды описания в художественном, книжных (научном, официально-деловом, публицистическом) и разговорном стилях.

В третьей главе «Ядро и ближайшая периферия в структуре поля пространства: семантика неакциональных глагольных предикатов описания» анализу подвергаются способы представления пространственных отношений посредством неакциональных глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики в текстах разной стилистической принадлежности.

Четвертая глава «Предикаты разных рецептивных характеристик в структуре семантического поля пространства» посвящена анализу возможностей вербализации свойств пространства в описании с помощью предикатов слуховой, обонятельной, тактильной и вкусовой, а также недифференцированной рецепции.

В пятой главе «Отдаленная периферия поля пространства: семантика акциональных глагольных предикатов в тексте типа “описание”» проводится исследование семантики акциональных предикатов в текстах разной стилевой принадлежности.

В шестой главе «Типологическое разнообразие глагольных предикатов в жанровых разновидностях описания (описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-портрет, описание предмета)» представлен анализ функционирования разных ЛСГ глагольных предикатов в жанровых разновидностях описания.

В Приложении 1 «Текстография диссертационной работы» приведены примеры описаний, извлеченных из текстов разной стилевой принадлежности (100 текстовых фрагментов). Приложение 2 «Тематический справочник рецептивных глагольных предикатов, составляющих зоны ядра и периферии семантического поля рецептивного пространства в описании» содержит 455 единиц.

Глава I. Семантика перцептуального пространства как полевая структура в описательном тексте

§1.1. Текст типа «описание» в современной научной парадигме

1.1.1. Текстовые единицы в лингвистике. Текст и дискурс

Сложные синтаксические построения стали предметом изучения еще в XVIII в., хотя их языковая структура не определялась. В XIX в. лингвисты (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня) в попытках очертить круг универсальных языковых значений, которые реализуются в речи, обращались к сочетанию предложений, объединенных вокруг одного главного понятия. Л.А. Булаховский в «Курсе русского литературного языка» впервые обрисовал «приметы синтаксического характера» «сверхфразных единств», выделяя смысловые скрепы в виде местоимений, союзов, вводных слов, «ритмо-мелодическую сгруппированность охватываемых единством фраз» [Булаховский 1952].

Исследования Н.С. Поспелова позволили расширить и углубить теоретическое учение о сверхфразовых единствах, которые были изучены как смысловые и синтаксические единства, где помимо внешних связей компонентов сложного синтаксического целого, наличествуют и внутреннезакономерные средства связи в виде соотношения видо-временных форм глагольных предикатов [Поспелов 1953].

При исследовании групп предложений, представляющих собой синтаксически связанное смысловое целое, Г.Я. Солганик использует для номинации подобных конструкторов термин «прозаическая строфа», подводя логическую основу под связь компонентов единиц сверхфразового уровня [Солганик 1983].

Исследование внутренних признаков единиц сверхфразового уровня и освещение связи языка и мышления намечены в работе М.П. Брандес. [Брандес 1971], где автором выделены «речевые формы», выработанные в

практике речевого общения: сообщение, описание и рассуждение. Формы речи рассматриваются как «основа стиля произведения» или «материальное воплощение композиции произведения» [Брандес 1971: 98].

В 60-80-е гг. XX в. с возникновением в лингвистике нового направления – лингвистика текста – объект исследования рассматривается в сопоставлении с другими единицами языка, определяются границы текста, единицы его организации. Представление о тексте как упорядоченном множестве предложений, которые объединены различными типами лексической, грамматической и логической связи и способны передавать определенным образом организованную и направленную информацию дается в работе З.Я. Тураевой [Тураева 1986: 11]. Определение текста, предложенное И.Р. Гальпериным, исключает из рассмотрения устную речь. Согласно мнению ученого текст является «произведением речетворческого процесса, обладающим завершенностью, объективированным в виде письменного документа, состоящим из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи», имеющим определенную целенаправленность и прагматическую установку [Гальперин 1981: 18].

Сложное синтаксическое целое получило дальнейшую разработку в трудах И.С. Папуши [Папуша 2011, 2012], определившей особенности сложного синтаксического целого как синтаксической единицы: его «языковые матрицы, гермы, поле языкового напряжения» [Папуша 2011: 7].

В области членимости текста современное языкознание оперирует целым рядом подходов: выделяются прозаические строфы (Г.Я. Солганик), композиционно-речевые формы (М.П. Брандес), формы контекстно-вариативного членения (И.Р. Гальперин), коммуникативные регистры (Г.А. Золотова), функционально-смысловые типы речи (О.А. Нечаева) и др.

В настоящий момент нельзя обойти вниманием вопрос соотношения понятий текста и дискурса, которому в современной лингвистике уделено достаточно много внимания [ван Дейк, Кинч 1988; Кубрякова, Александрова 1997; Кубрякова 2000 а, 2001; Попов 2001; Цурикова 2001; Кибрик, Плунгян 2002; Чернявская 2002; Бочарникова 2010; Попова 2019 и многие др.]. Сложность самого объекта исследования – дискурса – привела к большому количеству его определений. Согласно Н. Д. Арутюновой дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь»» [Арутюнова 1990: 136-137].

Первым о разграничении текста и дискурса заговорил Т.А. ван Дейк, давший сложное определение дискурса как специфического коммуникативного события, однако в его работе термины текст и дискурс часто смешиваются [ван Дейк, Кинч 1988]. А.Ю. Попов при исследовании отличий текста от дискурса указывает на спонтанность и динамичность дискурса и упорядоченность и статичность канонического текста, кроме того, автор подчеркивает, что дискурс ограничен во времени и ориентирован на живую аудиторию в отличие от текста, где выбор длины текста автором произволен, а аудитория абстрактна и т.д. [Попов 2001].

Соотношение понятий текста и дискурса подробно рассмотрено в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова, Александрова 1997; Кубрякова 2000 а, 2001 и др.]. Ученый замечает, что анализируемые понятия связывает «генетическое родство», поскольку текст является результатом дискурса. На то, что понятие дискурса шире, чем понятие текста указывают и А.А. Кибрик, В.А. Плунгян [Кибрик, Плунгян 2002].

Рассматривая связь дискурса с реальным бытием человека, Е.С. Кубрякова выделяет три аспекта такого отношения: связь дискурса с реальным речевым общением и его интеракциональным характером, с реальной деятельностью людей и выделением соответственно этому разных типов дискурсов (политического, публицистического, научного и др.) и попытка их описаний. Исследователь называет дискурс когнитивным понятием, имеющим «дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2000 а: 10-11]. В составе дискурса А.А. Кибрик предлагает выделять описание, повествование, объяснение, убеждение, инструкцию [Кибрик 2015: 598].

При рассмотрении в рамках функционально-смыслового подхода текстовых единиц основой становятся монологические типы речи, каждый со своим логико-смысловым значением и соответствующей языковой структурой.

Теория типов монологической речи, разработанная О.А. Нечаевой в 70-е гг. XX в., апеллирует к термину «функционально-смысловые типы речи», получившему широкое распространение в лингвистике, дидактике, теории редактирования [Протопопова 1987: 78]. С XVIII-XIX вв. статус констатирующих текстов (описания, повествования) трактовался в науке специфически: описание и повествование рассматривались учеными как методические приемы (об описании) или рассказ (о повествовании), иногда не противопоставляясь друг другу. Работы Н.Ф. Кошанского заложили новый подход к исследованию феномена: описание и повествование противопоставлялись теперь не только на основе семантики, но и на основе пространственных отношений в описании и временной последовательности в повествовании [Кошанский 1829: 53].

Полное исследование функционально-смысловых типов речи было проведено в работах О.А. Нечаевой [Нечаева 1974, 1975, 1999, 2011 и др.]. Согласно концепции ученого описание, повествование и рассуждение, представляя по сравнению с предложением более высокую степень

структурной системы языка, где связь между языком и мышлением осуществляется наиболее полно, обладают стабильностью в логико-смысловом и структурно-грамматическом отношениях. Таким образом, особо значимо, что О.А. Нечаева подводит логическую основу под выделение типов речи, констатируя, что типы речи строятся на основе мыслительных процессов. Основой описания является синхронологема, повествования – диахронологема, рассуждения – каузологема. При этом исследователем вскрываются стороны значения, функционирования лексико-грамматических явлений в языке и интонирования речи, которые не обнаруживаются на уровне словоформ и предложений.

Выбор описания, повествования или рассуждения в сообщении справедливо связывается О.А. Нечаевой с характером объекта речи. При перечислении синхронных признаков предмета с целью более или менее полного представления о нем создается описание, сообщение о последовательных или развивающихся действиях или состояниях эксплицируется в повествовании, при выражении причинно-следственных отношений с целью доказательства речь принимает форму рассуждения.

Согласно теории функционально-смысловых типов речи описание может быть определено как «функционально-смысловой тип речи, являющийся ее типизированной разновидностью как образец, модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании и имеющий для этого определенную смысловую структуру» [Нечаева 1974: 94].

Анализируя грамматический аспект описания, являющегося констатирующим типом речи, О.А. Нечаева отмечает его особенности в выражении предикативности (модальности и времени), поскольку в данном типе текста утверждается наличие или отсутствие каких-либо признаков описываемого предмета. Рассматриваемый тип речи передает семантику реальности явлений, т.е. прямое отношение действия к действительности, выражаемое формами изъявительного наклонения.

При исследовании категории времени в описании ученым отмечено, что в данном типе речи статичность содержания влечет за собой соблюдение единого временного плана. Одновременность признаков в описании достигается за счет употребления глаголов в одном абсолютном времени (настоящем, прошедшем или будущем) в пределах описательной микротемы. В некоторых случаях в описательном тексте могут сочетаться прошедшее (выраженное глаголами совершенного вида с перфектным значением) и настоящее времена. Формы глаголов прошедшего времени в данном случае обозначают признак предмета как результат свершившегося в прошлом, и этот результат является одновременным с признаками, выраженными глаголами настоящего времени. При этом подчеркивается качественность, лежащая в основе перфектного значения. Сочетание настоящего и прошедшего времен возможно и в стилистических целях.

Описательные тексты могут быть дифференцированы на визуальные описания (термин введен В.М. Хамагановой [Хамаганова 2002]) и описания-характеристики.

Визуальное описание определяется как перечисление «синхронно существующих конкретных признаков объекта действительности, воспринимаемых в определенной момент времени, причем положение воспринимающего зафиксировано в определенной точке пространственно-временного континуума» [Хамаганова 2002 а: 8]. «Совпадение как результат временного и пространственного единства образует «поле зрения» наблюдателя (воспринимающего) – то понятие, которое необходимо для осознания онтологической сущности предметного ряда, непосредственно воспринимаемого человеком» [Хамаганова 2002 а: 19-20].

При вербализации описательным типом речи определенных предметных объектов высказывания сложились разновидности описания, к которым следует отнести описание-пейзаж – общий вид местности; описание-портрет – описание внешнего вида человека, описание-интерьер –

описание внутренней части помещения, описание предмета – перечисление свойств какого-либо предмета (животного, растения, предмета быта и т.д.).

Описание-характеристика актуализирует постоянные ненаблюдаемые признаки объекта, при этом перечисляются черты характера, склонности, род занятий человека или свойства какого-либо предмета и т.д. Перечисленные разновидности описания можно наблюдать в разных стилях и видах устной и письменной речи.

Теория функционально-смысловых типов речи выступает как база для исследований текста с 70-х гг. XX в. до настоящего времени, она вошла в теорию и практику научного исследования и изучения текстов [Львов 1989; Рачеева 1999; Хазагеров 2020].

По А.А. Вейзе описание вербализует знания о некотором предмете или явлении, что позволяет читателю вообразить описываемый объект, автор подчеркивает статичность, лежащую в основе описания, и сравнивает подобное отображение действительности с фотографическим [Вейзе 1985: 7].

В.И. Коньков, О.В. Неупокоева опираются в своем исследовании функциональных типов речи на тот факт, что при порождении речи она оформляется по устойчивым типовым образцам текстов [Коньков, Неупокоева 2011: 3]. Ученые продолжают мысль о том, что в основе описания лежит идея бытийности [Коньков, Неупокоева 2011: 21]. Исследователи выделяют разные типы описания, в частности указывая на существование предметного описания (может быть сопоставимо с выделенным визуальным описанием), цель которого состоит в изображении фрагмента чувственно воспринимаемого мира через перечисление его составных частей [Коньков, Неупокоева 2011: 34].

Н.Д. Десяева и С.А. Арефьева исследуют зависимость языковой специфики типов речи от принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю [Десяева, Арефьева 2008: 237-268].

Итак, в процессе мышления человек фиксирует объективно существующие связи между явлениями действительности и вербализует их в

виде особых функционально-смысловых типов речи. В частности представление человека о мире вербализуется описательным текстом, который очерчивает контуры пространственного размещения объектов через передачу пространственных параметров.

Описательный текст изучен с разных позиций. Синтаксическая структура описания исследована Л.Н. Омельченко [Омельченко 2001] и М.В. Бохиевой [Бохиева 1998], референциальные и темпоральные свойства описания нашли отражение в работе Н.В. Русаковой [Русакова 2006]. Изучены прагматический аспект роли говорящего [Корпусова 2001, 2003, 2004], дейксис в описании [Мисайлова 2005], особенности выражения синхронности и категории времени [Хамаганова 1979, Хандархаева 1999]. Структурно-семантическая и лексическая модели описательного текста нашли отражение в работах В.М. Хамагановой [Хамаганова 2002]. Новый вектор в изучении описания задан учеными, исследующими фреймовые модели в описании [Гончар 2014, 2016; Реброва 2017а, 2017б; Рогова 2019а, 2019б; Функционально-смысловые единицы речи 2017].

На настоящий момент необходимо говорить об описании в свете новых парадигм дискурсивной и когнитивной лингвистики, предлагая ряд методологических корректировок функционально-смыслового подхода к тексту.

1.1.2. Когнитивная основа описания. Структурно-семантические и лексические свойства описательного текста

Текстовое пространство в языкознании подвергается анализу с разных позиций 1) как материальный конструкт, который размещается в реальном пространстве [Топоров 1983: 227]; 2) как референтное пространство мира, который создается в произведении [Николина 2003: 144-155; Фролова 2001: 148]; 3) как собственно семантическое пространство, отражающее интерпретацию ситуации автором [Диброва 1999: 105-107].

Когнитивная лингвистика, оформившаяся к концу XX – началу XXI вв. в полноценное лингвистическое направление, имеет несколько источников: лингвистический психологизм XIX века (А.А. Потебня, Г. Штейнталь, В. Вундт), нейролингвистика, представленная работами Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, а также лингвистическая семантика (Л. Талми и Р. Лангакер). Отечественные языковеды отмечают связь российской когнитивной лингвистики с работами по семантике (Е.В. Рахилина, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова, В.З. Демьянков, Е.Г. Беляевская и др.) при развитии когнитивной морфологии, когнитивной поэтики и др.

Внутри лингвокогнитологии важное место занимают исследования в области концептов и когнитивных категорий, когнитивной семантики, теории ментальных пространств и др. Развитие лингвокогнитологии вкупе с философией, когнитивной психологией, лингвокультурологией и др. ставит в центр внимания человека. На настоящий момент выделяется множество направлений, которые З.Д. Попова, И.А. Стернин предлагают объединить в несколько групп: культурологическое (Ю.С. Степанов), лингвокультурологическое (С.Г.Воркачев, И. Карасик, Г.В.Токарев и др.), логическое (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павиленис), семантико-когнитивное (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, З.Д. Попова, И.А. Стернин), философско-семиотическое (А.В.Кравченко) [Попова, Стернин 2007: 12].

Когнитивные исследования предполагают обращение к двум базовым процессам – концептуализации и категоризации, формирующим картину мира «в виде разных когнитивных структур, объективируемых языковыми и речевыми знаками» [Алефиренко, Корина 2011: 16]. Картина мира динамична, имеет национальную специфику. В русле лингвокогнитивного подхода предлагается разграничивать языковую и художественную (в которую входит, например, фольклорно-языковая) картины мира. Последняя возникает при чтении художественного произведения, она воплощает авторское видение, картину мира писателя (поэта) при отборе сюжетных линий, средств выразительности, языкового оформления. Картины мира,

воплощенные в художественном, публицистическом и других текстах, существуют на уровне обыденной, ненаучной картины мира, приписываясь, например, героям произведений, они отражают авторские представления. Научная картина мира имеет множество отличий от наивной, однако разделить их четко не представляется возможным по причине того, что «естественный язык является основным семиотическим «поставщиком» научного языка» [Верхотурова 2008: 28].

Еще одна задача лингвистов-когнитологов, состоящая в исследовании фреймов – некоторых структур знаний, привела к различным трактовкам указанного понятия. Введенное исследователем искусственного интеллекта М. Минским понятие фрейма, было в дальнейшем изучено и переработано учеными. В исследованиях Ч. Филлмора в 70-е гг. появилось понятие фрейма как лингвистического объекта, которое эволюционировало в когнитивном направлении и в более поздних работах получило толкование унифицированных конструкций знания, а далее когнитивных структур.

На современном этапе фреймы могут быть истолкованы как 1) единицы знаний, которые формируются вокруг концепта, во фреймах содержатся данные о «существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры» [Болдырев 2014: 103] (Т.А. ван Дейк, Р. Богранд и др.); 2) структуры данных для представления стереотипной ситуации [Минский 1979: 7] (М. Минский); 3) типы когнитивных моделей, представляющих знания, которые связаны с повторяющимися ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмид); 4) структуры знаний, представляющих области ассоциаций с какой-либо лингвистической формой (Дж. Тейлор).

Говоря о зарождении когнитивной науки, Н.Ф. Алефиренко и Н.Б. Корина указывают на ее связь с нейролингвистикой, а именно с трудами Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и др. [Алефиренко, Корина 2011: 8].

Согласно теории, разработанной в трудах Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина и др., замысел и порождение речи возникают в результате столкновения человека с окружающим миром, в итоге создается чувственный

образ объекта [Выготский 2002: 768; Жинкин 1998: 341; Леонтьев 2004: 55]. В связи с этим возможно рассмотрение содержательной структуры сенсорного восприятия как онтологической основы текста. В.М. Хамаганова в [Хамаганова 2002] определяет текст типа «описание» как некую языковую модель, образец, служащий стандартом для массового воспроизведения и обладающий определенными семиотическими свойствами, имеющими онтологическое основание.

Согласно А.Ф. Лосеву модель представляет собой «обобщенную и формализованную структуру или процесс тех или иных фактов языка» [Лосев 2004: 14]. К созданию моделей лингвисты обращаются все чаще. Теория лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ», разработанная И.А. Мельчуком, апеллирует к понятиям семантического представления высказывания, коммуникативной организации текста, ограниченной лексической сочетаемости и др. Язык понимается как устройство, которое обеспечивает переход не только от смысла к тексту, но и от текста к смыслу посредством серии переходов от одного уровня представления к другому. В переиздании [Мельчук 1999] автор дополняет модель новым концептуальным уровнем представления высказываний, разработана теория коммуникативной организации фраз и др. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов представлен в работах А.А. Зализняк [Зализняк 1995]. К особенностям моделирования журналистского текста обращается в своей монографии В.В. Богуславская [Богуславская 2008].

Подробное исследование В.М. Хамагановой [Хамаганова 2002] структурно-семантической и лексической модели текста типа «описание» с применением теории В.Я Проппа в качестве семиотического принципа позволило ученому сделать наблюдение – определить «постоянные» и «переменные» величины в составе описания. В.Я Пропп, изучив композиционные и содержательные свойства волшебных сказок, пришел к выводу о конечности ряда функций действующих лиц: «персонажи сказок, как бы они ни были разнообразны, часто делают то же самое. Способ же

осуществления функций может меняться: он представляет собой величину переменную (...) Но функция как таковая – величина постоянная» [Пропп, 1928: 29].

Теория В.Я. Проппа, вызвавшая к жизни большое число исследований (А. Дандис, К. Бремон, Дж. Родари, М.-Л. Райен, В.Б. Смиренский и др. [Смиренский 2000]), была применена не только к анализу повествовательного текста. На основе семиотического принципа изучения текста, предложенного В.Я. Проппом, В.М. Хамаганова анализирует описательный текст, понимая функцию как роль субъекта, которая реализуется в тексте высказываниями-предложениями, а в предложении вербализуется глагольными предикатами. При исследовании описательного текста «переменной» величиной признано актантное ядро, существующее на базе «постоянной» величины – предикатов со значением «существование». Актантное ядро является логико-смысловой основой описательного текста, выполняя текстообразующую функцию и передавая содержательную суть данного типа текста.

При определении структурно-семантической модели описательного текста исследователем выявлено, что описание вербализует часть материального мира, а именно некий предметный ряд, существующий в пространственно-временном континууме и являющийся онтологической основой текста данного типа.

Таким образом, описательный текст рассматривается как тип текста, вербализующий параметры пространственного размещения объектов, наблюдаемых в определенный момент времени. Исходя из теории Г. Лейбница о заполнении пространства объектами ученый признает, что основу описания составляет актантное ядро как средство реализации таких свойств пространства, как трехмерность и вещьность.

Таким образом, семиотический принцип В.Я. Проппа перенесен с повествовательного текста на описательный в модифицированном виде, а

логико-смысловая основа текста (актантное ядро), реализующая текстообразующую функцию, выступает «переменной» величиной описания.

Пересмотреть принцип моделирования предлагается с привлечением теории американского типолога Л. Талми о структурировании пространства, предполагающей выделение фона и фигуры. Эти понятия, заимствованные из гештальтпсихологии, введенные им в лингвистический обиход, крайне важны для анализа пространственных отношений. Если фон – это некая точка отсчета, неподвижный объект большего по сравнению с фигурой размера, то фигура представляет собой более простой, подвижный, более когнитивно выделенный предмет, его положение определяется относительно фона [Talmy 1983: 230-232].

В публицистическом тексте Л.В. Валеева и А.С. Давыдкина рассматривают фигуру и фон как средства категоризации пространства, связывая данные понятия с определением фокуса внимания говорящего [Валеева 2020].

Применительно к репродуктивному коммуникативному регистру, фиксирующему наблюдаемые явления (соотносимому в семантическом плане с описанием) понятие фона и фигуры рассматривают в своей монографии И.Ю. Колесов, В.Д. Максимов. В качестве фона исследователи называют топохронос наблюдателя, понимая под ним признаки, соответствующие модусной рамке *Я вижу / слышу / чувствую*, и попадающие в поле зрения наблюдателя в некоторый фиксированный момент времени, фигурами же выступают сами события [Колесов, Максимов 2013: 45].

Семантика описания, онтологическая сущность типа текста, очерчивающего существование объектов, попадающих в поле зрения субъекта в фиксированный момент времени, свидетельствует о том, что, описание увиденного может быть определено как фигура (микрореконтекст), соотносящаяся с референциальным пространством. Однако наблюдатель в тексте улавливает не только предметы (фигуры, микрореконтекст), но и некую историю, которая за ними стоит (фон, топохронос, макрореконтекст), т.е. в

данном случае мы должны говорить не о некоем референциальном пространстве (по В.М. Хамагановой в тексте представлено физическое пространство), но о пространстве рецептивном.

Обобщая структурно-семантические свойства всех разновидностей описания, следует констатировать, что когнитивной основой объекта описания выступает его «пространственная структура и статичность существования признаков объекта в процессе его восприятия» [Хамаганова 2002 б: 230]. Если когнитивной основой описания-интерьера и описания-пейзажа выступает понятие геометрического объема, то в основе описания-портрета и описания предмета лежит понятие геометрического тела. В описании-интерьере и описании-пейзаже пространство предстает в виде куба, в первой разновидности ограниченного потолком, полом и стенами, во втором случае неограниченного явно, но возможностями наблюдателя, воспринимающего пространство.

В структуре пространства описания-портрета выделяются составляющие внешнего облика человека, при описании предмета объект присутствует в трехмерном пространстве, выделяясь особенностями формы, размера и т.д.

Исходя из когнитивной основы описания и обобщения языковой специфики ее реализации в тексте может быть выведена общая модель описательного текста, которую составляют следующие элементы: объект описания, его свойства, выраженные бытийными предложениями и предложениями характеристики, актантное ядро, состоящее из актантов структуры пространства и предметных актантов, причем актанты эксклюзивной интенциональной семантики выступают прагматическим средством и выполняют аксиологическую функцию. Выделенный типизированный описательный текст, как любая языковая модель, обладает свойством воспроизводимости, что проявляется, в возможности его стяжения до уровня слова – наименования объекта описания в силу целостности перечисляемых признаков.

Все многообразие содержательных вариантов описательных текстов строится на «определенном (конечном) наборе когнитивно-семантических категорий, образуемых как результат действия сенсорно-перцептивных процессов в голове человека» [Хамаганова 2002 б: 188]. Когнитивно-семантические категории находят воплощение в описании как средство реализации сенсорных модальностей (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), они воплощаются в лексике и структуре описательного текста посредством актантного ядра (например, в описании-интерьере: *в зале, у стены, диван, кресло и др.*). Система видо-временных форм предикатов, которые объединены общим бытийным значением, эксплицирует при этом единство пространства и времени.

Имманентные свойства пространства вербализуются конкретными существительными, составляющими актантное ядро, которое организуют актанты, вербализующие топологические пространственные параметры трехмерности, – актанты структуры пространства – *в зале, у стены*, и актанты – наименования предметов, которые наполняют описываемое пространство – предметные актанты пространства – *диван, кресло*.

В представленном ниже описании-интерьере трехмерность и вещьность описываемого пространства вербализуются с помощью актантов структуры пространства и предметных актантов пространства:

1) *На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки* (И. Тургенев. Бирюк) [Тургенев 2019].

В приведенном описательном фрагменте функционируют конкретные имена – актанты структуры пространства, называющие части избы (*на лавке, в углу, возле печки*), и предметные актанты пространства (*ружье, груда тряпок, два горшка*).

В.М. Хамаганова отмечает, что иерархическая природа актантов в описательном тексте подтверждается актуальным членением высказываний-предложений, составляющих описательный текст. Наименование объекта

описания (целого) – актант-холоним и названия частей целого – актанты-партонимы, именующие топологические параметры вещного пространства, которые носят вневременный характер, входят в тематическую часть. Названия предметов, которые наполняют пространство, вербализуя временные признаки объекта и определяя его индивидуальные свойства, составляют тематическую часть высказывания.

Исследователем внимательно изучена категоризирующая часть описания – название объекта действительности, подвергающегося описанию, иными словами, субъект описательного текста. Средства его выражения разнообразны: подлежащее начального предложения или последней фразы предшествующего описания (*Дом оказался огромным: длинный коридор вел к спальне, большая зала вмещала старинный диван*), обстоятельственный детерминант (*В доме было тепло, пахло свежими дровами, на кухне чадил самовар*), сильноуправляемый субстантив во вводящем повествовательном контексте (*Я увидел человека, который шел нам навстречу. Он был высокий, и хорошо сложенный. Круглые очки придавали образу схожесть с героем Толстого*), детерминант, выраженный формой родительного падежа (*У нее была яркая внешность, модная прическа и экстравагантный наряд завершали дерзкий образ*), имя в составе предиката *это был...* (*Это был красивый дом со множеством комнат. На второй этаж вела деревянная лестница. Посередине красовался круглый стол красного дерева*), не выраженный вербально субъект, иногда обозначенный словами *вокруг, кругом* (*Кругом было тихо. Посреди сада стояла небольшая аккуратная беседка*) [Хамаганова 2002: 123-128]. Кроме того, автором проанализирован основной состав лексического наполнения актантной модели описательного текста.

Ученые не раз отметили решающую роль зрительного представления в формировании языкового образа [Ананьев 1996: 136; Гаспаров 1996: 265; Кравченко 1996: 27] при том, что пространственное различие

осуществляется всеми сенсорными системами [Ананьев 1996: 63; Шемякин 1969: 32-35].

Исследователи связывают пространственное восприятие в зрительной, слуховой, тактильной и обонятельной сферах с парной деятельностью мозговых полушарий [Ананьев 1996; Шемякин 1969]. Зрительной системе принадлежит доминирующая роль вследствие не только собственно информационного материала и превосходства оптических сигналов, но и ее роли внутреннего канала связи между всеми анализаторными системами и преобразователя сигналов благодаря сочетанию четырех факторов: 1) «целостного предметного характера образа, т.е. отражения структурного единства воспринимаемых вещей, относимых к определенному пространству окружающей среды; 2) предметного действия, посредством которого человек оперирует этими вещами и изменяет их, практически преобразуя их структуру и свойства, а восприятие, в свою очередь, является регулятором действия; 3) сигнификации воспринимаемых вещей, благодаря чему обобщается, абстрагируется и сохраняется в качестве константа перцептивное знание; 4) пространственной организации симультантного образа» [Ананьев 1996: 135-136].

Это актуально и для описательного текста, где доминируют единицы, передающие зрительное восприятие, в то время как элементы, вербализующие другие модальности, служат лишь для подкрепления ассоциативного эффекта. Следует оговориться, что далее будет использован термин «модальность» в психологическом смысле (или рецептивная характеристика) как тип восприятия, обусловленный существованием разных видов рецепторов [Леонтьев, 2000: 90-92, Лурия 2006].

С позиции когнитивистики заметим, что зрительное восприятие модельно, на сетчатке фиксируются проекции форм, которые оно организует и структурирует, они, в свою очередь, порождают зрительные концепты, таким образом, при восприятии признаков объекта последний соотносится с

известной разуму человека моделью этого предмета [Арнхейм 1994: 130; Звегинцев 2001: 205].

В художественном тексте выбор сенсорных ощущений зависит от авторского замысла, необходимости перечисления тех или иных ощущений в каждой конкретной ситуации с целью реализации определенного смысла.

В произведениях И.А. Бунина наряду со зрительными эффектами часто актуализируются звуковые, тактильные и обонятельные характеристики, но в целом писатель предстает, прежде всего, как мастер внешнего зрения, он «вдвигает в душу читателя зрительный образ», кроме того «он обоняет мир всегда и везде, он слышит и передает запахи» [Ильин 1996: 230]:

2) *Было мертвенно тихо. Нигде ни единой души. Ровная бледная синева вечернего неба надо всем. Далекий лесок, темнеющий в конце лощины. Над ним полный, уже испускающий сияние месяц. Длинный, голый зеленый выгон и ряд изб вдоль него. Три огромных зеркальных пруда, а между ними две широких навозных плотины с голыми, сухими ветлами – толстыми стволами и тонкими прутьями сучьев. На другом боку другой ряд изб. И так четко все в этот короткий час между днем и ночью: и контуры серых крыш, и зелень выгона, и сталь прудов. Один, слева, чуть розовеет, прочие — две зеркальных бездны, в которых точно влиты отраженный месяц и каждый ствол, каждый сучок (И. Бунин. Захар Воробьев) [Бунин 2005].*

3) *Очертания полей едва-едва обозначались теперь в ночном сумраке. Сумрак стал гуще, и звезды, казалось, сияли выше. Отчетливее слышался редкий крик перепелов. Свежее пахло травой... (И. Бунин. На хуторе) [Бунин 1987].*

В перечисленных фрагментах вербализуются признаки описываемого, воспринимаемые с помощью зрения, слуха, обоняния и осязания. Помимо актантов и эмпирических прилагательных, тексты описания строят и глагольные предикаты со значениями зрительно воспринимаемых признаков (один (пруд) розовеет, очертания полей обозначились, звезды сияли), звуковых (крик слышался) и обонятельных (пахло травой) эффектов.

Важное значение при этом имеет не только анализ структуры и семантики описательного текста как такового, но и роль наблюдающего субъекта, поскольку его интенции определяют что и как описывать. В наивной картине мира именно «способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей. Когда он расходится с фактами, предпочтение при осмыслении высказывания отдается ему» [Апресян 1986: 6].

Если первый пример содержит подробное описание зрительно воспринимаемых признаков представляющей перед наблюдателем картины, то второй текст, в котором предстает ночной пейзаж (когда световые, цветовые и другие зрительные эффекты плохо различимы), содержит указание на признаки среды, воспринимаемыи слухом и обонянием.

Описательный фрагмент из первого текста передает то, что попадает в поле зрения главного героя рассказа И.А. Бунина – Захара, в этот день душа его жаждет подвига, он предчувствует что-то удивительное, из предшествующего содержания рассказа нам известно, что Захар неожиданно умер, это знание заставляет нас оценивать происходящее с героем в определенном ключе. Захар решает помочь старухе и несет ее на руках, при входе в Жилое герой хочет увидеть людей, но их нет, он осматривается, представленный описательный текст как раз воплощает увиденное им: он пьян, однако все предстает перед ним с удивительной четкостью *от зеркальной бездны пруда до каждого сучка*.

Второй текст передает видение героя Капитона Ивановича из другого рассказа И.А. Бунина «На хуторе». Предваряющий описание контекст сообщает о том, что герой сидит на косогоре. Описание «передает» задумчивость героя, который размышляет о скоротечности жизни, пейзаж создается не только перечислением зрительных эффектов (на фоне темного неба *сияли звезды* и едва *обозначились очертания полей*), но и слуховых (*слышался крик перепелов*) и обонятельных (*пахло травой*), использование которых позволяет полнее «погрузить» героя в состояние окружающей

обстановки, почувствовать ему свое *кровное родство* с окружающей природой.

Несмотря на многообразие мира и своеобразие его восприятия человеком, способом передачи восприятия предметного ряда в статике является только описательный текст. Лексическую модель описательных текстов составляют определенные ЛСГ актантов, которые позволяют различать содержательные разновидности визуального описания.

Под лексической моделью описания понимается набор ЛСГ актантов, способствующих дифференциации жанровых разновидностей описания: описания-пейзажа, описания-интерьера, описания-портрета и описания-предмета.

Описание-пейзаж характеризует объект из предметной области «местность», описание-интерьер составляют имена с семантикой ограниченного пространства-помещения. В основе актантного ядра описания-портрета лежит наименование человека или животного, далее перечисляются части внешнего облика, при этом вариативен лишь набор составляющих внешности. Лексический состав описания предмета не поддается обобщению, поскольку понятие «предмет» может объединять совершенно разные сущности материального мира, при этом в составе лексической модели данного типа текста наличествуют название объекта описания и его составляющих [Хамаганова 2002 б: 256-297].

Лексический состав жанровых разновидностей описания может быть детализирован. При рассмотрении пейзажных фрагментов О.Ю. Лысова анализирует наименования ландшафта (*дорога, горы, поля*), строений (*сторожка, беседка*), водных пространств (*река, родник, ручей*), небесной сферы (*радуга, небо, луна*), атмосферы (*тучи, дымка, воздух*), флоры (*деревья, цветы*), фауны (*звери, бабочки, птицы*) [Лысова 1998: 10]. Е.В. Харькова, анализируя тематическое поле «ландшафт», выделяет 66 единиц, составляющих «водное пространство» и 132 – «сушу» [Харькова 2003]. Особенности функционирования пейзажа и лексико-семантических групп

имен существительных в художественном тексте изучены в работах В.Н. Рябовой, И.Н. Анисимовой и др. [Рябова 2002, Анисимова 2008].

Анализируя названия предметов интерьера, исследователи выделяют названия осветительных приборов (*люстра, светильник*), предметов, указывающих на род занятий человека (*музыкальные инструменты, мячи*), посуды (*чайник, стакан*), элементов декора (*шторы, обои*) [Лысова 1998: 10].

При изучении портретных описаний в художественных и нехудожественных текстах И.А. Гончар пишет о том, что группы лексем, вербализующих лицо, части тела человека и одежду, предсказуемы, поскольку «фрейм-структура сознания человека стандартно активизируется именно в данных направлениях» [Гончар 2014: 13], актуализируются при этом цвет, размер и форма предмета.

Говоря об описании, следует отметить тот факт, что указание на время в этом тексте может содержать не только темпоральное, но и пространственное значение, поскольку последнее облигаторно для текста типа «описание» [Русакова 2006: 58-59].

В приведенном ниже описании темпоральный субстантив *вечер* совмещает временную и пространственную семантику:

4) *Солнечный осенний вечер прохладен. Из-за дворов большого села (...) желтеют новые ометы и скирды. Улица села в тени, солнце опускается за дворами* (И. Бунин. Забота) [Бунин 2005].

В приведенном тесте объектом описания является *вечер*, обозначая не только временной отрезок, но и пространство, попадающее в поле зрения наблюдателя в определенный отрезок времени, в котором существуют *дворы, ометы, скирды, улица, солнце*.

Подводя итог, заметим, что исследованными на настоящий момент следует признать способы вербализации пространства актантным ядром, возможности же передачи пространственной структуры и статичности ее представления, составляющих когнитивную основу описания, глагольными предикатами требуют дальнейшего исследования.

§1.2. Поле пространства в языкознании

1.2.1. Языковое поле: понятие, структура, виды

Семантическое пространство языкового сознания формируется способностью языка воспроизводить внеязыковую действительность. В нем находят место категории различных понятий, познаваемых человеком. Системные понятия, которые воспроизводят наиболее общие, существенные свойства явлений внешнего мира, вербализованные в семантике лексических групп, оформлении слова, построении предложения, называются понятийными категориями. Исчерпывающий список их пока отсутствует. К общеизвестным категориям можно отнести время, место, одушевленность / неодушевленность, причинность, количественность, качественность и др.

О. Есперсен, Ф. Брюно и другие ученые занимались разработкой понятийных категорий. В отечественное языкознание это понятие было введено И.И. Мещаниновым, исследования которого показали, что язык пронизан понятийными категориями, которые формируют его семантическое пространство и грамматический строй.

Разные языки по-разному представляют понятийные категории, которые реализуются в конкретном языке в виде функционально-семантических категорий, или функционально-семантических полей. «Функционально-семантическое поле – это базирующиеся на определенной семантической категории группировки грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [ТФГ 1996: 6].

В последние десятилетия ученые указывают на необходимость укрупнения языковых категорий в работах коммуникативно-функциональной ориентации, говоря, в первую очередь, о разработке лексической системы языка. Самой крупной системообразующей единицей словаря предлагается считать функционально-семантическую сферу – принципиально новый тип организации лексики в сфере функционально-когнитивного направления,

включающий лексические элементы, которые соотносятся с «общим глобальным понятием» и отражают «расчленение мира в деятельностном аспекте» [Кильдибекова, Гафарова 2001: 100-101]. В сравнении с полем функционально-семантическая сфера отличается большим объемом, диффузностью и многоаспектностью, а также возможностью использования при сопоставительном изучении лексических систем [Лысякова 2001: 15; Кильдибекова, Гафарова 2001: 100-101].

На развитие теории поля в лингвистике оказала особое влияние теория В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, через призму которой его носители системно воспринимают мир [Гумбольдт 1985]. Ф. де Соссюр обратил внимание на то, что слова, которые имеют что-то общее, вне речи объединяются в памяти в определенные группы с разнообразными отношениями, которые могут быть этимологическими, семантическими, грамматическими, словообразовательными, функционально-стилистическими и др. [Соссюр 1999: 121]. Они и являются основой того феномена, который называется в языкознании «полем» [Артемова 2003: 12].

Значительный вклад в развитие теории поля внесли Й. Трир, Г.С. Щур, В. Порциг. Понятие «поле» в лингвистике возникло как интуитивное отражение структурно-функционального подхода к языковым явлениям [Trier 1973, Щур 1974: 95, Porzig 1934].

В настоящее время вслед за А.В. Бондарко термин «поле» понимается двояко как языковая единица и как исследовательский метод, в результате применения которого может быть сконструировано языковое поле [Бондарко 1976: 205; Денисенко 2002].

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» языковое поле представляет собой «совокупность языковых (гл. обр. лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений». Показательно замечание о том, что термин «поле» «часто употребляется

недифференцированно наряду с терминами «группа» (лексико-сематическая группа, тематическая группа), «парадигма» (лексико-семантическая, синтаксическая) и др.» [ЛЭС 1990: 380-381].

С 70-х гг. XX в. в отечественном языкознании было написано множество работ, в которых исследовались различные поля и группы единиц с точки зрения их состава, структуры, значимых свойств. Так, в русле полевой теории выполнен ряд работ, объединенных в сборники «Теория поля в современном языкознании» 1994, 1997, 2001.

Анализ основных концепций поля представлен в монографии Г.С. Щура. Так, ученый выделяет различные типы полей: синтаксические (синтагматические), парадигматические, грамматические, функционально-семантические, лексические, ассоциативные, морфемные, фонемные, словообразовательные, морфосемантические поля [Щур 1974: 19, 53, 64, 75-77, 80, 121].

Отличительная особенность функционально-семантических полей состоит в объединении в рамках одного поля разноуровневых языковых единиц, способных выражать одни и те же понятия, т.е. объединенных общностью функции [Бондарко 1972; ТФГ 1996; Заметалина 2002]. Е.И. Шендельс называет функционально-семантические поля термином «грамматико-лексическое поле» [Шендельс 1982], что подчеркивает взаимосвязанность лексических и грамматических средств в выражении общего значения поля.

Исследованию теории поля посвящена коллективная монография «Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры», в которой продолжается направление исследований, представленных в «Теории функциональной грамматики». Коллектив авторов разрабатывает проблемы определения ядра и периферии функционально-семантических полей состояния, интенсивности и др. [ПФГ 2005].

Если структуралистские теории поля рассматривают слово или грамматическую категорию во внутриязыковом контексте, то когнитивисты

предлагают рассматривать слово в его отношении к внешнему с позиции языковой системы фону [Болдырев 2014: 105-106].

В качестве одного из типов семантических полей выступает лексико-семантическое поле, которое Н.Ф. Амфиренко определяет как иерархически организованную систему лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определенную понятийную сферу [Амфиренко 1998: 289].

Данная сложная лексико-семантическая микросистема языка объединяет слова (ЛСВ) по семантическому принципу. Все единицы поля связаны одним общим инвариантным значением, присутствующем в каждом слове или ЛСВ и дополненным специфическими семантическими признаками [Уфимцева 1968: 112; Кузнецова 1982: 30-87; Медникова 1974: 48].

Семантическое поле определяется как иерархически организованная система, в составе которой наличествует общий (интегральный) семантический признак, объединяющий все единицы поля и обычно выражаемый лексемой с обобщенным значением. «Семантическое поле характеризуется связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц» [ЛЭС 1990: 380].

Кроме этого, учеными выделяются ассоциативные [Абрамов 2001], номинативно-функциональные [Лазариди 2003] поля, последние представляют собой семантически обусловленную систему номинативных разноуровневых языковых средств, обозначающих определенное понятие (например, «психическое состояние» у М.И. Лазариди). И.Ф. Ганиева использует функционально-коммуникативные поля для описания спонтанных текстов [Ганиева 2001], Л.А. Новиков анализирует понятийные, текстовые поля [Новиков 1997]. При исследовании художественного текста ученые апеллируют к семантическим микрополям как фрагментам системы языка писателя, а также фоносемантическим полям звукоизобразительной

системы языка [Абрамов 2003: 203-232]. Помимо этого, исследуются поле иронии [Мухтаруллина 1994], модальные поля долженствования [Зайнуллин 1994], компаративности [Кузьмина 1994], поля персональности [Миниярова 1994], зоонимов [Газизова 1994], черт характера [Силиванец 1994], семантическое поле «покрытие» [Поспелова 2000] и др.

Полевой метод успешно применяется не только при исследовании единиц современного русского языка, но и в диахроническом аспекте [Курлюта 2001], а также в анализе метафоры [Аскарова 1994], образного строя языка [Шенделева 2001] и др.

Сложность системной организации поля, подвижность его границ, труднообъяснимость многих явлений выступают причиной различного понимания данного языкового феномена, чем объясняется существование большого количества определений понятия «поле» [Щур 1974; ТФГ 1996; Караулов 1976; Кузнецова 1963; Всеволодова 2000 и др.].

Согласно теории А.В. Бондарко [Бондарко 1972] поле, как правило, имеет концентрическую структуру, распадаясь на определенное количество ЛСГ. Иерархическая структура поля представлена ядром, характеризующимся максимальной концентрацией полеобразующих признаков и консолидирующимся вокруг компонента-доминанты. Последний выражает смысл, являющийся общим для всех ЛСВ, входящих в поле. Это инвариантное значение, пронизывающее семантику всех ЛСВ слов поля, является семантически более бедным и простым, нейтральным в стилистическом отношении и наименее эмоционально окрашенным. Это, как правило, слово широкой семантики с высокой частотностью употребления, обладающее свойством группировать вокруг себя лексический материал, наименее зависимое от контекста, т.е. находящееся в позиции минимальной обусловленности от окружения, имеющее простой морфологический состав.

Ученый констатирует расположение вокруг центра поля его ядерной зоны, состоящей из языковых средств, специализированных для выражения определенных категориальных значений, максимально воплощающих эти

значения, являющихся наиболее употребительными. Связи между элементами ядра наиболее тесны и ослабляются по направлению к периферии.

Наблюдения А.В. Бондарко позволяют говорить о том, что переход от ядра к периферии осуществляется постепенно с вычленением ряда периферийных зон, находящихся в разной степени удаленности от ядра. В околоядерной зоне сосредоточена ближайшая периферия, отличающаяся неполным набором полеобразующих признаков при возможном ослаблении их интенсивности. К периферии относятся слова (ЛСВ) – вторичные наименования, принадлежащие по основному, первичному значению смежным семантическим полям. Значения периферийных элементов поля оказываются более сложными, их семантика обладает большим, по сравнению с ядерным, количеством компонентов,. Часто единицы периферии стилистически ограничены в употреблении, многие из них характеризуются меньшей частотностью, сложным морфологическим составом, менее широкой сочетаемостью, экспрессивностью [Бондарко 1972: 22-24].

Следующий слой составляет отдаленная периферия. Самый последний периферийный слой образуют контекстуальные средства [ТФГ 1996; Бондарко 1972; Щур 1974]. Связь разных полей эксплицируется через периферийную зону. Перекрещиваясь, поля образуют общие зоны, сегменты семантического перехода [Бабайцева 2000: 87-93; Артемова 2003: 20-21]. Таким образом, ученые констатируют размытость и подвижность границ поля, отмечая факты пересечения полей.

Итак, с опорой на теорию А.В. Бондарко можно определить наиболее общие характеристики лингвистического поля:

- 1) поле состоит из набора единиц, связанных системными отношениями;
- 2) структура поля представлена ядром (центром) и периферией при существовании многоядерных и безядерных полей;
- 3) ядерные элементы, используя систематически, выполняют функцию поля наиболее однозначно, они являются обязательными и

более частотными для данного поля по сравнению с периферийными единицами;

- 4) в структуре поля могут быть выделены микрополя;
- 5) граница между ядерной и периферийной зонами нечеткая, размытая;
- 6) поле пересекается с другими полями, то есть существуют участки, которые могут входить одновременно в два или более полей [Бондарко 1972].

Полевой подход может быть распространен на целый ряд языковых явлений, сообразно этому выделяются разные типы полей. Отдельным предметом изучения становится глагольная лексика, представленная в виде поля. Так, Е.В. Падучевой исследованы глаголы восприятия [Падучева 2001], А.А. Камаловой – глаголы состояния [Камалова 1998], Н.В. Артемовой – глаголы поля лишения [Артемова 2003]. Р.М. Гайсина останавливается на анализе глаголов отношения [Гайсина 1981], глаголы действия изучены в работах Т.А. Кильдибековой [Кильдибекова 1983]. А.А. Гаджиева исследует проблемы семантико-полевого и структурного анализа глагольной лексики на материале прозы Эффенди Каниева [Гаджиева 2005].

В современной научной парадигме востребованность теории поля объясняется возможностями экстраполяции метода не только на лексические, но и фонологические, словообразовательные, грамматические и дискурсивные явления. В понимании поля как средства экспликации некоего фрагмента действительности и метода ее познания видятся взаимосвязь теории поля и лингвокогнитологии, в результате чего формируется новый объект исследования – концептуальное поле.

Однако на настоящий момент в науке отсутствует точная классификация полей и полное описание какого-либо одного поля [Всеволодова 2000: 77; Абрамов 2003: 5-12]. В качестве рабочей гипотезы предложена классификация функционально-семантических полей (ФСП) в соответствии с основными средствами выражения тех или иных отношений. По этой теории ФСП делятся на четыре группы.

- 1) поля с акциональным (предикативным) ядром: аспектуальность, таксис, темпоральность, временная локализованность, модальность, персональность, залоговость;
- 2) поля с предметным (субъектно-объектным) ядром: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность/неопределенность;
- 3) поля с квалитативно-квантитативным ядром: качественность, количественность;
- 4) поля с предикативно-обстоятельственным ядром: локативность, бытийность, поссессивность, обусловленность [ПФГ 2005: 18].

М.В. Всеволодова относит к полю локативности микрополя объективной пространственной ориентации (функционально-семантическая категория именной локативности): *В стране произошло землетрясение, Мы шли к реке*; субъективной пространственной ориентации (ФСК наречной локативности): *Витя здесь. Вдалеке темнела роща*; перемещения в пространстве: *ехать в центр, приблизиться к двери* [Всеволодова 2000: 77-80].

М.В. Всеволодова отмечает факт пересечения полей локативности и бытийности: «локатив содержательно облигаторен в ситуации бытийности (если что-то есть, то где-то) и с группировкой акциональных полей в рамках данной концепции» [Всеволодова 2000: 79]. Таким образом, основным в поле локативности признается обстоятельственный элемент, однако подчеркивается, что все обстоятельственные поля связаны с предикативными отношениями [ТФГ 1996; Всеволодова 2000: 80].

Размытость границ полей подтверждается тем, что поле локативности обслуживает бытийность, поле залоговости (из акциональной группировки) пересекается с субъектно-объектными отношениями в группе ФСП с предметным ядром и др.

1.2.2. Категория пространства и теория восприятия

Современная наука рассматривает категории «пространство» и «время» в совокупности, подвергая анализу пространственно-временной континуум, сосредоточиться же на категории пространства позволяет несомненное различие обозначенных категорий.

Являясь предметом изучения разных областей знания: философии, культурологии, лингвистики, литературоведения, междисциплинарных исследований [Локк 1985; Лейбниц 1982; Рассел 2000; Гак 1998; Jackendoff 1993; Майорова 2009 и др.], пространство исследуется и в работах универсального характера, в которых «вся культура истолковывается как деятельность организации пространства» [Лотман 1986; Топоров 1983; Флоренский 1993: 321].

Являясь предметом исследования в языкознании, пространство трактуется по-разному. Среди многообразных направлений в изучении пространства можно выделить труды, в которых пространство связывается с картиной мира [Гачев 1987; Кравченко 1996; Лотман 1996; Топорова 1999, Гехтляр 2000, 2010; Зализняк, Шмелев 2003; Levinson 2003; Касевич 2004; Извекова 2005; Колесов 2008; Бардамова 2012; Федосеева 2013а; Лыткина 2014 и др.], работы, где исследуется пространственная семантика различных языковых единиц [Журинский 1971; Всеволодова, Владимирский 1982; Яковлева 1994; Левонтина 2000; Горбунова 2005; *The Spatial Foundations of Language and Cognition* 2010; Федосеева 2013в и др.]. Интересны работы, посвященные анализу пространства художественного текста [Москальская 1981; Арутюнова 2000; Фролова 2001 и др.], пространственных отношений в обиходно-бытовой речи [Бессуднова 2004; Логинова 2004], фольклоре [Казакевич 2000; Котин 2000], религиозном стиле [Ицкович 2011], фонетической символики пространства [Кодзасов 2000].

Представления человека о пространстве нашли отражения в мифах многих народов, где отразилось мировидение человека с выделением центра мира, неба и земли, четырех сторон света [Мифы народов мира 1989: 340],

это позволяет говорить об особом типе пространства – мифологическом. Архаическое понимание пространства, являющееся частью мифопоэтической картины мира, наделяет его свойствами неотделимости от времени; неразрывной связи с вещами, которые его организуют (боги, люди, животные, сакрализованные объекты и т.п.) [Топоров 1983: 229-239]; отделенности пространства от того, что им не является; его составности (членение и соединение) [Кобозева 2000 а: 153]; оживотворенности, одухотворенности [Панова 2000: 429].

В архаическом представлении нет однородного и изотропного пространства, того, которое сохраняло бы повсеместно свои свойства. Мифологическое пространство отличает ярко выраженный аксиологический характер. В сознании человека того времени не было единого пространства, а имелось множество пространств, складывающихся в сложную мозаику и необязательно образующих некоторый непрерывный континуум. Таким образом, можно сказать, что мифологическое пространство прерывно и анизотропно [Касевич 2004: 140].

На заключительном этапе мифопоэтической эпохи, когда начали складываться основы преднаучной картины мира, пространство стало трактоваться как нечто относительно однородное и «равное самому себе в своих частях, как то, что измеряется, и в чем ориентируются» [Топоров 1983: 241-242].

С появлением философских определений пространство было осмыслено с разных позиций. Так, философская система Р. Декарта трактовала пространство как атрибут мира, который определяется через протяженность. Согласно Р. Декарту пространство разнится от тела, которое заключено в этом пространстве, лишь в мышлении человека. «Протяжение в длину, ширину и глубину, образующее пространство, образует и тело» [Декарт 1989: 353]. Разница между пространством и телом состоит в том, что тело характеризуется определенной протяженностью, в то время как

пространству свойственно «столь общее и неопределенное протяжение, что оно сохраняется, если устранить из него тело» [Декарт 1989: 353].

Представитель эмпирической теории Дж. Локк отходит от видения пространства как протяженности, возвращаясь к идеям пустоты [Локк 1985]. В философии XVII-XVIII вв. вклад в осмысление категории пространства внесли И. Ньютон с теорией абсолютного пространства и Г. Лейбниц с концепцией относительного пространства.

В своей субстанциональной теории И. Ньютон понимает пространство как первичную самодостаточную категорию, бесконечную протяженность, вмещающую в себя всю материю, но не зависящую от нее и не определяющуюся материальными объектами. Согласно И. Ньютону пространство образует множество точек, каждая из которых лишена структуры и представляет собой конечную составную часть физического мира. Точки неизменны, а изменение состоит в том, что они могут быть заняты то одной частью материи, то другой или оставаться незанятыми [Ньютон 1989].

Описанная теория «пустого» пространства, разработанная в трудах И. Ньютона, противоположна теории заполненного объектами пространства, предложенной Г. Лейбницем. По мнению ученого пространство представляет собой относительную категорию, которая зависит от располагающихся в ней предметов и определяется порядком сосуществования вещей, это система отношений, где соотносятся не просто геометрические, но материальные точки. Части пространства определяются и различаются только с помощью имеющихся в них вещей [Лейбниц 1982].

В современной научной картине мира пространство определяется как всеобщая форма существования материи и ее важнейший атрибут: не существует материи, которая бы не обладала пространственными свойствами, так же как нет пространства вне материи, независимо от нее [ФЭС 1983: 540].

Понятиями, которые раскрывают содержание категории «пространство», являются:

- 1) место – конфигурация объекта и все, что ею охватывается; место может быть представлено строгой (для макрообъектов) или же относительной (для микрообъектов и процессов) локализацией; поскольку нет ни одной вещи, которая бы существовала изолированно от других, то никакое место не может существовать не только без материального объекта, но и без того, чтобы быть связанным с другими местами;
- 2) расположение, координация одного места относительно другого связаны с пространственным положением, которое разъясняется указаниями типа: *ближе, дальше, правее, левее, в пяти метрах от...* и т.д.
- 3) единство мест и положений различных материальных образований или элементов этих образований создает некоторую пространственную структуру, или пространственную организацию мест [Кекеева 2009: 55].

Специфические свойства пространства делятся на метрические (те, которые связаны с измерениями) – размеры, расстояния между телами т.д. и топологические. К топологическими свойствам относят протяженность, симметричность, трехмерность, структурность, единство непрерывности и дискретности [ФЭС 1983; Angeles 1992].

Под протяженностью понимается свойство пространства, эксплицирующееся во взаимодействии человека с окружающим миром при восприятии пространства как некоторой совокупности объектов, расположенных определенным образом и состоящих из элементов, образующих определенные конфигурации и системы. Протяженность пространства воспринимается через понятия: размер, конфигурация, расстояние, границы, место, вертикаль / горизонталь, ориентация. Таким

образом, протяженность характеризует пространство, представленное некоторыми объектами [ФЭС 1983: 372].

Свойство протяженности пространства реализуется через понятия симметричности и близости. Симметричность – заключается в локализации одного предмета относительно другого, выступая как особый вид структурной организации объектов [ФЭС 1983: 608], причем «ясно, что если есть что-то перед X, то должно быть что-то за X, если есть нечто под Y, то должно быть и над Y» [Горбунова 2005: 16].

Трехмерность пространства задается одной вертикальной осью координат и двумя горизонтальными [Горбунова 2005: 31].

Под структурой пространства понимается некоторое расположение объектов относительно друг друга и их частей и отношения между объектами, находящимися в одном фрагменте пространства. Эта природа структуры языкового пространства проявляется, в том числе в представлении о сопространственности / несопространственности объектов, что предполагает соположение в пространстве какого-либо объекта и некоторого пространственного ориентира (локума) [Всеволодова, Владимирский 1982].

Еще одним свойством пространства выступает его непрерывность (континуальность) и одновременная дискретность. Аристотелевская теория непрерывного пространства сосуществует с пониманием пространства как совокупности отдельных точек. Признавая пространство набором неизменных идеально твердых тел, которые расположены вне друг друга, ученые констатируют точечность пространства. Однако в действительности объекты дифференцированы не абсолютно, а относительно [ФЭС 1983: 373].

В настоящее время исследователи различают концептуальное, реальное (физическое) и перцептуальное типы пространств.

Концептуальное пространство представляет собой некое научное понимание пространства [Федоров 1997: 9], оформленное в определенной теоретической концепции и представленное в виде формул, отражающих определенные стороны пространства [Огородников 1996: 16]. Ученые

констатируют, что этот тип пространства, способного выходить за рамки «чувствований», позволяя глубже познавать реальное пространство, существует параллельно с концептуальными пространствами, не отображающими реального пространства, например, математическими [Федоров 1997:10; Дубровский 1991:19].

О разграничении перцептуального и реального типов пространства писал Б. Рассел. Если реальное пространство отличается свойствами конкретности и объективности [Огородников 1996: 16], то перцептуальное конструируется обыденным здравым смыслом, который выделяет в едином пространстве воспринимаемые и невоспринимаемые объекты. К последним могут быть отнесены объекты, доступные для восприятия в соответствующем положении при наличии должным образом приспособленных органов чувств, объекты, которые могут быть восприняты только другими лицами, и находящиеся внутри Земли при известности факта их существования [Рассел 2000: 278].

Отражая восприятие пространства некоторым субъектом, перцептуальное пространство может быть сугубо индивидуальным. Будучи непосредственным отражением реального пространства, перцептуальное выступает как чувственное отражение, доступное в процессе приобретения повседневного опыта, когда это пространство постоянно соотносится с реальным, позволяя в нем ориентироваться [Федоров 1997: 9]. Топологически перцептуальное пространство сходно с реальным: порядок точек перцептуального пространства соответствует порядку точек пространства реального [Костюченкова 2004: 9].

Толкование перцептуального пространства, предложенное Г. Кларком, как некоторого поля восприятия, содержащего сенсорные и др. когнитивные структуры, было пересмотрено Е.С. Яковлевой, выделившей «окрестность говорящего» как конкретное физическое пространство говорящего [Яковлева 1993]. Однако границы реального и перцептуального пространств не совпадают полностью, что обусловлено субъективной интерпретацией

воспринимаемого. Э. Бош вводит понятие пространства действия индивида, связанное с личностью и ее психологическим окружением [Boesch 1991: 146]. Таким образом, исследование перцептуального пространства приводит к возникновению в лингвистике понятий «перцептуальное пространство говорящего» или «личная сфера говорящего» [Попова 2016: 41], а понятие перцептуального пространства оказывается связанным, с одной стороны, с физическим пространством и позицией в нем воспринимающего субъекта, с другой, – с субъективной интерпретацией воспринятого.

Границы перцептуального пространства – того, что попадает в поле зрения воспринимающего субъекта, очерчивает описательный текст.

Перцептуальное пространство формируется как единство пространств, связанных с разными органами чувств. Обыденный здравый смысл конструирует единое пространство, содержащее «вещи», которые объединяют такие открываемые различными чувствами свойства, как горячее, твердое и яркое. Эти «вещи» помещаются обыденным здравым смыслом в трехмерном пространстве [Рассел 2000: 281]. Единый мир создается корреляцией разных типов пространства (воспринимаемых и не воспринимаемых нашими органами чувств) [Горбунова 2005: 14]. Поскольку перцептуальное пространство субъективно, то в нем могут выстраиваться такие структуры, которые невозможны в пространстве реальном.

Разновидностями перцептуального пространства являются мифологическое и лингвистическое виды пространства, представляющие результат восприятия мира индивидуумом, в них находят отражение человеческие ощущения, а не реальные объекты. Неоспорим, однако, тот факт, что воспроизводимое языком пространство не является полностью субъективным, а воспроизводит реальные пространственные отношения [Федоров 1997: 9].

Вербальные описания пространства вне философского и научного контекстов воплощают стандартно-бытовое понимание пространства, которое отличается как от научного, так и мифопоэтического понимания,

имея при этом ряд общих черт с ними [Кобозева 2000 а: 154]. Общим для всех этих концепций пространства (кроме ньютоновского «пустого») является его неразрывная связь с вещами.

Обыденное описание пространства представляет собой перечисление размещающихся в нем вещей с указанием ориентации одной вещи относительно другой. Черты, объединяющие обыденное понимание пространства с мифопоэтическим, – это дискретность, составность, членимость пространства на отдельные фрагменты, соотносимые с организующими его объектами. Представления о связности, непрерывности, характеризующие научную концепцию пространства, не находят отражения в обыденных пространственных описаниях, которые вполне допускают «разрывы», умалчивая о том, чем заполнены промежутки между упоминаемыми объектами [Кобозева 2000 а: 154-155]. В обыденном понимании пространства топологические свойства преобладают над метрическими: в описаниях пространства нет точных количественных данных о размере предметов, расстояниях между ними [Мельчук 1998: 48]; пространственные предлоги способны идеализировать пространственные параметры предметов и схематизировать отношения между ними.

При описании какого-либо фрагмента пространства говорящий руководствуется обыденным пониманием пространства как конфигурации предметов, которые связаны между собой некими «пространственными» отношениями. В недискретном потоке зрительно воспринимаемой или извлекаемой из образной памяти информации субъект выделяет наиболее репрезентативные для данного пространства предметы и, определяя ориентацию каждого из них относительно другого, создает своего рода «когнитивную карту, которая преобразуется затем в линейную последовательность языковых выражений» [Кобозева 2000 а: 155].

Так как пространство не существует само по себе, то оно не может быть само по себе бесконечным. «Бесконечное пространство» есть отсутствие пространства, так как такое «пространство» не может быть

сопоставлено ни с местом, ни с положением, ни со структурой, ибо все они конечны в своей определенности. «Бесконечное пространство» не имеет ни метрических, ни топологических параметров, ибо бесконечная длина есть отсутствие длины, а форма, не имеющая конечных размеров, есть абсолютная бесформенность [Огородников 1996: 22-23].

До недавнего времени было принято полагать, что пространственная локализация может быть присуща только материальным объектам и физическим сущностям, однако ментальные состояния тоже могут быть охарактеризованы с помощью семы локативности [Иванова 2001: 78].

Будучи свойствами физического мира, пространственные категории метафорически переосмысляются как категории внутреннего мира [Зализняк, Шмелев 2003: 345]. Объектом анализа лингвистов становятся пространственные метафоры и др. [Ермакова 2000: 289-298].

Описание художественного пространства возможно с применением философской концепции пространства Г. Лейбница [Фролова 2001: 145]. Художественный текст репрезентует физическое пространство, отображенное с помощью языка в рамках определенной культурной традиции. Картина мира в художественном тексте отражается на двух уровнях: в языке как первичном семиотическом коде и в самом тексте. Художественный текст, представляя собой организованное речевое произведение, ориентирован на модель мира, принятую в данном обществе [Фролова 2001: 146-147], это очень сложное соединение представления о действительности и сознательного выбора средств художественного воздействия автора произведения на читателя [Москальская 1980: 38]. Таким образом, в художественном тексте мы имеем дело, с одной стороны, с реальной географией, а с другой, – с референтами вымышленного мира, создаваемого автором литературного произведения [Фролова 2001: 148].

Так, например, описание пространства в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» создает у читателя объемную картину улицы,

однако перечисление отдельных признаков призвано нарисовать неприятный образ, подчеркнуть состояние героя:

5) *На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание) [Достоевский 1983].

Реализации авторского замысла способствует употребление разнообразных средств, передающих восприятие разными органами чувств. Структура пространства описывается в соответствии с представлениями о *жаре, духоте, толкотне, вонь* (тактильные и обонятельные ощущения), негативное отношение к воспринимаемому неоднократно подчеркивается употреблением соответствующих оценочных языковых единиц (*страшная, неприятно, расстроенные, нестерпимая, отвратительный, грустный*).

Языковое сознание создает эквивалент реального пространства в виде языковой модели, особенности которой мотивируются свойствами физического пространства. Непространственное сознание связано с пространством созерцания, и в этом заключена «связь внутреннего с внешним, непространственного с пространственным, неизменяющегося с изменяющимся, нетекстового с текстовым» [Топоров 1983: 227-228].

В языке представлено перцептуальное пространство или «пространство созерцания (пространство восприятия, пространство представления)» (термины Топорова: Топоров 1983: 227).

В лингвистике выделяют денотативное, временное, ментальное, функциональное, зрительное пространство, пространство классов и множеств, исследуется гендерная отнесенность личности, коррелирующая с пространственными характеристиками проецируемой ею языковой картины

мира и другие виды пространства, пространственное значение фразеологизмов (С.В. Кодзасов, Т.Н. Маляр и О.Н. Селивёрстова, И.П. Никитина, А.Ю. Гордиенко, М.Д. Путрова, Е.В. Пупынина, И.В. Скрынникова, О.П. Пивоварова, Н.А. Куксова и др.). Сравняются возможности пространственной категоризации в разных языках (Н.Ш. Курбанова, Т. Дроздов Диес, Н.А. Манакова, А.В. Аржановская, Ю.И. Смородинова и др.).

При исследовании концепта «пространство» Н.А. Куксова определяет его как сложную концептуальную сущность. К характеристикам концепта, определяемым свойствами физического пространства, относятся признаки мерности, вместимости, ограниченности, наполняемости [Куксова 2006: 41-42]. Признак мерности связан с релевантностью осевых пространственных измерений вертикали и горизонтали. Признак вместимости связан со способностью пространства вмещать в себя объекты окружающего мира. Ограниченность связана с наличием концептуальных или реальных пространственных границ. Признак наполняемости характеризуется наличием в пространственной области некоторого количества объектов [Куксова 2006: 42-43].

Согласно В.Г. Гаку, пространство «не только дифференцируется языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [Гак 1998: 670].

Помимо обозначенных типов пространства, исследователи выделяют и другие виды пространства: математическое, постоянной кривизны, сферическое, чистой визуализации [Рейхенбах 1985, 304]; кроме того, изучаются социальное и психическое пространства [Потемкин, Симанов 1990, 126].

Искусствоведы пишут о пространстве картины [Пространство картины 1989], цвета [Пространство цвета 1981], спектакля [Пространство спектакля и

театральное пространство 1984], «архитектурном» пространстве [Федоров 1997: 12].

Итак, можно говорить о существовании представленного в тексте перцептуального пространства, отражающего основные характеристики физического пространства в соответствии с положениями современной науки о пространстве, согласно которым оно трактуется как всеобщая форма существования материи и ее важнейший атрибут. Основными свойствами пространства признаются его трехмерность и вечность. При этом в художественном тексте перед читателем предстает некое уникальное пространство, являющееся не простым копированием свойств реального пространства, а результатом творческого замысла автора.

Представление о воспринимаемом пространстве оказывается неразрывно связано с фигурой воспринимающего субъекта и теорией восприятия. Изначально исследование проблема восприятия зародилось в философии. Еще Парменид констатировал, что разум отделен от восприятия, а Аристотель писал о чувственном познании, признавая главенство мысли. Позднее физиолог Г. Гельмгольц рассматривал восприятие не как пассивный процесс, говоря об особой роли субъекта, его осуществляющего. Теория Ф. Brentano, исследовавшего восприятие как процесс, направленный на объекты, послужила основой, на базе которой позднее сформировалась феноменология Э. Гуссерля.

Когнитивный подход привел к выделению в недрах науки гештальт-психологии, связанной с именами Ф. Перлза, М. Вертгеймера, В. Кёлера и экологической психологии Дж. Гибсона, обращающегося к понятию наблюдателя как субъекта восприятия и констатировавшего отсутствие четкого противопоставления объективного и субъективного в восприятии [Гибсон 1988].

На настоящий момент существует множество теорий восприятия, разделяющих ощущение как простейший процесс и собственно восприятие. Некоторые аспекты восприятия изучены Т. Ярвилехто – автора теории

«организм – среда», предлагающего решить ряд проблем философии и психологии с помощью констатации связи организма и среды его пребывания, при этом в процессе восприятия происходит встраивание частей среды в систему «организм – среда» [Järvilehto 1998].

В работах по теории языка проблемы восприятия привлекают особое внимание ученых (Дж. Миллер, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова и многие другие). Идеи Дж. Миллера, постулирующего влияние восприятия на язык, в частности на лексикон, получили продолжение в работах Е.С. Кубряковой, которая пишет о триединстве действительности, восприятия и языка, находящихся в отношениях взаимообусловленности [Кубрякова 2004].

Итак, пространство – одна из активно изучаемых областей концептуальной системы человека, интерес к которой сформировался с возникновением когнитивной научной парадигмы. В результате возникла целая область лингвистики – лингвистика пространства. Представления о пространстве оказываются связанными с проблемами восприятия и фигурой воспринимающего субъекта.

1.2.3. Поле глагольной локативности

Особая актуальность проблемы пространственной концептуализации в современной науке обусловлена активным развитием когнитивного направления. Исследуются как категория пространства в целом, так и отдельные ее составляющие. В первом случае ученые апеллируют к изучению вербализации пространственных отношений разноуровневыми языковыми средствами (падежами, предлогами, глагольными префиксами и др.) [ТФГ 1996; Князев 1999 а, 1999 б; Засухина 2001 и др.]. Помимо этого, исследованию подвергаются отдельные пространственные категории: значение размера [Борщев 1996], концепт формы [Топорова 1999, 2000], понятийная оппозиция «верх-низ» [Гжегорчикова 2000], семантическое поле «покрытие» [Поспелова 2000], представление горизонтальной оси «впереди-позади» [Костюченкова 2004] и др.

При анализе категории локативности Л.Н. Федосеева трактует ее как комплекс разноуровневых средств, отражающий разные варианты локализации, среди которых автор выделяет событийно-ситуативный (обозначение места ситуаций и событий), предметно-соотносительный (характеристика сорасположения предметов), событийно-динамический (перемещение предметов), параметрический (обозначение параметрических характеристик объектов), субъектно-ориентированный (местонахождение объектов и их восприятие говорящим) [Федосеева 2013в: 358].

В своей докторской диссертации Л.Н. Федосеева выявляет ряд оппозиций, конституирующих обозначенную категорию. К ним она относит введенную в научный оборот М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирским категорию сопространственности – несопространственности [Всеволодова, Владимирский 1982], предлагая обозначить ее как контактность – дистантность. Следующими оппозициями Л.Н. Федосеева признает заполненность – незаполненность пространства, статичность – динамичность (неизменное расположение предмета и локума – изменение их сорасположения), общая – конкретная сопространственность (общее расположение в локуме – на одной из его поверхностей) [Федосеева 2013в: 37-38].

Исследуя категорию локативности, ученый выделяет в ее составе ЛСГ существительных с пространственным значением (метаслова, создающие общую пространственную сеть; названия мест событий, ландшафтную лексику, слова с гибридным значением (холод = помещение с низкой температурой), параметрическую лексику), прилагательные, глаголы (движения, действия, состояния, экзистенциальные, зрительного и слухового восприятия), наречия (локальные, директивные и др.), фразеологизмы, модусные и контекстуальные средства, словообразовательные, морфологические и синтаксические средства выражения пространственных отношений [Федосеева 2013в: 128-252].

Локативная семантика может быть представлена в языке в виде поля [Киферова 1994; Абдуллина 1994, 1997; ТФГ 1996, 3; Гак 2000; Всеволодова 2000: 79-82; Засухина 2001: 73; Иванова 2001: 77; Федосеева 2013в]. Языковое поле пространства включает в себя лексические и лексико-грамматические средства выражения пространственной семантики, к которым относятся

1) падежи [Плунгян 1999: 208-211, 2002; Князев 1999 б; Дурст-Андерсен 2000], предлоги [Кобзарева, Лахути 1971; Муравьева 1994: 39-43; Селиверстова 1998: 43-228; Князев 1999 б; Филиппенко 2000: 13-54; Плунгян, Рахилина 2000: 115-133; Селиверстова 2000: 189-242; Маляр, Мальцева 2004];

2) глагольные префиксы [Засухина 1994; Плунгян 1999 б: 205-223];

3) пространственные прилагательные [Журинский 1971; Системный анализ значимых единиц русского языка 1987: 57-61; Савинова 1989; Богуславская 2000; Горбунова 2005];

4) наречия места [Селиверстова 1998: 43-228; Мазурова 2000, 134-151; Лягушкина 2001];

5) существительные [Мурзин 1986; Апресян 1992; Тханг 1992, 1993; Кривченко 1998; Топорова 1999; Семенова 1996, 2000; Рахилина 1999; Лебедева 2000; Кошелев 2000; Яковлева 2003];

6) глагольные средства [Гайсина 1981: 68; Семантические типы предикатов 1982; Саевич 1986; ТФГ 1996: 13; Розина 1996; Гукина 1997; Шамне 2000; Штукарева 2000; Подлеская, Рахилина 2000; Яковлева 2003];

7) придаточные предложения места [Пронина 1988: 95-105; ТФГ 1996: 18];

8) текст [Чумирова 2005; Пивоварова 2005; Федосеева 2013 и др.].

В ФСП локативности не находит воплощения противопоставление нескольких центров, отличающихся друг от друга типом реализуемых функций, поэтому данное ФСП не может быть квалифицировано как поле полицентрического типа [ТФГ 1996: 5]. При этом в ФСП локативности

отсутствует единая система противопоставленных друг другу грамматических форм (морфологических или синтаксических), которая могла бы выполнять функцию целостного грамматического ядра поля [ТФГ 1996: 5]. Рассматриваемое ФСП охватывает средства разных уровней языка, взаимодействующих при вербализации пространственных отношений, но не образующих однородную целостную систему.

В ФСП локативности выделяются номинативная и коммуникативно-ориентированная сферы. Первая представляет места расположения объектов и протекания событий, или объективную ориентацию. Вторая отражает субъективную ориентацию, в центре которой находится говорящий [Федосеева 2013в: 16-17].

Языковое поле локативности рассматривается учеными как объединение нескольких микрополей: именной, наречной и глагольной локативности [Всеволодова 2000: 79]. В других работах это обозначается как микрополя объективной (предложно-падежные формы существительных и прилагательные, бытийные и стальные глаголы), субъективной ориентации (наречия, местоимения, частицы, бытийные и стальные глаголы), перемещения (глаголы движения и перемещения с предложно-падежными формами и директивными наречиями) и параметризации мира (выражение разными средствами трехмерности и симметрии пространства) [Всеволодова, Владимирский 1982, Федосеева 2013 в: 17].

Таким образом, ФСП локативности определяется как моноцентрическое с гетерогенным ядром [ТФГ 1996]. В исследованиях В.Г. Гака указано на существование среди различных функций в сфере пространственных отношений некоторого ядра, где сосредоточены первичные функции, выполняемые специализированными средствами, при наличии периферии, представленной вторичными функциями, связанными с вторичными формами, выполняющими иные, непространственные функции [Гак 2000].

Объем ядерной и периферийных зон в структуре поля пространства определяется учеными по-разному. Согласно первой точке зрения семантическая категория локативности в ее языковой репрезентации выходит за рамки предиката, распространяясь на сферу обстоятельственных отношений, поэтому ядерная зона поля включает предложно-падежные формы и приставки, за которыми признается наличие собственной семантики [Засухина 2001: 74-75]. Однако, согласно другой позиции доминирующим в развертывании пространственных отношений признается предикативный элемент [ТФГ 1996: 5-6].

Известным признаком ФСП является его пересечение с другими полями. Общеизвестен факт пересечения поля локативности с полем бытийности [ТФГ 1996, Всеволодова 2000, Заметалина 2002 и др.]. Помимо пересечения с полем бытийности, Л.Н. Федосеева подробно рассматривает возможности пересечения поля локативности с полями дистрибутивности (*ходить по домам*), причинности (*в густой траве не было видно птиц*), темпоральности (*за ужином обсудили новую встречу*), атрибутивности (*наземный, подводный*), адресатности (*сделал выписку на собрание*), оценки и градуальности (*наблюдение велось с самой высокой точки*), количественности (*обосновались на высоте 3 метров*), цели (*отправились вслед за друзьями*), уступки (*куда ни посмотри, везде красота*), условия (*остались дома из-за дождя*) [Федосеева 2013б: 112-113]. При этом автор подчеркивает, что многие слова непространственной семантики способны к выражению значения локативности в конкретных речевых ситуациях [Федосеева 2013в: 22].

Итак, семантическое поле имеет концентрическую структуру, распадаясь на ряд ЛСГ, в состав которых предикаты входят своими ЛСВ. При этом границы ЛСГ достаточно подвижны вследствие динамизма семантики их элементов.

Семантическое поле пространства, организованное глагольными единицами имеет свою специфику. Вначале следует остановиться на проблеме систематизации глагольных единиц в лингвистике.

В современном языкознании вопрос о систематизации глагольных единиц занимает одно из центральных мест, однако у исследователей до настоящего времени не сложилось единого мнения относительно объема и границ глагольных классов, их числа, принципов выделения и т.д. Классификации глаголов посвящено множество работ, в частности труды Л.А. Антоновой, Ю.Д. Апресяна, Н.В. Артемовой, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, Л.М. Васильева, Р.М. Гайсиной, Е.И. Дашевской, В.М. Егодуровой, А.А.Зализняк, А.А. Камаловой, И.В. Каменской, Т.А. Кильдибековой, Л.В. Кнориной, М.А. Орловой, Е.В. Падучевой, Т.Г. Письмак, Ж.Ю. Полежаевой, Е.В. Рахилиной, С.Т. Саевич, О.Н. Селиверстовой, Ю.С. Степанова и др.

В основу предложенных классификаций положены разные критерии, в зависимости от которых классификации могут быть разделены на несколько типов.

1. По объему выделяемых глагольных классов классификации глаголов можно разделить на «абстрактные» и «конкретные» [Полежаева 1999: 134]. В классификациях первого типа вся глагольная лексика подразделяется на глаголы действия и глаголы состояния (становления и бытийности) [Гайсина 1981]. За основу в данном случае взят признак статичности / динамичности [Гайсина 1981], активности / неактивности [Авилова 1976], наличия / отсутствия субъектно-объектности¹, вневременности / временной локализованности [Булыгина 1997]. Более конкретные классификации апеллируют к понятиям состояния, отношения,

---

¹ Т.А. Кильдибекова основным критерием различия между глаголами действия и состояния считает признак субъектно-объектности, присущий глаголам действия [Кильдибекова 1983], такие субъектно-объектные глаголы содержат в своей семантике компоненты активности, целесообразности и каузативности, все остальные глаголы относятся к глаголам состояния.

процесса, действия. Глагольные классы, выделяемые разными учеными, отличаются друг от друга объемом, количеством, принципом выделения и др.

2. Следующим критерием, положенным в основу деления глагольных классификаций, является положенный в основу классификации принцип деления. В качестве классификационного основания могут использоваться аспектуальная характеристика действия (парадигматическая классификация по Н.В. Артемовой [Артемова 2003], работы А.В. Бондарко) [Авилова 1976, Бондарко 1967 и др.], денотативные семы, учитывающие онтологическое расчленение действий, процессов [Буланин 1974; Гайсина 1981; Васильев 2000], семантические признаки [Булыгина 1997; Семантические типы предикатов 1982].

3. В современном языкознании для классификации глагольной лексики используется синтагматический принцип, основанный на учете количества и качества глагольных валентностей [Васильев 1981; Богданов 1977].

В составе классов глагольных предикатов, выделяемых по разным критериям и принципам, могут быть вычленены разные ЛСГ глаголов, в частности группа глаголов, вербализующих пространственные отношения. Глаголы данной группы выделяются в составе класса неакциональных предикатов [Золотова 1982; Васильев 2000] или глаголов отношения [Гайсина 1981: 68]. Помимо этого, наличие пространственного значения отмечается у группы глаголов движения, входящей в класс акциональных глаголов [Теория функциональной грамматики (ТФГ) 1996; Князев 1999 а; Всеволодова 2000: 82; Шамне 2000; Штукарева 2000; Шокуева 2006 и др.].

В ТФГ в зависимости от характера выражения пространственных отношений глаголы делятся на три группы:

- 1) глаголы положения в пространстве: *лежать, стоять, висеть*;
- 2) глаголы перемещения, описывающие способ перемещения предмета: *ехать, плыть, идти*;

3) собственно пространственные глаголы, выражающие частное пространственное значение самой своей основой, не уточняя при этом ни позиции, ни способа передвижения: *подниматься, приближаться, покидать*. Некоторые из подобных глаголов несут значение приближения / удаления: *надвигаться, отдаляться, отходить, подступать, приближаться, удаляться* и др.

Рассматривая недостатки традиционных подходов к типологии предикатов, Л.М. Генералова, О.К. Бекташев и др. говорят о необходимости использования лингвокогнитивного подхода [Генералова 2012, Бекташев 2016 и др.]. А.М. Плотникова в своей докторской диссертации останавливается на когнитивном моделировании семантики глагола на материале глаголов социальных действий и отношений [Плотникова 2009], вербализацию когнитивных моделей восприятия в том числе глаголами исследуют в своей монографии И.Ю. Колесов, В.Д. Максимов [Колесов, Максимов 2013]. Л.М. Генералова призывает к выстраиванию типологии семантических предикатов, выделению «ограниченного количества типов семантических предикатов, которые обладали бы минимальным набором дифференциальных признаков, полностью абстрагированных от онтологии обозначаемых глаголами событий» [Генералова 2012: 38].

Следует отметить множественность терминологических обозначений групп глаголов с пространственным значением. Неакциональные глаголы, вербализующие пространственные отношения, часто называют глаголами нахождения [Саевич 1986], положения в пространстве [Полежаева 1997: 65; Каменская 1998: 7], расположения в пространстве [Гукина 1997], пространственной локализации [Васильев 2000: 4], локативными глаголами [Заметалина 2002]. Внутри группы глаголов нахождения выделяются глаголы общей характеристики нахождения (*находиться*) и глаголы конкретно-физической характеристики нахождения (*лежать*) [Саевич 1986]. Глаголы последней группы называют локализующими [Золотова 1982], локальными

[Письмак 1997: 61], позиционными [Рахилина 1998], способа положения в пространстве [Васильев 2000: 4].

Для построения классификации глагольных предикатов, вербализующих пространственные отношения в тексте типа «описание», важен учет сочетаемостных свойств предиката. Так, выделяемые на основе анализа описательных текстов пространственные предикаты могут быть разделены на 1) единицы, которые вербализуют собственные пространственные характеристики объекта: *леса стелются, щеки круглятся*; и 2) средства, которые представляют пространственные соотношения предметов: *вещи размещаются в комнате, картины висят на стене*. На синтаксическом уровне это деление предикатов на два блока проявляется в облигаторности пространственного распространителя для второго блока предикатов: *вещи размещаются в комнате, картины висят на стене*.

Существенную роль в языковом представлении пространственных отношений играет лексическое наполнение форм и конструкций, в частности, лексическое значение глаголов. Семантическая категория локативности в ее языковом представлении выходит за рамки предиката, распространяясь на сферу обстоятельственных отношений, однако предикат играет определяющую роль в развертывании пространственных ориентаций [ТФГ 1996: 5-6].

В связи с этим в работе сосредоточивается внимание на исследовании лексической семантики глагольных предикатов, составляющих наряду с актантным ядром структурно-семантическую модель описания, поскольку они представляют пространственные отношения в данном типе текста и выражают способ существования в пространстве предметного ряда.

В синтаксической теории термин «предикат» употребляется для обозначения глаголов, а также различных образований с «быть» или его нулевой формой, которые могут выступать в функции сказуемого [Семантические типы предикатов 1982: 3; Лекант 1976; Камалова 1998: 73-74]. В настоящей диссертации исследуются глагольные предикаты.

По Н.Д. Арутюновой, к глаголам, передающим бытийность в чистом виде, относятся *быть, водиться, встречаться, иметься, находиться, обитать, существовать* [Арутюнова 1976: 217]. Ведущее положение среди них занимает глагол *быть*, употребление глаголов *существовать, иметься, находиться* ограничено по сравнению с глаголом *быть* некоторыми специальными условиями синтагматического характера. *Иметься* и *наличествовать* охарактеризованы как книжные [РСС 2007: 90, 464].

В описательном тексте (в основе которого бытие, существование объектов в определенном пространстве) активно используются названные единицы за исключением форм, имеющих вневременное значение (*водиться, обитать*), которые вносят в контекст значение длительности явлений. При использовании подобных единиц в описательном контексте должен присутствовать показатель времени, который снимает значение вневременности: *Сейчас в пруду водятся караси* – раньше их не было, *В настоящее время в Забайкалье обитает соболь* – раньше не водился [Хамаганова 2002 б: 117]. Форма *встречаться* может быть использована при построении описаний, при этом ее значение приближается к значению ‘виднеться’: *Там и сям встречаются постройки. Одни ветхие, другие еще совсем новые. Кругом тишина, спокойствие.* = *Там и сям виднеются постройки. Одни ветхие, другие еще совсем новые. Кругом тишина, спокойствие.*

Синтаксические исследования располагают разными точками зрения по проблеме объема предиката в подобных предложениях. Согласно позиции Н.Д. Арутюновой, Е.Н. Ширяева, предикат предложений типа *На столе находится книга* представлен только глаголом (*быть, находиться*) [Арутюнова, Ширяев 1983].

В соответствии с другой точкой зрения предикатное выражение включает глагол и предложно-падежную форму существительного [Золотова 1982:159], но в данном случае предложения, называющие пространственные

отношения предметов, квалифицируются как называющие свойства предметов.

По другой позиции, если имя локализованного предмета, соотносимое с неопределенным предметом или неопределенной частью предметов действительности, попадает в коммуникативный фокус, изменяется характер предиката предложения: возникает таксономическая предикация, следовательно, предложения типа *На столе была книга* образуют единый класс с таксономическими предложениями типа *Это – цветок; Кит – млекопитающее* [Арутюнова, Ширяев 1983: 62, 64]. Таким образом, в соответствии с рассмотренными подходами к определению предиката предложений, называющих местонахождение предмета, предполагается объединение данных предложений с предложениями других классов (бытийными, характеризующими, таксономическими) [Пронина 1988: 97-99].

В нашем исследовании подобные предикаты рассматриваются как передающие значение бытийности, составляющего основу описания.

Поскольку пространственный глагол, в особенности выражающий диспозиционный предикат, передающий информацию, входящую в пресуппозицию высказывания, часто не имеет значительного информационного потенциала [Ибрагимова 1994: 39], он может быть опущен без ущерба для смысла высказывания [ТФГ 1996: 14], поэтому основу структурно-семантической модели описательного текста составляет именно актантное ядро.

Эллиптические конструкции достаточно частотны в описательном тексте:

б) *Каюта капитана состояла из двух крохотных помещений: кабинета-спальни и гостиной. В первом стоял небольшой письменный столик, над ним – большая керосиновая лампа (на случай повреждения электрического освещения), и два кресла, прикрепленные к полу цепочками (на случай качки). Сейчас цепочки обвисали, и кресла можно было передвигать. В нише, за занавеской – койка, рядом – вход в ванную*

«комнату», в которой, видимо, с трудом можно было снять одежду. В «гостиной» – угловой диванчик и столик перед ним. На столике – чайный сервиз, печенье... (А. Беляев. Чудесное око) [Беляев 1963].

7) В сумраке таежных падей из-под замшелых камней, из-под корней столетних кедров били студеные ключи. (...) Слева – лес и каменистые кручи, справа – увалы степи с жесткой травой, горькой полынью и серебристыми ковылями (И. Калашников. Не поле перейти...) [Калашников 1999].

Приведенные описательные тексты построены с помощью эллиптических конструкций, выражающих значение существования. Представление о структурированном пространстве в данном случае вербализуется актантами структуры пространства (*в первом [помещении], в нише, за занавеской, в «гостиной», в сумраке падей, из-под камней, из-под корней*), создающими представление об ограниченном пространстве в описании-интерьере (6-ой текст). В описании-пейзаже (7-ой текст) функционируют слова, обозначающие направление осмотра: *слева, справа*. Наполнение пространства вербализуется с помощью предметных актантов пространства (*столик, лампа, два кресла, койка* в 6-ом тексте, *ключи, кручи, увалы степи* в 7-ом описании).

Проследить за функционированием эллиптических конструкций в художественном тексте можно в текстах № 7, 15 Приложения 1.

Однако для выражения пространственных отношений, безусловно, важен способ существования предметного ряда в пространстве, особенно для воспроизведения образного, художественного видения, представленного в текстах художественной литературы. Так, Т.Б. Трошева подчеркивает, что глагольные предикаты в описании семантически ослаблены или имеют «качественно-изобразительное значение» [Трошева 2014: 363].

Итак, классификации глагольной лексики строятся на основе выделения разных критериев дифференциации языковых единиц. При лексической классификации глаголов (например, глаголов движения) с

позиции когнитивной лингвистики Н.Н. Болдырев пишет о необходимости учитывать знания о разных типах движения: направленное – ненаправленное, длительное – мимолетное и т.п., которые составляют единый фрейм «движение». Тогда в зависимости от того, какая составляющая этого фрейма попадает в фокус внимания, глагол может быть отнесен к соответствующей группе глаголов (например, направленного движения) [Болдырев 2014: 110]. Так, в предлагаемой нами классификации один и тот же глагол может входить в разные ЛСГ в зависимости от того, на какой характеристике пространства сосредоточивается внимание.

При этом учитывается универсальная оппозиция «акциональные – неакциональные глаголы» [Золотова 1982]. Деление глагольных единиц на акциональные и неакциональные тесно связано с дифференциацией глаголов действия и глаголов состояния, которая выступает основным критерием их подразделения. Акциональные глаголы выражают физические или ментальные действия лица [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Неакциональные глаголы обозначают разного рода отношения между предметами (пространственные, партитивные, поссессивные и др.), сообщают о существовании или состоянии предмета. Р.М. Гайсина выделяет глаголы отношения в отдельную группу, противопоставляя классы глаголов действия, состояния и отношения [Гайсина 1981: 3-11].

Наблюдения над описательным текстом показывают, что в данном типе текста пространственная семантика может быть разнообразно вербализована неакциональными и акциональными глагольными предикатами. Согласно данным нашего диссертационного исследования, подавляющее большинство глагольных предикатов в тексте типа «описание» составляют неакциональные глагольные предикаты локативной семантики, специализированные для вербализации пространства в описательном тексте.

Исследования В.Г. Гака и М.В. Всеволодовой посвящены изучению структуры поля глагольной локативности, выявлению в нем ядра и периферии. В.Г. Гак, говоря о поле пространства в русском языке,

основными средствами выражения указанного значения признает глаголы местонахождения и движения [Гак 2000]. В исследовании М.В. Всеволодовой констатируется, что доминирующими в развертывании пространственных отношений являются глаголы нахождения в пространстве [Всеволодова 2000: 82].

При употреблении в описании акциональные глаголы приобретают функцию состояния, характеристики пространства, выражая вне описательного контекста иные, непространственные отношения. Вследствие вышесказанного акциональные единицы следует отнести к периферии поля глагольной локативности в тексте типа «описание». Таким образом, все единицы поля глагольной локативности можно разбить на два класса: акциональные и неакциональные предикаты с последующим выделением внутри классов отдельных ЛСГ.

Основным принципом организации глагольных ЛСГ выступает иерархизованность их частей [Ибрагимова 1994]. Так, говоря о глаголах пространственной локализации, В.Л. Ибрагимова выделяет абстрактную категориальную сему 'пространственное положение', содержащуюся в значении глагола *находиться* и ее конкретизацию в семантике позиционных глаголов *стоять* ('вертикально'), *лежать* ('горизонтально') и т.п. [Ибрагимова 1994: 15]. Кроме того, в семантике глагола могут быть выделены дополнительные семы, например у глагола *покоиться* выделяется дополнительная сема 'неподвижно' по сравнению с глаголом *лежать* (имеющим эту сему в латентном состоянии в основном значении глагола) [Ибрагимова 1994: 16].

Единицы ЛСГ могут быть дифференцированы по коннотативным признакам [Ибрагимова 1994: 16]: *вещи лежат в комнате* – *вещи валяются в комнате*.

Условием объединения глаголов в ЛСГ является значение «различные способы существования в пространстве», научно обоснованное в философии и физике. Согласно современным научным представлениям о пространстве

специфическими свойствами пространства являются метрические (размеры, расстояния между телами т.д.) и топологические (протяженность, трехмерность и др.) [Философский энциклопедический словарь 1983: 372]. Данные характеристики пространства находят отражение при обращении к разным ЛСГ глаголов [Варфоломеева 2017]. Предикаты выделяемых в диссертации ЛСГ способны выражать линейные (вертикальные или горизонтальные) отношения: одномерность, двухмерность и трехмерность вербализуемого пространства, его вечность. Ядро поля составляют глагольные предикаты 11 ЛСГ, исследованию которых посвящена третья глава диссертации.

В связи с увеличением количества исследований, касающихся восприятия и разработки особенностей категории перцептивности, в лингвистике выделилось целое направление – «лингвистика видимого» [Семенова 2002].

В составе лексических средств, вербализующих восприятие, особенно подробно изучены цветообозначения [Кульпина 2001; Бабулевич 2004; Лукьяненко 2004; Гатауллина 2005; Шкиль 2005; Мишенькина 2006; Цегельник 2007; Ермакова 2007; Верескун 2012], прилагательные с семантикой формы и размера предмета [Аллмере 1991; Тханг 1992, 1993; Альчикова 2004; Усманов 2004; Пинжакова 2009], прилагательные с параметром «высота» [Симонян 2001]. Глаголам восприятия (в том числе зрительного) посвящены работы Е.В. Падучевой, Л.М. Васильева, Н.Ю. Муравьевой [Падучева 2001; Васильев 1981, 2000; Муравьева 2008], компонентно-парадигматический анализ глаголов зрительного восприятия с опорным значением 'видеть, смотреть' в русском и аварском языках нашел отражение в диссертационной работе Х.М. Магомедовой [Магомедова 2007] и др.

Денотативная ситуация, вербализуемая глаголами восприятия, состоит из ситуации существования объектов восприятия, проявления воспринимаемых свойств и ситуации собственно восприятия [Магомедова

2007: 103]. Описательный текст, очерчивающий контуры пространственного расположения объектов, подвергнутых описанию, апеллирует не к глаголам зрительного восприятия с семой 'видеть', а к глаголам проявления признака (*сиять, располагаться, круглиться*), способным к пространственной характеристике объектов: *снег сияет на солнце, вещи располагаются в комнате, ствол березы круглится* и т.п.

Пространственная семантика реализуется неакциональными и акциональными глагольными предикатами, эксплицирующими статический или динамический характер отношений объекта и пространственного ориентира (термины «статический и динамический характер отношений объекта и ориентира» принадлежат М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирскому [Всеволодова, Владимирский 1982: 9]). Любой процесс, анализируемый в ракурсе пространственных отношений, включает три фазы: начало, продолжение и конец процесса: *Дама вошла в сад / находится в саду / вышла из сада*. Начало и прекращение пространственных отношений имеют характер динамического процесса (перемещение). Продолжение этих отношений представляет собой статический процесс (местонахождение) [ТФГ 1996: 8], или собственно локализацию [Мельчук 1998: 48-49; Муравьева 1994: 39], что характерно для неакциональных глагольных предикатов, вследствие этого они частотны при построении текстовых структур визуального описания, в котором вербализуются фиксированные признаки статичного объекта, существующего в описываемом пространстве в конкретный момент времени.

Статический характер отношений объекта и ориентира предполагает неизменяемость пространственного расположения объекта и некоторого ориентира в рамках описательной микротемы. Описанный тип отношений эксплицируется при помощи неакциональных глагольных предикатов. Отметим, что в этом случае глагольные предикаты чаще используются в описании с неличным именем субъекта: Ср. *Человек огибает площадь – Дорога огибает площадь*. При этом у акциональных глаголов на первый план

выходит не активное действие, а стативное состояние. Подобное подавление акционального компонента в семантике глаголов происходит, по мнению Е.В. Падучевой, за счет усиления роли наблюдателя [Падучева 2004: 387]. Подобные семантические дериваты акциональных глаголов достаточно частотны в описании: *леса разбегаются на сотни километров, дорога идет вверх* и т.п.

8) *Из станционного леса дорога вела к городу. Он находился на открытом месте и состоял из десятка невысоких одноэтажных и двухэтажных домов по краям голой квадратной площади. В конце площади находилась единственная покрытая асфальтом Пионерская улица, здесь и располагались административные учреждения* (Р. Ахмедов. Промельки) [Ахмедов 2011].

В приведенном тексте использованы бытийные предикаты (*он [город] находился, улица находилась*), глагольный предикат (*располагались учреждения*) используется со значением размещения в пространстве, предикат (*дорога вела к городу*) указывает на направление в пространстве, однако в случае сочетания с личным именем субъекта предикат *вести* может использоваться с акциональным значением:

9) *Домики были двухэтажные, прочные и окутаны садами, как шубами. Земля под ними тоже, должно быть, прочная, а улица плотно вымощена булыжником, отшлифованным пылью и лунным светом. По тротуару величественно плыл большой коричневый ком сгущенной скуки, – пышно одетая женщина вела за руку мальчика в матроске, в фуражке с лентами; за нею шел клетчатый человек, похожий на клоуна, и шумно сморкался в платок, дергая себя за нос. Было тихо, как бывает только в русских уездных городах, лишь внизу гостиницы щелкали шары бильярда* (М. Горький. Жизнь Клим Самгина) [Горький 1979].

Итак, говоря о семантическом поле пространства, заметим, что в основе структуры данного типа поля лежит принцип иерархической организации его компонентов. Концентрическая структура поля позволяет

выделить в его составе компонент-доминанту, ядро с максимальной концентрацией полеобразующих признаков, ряд периферийных зон с ослаблением общей семантики по направлению к границам. Семантическое поле распадается на ряд ЛСГ, в состав которых предикаты входят своими ЛСВ. При этом границы ЛСГ достаточно подвижны вследствие динамизма семантики их элементов.

Таким образом, теория функционально-смысловых типов речи требует встраивания в современную лингвистическую парадигму. Создание динамической модели описания, передающего динамику восприятия, сопряжено с пересмотром ее состава. Представления о пространстве оказываются связанными с проблемами восприятия и фигурой воспринимающего субъекта. Исследование вербализации перцептуального пространства, представленного в описательном тексте, отражающего основные характеристики физического пространства, сопряжено и изучением иерархического состава глагольного семантического поля пространства в описании.

Выводы по главе I

Современное языкознание располагает целым рядом подходов к исследованию единиц сверхфразового уровня. В рамках концепции функционально-смыслового исследования текста, предложенного О.А. Нечаевой, основой становятся монологические типы речи – описание, повествование, рассуждение. В соответствии с указанным подходом описание определяется как тип текста, предполагающий перечисление фиксированных признаков статичного объекта, существующих в определенном временном срезе.

На настоящий момент необходимо говорить об описании в свете новых парадигм дискурсивной и когнитивной лингвистики, требуется ряд методологических корректировок функционально-смыслового подхода к тексту. Особое значение при этом имеет исследование роли наблюдающего субъекта, чье видение передается в описании, но который при этом формально находится вне структуры описательного текста. Создание динамической рецептивно-прагматической модели описания, отражающей динамику восприятия, выступает одной из задач, требующих решения в настоящее время.

Когнитивную основу описания составляет структура пространства статичного объекта, воспринимаемого при помощи сенсорных модальностей.

В соответствии с референциально-семантическим подходом в основу исследования описания кладется его структурно-семантическая модель, онтологической основой которой выступает перцептуальное пространство, с одной стороны, отражающее основные характеристики физического пространства, с другой стороны, связанное с субъективной интерпретацией описываемого.

Границы перцептуального пространства – того, что попадает в поле зрения воспринимающего субъекта, очерчивает описательный текст. Основные свойства пространства – его трехмерность и вещьность –

вербализуются актантным ядром, состоящим из актантов структуры пространства и предметных актантов пространства.

В соответствии с общенаучным понятием модели как некоторого образца, обладающего свойством воспроизводимости, описательный тип в свете функционально-смыслового подхода может быть рассмотрен как модель, в соответствии с которой типизированный описательный текст составляют актанты, объединенные бытийной семантикой глагольных предикатов.

Принцип моделирования предлагается пересмотреть в соответствии с рецептивно-прагматическим подходом сообразно с идеями американского типолога Л. Талми о выделении фона и фигуры. Наблюдатель в тексте улавливает не только предметы, обозначенные в настоящей диссертации как фигуры (микрконтекст), но и некую историю, которая за ними стоит, т.е. фон (макрконтекст). Таким образом, в работе предлагается опираться не только на референциальный анализ и исследовать референциальное пространство, но и на анализ прагматический, сопряженный с изучением пространства рецептивного.

Разнообразные ЛСГ глагольных предикатов, функционирующих в тексте типа «описание», образуют глагольное семантическое поле перцептуального пространства, доминантой которого выступает значение «существование».

Представляя собой ряд элементов, связанных между собой системными отношениями, языковое поле имеет концентрическую структуру. Оно состоит из ядра и периферийных зон. Связи между элементами ядра наиболее тесны, ослабляются по направлению к периферии, переход к которой осуществляется постепенно, с вычленением ряда периферийных зон в разной степени удаленности от ядра. Через периферийные слои устанавливается связь разных полей, которые, пересекаясь, образуют общие зоны.

Глава II. Стилистическая парадигма описательного текста

Построение описательных текстов различается в зависимости от стилистической принадлежности фрагмента. В.П. Вахтеров, Б.Н. Головин, М.Р. Львов и др. отмечали зависимость языковых средств разных типов речи от стилевой принадлежности текста. С этой точки зрения рассматриваются тексты типа «описание» художественного, нехудожественных книжных (научного, публицистического, официально-делового) и разговорного стилей, в которых исследуются возможности представления пространственных отношений при помощи глагольных предикатов.

В языкознании отсутствует единое мнение лингвистов относительно понятия «стиль», однако подавляющее большинство ученых признают существование различных функциональных стилей как «системы языковых средств, используемых с определенной целью в определенных условиях речевого общения, актов коммуникации» [Митрофанова 1973: 11].

Большой вклад в развитие функциональной стилистики внесли В.В. Виноградов, М.Н. Кожина, Е.А. Земская, В.В. Одинцова, А.И. Горшков, Г.Я. Солганик, И.Р. Гальперин, Б.Н. Головин и др.

Согласно А.И. Горшкову «положение о связи стиля с употреблением языка представляется незыблемым, стиль может быть только в речи» [Горшков 2001: 34]. Согласно В.В. Виноградову, А.Н. Гвоздеву и др. между понятиями стиль языка и стиль речи имеются различия, поскольку стили речи представляют «разновидности языковой системы в зависимости от целей речи и ее содержания» [Гвоздев 1965: 17]. В.В. Виноградов понимает под стилями языка «соотносительные частные системы форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как системы систем, соответствующие функциям языка», стили речи основываются на данных языковых стилях, вступая как композиционные формы письменной и устной речи во всем их разнообразии [Виноградов 1963: 5].

При этом И.Р. Гальперин отмечает, что различие стилей языка и стилей речи у В.В. Виноградова «остается не совсем ясно очерченным» и существенного различия между данными понятиями нет, функциональный стиль и стилистика языка – «научное осмысление категории стилистики как раздела науки о языке» в то время как стилистика речи – «конкретная реализация указанных категорий в процессе коммуникации» [Гальперин 1980: 13].

При исследовании функциональных стилей М.Н. Кожина приходит к выводу о том, что под функциональным стилем следует понимать «одновременно и стиль языка (как инвариант), и стиль речи (как его конкретная реализация), а точнее, стиль функционального аспекта языка», функциональный стиль проявляется «именно в речи, в процессе функционирования языка и закрепляется в текстах, в их организации, или стилистико-речевой системности» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 103].

До сих пор в языкознании не существует единой общепринятой классификации стилей, «вызывает споры определение самих критериев, которые должны быть положены в основу для выделения функционально-речевых разновидностей» [Шмелев 1977: 17]. Основываясь на классификации стилей В.В. Виноградова, созданной на основе функций языка, выделяются обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный, научный, публицистический и художественно-беллетристический стили [Виноградов 1963: 6]. Кроме этого, лингвисты говорят о выделении религиозного [Ицкович 2016, 2018, 2021 и др.], рекламного [Суворова 2013 и др.] стилей.

Закладывая в основу экстралингвистические критерии выделения функциональных стилей, М.Н. Кожина констатирует наличие трехчастной оппозиции: художественный стиль – нехудожественные стили (научный, официально-деловой и публицистический) и разговорная речь. Именно выделение обозначенных пяти стилей является наиболее общепризнанной их

классификацией, нашедшей отражение и в школьных учебниках [Десяева, Арефьева 2008: 82].

Основным признаком стилистической системы признается дифференциация лексических средств. Так, текстам художественного стиля свойственно употребление слов с экспрессивно-оценочной составляющей, нелитературных языковых единиц (диалектизмы, профессионализмы, просторечные, жаргонные слова). Для научной речи характерно использование научной терминологии [Васильева 1976: 53], разговорная речь может содержать оценочные слова и т.д.

Согласно мнению Б.Н. Головина стилевая дифференциация языковых средств, «имеет не только качественный, но и количественный «характер», так как стилевые разновидности функционирующей структуры отличаются друг от друга, прежде всего, не наборами лексических и грамматических средств, а вероятностями применения элементов таких наборов» [Головин 1966: 168].

В данной работе предлагается рассмотреть особенности функционирования глагольных предикатов в описательных текстах разной стилевой принадлежности: в художественном, нехудожественных книжных (специальных по М.Н. Кожиной) стилях (научном, публицистическом и официально-деловом) и в разговорной речи.

Совокупность вариантов, которые различаются по стилистическому слою, называемая в науке стилистической парадигмой и прилагаемая к фонетическим, лексическим и грамматическим средствам языка [Стилистический энциклопедический словарь 2011: 439-444], применяется в работе в отношении описательного текста. Интерес представляет изучение описания в текстах разной стилистической принадлежности, поскольку основная часть научных изысканий в области описательного типа речи направлена на исследование художественного [Корпусова 2001, 2003, 2011; Омельченко 1998, 2001; Хандархаева 1999; Смирнова 2014 и др.], отчасти научного [Хамаганова 1979; Варфоломеева 2008] и официально-делового

текста [Кыркуновой 2007, 2019 и др.]. Неполнота исследования специфики описания в разных функциональных стилях обуславливает новизну настоящей работы.

§2.1. Вербализация пространства в художественном описании

Проблема изучения художественного стиля имеет в языкознании достаточно богатую историю, в этом направлении работали А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, М.Н. Кожина и др. Важный вопрос касается статуса художественного стиля в ряду других функциональных стилей. За правомерность выделения художественного стиля ратовали В.В. Виноградов, М.Н. Кожина, Б.Н. Головин и др. Настоящее исследование выполнено в рамках данной теории, позволяющей исследовать предикативные свойства описания, в том числе в текстах художественной литературы.

Содержание художественного произведения передается через «видение» автора, его субъективное восприятие, научный и официально-деловой тексты апеллируют к объективным сведениям о предмете исследования.

По замечанию В.В. Виноградова, стиль художественной литературы занимает особое положение в системе, поскольку он, «развиваясь в историческом «контексте» литературного языка и народа и в тесной связи с ним, в то же время как бы является его концентрированным выражением» [Виноградов 1959: 446].

Художественный текст отличает неоднородность состава: наполнять литературное произведение могут элементы всех функциональных стилей (на уровне лексики сочетаются нейтральные, книжные, разговорные элементы, в синтаксисе представлено разнообразие конструкций) и нелитературные компоненты (просторечие, жаргон и др.). Однако при этом используются лишь элементы других стилей, художественная речь не выражает их стилистико-речевой системности [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008:

141], все они употребляются в особой эстетической функции с целью эмоционального воздействия [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 141; Десяева, Арефьева 2008: 159].

В целом художественный стиль отличают образность, экспрессивность и эмоциональность, использование стилистически маркированных единиц, авторская индивидуальность. В нарратологии при анализе художественного текста в сравнении с другими (публицистическими, разговорными и др.) В. Шмид выявляет главное отличие художественного повествования – его фикциональность (вымышленность мира) [Шмид 2003: 15].

Характеристика функционального подхода к интерпретации художественного текста представлена в работах А.Н. Рудякова, подчеркивающего, что текст есть инструмент воздействия на человека (его картину мира, ценности) [Рудяков 2013, 2018 и др.].

В переводоведении художественный текст оказывается непереводаем с точки зрения его эмоционально-эстетического воздействия, уникальности культурной семантики, что может быть объяснено с позиции психонейрофизиологии речемышления [Дашинимаева 2015].

М.Н. Кожина называет основной отличительной чертой художественного стиля художественно-образную речевую конкретизацию, которой подчинены остальные черты художественного стиля [Кожина 1972: 319]. Динамизм художественной речи создается за счет употребления глагольных форм. В научной стилистике предикат выражается глаголом в простом предложении в 62% случаев и в 59% в сложном, а в художественной речи – в 87% и 83% случаев соответственно [Васильева 1976: 120].

Примером реализации художественного стиля может послужить описание из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

10) Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела поповшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в

ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то что голова продолблена была до самого мозга носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки (Н. Гоголь. Мертвые души) [Гоголь 1977].

В приведенном тексте выбранные средства служат цели создания настроения, передают авторское отношение к изображаемому (иронию), описание наполнено сравнениями, метафорами, эпитетами.

В своем исследовании по нарратологии В. Шмид приводит классификацию текстов, разделяя нарративные и описательные тексты [Шмид 2003: 15]. Закладывая в основу нарратива некоторую историю, событие, т.е. изменение исходной ситуации, В. Шмид выводит из числа нарративных текстов описательные. При таком противопоставлении повествовательных и описательных текстов позиция структуралистской нарратологии, приверженцем которой является В. Шмид, находит точки соприкосновения с теорией функционально-смысловых типов речи О.А. Нечаевой, где повествование, основой которого является вербализация развивающихся действий или состояний, противопоставляется описанию как перечислению синхронных признаков объекта для его более или менее полной характеристики. При этом в структуралистской нарратологии оговаривается, что внутри описательного произведения могут присутствовать нарративные структуры [Шмид 2003: 14], решающий характер при этом имеет итоговая функция.

В классической теории повествования нарративность характеризует присутствие нарратора – некоторого посредника «между автором и повествуемым миром» [Шмид 2003: 10]. При этом повествование в нарратологическом понимании неравнозначно повествованию в теории функционально-смысловых типов речи, нарративное повествование – понятие более широкое, которое может включать и описательные тексты. Огромный вклад в теорию нарратива внесли труды Б.А. Успенского по исследованию точек зрения. По мнению ученого, исследование обозначенной проблемы является центральным вопросом композиции репрезентативных видов искусства (художественной литературы, живописи, кино, театра и др.) [Успенский 1970: 9-10].

При возможности изложения с «внешней» позиции повествование может вестись и с позиции персонажей. Ученым выводятся четыре плана проявления точки зрения: план оценки, план фразеологии, пространственно-временной характеристики и психологии [Успенский 1970]. При этом автор делает ценное замечание о том, что важно разграничивать изображение через призму восприятия персонажей и восприятия нарратора, прикинувшего в сознание персонажей. Теория Б.А. Успенского вызвала к жизни возникновение множества исследований точек зрения [Я. Линтфельт 1981, Ш. Риммон-Кенан 1983 и др.].

Рассматривая типы речи с позиции нарратологии и выделения в художественном произведении точек зрения важно заметить, что изменение положения наблюдателя в пространстве приводит к возникновению нового объекта описания, описание «распадается на ряд отдельных сцен, каждая из которых дается со своей пространственной позиции» [Успенский 1970: 86].

Рассматривая структуру нарратива, В.А. Плунгян предлагает различать функциональные фрагменты нарратива – пассажи: интродуктивный, секвентный, или консекутивный, фоновый, ретроспективный, объяснительный. Анализируя соотношение понятий нарратива и функционально-смыслового типа речи «повествование», Т.И. Попова говорит

о соответствии последнего секвентному пассажи [Попова 2019: 47], включающему «обозначение каждого из сменяющих друг друга эпизодов основной линии повествования» [Плунгян 2008: 20-21]. Если соотнести понятия пассажа и описания как типа речи, то описание окажется включенным в фоновый пассаж, включающий «описание обстоятельств, сопутствующих событиям основной линии повествования, а также второстепенных ситуаций, развивающихся параллельно с событиями основной линии» [Плунгян 2008: 21].

Итак, художественный текст располагает большими возможностями для исследования семантики глагольных предикатов в силу их широкого употребления, использования разностилевой и экспрессивной лексики. Индивидуальная авторская манера может проявляться при создании описательных текстов (картин природы, портретов персонажей и др.) в выборе тех или иных визуальных эффектов, представлении описываемого пространства с помощью форм выражения разных рецептивных характеристик (зрительно воспринимаемых признаков, слуховых и т.д.).

Описание играет в художественном стиле особую роль, именно с помощью описаний возможным оказывается образное воссоздание картины природы, наблюдаемого интерьера, образа персонажа или какого-то значимого объекта. Так, описания-интерьеры, представленные в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», служат средством развернутой характеристики персонажей, которые предстают в подобной их характеру обстановке.

У основательного Собакевича все было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке.

Охотник погулять Ноздрев ведет Чичикова сначала в конюшни, а уже потом в кабинет в котором, впрочем, не было заметно следов того, что бывает в кабинетах, то есть книг или бумаги; висели только сабли и два ружья – одно в триста, а другое в восемьсот рублей.

Специфика описания пространства зависит от личности воспринимающего. Особый интерес вызывает исследование точки зрения, с

которой ведется описание в художественном тексте, где и точка, с которой ведется наблюдение и фигура наблюдателя являются вымышленными, однако «механизмы соотношения языкового текста с вымышленным миром и с реальным во многом подобны» [Падучева 1996: 224].

Следует, однако, оговориться, что помимо перцептуального пространства, отражающего характеристики реального физического пространства, в художественном тексте может быть представлено виртуальное / сказочное пространство, отражающее индивидуальное авторское видение. При своей окказиональности, подобное пространство, характеризуясь трехмерностью, определенной структурой и вещностью, сближается с реальным.

Таково, например, фэнтезийное пространство, находящееся на границе вымышленного Пустолесья, представленное в произведении Ника Перумова и характеризующееся трехмерностью и вещностью:

11) *Ночь выдалась сырая и мгlistая, от глубоких оврагов к деревне ползли длинные серые языки тумана, и казалось, что неведомые твари, спрятавшиеся в них, вот-вот слизнут жалкие избёнки, крытые гнилой соломой* (Н. Перумов. Охотники. Пророчества разрушения) [Перумов 2017].

Описание необычного существа из произведения Н. Перумова «Война ангелов. Великая пустота» сопоставимо с описанием-портретом при характеристике пусть и специфических, но последовательно передаваемых составных частей внешнего облика существа: необычно большой рост, крылья, лицо, глаза, грудь:

12) *В каморке, на небольшом каменном возвышении, застыло тело: куда крупнее человеческого, жемчужно-белое, светящееся мягким молочным светом в рассеянном луче, падавшем сверху. На первый взгляд его словно бы окутывал саван, но то был не саван – сложенные крылья, укрывающие создание с головы до пят. Точёное, не по-людски прекрасное лицо запрокинуто, глаза закрыты, грудь не движется. Однако от этого вроде бы безжизненного тела исходила такая мощь, что сам воздух в коридоре*

искрился белыми мелкими сполохами. (Н. Перумов. Война ангелов. Великая пустота) [Перумов 2019].

Термин рецептивный, связываемый в анатомии с органами восприятия, а в лингвистике с описанием языка, ориентированным «на моделирование процессов его восприятия» [Борисова 2015: 15], предлагается применить в работе к характеристике пространства, представленного в описательном тексте. Если перцептуальное пространство формируется как единство пространств, связанных с разными органами чувств, то рецептивное пространство оказывается сопряжено с рецептивными характеристиками (зрительной, слуховой, обонятельной, тактильной, вкусовой) и предполагает учет активной роли наблюдающего субъекта.

В работе используется метод контекстологического анализа (Дж. Ферс, Г.В. Колшанский, Н. Н. Амосова и др.). В ЛЭС под редакцией В.Н. Ярцевой [ЛЭС 1990] с опорой на работы Г.В. Колшанского и З.И. Хованскую описаны микроконтекст как минимальное окружение, позволяющее понять семантику единицы, и макроконтексте, выявляющий функцию единицы в тексте. В Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило [Жеребило 2010] среди прочих типов выделяется расширенный вид контекста – в объеме текстовых фрагментов – сверхфразовых единств, абзацев, строф, типов речи.

Именно контекстологический анализ, с помощью которого представляется прагматическая информация и личностные смыслы, принадлежащие когнитивной сфере субъекта речи, позволяет говорить о рецептивном пространстве текста и его репрезентации, проявляющейся в отношении к воспринимаемому.

Понятие точки зрения толкуется как «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [Шмид 2003: 67], восприятие же обусловлено позицией говорящего. В этом плане интересна работа Е.В. Корпусовой, исследовавшей роль говорящего в описании [Корпусова 2011].

К дейктическим средствам, ориентированным на говорящего, могут быть отнесены не только средства выражения субъективной модальности, но и средства образности [Нечаева 1999 а], широко употребляющиеся в художественном тексте.

Согласно работам Е.В. Падучевой [Падучева 1991, 1993, 2002] могут быть выделены разные роли говорящего, к которым относятся субъект речи, субъект сознания, субъект дейксиса, субъект восприятия. Для описания значимую роль играет исследование роли субъекта восприятия, или наблюдателя [Апресян 1986]. При описании основной задачей становится перечисление основных признаков наблюдаемой картины. Вводящий контекст позволяет сделать вывод о том, чье восприятие передает последующий описательный текст.

Рассмотрим структурно-семантическую модель описательного текста и функционирование в ней глагольных предикатов на примере описания спальни графини из повести А.С. Пушкина «Пиковая Дама»:

13) *(Германн вошел в спальню.) Перед кивотом, наполненным старинными образами, теплилась золотая лампада. Поляные штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотой, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями. На стене висели два портрета, писанные в Париже т-те Lebrun (...) По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Leroу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом (А. Пушкин. Пиковая дама) [Пушкин 1987].*

В приведенном тексте описания передано пространственное расположение предметов, находящихся в спальне графини. Актантное ядро передает информацию об объектах, располагающихся в характеризуемом пространстве. В качестве объекта-холонима выступает *спальня*, его наименование находится в предваряющем повествовательном контексте. В тексте описания функционируют актанты структуры пространства,

указывающие на место расположения предметов (*перед кивотом, около стен, на стене, по углам*), и предметные актанты, перечисляющие предметный ряд, наполняющий описываемое пространство (*лампада, кресла и диваны, два портрета, пастушки, столовые часы, коробочки, рулетки, веера, дамские игрушки*).

Актантная модель рассматриваемого описательного текста дополняется значением использованных предикатов, которые представляют способы существования предметов в пространстве. Предикат *теплилась* (*теплилась лампада*) имеет значение 'слабо светиться', то есть может быть отнесен к предикатам со значением интенсивности действия. В тексте содержатся предикаты, передающие позиции объектов в пространстве: *стоять* (*кресла и диваны стояли в симметрии*), *висеть* (*два портрета висели*). Положение предметов уточнено формой *в симметрии*, также дающей представление о расположении описываемых объектов в пространстве спальни. Положение предметов в пространстве передается с помощью предиката *торчали* (*торчали пастушки, часы, коробочки, рулетки, веера, дамские игрушки*).

Выбор предикатов говорит об отсутствии активного длительного всматривания. Так, в тексте используются предикаты позиции (*стояли, висели*), которые Г.А. Золотова рассматривает в сочетании с именными синтаксемами локативной семантики (в терминологии ученого позиционные предикаты названы единицами локализирующего значения), при этом последние признаются более сильным элементом, поскольку соответствующая семантика ясна без участия глагола (*платье на полке лежит, на вешалке висит*). Анализируемые глаголы исследователь называет семантически избыточными [Золотова 1982: 159-160]. Предикат *торчали* в контексте реализует общее значение размещения, семантика положения по вертикали (ср. *торчали стебли*) нивелируется, указанная единица передает генерализованное значение размещения. Ядерное значение предиката *теплилась* – 'слабо светилась' предполагает лишь фиксацию выделяющегося в пространстве объекта. Итак, предикаты, используемые в приведенном

описании, сигнализируют о роли наблюдателя, который вербально не дифференцирует пространственное расположение объектов, а только перечисляет сами объекты.

Кроме того, данный текст должен быть воспринят в контексте всего повествования о Германне, который тайно проник в дом графини и, обозрев спальню, прошел в кабинет. С позиции героя спальня графини предстает как «печальное зрелище». Согласно Б.А. Успенскому [Успенский 1970] при реализации точки зрения в плане пространственно-временной характеристики автор может полностью перевоплощаться в персонажа, и тогда предварительный контекст (*Германн вошел в спальню*) сигнализирует о том, что далее будет представлена точка зрения персонажа (**микрконтекст**). Обстановка спальни, которая предстает перед Германном, изобличает устаревшие вкусы и некоторую ветхость предметов интерьера, что подчеркивается соответствующими формами, передающими отношение к изображаемому: *полинялые кресла, в печальной симметрии, пастушки, столовые часы работы славного Leroy, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом*, стереотипное мужское отношение к названным предметам интерьера выражено в словах *разные дамские игрушки*, отражающих несколько высокомерное отношение к описываемому (**макрконтекст**).

В данном случае нужно констатировать, что **масштабирование контекста** (микрконтекст – макрконтекст) помогает дифференцировать фон и фигуру. Описание спальни графини может быть определено как фигура (микрконтекст), макрконтекстом является фон, сопряженный с понятием топохроноса (устаревшие вкусы графини, ветхость убранства, мужское превосходство). В тексте представлено не только наполнение комнаты графини (референциальное пространство), но отношение героя повести – прагматические смыслы, сопряженные с представлениями об эпохе

Германна, графини и гендерными стереотипами, т.е. рецептивное пространство [Степанов, Варфоломеева 2021].

В этом ключе интересна мысль Т.Л. Верхотуровой, отметившей, что доступное для восприятия пространство (перцептуальное) воспринимающего субъекта выступает фоном для определения объекта относительно него [Верхотурова 2009]. Согласно работам У. Матураны пространство наблюдателя может быть названо «niche» [Maturana 1978], Р. Лангакера – «setting» [Langacker 1999: 67].

Исследования Т.В. Шмелевой в области семантического синтаксиса позволили ученому прийти к выводу о том, что «смысл предложения не есть сумма значений составляющих его слов, это некое особое образование, имеющее собственную организацию, диктующее свои требования лексике и морфологическим формам, заставляя их выступать в тех или иных значениях, а иногда «навязывая» как будто бы им не свойственные» [Шмелева 1988: 4]. Отталкиваясь от диктумно-модусной (пропозиции и модальной рамки в другой терминологии) структуры смысла предложения, Т.В. Шмелева предлагает разграничивать диктум-позицию и диктум-потенциал, а также модус-позицию и модус-потенциал. Если позиция апеллирует к месту в семантической структуре предложения, то потенциал представляет собой «круг всех значений, способных занимать «одноименную» позицию» [Шмелева 1988: 8].

Одно из важнейших наблюдений ученого относительно семантического существа модуса сводится к тому, что говорящий выражает отношения 1) к собственной речевой деятельности, 2) к описываемым событиям в плане их соотношенности с ситуацией общения, 3) к содержанию высказывания, 4) к адресату. Последнее свойство модуса лингвист называет диалогичностью [Шмелева 2008: 145].

Чтобы разъяснить функцию фона следует рассмотреть теорию прагматических локализаторов речевой интенции говорящего, представленную в работе по исследованию прагматики спонтанной

телевизионной речи [Степанов 2008]. Передача модусных смыслов оказывается возможна при использовании специальных речевых знаков речевой интенции говорящего – прагматических локализаторов [Степанов 2008].

Так, описанное выше масштабирование контекста может быть определено как прагматический локализатор рецептивного пространства субъекта и репрезентации фона в описании. Дихотомии референциального и рецептивного пространств, а также фигуры и фона позволяют говорить о них как о репрезентациях когнитивной сферы субъекта речи, позволяющих читателю ориентироваться в ней, и соответственно выполнять навигационную функцию [Степанов, Варфоломеева 2021]. В этом плане важными представляются работы Е.Г. Борисовой, где она вводит понятие речевой ориентации, которая позволяет адресату ориентироваться в сообщении [Борисова 2015], и пишет об управлении пониманием при помощи специальных языковых единиц [Борисова 2018], а также работа Л. Талми об управлении вниманием адресата [Talmy 1996].

Таким образом, субъектная навигация в тексте выступает как категория, которая с помощью прагматических локализаторов позволяет управлять вниманием читателя. Таким образом, настоящее исследование предлагает движение от семантического синтаксиса к прагматическому.

В другой ситуации при передаче точки зрения персонажа, который внимательно рассматривает открывшуюся его взору картину, могут быть употреблены предикаты, предполагающие не просто фиксацию объектов в поле зрения говорящего, а отражение способа их существования в пространстве.

14) *(Все встали; отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы...) Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава а l'imbecile торчали, как фижмы у Madame de*

Rotradour; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах (А. Пушкин. Барышня-крестьянка) [Пушкин 1987].

В приведенном фрагменте представлена точка зрения Григория Ивановича Муромского – отца Лизы, именно для него очевидно, что локоны Лизы фальшивы, что дочь его набелена и насурьмлена (как мы узнаем впоследствии, Алексей этого не понял). В данном случае использованы предикаты с семантикой цветовых характеристик (*набелена была, насурьмлена*), помимо этого, в описании-портрете функционируют глагольные предикаты с пространственной семантикой, передающие семантику формы (*рукава торчали, локоны взбиты были, талия была перетянута*). Использованные предикаты, вербализующие разные способы существования объектов в пространстве, предполагают внимательное рассмотрение объекта, что подтверждается контекстом, в котором функционирует описание-портрет: отца Лизы удивил необычный облик дочери, поэтому ее внешность подверглась пристальному рассмотрению, что и передано в описании.

В приведенном примере фигурой выступает портретное описание, предполагающее перечисление актантов и предикатов (микрконтекст), прагматические же смыслы представляют фон (макрконтекст), именно они позволяют говорить об имплицитном плане и выявляют ироничное отношение к изображаемому (*набелена по уши; фальшивые локоны, как парик Людовика XIV; рукава, как физжмы у Madame de Rotradou; бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде*).

Таким образом, точка зрения наблюдателя определяет выбор предикатов, предикатная составляющая описания сигнализирует о намерениях наблюдателя более или менее полно представить увиденное.

Итак, исследование описания, должно быть проведено с учетом прагматического анализа и привлечением теории нарратива, что оказывается сопряжено с необходимостью включения в модель описания фигуры,

предполагающей изучение референциального пространства и семантических смыслов (микрореконтекст) и фона, связанного с исследованием рецептивного пространства (топохроноса) и прагматических смыслов (макрореконтекст).

Кроме того, позиция наблюдателя определяет способ описания, его тональность, а также выбор средств вербализации пространственных параметров.

Таким образом, рецептивно-прагматическая модель описания может быть изображена на рисунке (рис. 1).

Рис.1 – Рецептивно-прагматическая модель описания

При исследовании описания возможно и применение теории фреймов. Ее создатель М. Минский определяет фрейм как «некоторую структуру данных (образ)» для представления стереотипной ситуации [Минский 1979: 7]. Ученый подчеркивает, что при восприятии зрением различные фреймы соответствуют разным позициям наблюдателя. Так, при входе в комнату мы не можем видеть всю картину сразу, поскольку восприятие занимает определенное время, при этом человек заранее выбирает определенный фрейм еще перед входом в комнату, поскольку знает, что перед его глазами предстанет, интерьер, а не пейзаж. Если комната знакома, то ряд предметов

человек уже ожидает увидеть (некоторые задания заполнены данными), если нет, то сначала наблюдатель пытается выявить специфические геометрические признаки, при этом легче всего выделяется горизонтальная линия (линия горизонта в пейзаже). Далее наблюдателем обнаруживаются линии левого и правого углов и вертикальные линии [Минский 1979].

С позиции теории фреймов в анализируемом тексте представлено описание незнакомой герою комнаты. В соответствии со спецификой когнитивной позиции сначала героем отмечены трехмерные объекты, располагающиеся на горизонтальной оси, где отмечаются попадающие в поле зрения предметы (кивот, кресла, диваны), конституирующие пространство спальни, затем объекты на вертикальной оси (портреты на стене). После общего обзора перечисляются отдельные объекты, расположение которых носит несколько хаотичный характер и характеризует специфику описываемого пространства (пастушки, часы, коробочки, рулетки, веера). Хотя художественное описание, безусловно, может решать индивидуальные авторские задачи путем выстраивания совершенно специфического пространства для характеристики героев и др.

Наблюдения показали, что помимо конкретных имен, которые, прежде всего, мыслятся в связи с пространством, в качестве объектов, наполняющих описываемое пространство, могут выступать вещественные имена в значении конкретных. Номинации субстанций-веществ в описательном контексте так же, как и номинации конкретных предметов, способны выражать пространственные значения. Вещества существуют не вообще, а в какой-то конкретной форме, обозначение которой может быть выражено словосочетанием (*капля воды, шапки дыма, клубы пара*) или в контексте описательного текста: *вода* в значении 'поток воды', *снег* в значении 'сугробы снега, поверхность, определенная площадь, покрытая снегом' и т.д. [Варфоломеева 2007 б]:

15) *Около клуба, на развороченной и вывернутой наизнанку земле, блестела кровь, валялись какие-то люди и через клубы дыма, в оседающей*

пыли страшно желтело заголённое тело. Автомобиль стоял, вздыбясь, как конь на триумфальной арке. (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом) [Домбровский 1992].

16) *Зима! Ну конечно, глубокая зима. Аллейка желтела песком, а рядом сугробы снега.* (Ю. Трифонов. Дом на набережной, НКРЯ) [Трифонов 1986].

В первом примере обозначение формы вербализовано словосочетанием *клубы дыма*, во втором случае – *сугробы снега*.

Актанты и глагольные предикаты функционируют в приводимом ниже описании-пейзаже:

17) *Под горой, отделяя лес от полей, извивалась речка – неровная белая ленточка; за ней над голыми кустарниками вставали острые темно-зеленые, почти черные конусы елей, дальше сплошной шубой лохматился сосняк; багровое, негреющее солнце краем коснулось леса; дорога, вмятая в рыхлые сугробы, была пустынной* (И. Калашников. Разрыв-трава) [Калашников 1977].

В приведенном описании-пейзаже функционируют актанты структуры пространства, называющие части местности (*под горой, над кустарниками, в срубке*), и предметные актанты пространства, номинирующие предметы, наполняющие пространство (*речка, конусы елей, сосняк, солнце, дорога*).

Помогают в вербализации пространства и глагольные предикаты: *извивалась* указывает на характеристику формы протяженного в пространстве предмета (*речки*), которая уточняется в контексте (*неровная ленточка*), *вставали* (*вставали конусы елей*) указывает на положение предметов в пространстве по вертикали, пространственные характеристики елей уточняются контекстом (*острые конусы елей*). Предикат *лохматился* (*сосняк лохматился*) характеризует форму предмета.

Итак, в приведенных текстах значение пространства выражается не только актантами и глагольными предикатами, но и другими средствами: субстантивами со значением формы предмета (*конусы елей*), расположения в пространстве по горизонтали (*речка – ленточка*); прилагательными цвета и

формы (*острые, темно-зеленые, черные, багровое*); причастием положения в пространстве (*дорога, вмятая в сугробы*); деепричастием со значением границ пространства (*отделяя лес от полей*); наречием (*дальше*).

Итак, описание вербализует свойства пространства при помощи разнообразных языковых средств: актантов, прилагательных, причастий, деепричастий, наречий со значениями формы, цвета, способа расположения в пространстве. Кроме того, в описании частотны глагольные предикаты, помогающие вербализовать в данном типе текста пространственные отношения.

Следует заметить, что значимость перечисленных средств выражения локативности для модели описательного текста неодинакова: закономерностью функционирования обладают лишь актанты, которые выражают имманентные свойства пространства, его трехмерность и вещность. Прилагательные, наречия, причастия (не в функции предикатов) и деепричастия с пространственным значением являются лишь дополнительными средствами, необязательными, поэтому они не являются модельным свойством описательного текста.

В случае описания внешнего облика человека (описание-портрет) задания заполнены данными, но частично, поскольку структура внешности человека типична, расположение частей внешнего облика не изменяется, но в данном случае необходим переход от фреймового представления к его текстовому воплощению [Смиренский 2000: 194].

Рассматривая описание-портрет с точки зрения теории фреймов, отметим, что в художественном тексте при описании облика человека перечисляются только значимые с позиции наблюдающего субъекта отличительные черты внешности, а не приводится исчерпывающе подробная картина и описание каждой детали. Вместе с тем писатель при первом появлении персонажа, как правило, рисует целостную картину с указанием выразительных черт внешнего облика героя [Варфоломеева 2019: 40-41].

Так, когда Митя видит героиню повести впервые, можно отметить достаточно подробное описание Аленки, поразившей героя своей схожестью с Катей:

18) *Она была тоже невелика, подвижна. Несмотря на то, что она пришла на грязную работу, она была в хорошенькой (белой с красными крапинками) ситцевой кофте, подпоясанной черным лакированным поясом, в такой же юбке, в розовом шелковом платочке, в красных шерстяных чулках и в черных мягких чунях, в которых (или вернее, во всей ее маленькой легкой ноге) было опять-таки что-то Катино, то есть женское, смешанное с чем-то детским. И головка у нее была невелика и темные глаза стояли и сияли почти так же, как у Кати* (И. Бунин. Митина любовь) [Бунин 2018].

Позже при восприятии Митей Аленки, которую он долго ждет на свидание, перечисляются только те признаки внешности героини, которые необычны с позиции персонажа:

19) *Она была боса, в одной юбке и в простой суровой рубахе, заправленной в юбку. Под рубахой стояли ее девичьи груди. Широко вырезанный ворот открывал ее шею и часть плечей, а засученные выше локтя рукава – округлые руки. И все в ней, от небольшой головки, покрытой желтым платочком, и до маленьких босых ног, женских и вместе с тем детских, было так хорошо, так ловко, так пленительно...* (И. Бунин. Митина любовь) [Бунин 2018].

Тот факт, что Митя неоднократно до этой встречи видел Аленку, позволяет говорить о заполненности части ячеек фрейма. Последующий контекст подчеркивает, что герой отметил только то, что было непривычно видеть в Аленке (...) *Митя, видевший ее до сих пор только наряженной, впервые увидавший ее во всей прелести этой простоты, внутренне ахнул.*

Итак, анализ описания необходимо проводить не только с помощью референциального анализа, но и метода контекстологического анализа, позволяющего выявить прагматические смыслы в высказывании. Исследование фреймовой модели описания позволяет сделать ряд выводов о

специфике восприятия пространства. Теория нарратива, примененная для анализа художественного описательного текста, делает возможным формирование выводов, касающихся способов отображения мира в описательном тексте, конкретных авторских задачах. При этом следует оговориться, что художественное описание, разумеется, может отвечать конкретным задачам писателя, однако использование предикатной части модели описания зачастую «сообщает» о задачах более или менее подробно обрисовать выбранное пространство [Варфоломеева 2019: 41].

§2.2. Особые виды описания в книжных стилях

При исследовании свойств научного изложения исследователи отмечают отвлеченно-обобщенность, подчеркнутую логичность изложения, смысловую точность, а также строгость, не исключаящую, однако, своеобразной экспрессивности, оценочности. Степень проявления всех этих признаков может колебаться в зависимости от жанра, темы, формы и ситуации общения, авторской индивидуальности и других факторов [Кожина 1993: 161-162]. Употребление образных средств зависит от индивидуальности автора и области знания: тексты гуманитарных (истории, философии), описательных естественно-научных исследований (географии, геологии, химии, некоторых др.) обычно в большей степени, чем тексты точных наук, имеют средства словесной образности [Кожина 1993: 167].

По причине стремления к абстрактизации в научном изложении используется абстрактная лексика, конкретная же лексика, по мнению А.Н. Васильевой, часто служит для обозначения общих понятий. Существительные, передающие понятия движений, процессов, состояний, связей, отношений обычно лексически соотносимы с глаголами, но имеют более обобщенно-отвлеченное значение по сравнению с соотносительными глаголами. В художественной речи обычно используется глагол как форма более конкретного значения, например, *увеличивать – увеличение*. В научной речи существительное «узурпирует глагол», так как в отглагольном

существительном стираются некоторые категориально-семантические показатели глагола, существительное как бы обобщает в себе несколько глагольных форм [Васильева 1976: 113].

В научной речи глаголы часто употребляются не в своих основных и конкретных значениях, но в производных с обобщенно-отвлеченной семантикой. Функции глагола состоят в выражении связи между объектами-понятиями, между признаками объекта-понятия или между объектом и признаком, конкретное действие глаголы выражают достаточно редко.

Большое число глаголов выполняют служебные и полуслужебные функции, т.е. они лексически неполноценны (*имеет конфигурацию, образует крест*). Ряд глагольных единиц, формально полнозначных, все же обладает ослабленностью конкретного лексического значения.

В лексической семантике глагола в научной речи наблюдаются явные тенденции к абстрактизации. Непродуктивными оказываются глаголы конкретных категориальных лексико-грамматических значений. Внешне одинаковые глагольные формы регулярно наполняются разным содержанием: *лежать на полу – лежать в области гипотез; протекать через город – протекать внутри клетки* [Васильева 1976: 123].

20) *Доменная печь является шахтной печью, в которой выделяют колошник, шахту, распар, заплечики, горн и лещадь (...) На колошнике находится засыпной аппарат и газоотвод для доменного (колошникового) газа* (В. Никифоров. Технология металлов и других конструкционных материалов) [Никифоров 2009].

Представленное научное описание содержит предикаты, выражающие тенденцию к абстрактизации, поскольку перечисленные свойства доменной печи характеризуют не отдельный наблюдаемый в определенный момент времени объект, а целый класс предметов.

Принцип полноструктурного речевого оформления, господствующий в научной речи, влечет за собой широкое употребление многокомпонентных словосочетаний и аналитических форм [Васильева 1976: 128].

Эллипсис глагольного сказуемого в научном стиле оказывается допустимым лишь в условиях подсказанности ближайшим предшествующим языковым контекстом [Васильева 1976: 167], эллиптические конструкции используются для устранения тавтологии [Сковородников 1978: 39].

Научному стилю свойственны эксплицитность выражения, а также рациональное восприятие текста, в котором должна содержаться лишь необходимая и достаточная для раскрытия сущности предмета информация. В жанре справочной литературы эта информация должна быть представлена еще и максимально кратко, потому нормативным становится использование неполных предложений с незамещенной позицией подлежащего. Функционирование подобных предложений в научном стиле не связано с выражением экспрессии, как в художественных текстах, распространение данных синтаксических структур в «моносубъектных научных характеристиках свидетельствует о нейтрализации экспрессивного оттенка, свойственного неполным предложениям» [Омельченко 2001: 85].

На текстовом уровне научный функциональный стиль характеризуется широкой представленностью рассуждения и описания и нетипичностью для него повествования.

Описание в научном стиле выполняет информативную роль, что связано с функцией сообщения, характеризующего научную речь [Хамаганова 1979: 133]. Научное описание отличается наибольшей степенью упорядоченности и обобщенностью [Десяева, Арефьева 2008: 260], для точности и объективности изложения возникает необходимость обрисовать все отличительные качества класса объектов, в то время как, например, в художественном тексте могут быть перечислены только некоторые из них, наиболее значимые, по мнению автора, и присущие определенному индивидуальному объекту.

Для научного стиля и его жанров наиболее характерно употребление бытийных высказываний во всем их многообразии благодаря

функциональной специфике научного стиля – сообщить новое знание о действительности и доказательство его истинности [Карпова 2005: 4-8].

Художественный и нехудожественные книжные стили (публицистика, научная литература, официально-деловые тексты) неодинаково актуализируют видо-временные структурные разновидности описания: художественная речь характеризуется использованием всех его структур [Хамаганова 1979: 128], научное, публицистическое и официально-деловое изложение в какой-то степени ограничено в этом отношении. Подобные «ограничения» наблюдаются и в использовании глагольных предикатов.

Нехудожественные книжные стили, к которым относятся научный, официально-деловой и публицистический, располагают разными видами описания: стилистическая принадлежность фрагмента задает определенный тип структуры описательного текста.

В научном тексте представлены объективные сведения о предмете исследования, в то время как в художественном произведении находит отражение субъективное восприятие автора.

В научном стиле частотна такая разновидность описания, как описание-характеристика, в которой перечисляются постоянные не воспринимаемые визуально свойства объекта:

21) *Класс паукообразных объединяет свыше 36 000 видов наземных хелицеровых, относящихся более чем к 10 отрядам. Arachnida — высшие хелицеровые членистоногие с 6 парами головогрудных конечностей. Они дышат посредством легких или трахей и обладают помимо коксальных желез выделительным аппаратом в виде мальпигиевых сосудов, лежащих в брюшке* (В. Догель. Зоология беспозвоночных) [Догель 1981].

Приведенный пример демонстрирует обобщенные признаки описываемого объекта: описание класса паукообразных входит в контекст характеристики типа членистоногих, подтипа «хелицеровые»; обобщенный характер научного описания подчеркивается формой обозначения объекта описания (*класс паукообразных*).

Предикаты в научном описании, как правило, передают значение настоящего постоянного [Хамаганова 1979: 133], эксплицируют закономерные, постоянные признаки объекта научного описания, отвергающего все случайное, субъективное.

Говоря о реализации в научном тексте наблюдаемых признаков объекта, следует отметить специфику построения научных описаний. Поскольку наука имеет дело с обобщенными данными, научную речь отличает обобщенность и абстрагированность, что сказывается на способе построения научных описаний. В научной речи перед нами предстает не описание единичного конкретного предмета, как скажем, в художественной литературе, а отображение особенностей объекта как типичного представителя какого-то класса объектов. Таково, например, описание класса обыкновенного жулана как типичного представителя семейства сорокопутов в зоологии:

22) *Крупнее воробья. Спина коричневая, хвост черный с белыми пятнами. Голова самца серая, самки обычно коричневая. У молодых и самок на груди и брюхе чешуйчатый рисунок. Бросается в глаза черная (у самок коричневая) полоса через глаз – «маска»* (А. Мосалов. Птицы. Определитель) [Мосалов 2013].

В приведенном примере описываются не конкретные наблюдаемые в определенный момент внешние характеристики животных, а особенности обыкновенных жуланов. Описание ведется логично, последовательно: сначала дается общее представление о теле животных (*крупнее воробья*), затем перечисляются особенности строения, дается описание тела (*спина коричневая*), головы (*голова самца серая, самки обычно коричневая*), отличительных особенностей (*чешуйчатый рисунок, черная (у самок коричневая) полоса через глаз*).

Точность научного описания достигается и с помощью многочисленных уточнений, нанизывания определений: *спина коричневая, хвост черный с белыми пятнами, чешуйчатый рисунок*. Используемые

определения передают размер (*крупнее воробья*), цвет (*киричневая, черный с белыми пятнами, серая, коричневая, черая*), характер поверхности (*чешуйчатым*) при описании частей внешнего облика обыкновенных жуланов.

Такой тип описания, функционирующий в научной речи, в настоящей работе предлагается назвать контаминированным описанием, поскольку в нем соединяются свойства визуального описания (передача внешних признаков объекта описания) и описания-характеристики (перечисление типичных, постоянных, признаков, присущих объекту).

В работах Ж.В. Николаевой [Николаева 1999, 2001] используется термин «контаминированное описание», ученый выделяет разные типы описания включая контаминированное в зависимости от степени временной локализованности признаков. Ж.В. Николаевой рассмотрены моментальное (зримое, наблюдаемое) описание, актуализирующее наблюдаемые признаки объекта в определенный момент времени; контаминированное описание, предполагающее воспринимаемость признаков объекта органами чувств, но допускающее при этом смещение некоторых признаков во времени и содержащее в себе структурные признаки повествования; описание-характеристика, в которой перечисляются постоянные признаки объекта, допускающие смещение признаков во времени [Николаева 2001: 51].

Приведенные выше примеры научных описаний допускают смещение признаков во времени как бы потенциально. Предикаты используются в одном времени и представляют объект как наблюдаемый в настоящий момент, хотя описываются признаки, наблюдаемые в разное время у разных объектов, что в результате привело к передаче в научном тексте общих выводов о закономерностях строения объектов определенного вида. Таким образом, в научном описании находят отражение признаки, которые являются одновременными не для определенного конкретного момента речи, а свойственны объекту описания в целом; они постоянны (используется настоящее постоянное), и объект воспринимается обобщенно.

Однако описание, объектом которого служит не единичный предмет, а целый класс предметов, встречается и в художественном стиле:

23) *Царь всех камней – камень Шамир. Греки называют его Адамас, что значит – неодолимый. Он крепче всех веществ на свете и остается невредимым в самом сильном огне. Это свет солнца, сгустившийся в земле и охлажденный временем. Полюбуйся, Суламифь, он играет всеми цветами, но сам остается прозрачным, точно капля воды. Он сияет в темноте ночи, но даже днем теряет свой свет на руке убийцы. Шамир привязывают к руке женщины, которая мучится тяжелыми родами, и его также надевают воины на левую руку, отправляясь в бой. Тот, кто носит Шамир, – угоден царям и не боится злых духов. Шамир сгоняет пестрый цвет с лица, очищает дыхание, дает спокойный сон лунатикам и отпугивает от близкого соседства с ядом* (А. Куприн. Суламифь) [Куприн 1989].

В приведенном тексте описывается не отдельный конкретный камень, а целый класс подобных камней. В описании актуализированы постоянные свойства Шамира, перед нами описание-характеристика, при этом перечислены не только ненаблюдаемые постоянные признаки объекта, но и воспринимаемые органами чувств. Однако, в отличие от научного описания, стремящегося к энциклопедичности, в художественном тексте важны только отдельные, значимые, по мнению автора, признаки объекта. В своих произведениях А.И. Куприн часто обращается к перечислению магических свойств драгоценных камней, так Соломон рассказывает Суламифи об особенностях Шамира. В рассказах Соломона о драгоценных камнях прочитываются эстетический вкус героя, его эрудиция.

Таким образом, контаминированный тип описания выделяется в зависимости от объекта описания и способа его восприятия. В научном описании даже при перечислении признаков, воспринимаемых органами чувств, мы имеем дело с некоторым контаминированным типом описания, в котором визуальная «информация» соединяется с обобщенностью свойств объекта. Для научного текста описание не конкретных, единичных

предметов, а целых классов однородных предметов следует признать регулярным. Для художественного видения характерно изображение отдельных, «эксклюзивных» объектов и явлений. Так, в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» описанию подвергается отдельный куст «татарина», который приобретает в произведении символическое значение:

24) *Куст «татарина» состоял из трех отростков. Один был оторван, и, как отрубленная рука, торчал остаток ветки. На других двух было на каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху. Видно было, что весь кустик был переехан колесом и уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял. Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз (Л. Толстой. Хаджи-Мурат) [Толстой 1977].*

В приведенном примере перечисляются наблюдаемые свойства объекта. Важное место в тексте отведено сравнениям растения и человеческого тела: *как отрубленная рука, точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз*. Значение использованных приемов проясняется после рассказа о *давнишней кавказской истории*, смерть героя которой *и напомнила раздавленный репей среди вспаханного поля*.

Итак, в художественном описании перечисляются отдельные, важные, по мнению автора, признаки объекта, так как художественная речь отличается «художественно-образной речевой конкретизацией», при этом слова в художественном стиле выражают «не просто представления, а художественные образы» [Кожина 1993: 204]. Научный стиль требует объективности изложения, в то время как художественное описание часто передается через восприятие героя, соответствует его настроению. Научное описание стремится дать необходимые для данной науки или отрасли сведения, изложение ведется последовательно, логично. Описание научного

стиля в отличие от художественного носит отвлеченно-обобщенный характер.

Кроме контаминированного, в научном стиле содержатся описания конкретных единичных объектов. Таковы, например, описания отдельных планет или спутников в астрономии, определенной местности в географии и т.д. При этом обобщенным оказывается сам объект, например, характеризуется в целом поверхность планеты, горная цепь:

25) Африка расположена по обе стороны от экватора, а также в западном и восточном полушариях. Это обуславливает ее важное транспортно-географическое положение в современном мире: у ее берегов и через ее порты проходят важнейшие мировые судоходные линии, связывающие Европу с Азией и Антарктидой, через ее аэропорты поддерживаются межконтинентальные воздушные связи Европы с Южной и Юго-Восточной Азией, Южной Америкой, Северной Америки с рядом районов Азии. Африка в наши дни лежит на «бойком перекрестке» мировых путей.

Африка – один из самых возвышенных материков. Средняя высота ее поверхности над уровнем моря составляет 750 м. По этому показателю Африка уступает лишь Антарктиде (2040-м, считая мощность ледникового щита) и Азии (950 м) (Ю. Дмитриевский. Озера Африки) [Дмитриевский 1979].

В приведенном описании перечисляются особенности Африки как материка, все признаки которого обобщены: указывается общее расположение Африки, наличие воздушных связей, высота поверхности. При обрисовке указанного пространственного объекта использованы предикаты со значением размещения в пространстве (*расположена, лежит*), а также направления в пространстве (*проходят*).

Однако научный текст может содержать и описания единственных в своем роде объектов – произведений искусства в искусствоведении, артефактов в археологии, истории. Такие описания можно обозначить как визуальные.

26) Вокруг арены концентрически расположена грандиозная овальная воронка с местами для зрителей. Эта воронка опирается на восемьдесят радиально направленных, скошенных внутрь стен-перепонок, связанных между собою кольцевыми стенами и рядами арок и сводов. Простой и логичный конструктивный каркас дал возможность столь же просто и целесообразно решить проблему проходов и подъемов к местам для зрителей: между восьмьюдесятью радиальными стенами удобно расположилось соответствующее количество радиально направленных переходов и лестничных клеток, а между кольцевыми стенами и аркадами протянулись вокруг всего амфитеатра кольцевые галереи, создающие связь между радиальными переходами и лестницами (А. Цирес. Архитектура Колизея) [Цирес 1940].

Приведенный текст посвящен воссозданию уникального внешнего облика римского Колизея. В описании функционируют глагольные предикаты со значением расположения в пространстве (*расположена, расположилось*), пространственного соотношения предметов (*опирается*), положения в пространстве по горизонтали (*протянулись*).

Для научного текста типично использование точных метрических пространственных характеристик объекта:

27) M2 – ТПС 7089 – шаровое звездное скопление, наблюдаемое невооруженным глазом. Имеет диаметр около 150 св. лет, содержит приблизительно 150 тыс. звезд. Это одно из самых богатых и компактных шаровых скоплений. Удалено от Солнца на 36200 св. лет. Яркость – $6,5^m$, угловой диаметр $12,9'$. В M 2 известна 21 переменная звезда (А. Шимбалев. Атлас звездного неба) [Шимбалев 2004].

Приведенное научное описание характеризуются логичностью и последовательностью изложения, наличием специфической терминологии (*шаровое звездное скопление, св. лет*), точностью метрических характеристик (*диаметр около 150 св. лет, удалено от Солнца на 36200 св. лет, яркость $6,5^m$, угловой диаметр $12,9'$, 21 переменная звезда*).

Сферой реализации официально-делового стиля служит сфера социально-правовых отношений. Общими стилевыми чертами официально-делового стиля выступают точность, императивность, стандартизация, неличный характер изложения [Кожина 1993].

Относительно стилистической дифференциации официально-делового стиля М.Н. Кожина отмечает, что канцелярскую речь отличает большая конкретность и более личный характер выражения по сравнению с языком законодательных актов высших органов государственной власти. Кроме того, ученый констатирует наличие переходных явлений – случаев слияния делового стиля с публицистическим [Кожина 1993: 181]. При этом исследователи выделяют внутри официально-делового стиля некоторое «ядро» – корпус текстов, в которых реализуются стилевые черты официально-делового стиля с наибольшей полнотой (жанры законодательного и организационно-распорядительного подстиля) [Кожина 1993] и некоторую периферию – тексты, где реализуются признаки, не свойственные стилю в целом, такие как отсутствие директивности, личный характер изложения (информационно-справочные, дипломатические, финансовые, коммерческие тексты) [Рогожин 1999; Кыркунова 2007: 23; Веселов 1993].

К языковым особенностям официально-делового стиля относят отсутствие эмоционально окрашенной лексики, наличие штампов и клише [Иссерлин 1970], использование специальной терминологии, безличность и безадресность выражений, широкое использование отглагольных существительных и модальных слов [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 326; Дускаева, Протопопова 2012].

Относительно специфики текстовой организации официально-деловой речи следует отметить, что в официально-деловых материалах часто встречается такая разновидность описания, как описание-характеристика:

28) *Ч...в Константин Анатольевич начал трудовую деятельность на Новосибирском металлургическом заводе в 1984 году после окончания*

Новосибирского технического университета по специальности «электроснабжение», факультет промышленной энергетики, прошел путь от инженера энергобюро завода до начальника группы электротехнического измерения. Принят на работу в ЗАО «Новосибирский машиностроительный завод» в 2002 году в должность начальника энергетического цеха, с 2010 года состоит в должности главного энергетика ЗАО.

За период трудовой деятельности на предприятии Черепов Константин Анатольевич зарекомендовал себя квалифицированным специалистом, высоким профессионалом, инициативным и обладающим высокими организаторскими способностями руководителем (Характеристика главного энергетика для представления к награде) [URL: <https://www.iskiplus.ru>].

Изучению официально-делового стиля посвящено диссертационное исследование Л.Г. Кыркуновой. Автор утверждает, что описание, повествование и рассуждение реализуются лишь в некоторых жанрах официально-делового стиля, причем с изменением некоторых аспектов их реализации [Кыркунова 2007: 129].

Так, описание эксплицирует перечислительную функцию в протоколах выемки вещей:

29) В ходе выемки изъяты:

- договор поставки N 30302/40 от 28 октября 201* года (3 листа);*
- договор поставки N 30430/4 от 11 февраля 201* года (3 листа);*
- договор поставки N 30507/10 от 16 марта 201* года (3 листа);*
- платежное поручение об оплате договора поставки N 30507/10 от 16 марта 201* года (5 листов) (Протокол выемки вещей) [URL: <https://www.obrazec.org>].*

Л.Г. Кыркунова приходит к выводу о том, что описание наряду с повествованием используется в текстах официально-делового стиля в качестве аргумента при вынесении решений [Кыркунова 2007: 129]. Важно замечание автора о том, что сами функционально-смысловые типы речи

обычно модифицируются в официально-деловых текстах, компрессируются включая только соответствующее тематике документа содержание [Кыркунова 2007: 130]. В деловых текстах описание выполняет лишь вспомогательную функцию, при этом авторы предлагают называть описание в деловом стиле констатацией-описанием, поскольку первична установка автора на использование констатации [Кыркунова, Ширинкина 2019: 38]. Описание при этом реализуется, прежде всего, в жанрах приказов, приговоров суда, обвинительных заключений, актов и протоколов [Кыркунова 2007: 131].

30) *Осмотром установлено. Трехэтажное кирпичное здание красного цвета, в котором разместились руководство комбината, вычислительный центр, бухгалтерия и некоторые другие административные службы. Северная его часть проходит вдоль ул. Парижской коммуны г. Энска, южная обращена к территории и производственным зданиям комбината, огороженным трехметровым забором из бетонных плит, западная сторона здания выходит в 1-й Северный переулок, восточная смыкается с пятиэтажным зданием филиала НИИ «Теплоприбор». Форма здания прямоугольная, его длина – 75 м, ширина – 18 м. Окна расположены равномерно по три окна с каждой из сторон, на первом этаже зарешечены. Входная дверь в центре здания, запасные выходы (их два) – с противоположной его стороны забиты гвоздями (Протокол осмотра места происшествия) [URL: <https://www.obrazec.org>].*

Как видно, в тексте преобладают предикаты бытия, важно наличие тех или иных объектов в пространстве, а не их характеристика, поэтому преобладают предикаты с общей бытийной семантикой. Структуру пространства передают актанты при ослаблении роли глагольных предикатов.

Входя в число книжных стилей, официально-деловой, как и научный, располагает описаниями целых классов объектов с перечислением их постоянных свойств, т.е. описаниями-характеристиками:

31) *Водоохранными зонами являются территории, которые примыкают к береговой линии (границам водного объекта) морей, рек, ручьев, каналов, озер, водохранилищ и на которых устанавливается специальный режим осуществления хозяйственной и иной деятельности в целях предотвращения загрязнения, засорения, заиления указанных водных объектов и истощения их вод, а также сохранения среды обитания водных биологических ресурсов и других объектов животного и растительного мира* (Водный кодекс РФ, № 74-ФЗ. Статья 65) [Водный кодекс РФ 2020].

Приведенный текст выстроен при помощи предиката *примыкают* со значением пространственного соотношения предметов (территории и береговой линии), однако в данном случае реализуется не актуальное значение предиката, а вневременное, т.е. в данном случае речь идет не о наблюдаемой в конкретный момент времени, а о постоянной характеристике объекта.

Контаминированное описание свойственно официально-деловому стилю при обрисовке внешне воспринимаемых признаков класса объектов. При этом официально-деловой текст отличается своей спецификой. Отличаясь предписующе-долженствующим характером изложения, официально-деловая речь характеризуется императивностью содержания и наличием соответствующих предикатов:

32) *Парты (столы) расставляются в учебных помещениях по номерам: меньшие - ближе к доске, большие - дальше. Для детей с нарушением слуха парты должны размещаться в первом ряду* (Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных организациях) [URL: [http://www. base.garant.ru](http://www.base.garant.ru)].

Предписующе-долженствующий характер описания класса предметов реализован в приведенном тексте. Подобное директивное «описание» не может быть определено как собственно описание в его хрестоматийном понимании, поскольку описательный текст отличается реальной модальностью,

т.е. прямое отношение действия к действительности, вербализуемая предикатами изъявительного наклонения [Нечаева 2011: 28].

В официально-деловом описании преобладают предикаты бытия и размещения, поскольку существенным оказывается отметить лишь наличие каких-либо объектов в описываемом пространстве, а не привести их выразительную характеристику. Особенно часто данная особенность официально-делового описания реализуется в приказах, приговорах суда, обвинительных заключениях, актах и протоколах [Кыркунова 2007: 133].

33) Слева по коридору расположен вход в маленькую комнату размером 4х3м. По левой от входа в комнату стене расположен плательный шкаф, содержимое которого перерыто и выброшено на пол вместе с ящиками. Далее расположен письменный стол, ящики которого выдвинуты, содержимое перерыто (Протокол осмотра места происшествия) [URL: [https:// www. studfiles.ru](https://www.studfiles.ru)].

Официально-деловые тексты располагают и описаниями конкретных объектов, например, в генеральном плане поселения (города, поселка и т.п.) и др. Однако и в данном случае мы имеем дело с определенным обобщением:

34) Город Северобайкальск расположен на северо-западном берегу озера Байкал. Территория городского округа - 110,54 кв. км. На территории городского округа проживает – 25,7 тыс. чел. По степени освоенности и характеру использования территории городской округ является наиболее освоенным в районе. Плотность населения в городском округе - 232,50 чел/кв. км (Генеральный план Муниципального образования «Город Северобайкальск») [Генплан МО «Город Северобайкальск» 2009].

В описании города указываются постоянные характеристики поселения (расположение, численность населения, его плотность).

Собственно визуальные описания в официально-деловом тексте встречаются при характеристике конкретного объекта (здания, парка) в документах, например, при создании проектов организации строительства в части, посвященной описанию объекта:

35) *Поверхность участка (кроме пятна застройки) представляет собой заасфальтированные и замощенные тротуары и проезды, и ухоженные газоны, примыкающие к зданию цирка. Перед главным входом для зрителей организована площадка, вымощенная мелкогабаритным тротуарным камнем с гранитными вставками, частично перекрытая входным козырьком, установлена камерная тематическая скульптурная композиция «Цирк приехал» (Дар скульптора Арсена Аветисяна городу) (Рабочий проект на капитальный ремонт и реставрацию здания ФГУК «Большой Санкт-Петербургский Государственный Цирк») [URL: <https://www.fabrikant.ru>].*

Официально-деловому описанию свойственно использование точных метрических пространственных характеристик объекта:

36) *Здание цирка состоит из круглого в плане зрительного зала и примыкающего к нему прямоугольного разноэтажного здания. Размеры в плане – 57 м на 83 м. Высота здания – 15,6 м (без учета высоты купола). Зрительный зал перекрыт куполом с размерами в плане 49,7 м. Наружные и внутренние стены выполнены из полнотелого глиняного кирпича, оштукатурены и окрашены. Внутренние перегородки – кирпичные (120мм.) и столярные с последующей штукатуркой по дранке (Рабочий проект на капитальный ремонт и реставрацию здания ФГУК «Большой Санкт-Петербургский Государственный Цирк») [URL: <https://www.fabrikant.ru>].*

Приведенное официально-деловое описание отличается логичностью и последовательностью изложения, специфической терминологией (*перекрыт, полнотелого кирпича*), точностью метрических характеристик (*размеры в плане – 57 м на 83 м, высота – 15,6 м, купол 49,7 м²*).

Говоря о специфике роли воспринимающего субъекта в научном и деловом тексте, отметим, что в подобных видах описания субъект восприятия проявляет себя как наблюдатель. Отмечая объективность научного описания, А.А. Горбачевский подчеркивает, что отношение автора научного текста к материалу может быть совершенно различным, но

проявлять его он не должен, однако это не означает «полного устранения авторского присутствия в тексте» при интерпретации материала [Горбачевский 2011: 15-16].

Автор и адресат незримо присутствуют всегда, но в научном и деловом описании субъект в наименьшей степени выражает себя, хотя например, современные гуманитарные научные тексты имеют тенденцию к повышению проявления авторского «я» и роли адресата.

В отличие от обыденного понимания пространства, отображенного, в частности, в художественном тексте, и отдающего приоритет топологическим свойствам над метрическими, объективное представление о мире, эксплицированное в научном и официально-деловом описаниях, тяготеет к использованию точных метрических данных по размеру, объему предметов, расстоянию между ними и т.п.

При этом в научном и официально-деловом описании реализуется позиция субъекта по наиболее полной и подробной характеристике объекта (например, портрет-ориентировка на подозреваемого в совершении преступления) в отличие от художественного текста, где описываться могут только значимые с позиции субъекта признаки картины (например, только описание глаз в описании-портрете).

Итак, в нашей диссертационной работе предлагается выделять контаминированное официально-деловое и научное описания, эксплицирующие наблюдаемые обобщенные признаки объектов. В исследуемых текстах находит отражение контаминация восприятия: использование сенсорного и ментального типов восприятия. В случае описания единичных предметов в искусствоведении, истории и некоторых других науках, а также в ряде официально-деловых материалов выстраивается визуальное научное и официально-деловое описания.

Публицистический стиль в силу обслуживания широкой сферы общественных отношений и существованию письменной и устной форм Н.С. Джамбинова предлагает рассматривать как некоторый макростиль,

который может быть подвержен дальнейшей внутристилевой дифференциации [Джамбинова 2007 б: 21]. М.Н. Кожина выделяет внутри публицистического стиля агитационный, политико-идеологический и газетно-публицистический подстили [Кожина 1993]. В последнее время исследователи причисляют к публицистике стили электронных СМИ (используемый в средствах электронной коммуникации: на радио, телевидении, в Интернете [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 374]) и рекламных сообщений [Кохтев 1991, Суворова 2013, и др.], выделяются и исследуются медиатексты [Коньков 2020, Шмелева 2019 и многие др.] и др.

В новейших исследованиях в области публицистического стиля предлагается разделение понятий публицистичности, проявляющейся в активном отношении к окружающей социальной действительности, и медийности, базовым свойством которой является утилитарность. В.И. Коньков объясняет существование газетно-информационной и собственно публицистической разновидностей публицистического стиля соединением «идей публицистичности и утилитарности» [Коньков 2020: 55].

К языковым особенностям публицистического стиля следует отнести употребление оценочных и выразительных средств и стремление к стандартизации (к стандартам могут быть отнесены специфические газетные средства и стилистически и эмоционально нейтральные) [Барлас 1978: 102-103]. В зависимости от жанра в текстах публицистики может преобладать экспрессия или стандарт [Десяева, Арефьева 2008: 140-142].

Некоторые публицистические жанры оказываются близки художественным, при этом публицистическое описание сближается с художественным [Десяева, Арефьева 2008: 257]. В этом случае функционирование глагольных предикатов сопоставимо с художественной речью. Такова, например, биографическая мемуарная книга И. Репина «Далёкое близкое», где автор описывает картину Л.И. Персанова:

37) По довольно широкому поемному лугу, осенью, в заморозки с инеем, садящимся гальванопластикой на каждую былинку и веточку, едут сани

вдоль реки. Дорога тянется под крутым берегом с поднимающимися вверх тропинками и просёлочными дорожками. Все, то есть вся картинка, в общем колорите защитного цвета, тонко делит планы плоскостей воздушной перспективы; заканчивает всё это простое местечко тончайшая, филигранная работа искуснейшего художника – инея (И. Репин. Далёкое близкое) [Репин 2002].

Приведенный словесный пейзаж решает ряд задач: воссоздаёт живописный шедевр, сообщает об уникальной манере художника, при этом И. Репин использует профессиональную терминологию изобразительного искусства [Дмитриевская 2013: 154-155].

В таком жанре, как очерк, характеризующемся изобразительностью письма, можно предположить наличие описаний с разными типами пространственных предикатов, поскольку в данном случае в текст включаются наглядные конкретные детали, часто представляемые как реально наблюдаемые автором [Стилистический энциклопедический словарь 2011: 84].

В других жанрах публицистики (например, хроника) на первое место может выходить стандарт, при этом в текстах можно встретить элементы научной и деловой речи. Подобный тип сообщений отличают лаконизм, сдержанность, официальность и объективность изложения, использование слов в прямых значениях [Десяева, Арефьева 2008: 147]:

38) На Челябинскую область упал метеорит. Во многих домах ударной волной выбило стекла, в некоторых зданиях обвалились крыши, повреждены линии электропередач. Пострадали около тысячи человек. Сайт "РГ" представляет хронику ЧП по минутам (В. Биль. Как падал метеорит) [Биль 2013].

В целом, в книге Н.Д. Десяевой, С.А. Арефьевьевой с опорой на работы А.Н. Беззубова, Д.Г. Бекасова, В.М. Горохова и др. публицистические жанры обобщены в три группы: информационные (репортаж, заметка, интервью, отчет), аналитические (статья, обзор, рецензия, обозрение и др.),

художественно-публицистические (зарисовка, памфлет, фельетон, очерк) [Десяева, Арефьева 2008: 147].

Исследованию функционирования глаголов речи в газетно-публицистическом стиле посвящены диссертационные работы Н.С. Джамбиновой, З.И. Добриевой [Джамбинова 2007, Добриева 2009]. З.И. Добриева утверждает, что в последние десятилетия публицистический стиль становится все более глагольным, приближаясь по употреблению глаголов к художественному стилю [Добриева 2009: 96-97]. Основными задачами глаголов в публицистике становятся комментирование, анализ и оценка фактов [Добриева 2009: 97].

Исследованием описания в публицистике занимается И.В. Реброва, выявляющая специфику описания в разных жанрах публицистики (информационный блог и прогноз погоды, газетная статья, текст рекламного характера, жанр-путешествие и др.), ученый выстраивает универсальную фреймовую модель: детерминант (Тема) – Сказуемое – Подлежащее (Рема), находящую отражение во всех жанрах публицистического стиля [Реброва 2017].

Поскольку часть публицистических жанров близка художественным, построение описательных текстов и функционирование в них глагольных предикатов сопоставимо с художественным стилем, располагающим визуальными описаниями конкретных предметов, входящих в поле зрения наблюдателя.

В книге воспоминаний Н. Ильиной «Дороги и судьбы» описания близки художественным, дается представление об отдельных объектах, попадавших в поле зрения автора, используются экспрессивные глагольные предикаты, единицы с переносным значением:

39) *Три маленькие комнаты в одноэтажном, оштукатуренном, под железной крышей домике, окна двух выходили в палисадник с акацией и черемухой... Была у нас ванная комната, и отопление, разумеется, печное, и кухня с плитой, топившейся дровами. Окно третьей комнаты глядело на*

просторный двор, с которым связаны все игры моего детства (Н. Ильина. Дороги и судьбы) [Ильина 1988].

Приведенное описание воспроизводит обстановку квартиры, используются предикаты направления (*выходили, глядело*).

Разнообразные предикаты содержат и другие публицистические материалы, например, туристические тексты:

40) *Туркомплекс находится в 2-х км от села Ацагат, в уютном уголке Ацагатской долины. Территория комплекса окружена с одной стороны холмами Тамхита, с другой стороны густым смешанным лесом. С горных вершин Улан-Бургасы бежит горный ручей с кристально чистой холодной водой. В ручей стекают воды целебных аршанов (Этно-тур «Путешествие в Ацагатскую долину»)* [URL: [https:// www.visitburiatia.ru](https://www.visitburiatia.ru)].

Информация о достопримечательностях может содержаться и в официальных изданиях, в этом случае описания безэмоциональны и сухи. Таков текст на сайте администрации г. Улан-Удэ, содержащий информацию о достопримечательностях города:

41) *Главный западный фасад выступами несущих стен, акцентированными лопатками визуально разделен на четыре части. В каждой из частей по центру дверной проем и два оконных проема по сторонам. Оконные и дверные проемы с лучковым завершением, декорированы кирпичными гладкими наличниками, в верхней части украшенными профилированными карнизами. Дверные наличники трехсторонние. Оконные проемы второго этажа прямоугольные. По всему периметру здания проходят небольшого выноса карниз и фриз, отделенный от плоскости стены поясом, квадратным в сечении. Стены кирпичные, фундаменты бутовые (Дом жилой с торговой лавкой купца Я.А. Немчинова)* [URL: [https:// www.ulan-ude-eg.ru](https://www.ulan-ude-eg.ru)].

Нейтральные предикаты с семантикой границ пространства (*разделен*) и направления (*проходят*) в сочетании со специальной терминологией

(несущие стены, дверной проем, оконный проем, профилированные карнизы, фриз, сечение) создают официальный текст.

Такие публицистические жанры, как хроника могут содержать элементы научной и деловой речи, ей свойственны сдержанность и официальность изложения [Десяева, Арефьева 2008: 147]. Однако в жанре хроники представлен, прежде всего, такой тип речи, как повествование:

42) *Огнеборцам удалось ликвидировать возгорание к четырем часам утра по местному времени. Сейчас открытых очагов горения нет, но пожарные продолжают проливать этажи небоскреба, которые пострадали от огня* (В Дубае потушили пожар в небоскребе Torch Tower) [URL: [https:// www.aif.ru](https://www.aif.ru)].

В приведенном тексте перечисляются последовательные действия пожарных: сначала ликвидировали возгорание, потом продолжили проливать небоскреб.

Анализ публицистических текстов выявляет дуализм их стилистической природы, поскольку построение описаний и выбор глагольных предикатов в одних жанрах оказываются близки художественному стилю, в других – официально-деловому.

§2.3. Специфика текстовой организации разговорного описания

Особое внимание лингвистов к изучению разговорной речи отмечается с 60-х гг. XX в., когда ученых заинтересовало соотношение понятий литературного языка, разговорного стиля и разговорной речи. Особый вклад в развитие исследований, касающихся разговорной речи, внесла О.Б. Сиротина, обозначившая, что данный феномен отличается отнесенностью к разговорному стилю изложения, характеризуется устной диалогической формой, бытовым или нейтральным типом речи (в противоположность книжному) [Сиротина 1969: 384].

Е.А. Земская при характеристике разговорной речи отмечает ее неподготовленность, непосредственное участие говорящего и

непринужденность [Земская 1970: 3, 1971: 69-70]. В понимании Е.А. Земской за границы разговорной речи следует вывести просторечие и диалектизмы, вписав ее тем самым в структуру литературного языка и обозначив отсутствие книжных кодифицированных форм. Разговорная речь обнаруживается при отсутствии официальных отношений между говорящими, установки на официальный характер сообщения и препятствий для непринужденного общения [Земская 1971: 69].

Важно замечание Е.А. Земской относительно различия системы кодифицированного литературного языка и разговорной речи набором единиц и их разной функциональной нагрузкой в двух системах [Земская 1971: 70].

Подчеркнем, что в данной работе термин «разговорная речь» используется в узком смысле как синоним разговорного стиля. Внимательному исследованию лингвистов подверглись лексические и синтаксические особенности разговорного стиля. В разговорном стиле употребляются слова с конкретными значениями, слова-«губки», значение которых проясняется ситуацией [Воронцова 2008: 79], эмоционально-оценочная лексика, окказионализмы [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 434-435]. Синтаксический строй исследуемого объекта, обусловленный стремлением к речевой экономии, свойственной разговорной речи [Инфантова 1973, 103-104], характеризуется незавершенностью реплик, эллиптичностью, упрощением или неупотреблением многочленных, усложненных по структуре форм, эмфатическими конструкциями [Скребнев 1985: 44] и тематической полифонией [Десяева, Арефьева 2008: 169].

Текстовая природа разговорной речи была обозначена в работе Е.Н. Ширяева, отметившего значительную роль неязыковых компонентов, тематическую разноплановость, возможность слабой связи между фрагментами [Ширяев 1982]. Т.В. Матвеева добавляет к текстovým характеристикам разговорной речи наличие категорий темы, времени и пространства, тональности, согласия / несогласия [Матвеева 1994: 138],

отмечая, что «в современной лингвостилистике нет сомнений относительно» правомерности выделения такого понятия “разговорный текст”. Автор понимает под подобным текстом «речевой отрезок, принадлежащий одному лицу, двум или нескольким лицам и соответствующий определенной экстралингвистической ситуации» [Матвеева 1990: 112].

М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский подчеркивают особый статус разговорной речи, называя подобные образования неканоническим текстом, которому присущи тональное единство, определенная тематическая структурированность, единство коммуникативной ситуации и относительное постоянство состава участников общения [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 447].

При анализе разговорной речи Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев вводят понятие конситуативных высказываний в разговорной речи, когда не полностью вербализован смысл высказывания, восполняемый ситуацией общения. К одному из типов конситуативных высказываний авторы относят визуально-чувственные высказывания [Земская и др. 1981: 212], понимая под визуально-чувственной ситуацией все, что партнеры коммуникации видят и ощущают [Земская и др. 1981: 193].

Особо выделяются конситуации с функциональным предметом-местом (кинотеатр – место, где смотрят фильмы), в которых при замещении позиции, связанной с функциональным предметом, позиция соответствующего функционального действия «не требует для своего осмысления конситуации, так как в этом случае образуется позиция нулевого полнозначного глагола: *Ты мне можешь это мясо топориком?* – ‘разрубить’» [Земская и др. 1981: 214-215].

Звуки и запахи, которые воспринимают говорящие, могут «активизировать в их сознании события, сопровождаемые этими звуками и запахами, незамещенные позиции в высказываниях могут опираться на эти события» [Земская и др. 1981: 217]. Так, при звуке разбитого стекла может следовать такая реплика: *Рюмка?* – ‘разбилась’.

Исследованию категории пространства, реализующейся предикативными единицами, в разговорной речи посвящена диссертация В.И. Бессудновой. Ученый, анализируя частотность употребления предикативных единиц с пространственным значением по сравнению с общим количеством предикатов, приходит к выводу о достаточно высокой доле пространственных предикатов: в среднем – 39%, однако количество предикативных единиц с пространственным значением зависит от темы разговора (конкретных фактов или умозрительных рассуждений) [Бессуднова 2004: 51-53].

В обиходно-бытовой речи предметы по месту их расположения могут быть охарактеризованы без участия глагола, при этом рассказу придается особый динамизм [Герасименко 2002: 28; Бессуднова 2004 а: 61]. Рассмотрим пример из речи информантов, приведенный в работе В.И. Бессудновой:

43) (Рассказ о поездке в Волгоград) *Короче/ потом идет/ вот заходишь/ вот так кухня/ потом очень просторный зал/ наверно как наш вот этот холл./ вот этот вот// Потолки везде/ как сказать/ не резные/ двойные такие/ фигурные потолки/ то есть сам потолок и еще от него отходит/ где-то вот настолько/ идут разные фигуры там красивые/ то полукругами/ то ромбами значит/ вообще/ и везде вот такие отверстия для лампочек// Подсветка// Очень классно... потом идет ванная/ там туалет и место для ванны/ ванна такая треугольная/ как у Бари Алибасова вот с этими с/ гидромассажем который стоит 30 тысяч* (Пример из [Бессуднова 2004 а]).

Приведенный отрывок следует отнести к описательному типу текста, в котором представлено пространство квартиры (описание-интерьер), текст строится при помощи актантов, особую роль выполняют указательные частицы, создающие ощущение включенности в ситуацию. Глагольные предикаты лексически ослаблены, представлены однокоренными формами *идет, отходит, идут*, призванными лишь обозначить наличие перечисляемых объектов в описываемом пространстве квартиры.

Компонент, который выражает направление движения, ориентированного действия или положения предмета, достаточно употребителен в разговорной речи и составляет более трети пространственных синтаксем в текстоидах – непринужденных разговорах с фиксированной темой без строгого членения на части, принципиально не завершенных с ассоциативными вставками [Сиротина 1994: 109]. В дискурсах (речевых образованиях, связанных местом их протекания, в которых господствуют ассоциативные связи, велика роль ситуации и невербальных средств коммуникации [Сиротина 1994: 122]) доля указанного компонента – 40% [Бессуднова 2004 а: 74]. В основном подобные формы входят в состав фрагментов, представляющих собой повествование.

44) *Они уже в магазин пошли; Мы ходили в лес; Не зашла еще в офис; И зачем-то из машины вылезла; Мы летом из-за Волги приедем; А бабушка пришла с огорода* (Пример из [Бессуднова 2004 а]).

И.М. Кобозева рассматривает описание как речевой жанр, в основе которого лежит вербализация статического трехмерного изображения, при этом отображаемое пространство соответствует его обыденному пониманию, выступая как объектно-заполненное, где положение каждого предмета определяется по отношению к другим предметам.

Наблюдения ученого за спонтанными текстами, описывающими воспринимаемое статичное трехмерное пространство [Кобозева 1997, 2000 а], приводят ученого к выводам о том, что способы дискретизации целостной картины, называемые композиционными стратегиями, сводятся к четырем: стратегия фрейма, при которой пространство членится на фрагменты; стратегия выдающихся объектов, формирующих описываемое пространство; стратегия пути, соответствующая траектории воображаемого движения наблюдателя и стратегия сканирования, при которой сцена сканируется, как правило, слева направо сверху вниз. В одном тексте возможно последовательное соединение названных стратегий [Кобозева 2000 а: 152-161].

Понимая разговорную речь в широком смысле, используя термин «народно-разговорная речь», О.Г. Лещинская приводит в своей работе интересные наблюдения над представлением в речи горожан города Омска характеристик сенсорного восприятия [Лещинская 2008]. Автор отмечает, что в просторечии и жаргоне, преобладающих в народно-разговорной речи города, мало номинаций пространственных характеристик объектов, поскольку пространственные номинации отражают норму, а в жаргоне важно отразить отклонение от нормы [Лещинская 2008: 71-72]. Единственной формой, отображающей позицию объекта в пространстве, присутствующую в народно-разговорной речи, О.Г. Лещинская называет форму *колбаситься* [Лещинская 2008: 72], истолкованную с опорой на Словарь современного русского города под редакцией Б.И. Осипова – ‘криво, неровно висеть’ [Словарь современного русского города 2003: 208]. К просторечным глаголам движения автор относит *маячить, мельтешить, шнырять, мотыляться, лебезить* [Лещинская 2008: 72].

Опираясь на выводы Е.А. Земской о распространенности визуально-чувственных высказываний, не полностью вербализующих смысл сообщения, а также доминирующий диалогический характер разговорной речи, можно предположить частотность описательных контекстов с незамещенной позицией сказуемого в разговорной речи. Основываясь на такой характеристике разговорной речи, как спонтанность (О.Б. Сиротина и др.), авторы учебника по стилистике современного русского языка констатируют незавершенность сверхфразовых единств, составляющих тексты разговорной речи [Десяева, Арефьева 2008: 168], следовательно, возможно предположить наличие в разговорном стиле особых незавершенных текстовых структур описаний. Итак, стилевая дифференциация проявляется на уровне организации текста типа «описания» и функционирования в его составе глагольных предикатов.

Опираясь на признание текстовой природы разговорной речи, в данном параграфе мы рассмотрим описательные текстовые фрагменты разговорного

стиля. Материалом для анализа выступают записи живой разговорной речи, представленные в устном корпусе НКРЯ, хрестоматии А.А. Юнаковской «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска)», материалах проекта «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» ([www. http://spokencorpora.ru](http://spokencorpora.ru)), на сайте «Прожито», где собраны личные истории в электронном корпусе дневников (www.prozhito.org), на сайтах отзывов (www.otzovik.com, www.irecommend.ru) и др.

В разговорном стиле могут быть представлены и визуальные описания, и описания-характеристики.

Так, в отзыве о новом ноутбуке содержатся и описания-характеристики, и визуальные описания.

Так, характеристика объекта, содержащая постоянные признаки ноутбука, содержится в следующем фрагменте:

45) (...) *высокая цена ноутбука не должна отпугивать: Honor MagicBook 14 - отличный (я бы даже сказал из-за его характеристик – это лучший вариант за свои деньги) вариант как для работы, так и для игр или монтажа видео, а благодаря его размерам - он не занимает много места. Его особенный дизайн - радует глаз. Особенно хочу порекомендовать Honor MagicBook 14 студентам, очень удобно и комфортно* (Nikita Shkrapko. Ноутбук Huawei Honor MagicBook 14 - Отличный ноутбук за свои деньги) [URL: <https://www.otzovik.com>].

В следующем тексте дается характеристика технической новинки, перечисляемые признаки могут быть восприняты с помощью органов чувств:

46) *Honor MagicBook 14 имеет полностью надежный крепкий алюминиевый корпус темно-серого цвета с надписью Honor - голубого цвета, очень стильное решение.*

В сочетании с черной клавиатурой на сером фоне смотрится очень красиво и креативно (Nikita Shkrapko. Ноутбук Huawei Honor MagicBook 14 - Отличный ноутбук за свои деньги) [URL: <https://www.otzovik.com>].

В данном случае автор пишет о конкретном ноутбуке, который он заказал, сопровождая текст фотографиями конкретной единицы.

В следующем тексте дается характеристика города, перечисляемые признаки постоянны, при этом часть из них может быть воспринята с помощью органов чувств (*красивый, расположен на двух уровнях*), часть невизуальна (*старинный, там селились купцы*), кроме того, перечисляются признаки, которые неактуальны на настоящий момент, в прошлом они могли быть восприняты как визуальные, сейчас знание о них остается только в памяти (*там была гимназия, дом, много особняков, церквей, церкви были разрушены*):

47) Красивый/ старинный город/ особенно подгорная часть. Город расположен на двух уровнях/ так называются – подгорная часть и нагорная часть. Подгорная часть/ как правило/ там селились купцы в дореволюционной России и ремесленный люд. Там же была гимназия/ был губернаторский дом и много таких массивных кирпичных купеческих особняков/ красивых/ стоящих. И очень много церквей было. К сожалению/ во время советской власти церкви были разрушены/ многие купеческие особняки тоже пошли прахом. В губернаторском дворце разместился банк государственный (Рассказ женщины о своей жизни, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Ранее отмечались возможности характеристики расположения предметов без использования глагола в разговорной речи. Обозначенная особенность относится и к построению описательных высказываний в составе текстов описаний, полнота высказываний достигается при этом за счет восполнения семантики высказываний ситуацией общения.

В случае опосредованного общения, например, в сети Интернет, безглагольные конструкции также распространены. Приводимые ниже примеры взяты с сайта отзывов www.otzovik.com и составлены для отражения личных впечатлений лиц, посетивших какое-либо место, воспользовавшихся услугой или приобретших какой-либо товар. Поскольку

отзывы, как правило, содержат фото товара или места посещения, то описание может быть избыточным и автор способен употреблять лишь вербальные формы, вводящие в контекст ту или иную фотографию *На фото ниже замок, море, швейная машина* и т.д. При этом в случае наличия описательного фрагмента он часто отличается безглагольностью:

48) *Слева аттракционы – Автодром (машинки) и Ветерок (карусели), рядом с каждым стоит итендер (переносной рекламный щит), на нем написано всё об аттракционе и правила поведения (...). С правой стороны игровой городок, спортивная площадка и батут, вдоль дорожек лавочки для отдыха¹ (kiss-kaosenka. Парк культуры и отдыха). [URL: <https://www.otzovik.com>].*

Проследить за построением безглагольных описаний можно в разговорных текстах № 79, 80, 83, 87, 100 Приложения 1.

Взяв на основу следующие отличительные черты разговорной речи – спонтанность и констатацию незавершенности разговорных сверхфразовых единств, можно говорить о наличии в разговорном стиле особых незавершенных текстовых структур описаний. На сайте отзывов при возможности автора вернуться, перечитать и исправить составленный текст описания часто имеют завершённую структуру:

49) *Я считаю, что отель расположен очень удачно – хоть до моря и надо пройти минут 15-20, зато нет того шума и толп, что у прибрежных отелей. Прямо около отеля есть продуктовый магазин (какие там вкусные пироженки...!) Немного подальше (минут 10 ходьбы) – большой супермаркет (Mmasinka. Отель Amaris 3*) [URL: <https://www.otzovik.com>].*

В случае записи живой речи, представленной, в частности в устной коллекции НКРЯ, ряд описаний отличается повторами и незаконченностью текстовых структур:

50) *На 3-ий этаж заходишь/ короче/ вот так вот идет/ комната Антохи/ а/ знаете как крыша сделана/ вот там всё такое прямоугольное //*

---

¹ Здесь и далее сохраняется авторская пунктуация.

Подвал и 2-ой этаж/ а эта крыша значит вот идет/ вот такая/ как сама крыша/ вот такая надстройка прямоугольная/ такая вот она прямоугольная/ а вот это все идет покато/ вот так/ и с той стороны тоже вот такая// Или с той стороны нет/ с той стороны просто покатая а вот здесь такая пристройка/ ну в общем где лестница где это всё.¹ (Разговор о поездке в Волгоград, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Подводя некоторые итоги, следует подчеркнуть, что специфика представления пространства в художественном и разговорном описании, реализующая обыденное понимание пространства, состоит в воссоздании только определенных, значимых с позиции говорящего объектов, связанных пространственными отношениями, в отличие от научного или официально-делового текста, где может приводиться полная подробная характеристика описываемого пространства. При описании места происшествия приводится подробное перечисление имеющихся объектов, поскольку они могут оказаться значимыми при дальнейшем расследовании:

51) В комнате стоят три старых венских стула: один около окна рядом со столом, второй около однотумбового стола, третий у правой стены. В 160 см от окна вдоль южной стены стоит сейф с двумя отделениями: верхним и нижним. Размер сейфа: 60 на 50 на 150 см (...)

В 25 см от сейфа на полу обнаружена пуговица темно-коричневого цвета без рисунка диаметром 1,2 см.

Рядом с сейфом стоит двустворчатый шкаф шириной 90 см, высотой 200 см, вдоль северной стены в 100 см от входной двери - столик размером 110 на 90 см без тумб и шкафчиков.

В центре комнаты обнаружены два следа туфель, их длина одинакова – 27 см (Протокол осмотра места происшествия) [URL: [https:// www.obrazec.org](https://www.obrazec.org)].

При вербализации говорящим описываемого пространства в данном случае тоже производится определенный отбор того, что попадает в поле

---

¹ Здесь и далее сохраняется деление на синтагмы, сделанное в источнике заимствования.

зрения, так, в протоколе осмотра места происшествия значимыми могут быть детали, не несущие ценности с позиции обывателя: *пуговица* или *следы* на полу. При описании интерьера в художественном или разговорном тексте автор может остановиться лишь на указании наиболее важных с его точки зрения объектах. При этом те же предметы, упомянутые в рамках описания, в других стилях приобретут иное значение: в разговорном тексте на сайте отзывов об отелях упоминание подобных объектов может носить оценочный характер: нахождение пуговицы или следов на полу может говорить о том, что комнату плохо убирают. В художественном описании при упоминании подобных объектов им может быть приписан символический смысл, нахождение их на полу будет свидетельствовать о характере героя (вспомним описание комнаты Обломова, где вся обстановка изобличала «только желание кое-как соблюсти decorum»).

Выводы по главе II

В работе введено понятие стилистической парадигмы описания, позволяющее говорить о специфике текстов описаний и функционирования глагольных предикатов в зависимости от стилевой принадлежности фрагмента.

Теория функционально-смысловых типов речи требующая встраивания в современную лингвистическую парадигму, диктует необходимость конструирования динамической рецептивно-прагматической модели описания, обуславливающую включение в состав модели позиции наблюдающего субъекта.

В работе фигура – описание ситуации (микроконтекст) – выступает как референциальная категория, а фон – инструмент управления нашим восприятием – как категория рецептивная. Таким образом, в настоящем исследовании предлагается говорить не о структурно-семантической, а о рецептивно-прагматической модели описания. Субъектная перспектива текста может быть представлена как прагматическая модель, выполняющая функцию навигации в топохроносе.

Настоящее исследование предлагает движение от семантического синтаксиса к прагматическому, что может быть приложено не только к описательному тексту, но и к другим текстовым конструктам для объяснения ряда лингвистических явлений.

В художественном тексте точка зрения наблюдателя определяет выбор предикатов, предикатная составляющая описания сигнализирует о намерениях наблюдателя более или менее полно представить увиденное. Если фигура воспринимающего субъекта в художественном и разговорном описании может выступать как конкретное лицо, то в научном и официально-деловом тексте это некоторая неопределенная, обобщенная фигура, поскольку подобное описание предполагает обобщение признаков. Автор и адресат незримо присутствуют всегда, но в научном и деловом описании

субъект в наименьшей степени выражает себя. В подобных видах описания субъект восприятия проявляет себя как объективный наблюдатель.

При этом в научном и официально-деловом описании реализуется позиция субъекта по наиболее полной и подробной характеристике объекта (например, портрет-ориентировка на подозреваемого в совершении преступления) в отличие от художественного текста, где описываться могут только значимые с позиции субъекта признаки картины (например, только описание глаз в описании-портрете). Кроме того, в научных и официально-деловых текстах приоритет отдается отображению метрических свойств пространства в отличие от художественного и разговорного, где реализуется обыденное понимание пространства и его топологические свойства.

В научном и официально-деловом стилях описание часто бывает представлено такими его разновидностями, как описание-характеристика и контаминированное описание, во втором случае наблюдается сочетание свойств визуального описания и описания-характеристики. Кроме того, научный и официально-деловой стили располагают визуальными описаниями конкретных объектов (описания небесных тел в астрономии, местности в географии, произведения искусства в искусствоведении, объекта при создании проектов организации строительства и др.).

Максимальное разнообразие ЛСГ глагольных предикатов отмечено в описательных текстах в астрономии, географии, зоологии, искусствоведении, что объясняется особенностями самих объектов описания в перечисленных науках – воспроизведением особенностей земной поверхности (география), воссозданием образа небесных тел (астрономия), описанием внешнего вида живых существ (зоология) или передачей содержания картины (искусствоведение).

В официально-деловом стиле наличие разных ЛСГ предикатов допустимо при создании проектов организации строительства в части, посвященной описанию объекта, технических заключениях о состоянии

строительных конструкций и др., что объясняется описанием в подобных материалах объектов, имеющих пространственную структуру.

На основе анализа публицистических текстов был выявлен дуализм их стилистической природы: в ряде жанров, например, в книгах воспоминаний, эссе, очерках и др. построение текстовых фрагментов и функционирование в них глагольных предикатов сопоставимо с художественным стилем, располагающим визуальными описаниями конкретных предметов, входящих в поле зрения наблюдателя; описания в других материалах, входящие, например, в официальные издания, тяготеют к официально-деловому письму, характеризующемуся сухостью речи, использованием нейтральных и специальных предикатов и др.

Для разговорного описания, в котором могут быть отмечены описания-характеристики, контаминированные и визуальные описания, типичны незавершенные описательные текстовые структуры, повторы, частотность безглагольных конструкций и функционирование нейтральных и разговорных единиц с пространственной семантикой.

Таким образом, описание в текстах разных функциональных стилей характеризуются не только и не столько разным набором лексических или грамматических средств, но разными позициями говорящего, преобладанием разных типов описания и способом представления описываемого объекта [Варфоломеева 2020]. Выявление рецептивного пространства и прагматических смыслов в большей степени актуально для художественного текста, применительно к описаниям в других стилях целесообразно говорить о градуированных фоне и фигуре, которые позволяют поместить художественный текст в ядро парадигмы, рядом с ним располагаются публицистический и разговорный тексты, далее по степени градации следуют научный и официально-деловой. Отметим, что рассмотрение специфики роли наблюдающего субъекта в текстах разных функциональных стилей следует отнести к отдельной научной проблеме и вывести в перспективу исследований.

Глава III. Зоны ядра и ближайшей периферии

семантического поля пространства:

семантика неакциональных глагольных предикатов описания

Отталкиваясь от предложенного во второй главе состава рецептивно-прагматической модели описания, включающей позицию наблюдателя, а также предикатно-актантную структуру, далее остановимся на исследовании лексического значения глагольных предикатов, вербализующих пространственные параметры в описании.

§3.1. Классификация глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики

Выделение ЛСГ глагольных предикатов предполагает их классификацию. Однако необходимо заметить, что выстраивание современных классификаций должно проводиться с учетом данных лингвокогнитологии, предполагающей апелляцию к процессам концептуализации и категоризации явлений, поэтому в результате исследования должна сформироваться определенная модель представления пространственных отношений, реализуемая предикатами описательного текста.

Руководствуясь принципом антропоцентризма, необходимо выстраивание классификации глагольных предикатов, в которой исходной категорией выступает фигура воспринимающего лица – перцептора, поскольку в описательном тексте вербализуются синхронные признаки предметного ряда, воспринимаемые некоторым субъектом. Эмпирическая база исследования (4325 глагольных предикатов, используемых при построении более 2900 описательных текстов) позволяет выявить следующие типы глагольных предикатов в соответствии со способом восприятия:

предикаты зрительной, слуховой, обонятельной, тактильной, вкусовой и недифференцированной рецептивных характеристик.

Понятие пространственного различия напрямую связано с изучением феномена восприятия, который выступает одним из центральных объектов лингвокогнитологии [Кравченко 1996, Кубрякова 1997 и др.]. Анализ подобного типа сопряжен с интеграционным подходом, согласно которому в работе совмещаются данные языкознания, психологии и физиологии. В результате в науке сформировалось представление о том, что пространственное различие осуществляется всеми сенсорными системами [Бериташвили 1961, Ананьев 1996 и др.].

Предложенная в данной работе классификация строится на разграничении ЛСГ глагольных предикатов по их семантическим признакам.

Выделение ЛСГ осуществляется на основании некоторого семантического признака (идентифицирующей семы), регулярно повторяющегося в лексических единицах класса и специфических (дифференцирующих) сем, которые противопоставляют определенную лексему другим. Слова входят в ЛСГ своими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). ЛСГ имеют подвижные границы вследствие их динамизма и развития семантической структуры их элементов.

Критериями выделения ЛСГ в данном исследовании выступают 1) наличие инвариантного значения всех глагольных предикатов описательного текста – значения существования (обозначенный глубинный смысл может быть назван семантическим кварком – регулярным смыслом, входящим в состав семантики всех глагольных предикатов текста типа «описание» [Теоретические проблемы русского синтаксиса 2010: 291]); и 2) способ существования объектов в пространстве, который реализуется через особенности восприятия, последнее может быть разделено по видам анализаторов (зрительное, аудиальное и др.) и формам существования материи (восприятие движения, пространства, времени) [Баданина 2008: 36-38]. Применительно к описательному тексту можно сказать, что данный тип

текста вербализует пространство, воспринимаемое посредством органов чувств [Варфоломеева 2017: 107].

Типологическое разнообразие ЛСГ глагольных предикатов, передающих пространственные отношения в текстовых структурах описания, в определенной степени зависит от области знания, жанра и авторской индивидуальности.

В описаниях книжных стилей могут быть использованы предикаты всех выделенных ЛСГ глагольных предикатов, однако их употребление в книжных стилях несколько ограничено по сравнению с художественным описанием.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что одни научные дисциплины и области знания пользуются преимущественно информативными типами текстов – описанием и повествованием, другие – преимущественно объяснительными – рассуждением, что находит отражение в традиционном членении наук на точные и описательные. Однако описательные фрагменты допустимы в работах разнообразных областей знания.

В научных и официально-деловых описаниях распространены нейтральные предикаты. При помощи подобных единиц, в частности, строится описание внутреннего строения Колизея и транспортной развязки:

52) Согласно реконструкции Уджери-Кнаппа - Хюльзена, в Колизее было только три яруса мест для зрителей, с подиумом – четыре; верхний ярус опирался не на каменные своды, а на деревянную конструкцию; колоннада верхнего портика помещалась не над вторым, а над третьим кольцом столбов, т. е. над бальтеусом, и закрывала, таким образом, четвертый ярус; над портиком и над верхней наружной кольцевой галереей располагалась терраса 12-метровой ширины; у стены под террасой шла низкая галерея, перекрытая плоским цилиндрическим сводом... (А. Цирес. Архитектура Колизея) [Цирес 1940].

В приведенном научном описании функционируют нейтральные предикаты, характеризующие пространственные параметры элементов: это собственно бытийный предикат (*было*), предикаты пространственного соотношения предметов (*опирался, закрывала*), размещения в пространстве (*помещалась, располагалась*), направления (*шла*).

53) *Проектируемая транспортная развязка расположена в Северном Административном округе г. Москвы, на пересечении Ленинградского шоссе с МКАД. Участок ленинградского шоссе пересекает канал им. Москвы (Ленинградский проспект – Ленинградское шоссе. Реконструкция транспортной развязки с МКАД: проектная документация) [URL: <http://www.mosinzhproekt.ru>].*

В представленном тексте использованы нейтральные предикаты размещения в пространстве (*расположена*) и направления (*пересекает*).

Художественному стилю свойственно использование не только нейтральных, но и экспрессивных, окказиональных предикатов. К значению предиката добавляется и значение конструкции: переходная конструкция выражает более активное действие, чем непереходная с обстоятельством места, в силу чего создается эффект метафоричности, более ощутимый при неодушевленном субъекте. Подобное функционирование конструкций называют грамматическим анимизмом [ТФГ 1996: 22]: *Деревья располагаются вокруг дома / Деревья обступают дом*. Конструкции с метафорическим значением типичны для художественного текста, несвойственны научному и официально-деловому стилям, но возможны в публицистических жанрах, близких художественному стилю:

54) *Почти на всем протяжении дороги сосны слегка подталкивают своих нежных и красивых сестер – белых берез (а их здесь очень мало) к самой обочине, словно очень хотят, чтобы люди видели их красоту. А они, как босоногие девчонки, жмутся к соснам и приветливо, смущенно улыбаются нам (Испытание трассой) [Испытание трассой 1978].*

В приведенном тексте из публицистической книги о БАМе содержатся метафорические конструкции, при этом акциональные предикаты, используемые с неличным именем субъекта, обозначают статичный способ существования объектов, вербализуя пространственное соотношение предметов (*берез* и *сосен*).

Несмотря на господство принципа полноструктурного речевого оформления, проявляющегося в активном использовании аналитических форм [Васильева 1976: 128], в научной и официально-деловой речи оказывается допустимым эллипсис глагольного сказуемого, используемого для устранения тавтологии [Сковородников 1978: 39].

55) *По форме Киву слегка напоминает лист вяза или граба, причем Рузизи играет роль черешка. Длина озера (с севера на юг) немного больше 100 км, наибольшая ширина – 45 км. Площадь водного зеркала – 2370 км², общая же площадь озера вместе с островами – около 2700 км². Киву, таким образом, превосходит по размерам озеро Иди-Амин-Дада, но примерно вдвое меньше озера Мобуту-Сесе-Секо (Ю. Дмитриевский. Озера Африки) [Дмитревский 1979].*

55-ое научное описание строится с помощью глагольных предикатов (*напоминает, играет роль, превосходит*) и эллиптических конструкций при которых представление о структурированном пространстве вербализуется актантами (*ширина, площадь, общая площадь*).

Подобное употребление эллиптических конструкций возможно в публицистическом описании:

56) *Единственный в ту сторону тракт обрывался у небольшого бурятского улуса Улюнхан на 550-м километре. А дальше узкая охотничья тропа, петляющая в безбрежной баргузинской тайге от зимовья к зимовью. Суровые неуютные гольцы, непроходимые мари, горные кручи, нависшие над стремительными безымянными речушками... (Испытание трассой) [Испытание трассой 1978].*

Проследить за функционированием эллиптических конструкций в описании книжных стилей можно обратившись к текстам № 58, 74, 75 Приложения 1.

Наличие стилистически ограниченных разговорных единиц и экспрессивных предикатов в разговорном описании продиктовано самой его онтологической основой, для него типична эмоционально-оценочная лексика, вытекающая из общего антропоцентричного характера речи.

Оценочность достигается путем использования экспрессивных предикатов либо общей оценочной модальностью текстового фрагмента:

57) *Такой огромный телек / наверное... ну / сколько... метра два / на метра два и на метр. [Смех] Ну / реальный телевизор / шипит / скрипит / еле показывает / но показывает!* (Рассказ о конференции, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Общий оценочный характер описательного текста задается, в первую очередь, при помощи оценочных прилагательных (*огромный, реальный*), существительного с суффиксом субъективной оценки (*телек*). Глагольные предикаты *шипит, скрипит, показывает* с общей нейтральной стилистической окраской приобретают в общем оценочном контексте особую функцию выразительной характеристики «поведения» старинного телевизора.

Е.Ю. Сидорова указывает на наличие различных семантических процессов (метафорический перенос, метонимический перенос, сужение или расширение значения) при образовании разговорных глаголов [Сидорова 2016: 69].

Помимо нейтральных единиц, свойственных текстам описаний любой стилевой принадлежности, специфику разговорной речи составляют единицы, имеющие в «Большом толковом словаре русского языка» (главный редактор С.А. Кузнецов) [БТС 2014], справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» под общей редакцией Т.В. Матвеевой [ЛСГ русских глаголов 1988], «Современном толковом словаре русского языка»

[СТСРЯ 2006], «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [РСС 2007] и «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко [Толковый словарь русских глаголов 1999] помету разговорного стиля. Напомним, что в данной диссертации не рассматриваются просторечные, жаргонные, диалектные и т.п. формы проявления языка.

Глагольные предикаты, объединенные бытийной семантикой, могут реализовывать в контексте описания разные значения, и, следовательно, входить в разные ЛСГ. Так, предикат *лежать* может реализовать в тексте позиционный ЛСВ, указывать на размещение, направление в пространстве, содержать семантический компонент формы, иметь экзистенциальное значение:

1. *Учебник лежит* (находится в горизонтальном положении) *на парте* – позиционный предикат.
2. *Село лежит* (расположено) *в низине* – предикат размещения в пространстве.
3. *Тропинка лежит* (имеет направление) *на восток* – предикат направления.
4. *Волосы лежат* (имеют определенную форму) *шапкой*¹ – предикат с семантическим компонентом формы.
5. *На горах лежит* (есть) *мгла* – экзистенциальный предикат.

Итак, ядро семантического поля пространства составляют неакциональные предикаты, которые наиболее частотны при создании текстовых структур описания. В ядро входят нейтральные, неэкспрессивные предикаты, функционирование которых неограничено стилистически. Экспрессивные, стилистически ограниченные, окказиональные формы следует отнести к зоне ближайшей периферии семантического поля пространства в описании.

---

¹ 1. Возможность реализации в контексте данного значения лексемы *лежать* отмечена в словаре [Комплексный учебный словарь: лексическая основа русского языка 2004: 204].

Выявление ЛСГ глагольных предикатов предполагает их классификацию. Сопоставляя русские и английские лексемы, Л.В. Гукина разделяет глаголы пространственной семантики на две группы по степени отношения к наблюдателю: глаголы, выражающие собственную протяженность статичного объекта, и глаголы, относящиеся к «сфере наблюдателя» [Гукина 1997: 9].

В данном диссертационном исследовании неакциональные глагольные предикаты, используемые в описательном тексте, можно разделить на два блока: 1) выражающие пространственные характеристики и 2) проявления качественного состояния объекта.

1. Две системы видения мира предполагают выделение внутри первого блока предикатов двух подблоков: единиц вербализации пространственных свойств объекта в отношении другого объекта и номинации собственных пространственных характеристик объекта. В работе известного лингвиста-когнитолога Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2000 б] указывается на тот факт, что исследования в области зрительного восприятия свидетельствуют о сформированности у человека двух систем мировидения, которые называются ЧТО-система и ГДЕ-система, если задача первой состоит в распознавании предметов, которые попадают в поле зрения, то цель второй – определение расстояний до предмета и между предметами [Кубрякова 2000 б: 88]. Выделенные два блока предикатов могут быть соотнесены с указанной теорией. Семантика предикатов, вербализующих пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта, соотносима с ГДЕ-системой видения мира при том, что единицы, вербализующие собственные пространственные характеристики объекта, которые могут быть выражены без отношения к другому объекту, входят в восприятие ЧТО-системой.

А. Предикаты, вербализующие пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта, выражают семантику сопространственности / несопространственности, предполагающую соположение в пространстве какого-либо объекта и пространственного

ориентира (локума) [Всеволодова, Владимирский 1982: 6; Плунгян 1999: 207]. Последовательность перечисления предикатов в блоке А следующая: сначала перечисляются ЛСГ предикатов, реализующих значение сопространственности, затем ЛСГ, содержащие предикаты с семантикой сопространственности / несопространственности, далее ЛСГ предикатов с семантикой несопространственности.

Б. Единицы, вербализующие собственные пространственные характеристики объекта, которые могут быть выражены без отношения к другому (другим) объекту (объектам) в пределах описательной микротемы не соотносятся с оппозицией сопространственности / несопространственности.

На синтаксическом уровне это деление предикатов на два блока выражается в их сочетаемости. Пространственный распространитель блока а) предикатов, вербализующих пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта, является обязательным, причем в данном случае в качестве распространителя могут использоваться не только обстоятельственные средства, выраженные предложно-падежными формами существительного или наречием места (например, локусы: *в комнате, у окна, здесь*), но и объекты, несущие пространственную семантику в самой своей основе: *стебли охватывают ствол, спальня увешана фотографиями*. Подобные единицы называются локативно-валентными, т.е. такими, у которых в само толкование входит указание на пространственный ориентир (*лежать, находиться – где?*), другие глаголы лишь допускают эти распространители [Саевич 1986: 1-9].

2. Предикаты проявления качественного состояния объекта.

Среди предикатов данного блока можно выделить ЛСГ глагольных предикатов с семой 'открывать пространство для наблюдателя' (*открываться, разворачиваться*). Роль указания на говорящего и его значение для объяснения целого ряда языковых явлений в настоящее время не подлежит сомнению [Падучева 1996: 411; Кравченко 1993: 45]. Е.В. Падучева отмечает, что функцию заместителя говорящего в нарративе может

выполнять один из персонажей, повествователь или рассказчик [Падучева 1993: 37].

При анализе роли и функции заместителя говорящего в описании ученые выделяют в качестве одной из ипостасей говорящего субъект наблюдения – наблюдателя [Корпусова 2001: 44]. М.В. Бохиева замечает, что при наблюдателе реализуется актуальное значение описываемых признаков, явления при этом предстают как данные непосредственному наблюдению [Бохиева 1998: 9]. Однако объект не всегда воспринимается именно говорящим, описание может строиться с опорой на чувственный опыт другого лица, иначе говоря, говорящий не всегда является наблюдателем [Падучева 1996: 412]. Однако из описательной микротемы невозможно сделать вывод о том, на основе чьих ощущений (своих или чужих) строится высказывание, подобная информация может содержаться в предшествующем повествовательном контексте, разрывать описание или следовать за ним [Корпусова 2004: 44].

Кроме того, выделяется ЛСГ глаголов со значением неполной доступности чего-либо для зрительного восприятия (*выглядывать, исчезать, появляться, проглядывать, пропадать*).

Для удобства в данной диссертационной работе используется сквозная нумерация ЛСГ. Причастия рассматриваются традиционно как глагольные формы.

1. Предикаты, выражающие пространственные характеристики объектов.

Блок А. Предикаты, вербализующие пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта.

1. В художественном описании частотны глагольные предикаты со значением **размещения в пространстве** (термин М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского [Всеволодова, Владимирский

1982: 28]): *вещи помещаются, размещаются¹, располагаются помещены, размещены в комнате; поселок лежит² в низине; озеро покоится; дом стоит на пригорке; луна висит низко; на туловище без признака шеи сидит голова* (И. Тургенев) и др.

В данном случае глаголы *стоять* (дом *стоит* на пригорке), *лежать* (поселок *лежит* в низине), *сидеть* (голова *сидит* на туловище) имеют не позиционное значение (см. ниже 2-ую ЛСГ глагольных предикатов), а значение размещения в пространстве. При этом глагол *сидеть* имеет значение ‘находиться в тесном контакте с поверхностью или в тесном вместилище’ (*документы сидят в шкафу, шуруп сидит в стене*) [Бутаева 2010: 47]. А.В. Трофимова отмечает частотность непозиционных локальных (размещения) и экзистенциальных ЛСВ подобных форм [Трофимова 2015: 196].

Говоря о семантике предикатов размещения, следует отметить, что они обозначают пространственное положение с опорой на поверхность в общем виде [Ибрагимова 1994: 23].

В.Л. Ибрагимова отмечает наибольшую коммуникативную значимость глаголов *стоять, лежать, висеть, сидеть*, что проявляется в наличии большого потенциала семантического варьирования, выражающегося в частности в генерализации значения с нейтрализацией признаков горизонтального, вертикального, сидячего или висячего положений [Ибрагимова 1994: 34].

Дифференциация значения размещения и позиционного значения реализуется в контексте при сочетаемости глагола: в случае сочетания глагола определенного уровня конкретности (*сидеть, лежать* и др.) с именем этого же уровня конкретности (*сидеть на*

---

¹ Как самостоятельные лексемы рассматриваются однокоренные слова, имеющие отличные значения и представленные в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова в виде заглавных слов.

² Кроме значения размещения, у *лежать* выявлена возможность реализации позиционного ЛСВ, значения направления в пространстве, формы предмета, экзистенциального значения (см. сс. 149-156).

стуле, лежать на полке) возникает координация и реализуется позиционное значение, в случае сочетания с семантически некоррелированными компонентами (*сидеть в стене, лежать в низине*) реализуется генерализованное значение размещения в пространстве из-за отсутствия необходимости в точном обозначении пространственного расположения [Ибрагимова 1994: 42-43].

Предикат *покоиться* по сравнению с предикатом *лежать* имеет дополнительную сему 'неподвижно'.

Приводимый ниже описательный текст построен с помощью глагольных предикатов с семантикой размещения в пространстве и эллиптических конструкций:

58) *На столе перед двумя окнами поместилась шкатулка. На письменном столе перед диваном – портфель, банка с одеколоном, сургуч, зубные щетки, новый календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комод, уже находившемся в спальне; белье же, которое следовало прачке, завязано было в узел и подсунуто под кровать. Чемодан, по опростанье его, был тоже подсунут под кровать. Сабля поместилась также в спальне, повиснувши на гвозде невдалеке от кровати* (Н. Гоголь. Мертвые души) [Гоголь 1977].

В данном тексте продуктивен предикат размещения *поместиться*, функционирующий в тексте с разными актантами (*шкатулка, белье, сабля*), эллиптические конструкции выражают значение существования в пространстве.

Можно представить и акциональное употребление предиката *поместиться*, например, в следующем повествовательном контексте, где данный предикат употребляется с личным именем субъекта:

59) *Акантова втащили в него [автомобиль]. Подле поместились два человека в черных пальто. Засветились огни,*

автомобиль сделал полукруг по двору и покатил по улицам Парижа...
(П. Краснов. Ложь) [Краснов 2013].

Предикаты с семантикой размещения в пространстве (*стоять, лежать, размещаться* и др.) используются в описательных художественных текстах № 1, 14, 22, представленных в Приложении 1.

В книжном описании отмечены нейтральные или специализированные для определенной области знания глагольные предикаты со значением размещения в пространстве: *антенны расположены на голове; лед лежит на поверхности; чешуи сидят в коже, пыль сосредоточена в слое; терраса залегает в области, в помещении смонтированы балки, на участке проложены коммуникации* и др.:

В официально-деловом описании предикаты размещения являются самой частотной ЛСГ. Особенно это характерно для протоколов осмотра мест происшествий, проектов организации строительства, где главной задачей становится перечисление объектов, располагающихся в пространстве, или представление общей структуры описываемого пространства:

60) *По территории участка проложены сети инженерных коммуникаций, перекладка которых не предусматривается (...)
Площадка строительства практически ровная, с перепадом существующих отметок от 150,300 до 150,900 м. Ограждения котлованов корпусов – шпунтовые* (Проект организации строительства «Многофункциональный гостиничный комплекс с подземной автостоянкой») [URL: <https://www.novokosino.mos.ru>].

Предикаты данной группы использованы также в книжных описательных текстах № 37, 38, 42, 48, 52, 56, 57, 58, 64, 65, 67, 71, 72, 73, 74, 75 Приложения 1.

В разговорном описательном тексте функционируют нейтральные и разговорные глагольные предикаты со значением размещения в пространстве: *школа стоит в середине поселка, бассейн располагается на первом этаже, дальше идет помещение, к берегу подходит дорога* и др.

В разговорном описании продуктивен предикат *идти* с семантикой размещения, функционирующий в текстах пейзажей и интерьеров:

61) *Потом идет зала/ не зала а спальня/ их спальня// Там тоже шкаф-купе с зеркальным вообще/ две дверцы вот так и/ зеркало вообще полное там/ шкаф практически на всю стену* (Разговор о поездке в Волгоград, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Предикаты данной группы функционируют также в разговорных текстах № 76, 77, 78, 80, 81, 82, 84, 86, 90, 99, 100 Приложения 1.

Глагольные предикаты анализируемой ЛСГ реализуют значение сопространственности. Местонахождение объекта может устанавливаться внутри локума (книги размещаются в столе) или на одной из его поверхностей (книги размещаются на столе). Относительно степени заполненности пространства предикатам размещения свойственно значение неполной занятости локума объектами (книги не занимают всего пространства стола). Кроме того, в данном случае с пространственной точки зрения характеризуются дискретные объекты (книги), отделимые от локума (стола) [Всеволодова 2000: 108].

2. В описании используются предикаты **позиции** (по терминологии Г.А. Золотовой – локализирующего значения [Золотова 1982: 159]), обозначающие вертикальное или горизонтальное положение в пространстве: *стол стоит в комнате; картины висят*

на стене; сосульки висают с крыши; ковер лежит на полу; бумаги валяются и др.

При исследовании глагольной лексики Г.А. Золотова включает в группу позиционных глаголов и единицы с семантикой размещения в пространстве. Лингвист констатирует, что в паре глагол + именная синтаксема (предложно-падежная форма) с локативным значением более сильным элементом является локативная форма имени существительного, которая может выполнять предикативную функцию самостоятельно: *диван в гостиной*. Предикаты без локатива сообщают лишь о наличии или о пространственном положении предмета: *автомобиль стоит, платье висит* [Золотова 1982: 159].

В описательном тексте частотны позиционные предикаты, функционирующие вместе с локативом, поскольку важно не только отметить наличие признака, выражаемого предикатом, но и очертить пространственное расположение объектов действительности, которые были подвергнуты описанию.

Семантика русских позиционных глаголов достаточно активно исследуется в последнее время [Рахилина 1999, Бутаева 2010, Трофимова 2015]. Глаголы типа *лежать, сидеть, стоять, висеть* определяются лингвистами как позиционные в силу того, что они конкретизируют позицию предмета, в отличие от других глаголов (*примыкать к, окружать, пересекать* и др.), обозначающих положение одного предмета относительно другого. [Ибрагимова 1992: 79]. Вслед за В.В. Лопатиным и А.В. Трофимовой среди глаголов позиции выделяют три ряда форм: глаголы нахождения в состоянии: *лежать, сидеть, стоять, висеть*; глаголы вхождения в состояние: *ложиться / лечь, садиться / сесть, становиться / (в)стать, виснуть / повиснуть*; и глаголы каузации вхождения в состояние: *класть / положить, сажать / посадить, ставить /*

поставить, вешать / повесить [Лопатин 1996, Трофимова 2015: 195-196]. В описательном тексте функционируют статальные позиционные глаголы (определяемые также как глаголы пространственного положения, позиции, покоя). Основное в семантике подобных глаголов – это нахождение предмета в одной из позиций, при этом важно указание на площадь контакта с опорой (максимальная площадь контакта у *лежать*, минимальная – у *стоять*, отсутствие площади контакта – у *висеть*); ориентированность в пространстве (горизонтальная – *лежать*, вертикальная – *стоять, висеть*, горизонтально-вертикальная – *сидеть*) и функциональность (*стоять*) / нефункциональность (*лежать, висеть*) [Трофимова 2015: 196].

В ТФГ функционирование подобных единиц связывается с понятием диспозиционных предикатов, которые известны говорящим, передаваемая ими информация входит в пресуппозицию высказывания. В случае, когда позиционный глагол реализует функцию диспозиционного предиката субъекта, т.е. занимает его типичную позицию, он семантически согласуется с субъектом и без ущерба для содержания высказывания может быть заменен экзистенциальным глаголом общего значения. Например, общеизвестно, что комод обычно занимает вертикальное положение (*стоит*), книги в столе – горизонтальное (*лежат*), поэтому для описания соответствующей ситуации могут использоваться два способа: с позиционными глаголами и с отвлеченными экзистенциальными глаголами. Если же субъект способен принимать различные положения (*мальчик сидит / стоит*), то позиционный глагол сохраняет всю свою значимость и не может быть заменен экзистенциальным глаголом или опущен без ущерба для содержания высказывания [ТФГ 1996: 13-14].

Однако языкознание располагает и другой точкой зрения, в соответствии с которой *лежать* и *стоять* противопоставляются не как позиционные предикаты, описывающие разные способы расположения объектов в пространстве, а по признаку вовлеченности объекта в ситуацию нормального функционирования. В случае, когда подразумевается, что предмет находится в «рабочем состоянии», используется глагол *стоять*, в противном случае – *лежать* (*автомобиль стоит у подъезда – автомобиль лежит на боку*). Для глагола *сидеть* важно, насколько постоянна такая позиция объекта с точки зрения говорящего. Этот глагол предполагает, что объект находится в одном и том же фиксированном положении: *звондь сидит в стене; топор сидит на топорище* [Рахилина 1999: 30].

В теории А.В. Кравченко подобное использование глаголов оказывается соотнесенным со спецификой восприятия и концептуализации предметов. Сочетаемость анализируемых глаголов ученый связывает с функциональным назначением предмета и характером взаимодействия с ним субъекта. Так, в высказывании *На столике лежал арбуз* говорится только о том, что предмет *арбуз* находился в определенном пространственном отношении с предметом *стол*. При замене предиката *лежал* предикатом *стоял* – *На столике стоял арбуз* – влечет возникновение дополнительного смысла: ‘предмет *арбуз* помещен на *стол* с целью быть съеденными’. Возникновение данного смысла связано с тем, что употребление предиката *стоял* указывает на наличие у предмета *арбуз* признаков пространственно-ориентационного характера, которые составляют эпистемическую основу концепта, категоризируемого в семантике глагола. В данном случае таких признаков может быть два: значимость возникающей вертикальной оси («верх – низ»), обусловленная характером взаимодействия человека на арбуз (арбуз начинают есть сверху вниз, а не слева

направо) и относительной неподвижностью арбуза в процессе его поедания. Кроме того, употребление предиката *стоял* может быть обусловлено и метонимическим переносом в случае, если арбуз помещен на блюдо – ср. также *На столе лежали / стояли фрукты* [Кравченко 1996: 38-39].

В классификации глагольных предикатов, предложенной в настоящей диссертационной работе, рассматриваются возможности особого функционирования предикатов *лежать, стоять, сидеть* в контексте: в зависимости от реализуемого ЛСВ указанные предикаты относятся к позиционным: *учебники лежат на полке, диван стоит в спальне* или к предикатам размещения в пространстве: *поселок лежит в низине, усадьба стоит на возвышенности*.

В описательных текстах позиционные предикаты могут использоваться во всех значениях. Например, в приводимом ниже описательном тексте в числе прочих использован предикат *стоять*:

62) *Пихтовка стояла в один ряд на покато́м берегу озера, изогнутого подковой и могуче раздвинувшего лес по меньшей мере километров на пять. Под окнами домов плескалась с шумом волна (...)* (Г. Марков. Завещание) [Марков 1981].

В приведенном примере глагольный предикат *стояла* квалифицируются нами как предикаты размещения. Сема способа положения в пространстве по горизонтали или по вертикали оказывается неактуальной в отношении предмета (*Пихтовка* (деревня)), который априори не может принять какое-либо другое положение в пространстве.

В следующем описательном тексте предикат *стоять* передает иную семантику:

63) *На полинявшей клеёнке возле орденоносного самовара стояли бутылки и стопки. Рядом с повеселевшим хозяином сидели двое – лесник с лешачьей бородой и завязанным горлом (угостили из*

кустов утиной дробью) и бравый, весь в кудельках усач бригадир со строительства (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [Домбровский 1992].

В данном случае предикаты *стоять* (*стояли бутылки и стопки*) функционируют с позиционным значением, причем используются вместе с именными синтаксемами (*на клеенке возле самовара*). В высказывании предикаты употребляются с именем объектов (*бутылки, стопки*), которые могут существовать в пространстве в разных положениях (*стоять, лежать*), но в представленном контексте объекты находятся в вертикальном положении. *Сидели* используется с личными именами субъекта (*лесник и бригадир*), обозначая позицию героев в описываемом пространстве.

Для анализируемых предикатов может быть применено объяснение семантики, предложенное Е.В Рахилиной. В соответствии с ее точкой зрения объекты, характеризующиеся данными предикатами, могут быть определены как «находящиеся в рабочем состоянии» [Рахилина 1999: 30], т.е. активно использующиеся субъектами. Таким образом, перечисленные объекты (*бутылки, стопки*) в момент описания должны были находиться в «рабочем состоянии» и служить субъектам (*леснику и бригадиру*).

Позиционные предикаты отмечены в описательных художественных текстах № 1, 2, 4, 6, 12, 15, 17 Приложения 1.

Позиционные предикаты (*комод стоит в спальне, картины висят на стене, бумаги валяются на полу и др.*) активно используются для построения описаний в публицистическом тексте, однако их использование нетипично для описательных текстов официально-делового и научного стилей. Подобные формы были обнаружены в работах по социальной антропологии, где представлены контаминированные описания интерьеров:

64) *В прихожей обычно расположен телефон общего пользования. Он либо стоит на столе или на маленьком столике, либо висит на стене; рядом стул или кресло* (И. Утехин. Очерки коммунального быта) [Утехин 2001].

Еще один вариант употребления позиционных предикатов – тексты по искусствоведению, в которых описываются полотна художников, на которых герои представлены в разных позициях:

65) *Девочка в розовой кофточке с черным бантом и красной звездикой сидит за столом, покрытым белой скатертью; лежит нож, персики и листья брошены на стол; написаны все стулья, подсвечник на окне и фигурка игрушечного солдата в глубине комнаты, фарфоровая тарелка на стене; за окном сад в поздние дни лета* (Анализ картины «Девочка с персиками») [URL: <https://www.studwood.ru>].

Употребление предикатов 2-ой ЛСГ нетипично для контаминированных описаний, поскольку подобные формы выражают не обобщенные, а проявляющиеся в момент наблюдения позиции объектов и свойственны, следовательно, только текстам визуальных книжных описаний.

Предикаты 2-ой ЛСГ функционируют в (визуальных) описательных текстах № 32, 45, 59, 64, 68, 70 Приложения 1.

Разговорный стиль также располагает позиционными предикатами: *картины висят на стенах, вещи валяются на полу, стул стоит у окна, молодежь сидит под окнами* и др.:

66) *Там есть один зальчик / вот. Картины висят с одной стороны / а с другой стороны / там подиум вниз так уходит / и лавочки посидеть – отдохнуть* (Камолов, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Предикаты данной группы наполняют тексты № 95, 96, 97 Приложения 1.

Позиционные предикаты эксплицируют значение сопостранственности, местонахождение объекта установлено внутри локума (*кровать стоит в спальне*) или на одной из поверхностей (*книга лежит на столе*). В данном случае в семантике самого предиката (*лежит*) заложена сема 'нахождение на поверхности в горизонтальном положении' [Ожегов 1986: 275]. Предикаты анализируемой ЛСГ реализуют семантику неполной занятости локума дискретными объектами: например, в высказывании *кровать стоит в спальне* объект (*кровать*) не полностью занимает локум (*спальню*) и может быть отделен от него.

3. Описанию свойственны глагольные предикаты с семантикой **охвата предмета** (в широком смысле) с разных сторон, погружения одного в другое: *стебли обвивают, облегают, одевают* (Н. Гоголь), *окутывают, опутывают, оплетают, охватывают, ствол; платье обтягивает фигуру; стебли облеплены, унижены цветами; стол затянут сукном; деревья тонут, купаются в свете* и др.:

67) *Он сидел за письменным столом. Как и накануне, длинный теплый шарф двумя или тремя кольцами обвивал его шею* (Л. Юзефович. Князь ветра) [Юзефович 2001].

Предикаты с семантикой охвата предмета функционируют также в описательных текстах № 1, 21 Приложения 1.

В книжном описательном тексте функционируют нейтральные и специализированные глагольные предикаты со значением охвата предмета с разных сторон: *решетка вставлена, вварена в чашу; челюсти погружены в капсулу; половина Земли окутана облаками, подушка завулканизирована в обойме* и др.:

68) *Хордотональные сенсиллы располагаются поодиночке или группами, образуя хордотональные органы. Чаще всего они примыкают к внутренней поверхности мягких участков кутикулы (в сочленениях конечностей или же между сегментами тела). Иногда*

они погружены в глубь тела и расположены на тонких мембранных трубках, натянутых между двумя отдельными участками кутикулы (В. Догель. Зоология беспозвоночных) [Догель 1981].

Подобные предикаты функционируют также в текстах описания № 27, 33 69, 75 Приложения 1.

В разговорном описательном тексте также используются предикаты с семантикой охвата предмета: елка увешана гирляндами, стены завешены картинами, штаны обтягивают бедра, ветки унизаны цветами и др.:

69) *За несколько километров за буровой, мне отец показал, где находится «вышка буровой установки». Вот ее было хорошо видно. Она была увешана гирляндами. Была похожа на какую-то сказочную страну. Когда мы подъехали, на буровой от этих гирлянд было светло как днем (М., 24 г.) [Юнаковская 2007].*

Предикаты данной группы отмечены в текстах № 88, 90 Приложения 1.

Предикаты со значением охвата предмета реализуют значение сопространственности с указанием на нахождение объекта на поверхности локума (*стебли облеплены цветами*, т.е. 'цветы располагаются по всей поверхности стебля'). Предикаты с семантикой погружения одного в другое (*тонуть, купаться*) несут семантику нахождения объекта внутри локума (*деревья купаются в свете*). В данном случае в качестве локума выступает признаковое имя *свет*, несущее значение состояния, характеризующего пространство.

4. Предикаты с семантикой **заполнения пространства** характеризуют описательный текст: *мебель наполняет комнату; вмещается, втискивается в комнату; спальня забита, завалена, завешана, загромождена, закидана, занята, заполнена, заставлена, наполнена, напичкана, набита, обставлена, обвешана, увешана, установлена вещами; в гостиной расставлены кресла и др.*

70) *Всюду громоздилась посуда. Стены были увешаны фотографиями. На диване лежали яркие конверты от заграничных пластинок. Постель была не убрана* (С. Довлатов. Чемодан) [Довлатов 2001].

В приведенном описательном тексте в числе прочих употребляется предикат заполнения пространства (*стены увешаны, фотографиями*). В данном случае глагольный предикат со значением заполнения пространства применяется для характеристики стен описываемого помещения.

Предикаты 4-ой ЛСГ функционируют в описательных текстах № 6, 7 Приложения 1.

Подобные формы названы В.Л. Ибрагимовой глаголами расположения внутри объема пространства, при этом исследователь отмечает, что сема ‘предельная степень занятости всего объема пространства’ свойственна глаголам *наполнять, заполнять*; сема ‘соразмерность помещаемого и локативного объекта’ – формам *вмещаться, вмещать*, сема ‘несоразмерность помещаемого и локативного объекта’ – глаголу *втискиваться* [Ибрагимова 1994: 26].

В книжном описании частотны нейтральные и книжные предикаты со значением заполнения пространства: *зона занимает область; кратеры заняты, засыпаны землей; предметы содержатся в помещении* и др.:

71) *Зазор между кирпичом и облицовкой заполнен раствором. Облицовка находится в хорошем состоянии. (...) Цоколь северного и восточного фасадов облицован плитами из известняка* (Техническое заключение о состоянии строительных конструкций здания школы) [URL: <http://www.fordewind.org>].

Предикаты со значением заполнения пространства использованы в описаниях № 29, 39, 47, 48, 51, 64, 67 Приложения 1.

В вербализации пространства в разговорном описании участвуют нейтральные и разговорные предикаты со значением заполнения пространства: *комната завалена, напичкана вещами, магазин заставлен коробками* и др.:

72) *От гостиницы «Омск» до территории нынешнего Ленинградского моста располагалась лесоперевалка. Вдоль берега, в том числе и на самом берегу, все было завалено лесом, бревнами, которые привозили на баржах по реке. Рядом располагались зерносклады. К берегу подходила ветка железной дороги, там разгружали и загружали лес* (М., 76 л.) [Юнаковская 2007].

В тексте № 93 Приложения 1 используется предикат 4-ой ЛСГ.

Для предикатов заполнения пространства важно значение соппространственности и заполнения локума дискретными объектами.

5. Вербализации пространственного значения в тексте типа «описание» способствуют глагольные предикаты, **очерчивающие границы пространства**: *горы обрамляют, огораживают, ограничивают, окаймляют, окружают, отделяют, оцепляют, опоясывают, разделяют поселок* и др. Наиболее частотны в описании страдательные причастия с указанной семантикой, имеющие значение привнесенного извне признака: *усадьба обнесена забором; помещение разделено, разгорожено на кабинеты* и др.

Предикат данной ЛСГ функционирует в описании-пейзаже:

73) *Пространство это было верст на тридцать кругом раскинувшиеся гладкие поемные луга, испещренные то тут, то там пробегавшими по ним небольшими речками. Со всех сторон их окружали горы, на вершинах которых чернели деревни, а по склонам растлались, словно бархатные ковры, поля, то зеленеющие хлебом, то какого-то бурого цвета и только что, видно, перед тем вспаханные* (А. Писемский. Старческий грех) [Писемский 1955].

Предикаты 5-ой ЛСГ функционируют также в текстах № 16, 19 Приложения 1.

Для книжного описания характерно использование нейтральных, книжных и специальных глагольных предикатов, очерчивающих границы пространства: *зона делится на подзоны; река разделяет, отделяет область; лоб отграничен от клипеуса; композиция заключена в ободок; депрессия обособлена, отшнуровывается от озера; берег омывается морем и др.:*

74) *Скромный домик этот стоял на пригорке и был окружен сосновым лесом. Неподалеку дачи профессора Бехтерева, профессора Введенского, профессора Лебедева, а дальше, по Черной речке,- Леонида Андреева и семьи Лозинских (Н. Ильина. Дороги и судьбы) [Ильина 1988].*

Предикаты данной группы использованы при построении текстов № 28, 34, 40, 46, 61, 73, 74 Приложения 1.

Разговорному описанию свойственны нейтральные глагольные предикаты, очерчивающие границы пространства: *площадь ограничена колоннами, тропинки отделяют каждый участок и др.*

75) *Начну с площади Святого Петра, спроектированной знаменитым Бернини. По окружности с двух сторон она ограничена рядами колонн. На ней стоит также египетский обелиск и римские фонтаны (Ritvariuter. Собор Святого Петра) [URL: <https://www.otzovik.com>].*

Предикаты данной группы функционируют также в текстах № 84, 85, 90, 98 Приложения 1.

Предикаты анализируемой ЛСГ реализуют значение несопричастности (*горы отделяют село от озера*) за исключением предикатов *разделять, делить* (*леса разделяют, делят деревню*), несущих семантику сопричастности по отношению к

локуму в целом (*деревне*), но не к образовавшимся в результате разделения частям (*деревни*).

6. Модель описательного текста наполняют глагольные предикаты, указывающие на **направление в пространстве**. В данной ЛСГ можно выделить

- горизонтальную ориентацию: *тропинка лежит на восток*;
- вертикальную ориентацию: *дорога вздымается, нисходит, поднимается, спускается, сползает (В. Набоков) к озеру; *поток стекает вниз*;*

- предикаты, в которых значение горизонтального или вертикального расположения в пространстве уточняется в контексте: *дорога бежит, ведет, вырывается, идет, отклоняется, ползет, поворачивает, пронизывает, скользит **вверх в горы / по равнине**; *вошла **под тень деревьев, под гору***; *река течет с горы / по долине*; *окно выходит в сад / слуховое окно выходит на чердак*; *овраг прорезает **надь** / трещина прорезает скалу **сверху вниз*** [Варфоломеева 2007 в] и др.*

Для отнесения к данной ЛСГ глагола *лежать* учитывается не позиционное значение, а другой ЛСВ – значение направления (*путь лежит на запад*). Часть глаголов теряет значение активного действия за счет сочетаемости с непередметным именем (*дорога ведет на юг – мама ведет сына домой*).

76) *Лестница круто спускается по скалам вниз, к реке. А на другой стороне реки, у самого берега, видна одинокая полуразрушенная башня Концепольского. Она стоит здесь особняком, на отлете, вдали от Старой крепости. С давних времен она стережет вход в город с севера, со стороны Заречья* (В. Беляев. Старая крепость) [Беляев 1988].

В приведенном описании использован предикат направления вертикальной ориентации (*лестница спускается вниз*).

Предикатами с семантикой вертикальной ориентации направления часто характеризуются объекты, которые концептуализируются как линейные, располагающиеся по горизонтальной линии (*дорога, речка* и др.), однако в сочетании с предикатами направления, имеющими сему вертикального расположения, воспринимаются они как располагающиеся по наклонной плоскости (невозможно предположить чисто вертикальной ориентации для подобных объектов).

Проследить за использованием предикатов 6-ой ЛСГ можно также на примере описательных текстов № 2, 4, 5, 6, 8, 20, представленных в Приложении 1.

Книжному описанию также, как и художественному, свойственны глагольные предикаты, указывающие на направление: *зубы обращены к жерновку; линия отходит вправо; край направлен вперед* и др.:

77) *С севера-запада на восток по территории Ульканского муниципального образования проходит железная дорога «Байкало-Амурская магистраль» Восточно-Сибирской железной дороги ОАО "РЖД". Железная дорога обеспечивает второй магистральный выход России (наряду с Транссибом) к Тихому океану. Дорога однопутная и электрифицирована. Протяженность железной дороги в границах муниципального образования составляет 20,3 км (Генеральный план Ульканского муниципального образования (городского поселения) Казачинско-Ленского района Иркутской области) [URL: <http://admulkan.ru>].*

В официально-деловых текстах предикаты направления используются в планах поселений и проектах организации строительства, описывающих объекты с пространственной структурой.

Предикаты 6-ой ЛСГ отмечены также в текстах № 26, 38, 43, 47, 56, 57, 66 Приложения 1.

Для выражения пространственного значения в разговорном тексте типа «описание» глагольные предикаты, указывающие на направление, также используются: *виадук вел на завод, в центре дома проходит пятая стена* и др.

78) *За железной дорогой располагался поселок имени Свердлова. Через железнодорожные пути вели два виадука. Один из них вел прямо на паровозоремонтный завод, который потом стал заводом им. Ворошилова* [Юнаковская 2007].

В текстах № 77, 91 Приложения 1 употреблены предикаты данной группы.

Часть единиц данной ЛСГ реализует значение несопротранственности, поскольку лишь указывает на расположение объекта по отношению к локуму в целом (*дорога ведет к горам*) или к одному из измерений локума (*дорога идет вдоль озера*). Однако другая часть предикатов направления несет семантику сопротранственности (*путь лежит по низине*).

При анализе акциональных глаголов движения лингвисты отмечают преобладание ориентации на конечную точку движения [Майсак, Рахилина 1999: 63]: *мальчик идет в направлении парка, к фонтану*. Для неакциональных предикатов при обозначении направления в пространстве также более продуктивна реализация конечной точки, т.е. места, относительно которого ориентирован объект: *дорога ведет к реке, на север*.

Интересна разница в семантике глагольных предикатов *идти, бежать, ползти*. В случае акционального употребления значения данных форм дифференцируются по степени убыстренности движения (но не только). Н.Ю. Шведова пишет, что все значения глагола *бежать* объединены смыслом убыстренного движения, *идти* – неубыстренного

плавного движения [Шведова 2004: 243]. В случае неакционального употребления с семой 'направление' подобное объяснение невозможно. При обращении к Русскому семантическому словарю форма *идти* представлена в группе со значением 'существование без качественных характеристик' [РСС 2007: 110], форма *бежать* со значением 'направление' в РСС отсутствует, отмечены только производные формы с качественными характеристиками: *взбежать* – круто подняться [РСС 2007: 112], *обежать* – 'о быстрой реке, ручье, пути, о чем-нибудь протяженном: обойти, обогнуть'. *Тропинка обежала холм* [РСС 2007: 113]. Форма *ползти* характеризует узкий и длинный путь [РСС 2007: 114]. В Большом толковом словаре русского языка (гл. ред. С.А. Кузнецов) *бежать* в интересующем нас значении определяется как 'простираться в каком-либо направлении, тянуться обычно цепочкой, вереницей' *Дорога бежала вверх; идти* – 'пролегать, быть расположенным где-либо, каким-либо образом, простираться'; *ползти* – 'пролегать по склону вверх или вниз (о дороге, тропинке)' *Тропинка ползёт в гору, вниз* [Большой толковый словарь русского языка 2014].

Таким образом, разница между глагольными предикатами *идти*, *бежать*, *ползти* в неакциональном употреблении состоит в качественной характеристике состояния.

При этом значима скорость движения, предполагающая прохождение расстояния за определенное время, важная для акциональной семантики анализируемых предикатов, понятие пространства и времени оказываются в тесной связи. При неакциональном их употреблении в описании субъективное восприятие наблюдателя может свидетельствовать не только о качественной характеристике состояния самого объекта наблюдения, но и говорить об отношении говорящего к изображаемому: например, в случае, если говорящему предстоит преодолеть пространство, которое он видит

перед собой, а он устал, не расположен к этому, предсказуемо употребление предиката *ползти* (*тропинка ползет в горы*), который должен сообщить о длительном трудном пути, при легком отношении к предстоящей дороге может быть использован предикат *бежать* (*тропинка бежит в горы*). Субъективное восприятие пространства приводит не только к выбору соответствующего предиката, но и к актуализации дополнительной семантики, выводимой из ситуации.

7. С пространственным значением в описательном тексте функционируют предикаты, указывающие на **пространственное соотношение предметов**, ориентацию одного предмета относительно другого: *постройки жмутся, толпятся* (М.Шолохов); *дома ластятся* (И. Тургенев), *лепятся, липнут, подходят, подползают* (М. Шолохов), *присоединяются, прислоняются, прилегают, примыкают, прижимаются, пристроились, примостились, приткнулись* (И. Калашников) *к селу; гнездятся у села; вдвигаются, вклиниваются, врезаются, впиваются, вдаются, упираются, уткнулись в село; сливаются сходятся, с селом; замыкают село, отстоят от села* и др., *шкаф касается стены* и др.:

79) Слева кусты и газоны упирались в оранжевое здание Национального театра (перед которым, на круглых каменных пьедесталах, похожих на столбики темно-серых сыров, стояли Ибсен и Бьернсон), а справа бульвар замыкало серое, полукруглое здание Стуртинга (парламента), зажатое двумя прямоугольными флигелями (И. Дьяконов. Книга воспоминаний) [Дьяконов 1995].

В приведенном тексте использованы предикаты, указывающие на пространственное соотношение предметов (*газоны упирались в здание, бульвар замыкало здание*).

Все предикаты 7-ой ЛСГ предполагают наличие обязательного второго актанта (*граничит что? с чем? упирается что? во что?*).

Проследить за функционированием предикатов анализируемой ЛСГ можно в текстах № 2, 3, 4, 12, 20 Приложения 1.

Если в художественном тексте частотны экспрессивные предикаты, то в книжном описании пространственные отношения реализуются книжными и специальными предикатами рассматриваемой ЛСГ: *череп сочленяется с позвонком; линия соединяет звездные скопления; шлаковики сообщаются с регенераторами; крючья приварены, прикреплены, причленены к валу; остров соединен с материком; голова слита с сегментом груди, ребра опираются на стену, к правому крылу пристроено помещение бассейна и др.:*

80) *В это время озеро разделялось на два самостоятельных водоема, северный и южный, которые были соединены между собой лишь узкой долиной (сейчас это — уже упоминавшаяся нами глубокая расселина в подводном пороге, разделяющем северный и южный глубоководные бассейны)(Ю. Дмитриевский. Озера Африки) [Дмитриевский 1979].*

При описании пространственного расположения озера Танганьики употреблены предикаты (*разделялось, были соединены*), указывающие на пространственные соотношения водоемов.

Предикаты 7-ой ЛСГ используются для публицистических описаний:

81) *Подымахинские избы прочные и ладные, как на подбор, не столько тянутся вдоль широкой реки, а большие толпятся на крутогорье, словно переняли привычку своих старых хозяев собираться у воды в вечерний час и провожать глазами все, что проплывает мимо села, волнуя долгим призывным гудком (Л.Шинкарев. Байкало-амурская магистраль) [Шинкарев 1975].*

Публицистическое описание эксплицирует экспрессивный предикат 7-ой ЛСГ.

Предикаты данной группы функционируют в описательных текстах № 27, 30, 35, 37, 41, 44, 61, 63 Приложения 1.

Передаче пространственной семантики в разговорном описании также способствуют глагольные предикаты, указывающие на пространственное соотношение предметов: *улица упирается в лес, диван соседствует с кухонным столом* и др.

82) *Напротив кинотеатра «Художественный» был еще один кинотеатр, «Гигант». Огромный, деревянный (какая-то банда на чердаке этого кинотеатра детей убивала). ТЮЗ примыкал к «Художественному»* (Ж., 70 л.) [Юнаковская 2007].

Предикат данной группы функционирует также в тексте № 86 Приложения 1.

Предикаты 7-ой ЛСГ последовательно реализуют значение несопространственности (*леса примыкают к селу*), при котором объект не совпадает с локумом.

Блок Б. Предикаты, вербализующие собственные пространственные характеристики объекта, которые могут быть выражены без отношения к другому (другим) объекту (объектам) в пределах описательной микротемы.

8. Художественное описание наполняют глагольные предикаты с семантическим **компонентом формы предмета**: *ствол березы круглится* (Н. Гоголь); *леса сутуляются* (Шолохов), *топорщатся* ('лежат беспорядочно, торчат в разные стороны' [Игнатенко 2004: 208]) (И. Калашников), *лохматятся* (И. Калашников), *горбатятся* (М. Шолохов), *топырятся* (И. Калашников); *дорога вьется, выгибается, извивается, изгибается, кучерявится* (М. Шолохов), *огибает лес, петляет, расширяется, сужается; дома кривятся; вещи громоздятся* ('имеют причудливую или неопределенную форму'); *предметы грудятся; тучи клубятся; свет струится; увалы косогорятся* (И.

Калашников); *облачка вспухают; брюки пузыряются на коленях; брови переломлены; степь всклочена (И. Калашников); сугробы изломаны полозьями; горы вздыблены (М. Шолохов); отмель изжевана, изъедена, источена прибоем (И. Калашников); волосы лежат шапкой и др.*

У предиката *лежать* в данном случае в сочетании с соответствующими актантами появляется значение характеристики формы: *волосы лежат шапкой*.

Предикаты формы использованы при построении описания-портрета:

83) *Его мать молода, стройна и очень красива, ей едва за тридцать лет. Длинное, до самого пола, шоколадное шелковое платье с необычайно пышными буфами на рукавах: от локтей к плечам они вздуваются высокими горками. Тонкая талия еще не потеряла своей гибкости. Над корсетом, облитые шоколадным блеском материи, круглятся нежные полушария груди. Каштановый аграмант, в тень, нашит по платью узорами, листвой диковинных растений с завитушками. Из-под оборок юбки выскальзывает носок бронзовой туфли (Ю. Анненков (Б. Темирязов). Повесть о пустяках) [Анненков 2001].*

Значительное количество предикатов формы составляют экспрессивные единицы, представляющие метафорическое видение автора, подобные предикаты ориентированы на наблюдателя, поскольку к средствам, ориентированным на говорящего, могут быть отнесены не только средства выражения субъективной модальности, но и средства образности, широко употребляющиеся в художественном тексте [Нечаева 1999 а].

Основная часть предикатов 8-ой ЛСГ содержит информацию о постоянной форме предмета (*ствол березы круглится*), ряд форм

способен передавать семантику изменяющегося явления (*пар клубится*).

Предикаты анализируемой ЛСГ функционируют также в текстах художественных описаний № 2, 4, 8, 11, 12, 16, представленных в Приложении 1.

Тексты научного и официально-делового стилей не допускают использования экспрессивных и окказиональных единиц, зафиксированных в художественном описании. Значение формы может быть нейтрально выражено предикатом, состоящим из строевого глагола и имени: *образуют горб (горбятся), образуют ряд, лучи, корону, крест, решетку и т.д.; имеют круглую форму (круглятся), имеют форму дуги, конуса и т.д.; имеют вид круглого пятна, цилиндра и т.д.; представляют собой валы, сосуд грушевидной формы и т.д.; выглядит полукругом и т.д.*

В научном и официально-деловом стилях возможно функционирование предикатов данной группы, имеющих нейтральный характер (*окольцовывать*) или специальные единицы (*закольцован*), которые могут функционировать параллельно с составными предикатами (*образовывать кольцо*).

Ниже приводятся высказывания, выделенные из научного описания: *Цирки и полукруги окольцовывают собой вулканы, прямые эскарпы расположены повсеместно/ Ледяные цилиндрические тела образуют весьма плоское кольцо* (Б. Силкин. В мире множества лун) [Силкин 1982].

В приведенных фрагментах параллельно функционируют простой глагольный предикат (*окольцовывают*) и составной предикат (*образуют кольцо*), выражающие одно значение, однако во втором случае возможно уточнение формы (*плоское кольцо*). В силу того что научный стиль тяготеет к особой точности приводимых данных, в научных описаниях более продуктивен второй способ номинации

формы, допускающий уточнение. Функция глаголов при этом близка функции компенсаторов, выделяемых Г.А. Золотовой в качестве типа строевых глагольных средств [Золотова 1982: 158]: *лететь – совершать полет, убирать – вести уборку*. В этом случае типичная для научного стиля тенденция к аналитизму находит выражение на уровне функционирования глагольных предикатов (о семантике и функционировании описательных глагольно-именных оборотов в русском языке подробно пишут Е.Н. Лагузова и М.А. Смирнова [Синтаксис русского языка 2020]).

Использование специальных глагольных предикатов с семантикой формы предмета встречается в официально-деловом описании:

84) *Водозаборные скважины имеют ограждение по I поясу зоны санитарной охраны, оборудованы регулируемыми емкостями для воды, техническое состояние – удовлетворительное. Водопроводные сети проложены совместно с тепловыми сетями, в каналах, и закольцованы* (Генеральный план Муниципального образования «Город Северобайкальск») [Генплан МО «Город Северобайкальск» 2009].

В данном случае можно говорить о специальном терминологизированном употреблении предиката *закольцованы* в тексте документа.

Предикаты 8-ой ЛСГ функционируют в описаниях № 26, 27, 33, 34, 35, 38, 46, 75 Приложения 1.

Простые предикаты с семантическим компонентом формы зафиксированы в описательных текстах разговорного стиля: *трасса вьется; тропинка петляет в лесу* и др.

85) *Это короче стена Пубеля/ вот это вот розы/ видишь как они вьются* (Разговор о поездке в Волгоград, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Предикаты данной группы используются в текстах № 86, 92 Приложения 1.

К предикатам с семантическим компонентом формы предмета неприменимы оппозиция сопространственности / несопространственности и деление предикатов с позиции отношения к степени заполненности пространства объектом, поскольку единицы 8-ой ЛСГ характеризуют форму предмета независимо от его местонахождения. Однако предикат *огибать* (*дорога огибает лес*) реализует значение несопространственности, т.е. несовпадения объекта (*дороги*) и локума (*леса*).

9. Предикаты, характеризующие **плоскую поверхность** объекта, активно функционируют в художественном описании: *стены обиты, покрыты тканью, заклеены обоями, испещрены надписями, заросли, обросли плесенью, залиты, облиты краской; картины залепают стены; пол закапан, затоптан, заслякощен* (М. Салтыков-Щедрин), *обрызган, припорошен пылью, усеян, усыпан осколками, покрыт, припудрен пылью; стекла затянуты льдом; дорога изрешечена, испятнана, исследжена, источена дождем* (И. Калашников и др.:

86) *Длинные холщовые штаны липнут к его ногам, лицо покрыто мелкой рябью, глаза смотрят испуганно...* (В. Осеева. Динка) [Осеева 2010].

В приведенном описании-портрете использован предикат характеристики поверхности (*лицо покрыто*), которая в данном случае воспринимается как «плоская», так как имеется в виду кожа лица.

Предикаты 9-ой ЛСГ используются в текстах описания № 9, 17 Приложения 1.

В нехудожественных книжных описаниях функционируют специализированные глагольные предикаты, характеризующие

плоскую поверхность объекта: *поверхность залесена, заболочена; терраса перекрыта* песчаным слоем; *стенки выстланы* эндотелием, *фасад облицован* плитами и др.

Предикаты характеристики плоской поверхности предсказуемы в научных текстах по географии и астрономии, где речь идет о поверхности земли или небесного тела, а также в зоологии при описании поверхности тела живого существа.

Специальный предикат указанной ЛСГ *облицован* в значении ‘покрыт, отделан защитным или отделочным материалом (плитами, камнем, металлом и т.п.)’ [БТС 2014] функционирует в следующем официально-деловом описании:

87) *Северный и восточный фасады здания выше цоколя облицованы* плитами из мелкозернистого бетона. Толщина плит – 60мм. Фасады украшены множеством архитектурно-выразительных элементов, таких как русты, карнизы, кронштейны, пояса и т.д., выполненных из того же материала (Техническое заключение о состоянии строительных конструкций здания школы) [URL: <http://www.fordewind.org>].

Публицистическое и разговорное описания могут содержать нейтральные, разговорные и экспрессивные предикаты 9-ой ЛСГ:

88) *Северо-Муйский скалистый хребет со снежными вершинами, одна выше другой (самая высокая вознеслась на 2,5 километра выше уровня моря), изрезан* дымными ущельями и узкими речными долинами, по которым пробирались на оленьих нартах кочевники-тунгусы, а по их тропам золотопромышленники вели караваны вьючных лошадей (Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль) [Шинкарев 1975].

Проследить за употреблением предикатов 9-ой ЛСГ можно, обратившись к текстам № 32, 40, 44, 51, 52, 60, 72, 86 Приложения 1.

Предикаты анализируемой ЛСГ реализуют значение полной занятости поверхности локума недискретными (неотделимыми от локума) объектами (*стены испещрены надписями*).

Необходимо отметить, что предикаты 9-ой ЛСГ характеризуют заполнение пространства, которое свойственно предикатам 4-ой ЛСГ (*комната заполнена предметами*), однако в последнем случае предполагается, что предметы не образуют некую «сплошную массу», которая способна заполнить собой все пространство, например, комнаты.

10. В описательном тексте функционируют глагольные предикаты **положения предметов в пространстве**

- в горизонтальном измерении: *леса простираются, разлеглись* (В. Набоков), *разбросаны, раскорячились* (М. Шолохов), *раскидываются, расползаются, разбегаются, расстилаются, ширяются, стелются*; *озеро разливается на сотни метров*; *равнина уходит далеко*; *поля широко расходятся*;

- по вертикали: *деревья вздымаются, возвышаются, возносятся, встают, высятся, поднимаются, торчат*; *поля опускаются*;

- горизонтальное или вертикальное расположение предмета уточняется контекстом: *леса тянутся, вытягиваются на версту / стебли тянутся вверх*; *горы выпирают, выдаются, выступают вверх / вбок*; *вещи сдвинуты в угол / картина немного сдвинута вверх* и др.

89) *Горы ниспадают грядами к морю. Лоскутным одеялом простираются ровные и кособокие прямоугольники рисовых полей, окаймлены строем кипарисов. Там и там блестят ломти зеркал* (А. Иличевский. Перс) [Ильчевский 2012].

В приведенном тексте функционируют предикаты расположения в пространстве по вертикали (*горы ниспадают*), а

также по горизонтали в двух измерениях (*простираются прямоугольники полей*).

В соответствии с исследованиями по когнитивной лингвистике в русской языковой картине мира доминирует горизонтальная ось, что обусловлено преобладающим равнинным рельефом [Гачев 1998: 8-19, Яковлева 1994: 31] в отличие, например, от языков горных народов.

Предикаты 10-ой ЛСГ функционируют в художественных описательных текстах № 1, 2, 3, 4, 5, 13, 14, 18, 19, 20, 24 представленных в Приложении 1.

Предикаты положения предметов в пространстве по горизонтали (*простираться, расползаться, шириться* и т.п.) характеризуют двухмерные объекты (*поле, равнина и т.п.*), обозначая расположение предмета в двух горизонтальных измерениях. Предикаты положения предметов в пространстве по вертикали (*возвышаться, подниматься, торчать*) часто характеризуют линейный объект или объект, одно из измерений которого, значительно превосходит остальные (*дерево высится, небоскреб возвышается*). Предикаты вертикального или горизонтального положения предметов в пространстве, которое уточняется контекстом (*тянуться, выдаваться, выпирать*), могут характеризовать и линейные (*полоска земли тянется далеко*), и двухмерные объекты (*поле тянется на сотни метров*).

С позиции наблюдателя ряд предикатов направления и положения в пространстве (*дорога идет, бежит на юг, поля разбегаются, расходятся в разные стороны*) могут быть отнесены к единицам фиктивного или мнимого [Яковлева 2003: 85] перемещения в пространстве (квазидинамические глаголы), они противостоят глаголам долговременного размещения на поверхности (*стоять, лежать, возвышаться* и др.). Субъектность единиц фиктивного

перемещения состоит в имитации движения в сознании говорящего [Langacker 1991].

В нехудожественном описании используются нейтральные и специализированные глагольные предикаты положения предметов в пространстве: *терраса распространена (= простирается) на сотни километров; горная цепь вытянута на несколько километров; линия смещена наклонена вправо и др..*

Предикаты 10-ой ЛСГ организуют следующее публицистическое описание:

90) *Перед глазами выпуклой картой расстиляется Сибирь, пересеченная новой железной дорогой, стучат по рельсам поезда, а по обе стороны от полотна, на 300-400 километров тянется индустриально-аграрный пояс, больше миллиона квадратных километров преобразенной земли, города, рудники, заводы. К северу за этим обжитым коридором встает непотревоженная густая тайга (Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль) [Шинкарев 1975].*

Предикаты данной группы зафиксированы в текстах № 28, 29, 32, 53, 55, 60, 61, 64 Приложения 1.

Разговорному описанию также свойственны предикаты положения предметов в пространстве: *подиум уходит вниз; отель высится и др.*

91) *Отель бы средний три звезды, но довольно чистый и с балконом. Он высился среди остальных. Пляжа своего не было. Но недалеко разливалось море (OlgaKis-Kis-Mau. Город Салоу (Испания, Коста-Дорада) – Отличный отдых) [URL: <https://www.otzovik.com>].*

Тексты № 93, 99 Приложения 1 располагают предикатами 10-ой ЛСГ.

В конструкциях с указанными предикатами вербализуются когнитивные модели зрительного восприятия с наблюдателем, фоном

выступает в данном случае общее пространство, попадающее в поле наблюдения, а фигурами – объекты. Подобные квазидинамические модели свидетельствуют о концептуализации в описании не движения, а состояния, при этом поле наблюдения находится в движении, «статическая сцена представлена динамически за счет актуализации «внутренней» динамики сознания наблюдателя» [Колесов, Максимов 2013: 75].

Анализируя формы *идти, ходить, убежать, подниматься, опускаться, приближаться, удаляться* в сочетании с существительными, называющими протяженные объекты: *леса тянутся на километры*, В.Л. Ибрагимова сближает их значение с семантикой глаголов размещения, осложненных семей 'располагаться в длину, тянуться' [Ибрагимова 1994: 23-24].

В целом, предикаты 1-10 ЛСГ могут не только вербализовать пространственные отношения в описании, но и эксплицировать дополнительную авторскую оценку, указанные глагольные предикаты «выразительно представляют» пространственное расположение объекта в какой-либо среде. В числе анализируемых глагольных предикатов выделяются нейтральные (*учебники размещаются на столе, бумаги лежат на полке* и др.), экспрессивные (*тропинка ползет к озеру, леса разбегаются вширь* и др.) и стилистически маркированные (*предметы валяются* и др.).

2. Предикаты проявления качественного состояния объекта.

11. В описательном тексте активно используются глагольные предикаты с семантикой **выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик**, выражающие значение существования: *дома виднеются, видятся, выглядывают, выказываются, высовываются, красуются; снег блестит, вспыхивает, горит, искрится, испускает сияние, лучится, лучит свет, мерцает, отлиывает блеском, отсвечивает, переливается,*

поблескивает, пылает, сверкает, светится, сияет; строения белеют, голубеют, розовеют, серебрятся на солнце, синеют; свет взблескивает, высветляет травинки, золотится, мигает, моргает, обрисовывает сосны; окна рисуются пятнами; цветы алеют, желтеют, краснеют, лиловеют, пламенеют, пунцовеют, темнеют; трава зеленеет, пестреет, чернеет; щеки румянятся; лес просветлен стволами берез; дорога отглянцована¹ полозьями (И. Калашников) и др.

Глагольные предикаты 11-ой ЛСГ могут быть квалифицированы как предикаты с ядерным значением 'быть видным'.

92) *Вблизи сцены из свежих сосновых досок выстроили высокую ложу. Через весь зал были протянуты две толстые гирлянды, сплетенные из привезенного нами барвинка. Вместе со стеблями барвинка в гирлянды вплели шелковые желто-голубые ленты. Гирлянды перекрещивались под сверкающей в солнечных лучах хрустальной люстрой. Крашеные масляной краской стены актового зала были хорошо вымыты и тоже блестели на солнце. Вверху, под лепными карнизами, висели портреты петлюровских министров, а у белой кафельной печки, перевитый вышитым рушником, виднелся на стене большой портрет Тараса Шевченко (В. Беляев. Старая крепость) [Беляев 1988].*

В приведенном описательном тексте функционируют глагольные предикаты со значением доступности предмета для зрительного восприятия (*портрет виднелся*), выделенности предмета в пространстве на основе световых характеристик (*стены блестели*).

В данной ЛСГ выделяется подгруппа глагольных предикатов, образованных от прилагательных цветового обозначения, в которых

---

¹ Предикат *отглянцован* с точки зрения воспринимающего означает, что дорога блестит из-за своей глянцевой поверхности, выделяясь в пространстве по своим световым качествам.

«взаимодействуют значения цветовой характеристики предмета и восприятия предмета благодаря его цвету, через цвет» [Золотова 1982: 220; Кириллова 1988: 117]: *листва зеленеет*.

Кроме того, среди предикатов 11-ой ЛСГ выделяется группа единиц, объединенных семой неполной доступности объекта для зрительного восприятия: *строения вырисовываются, маячат, прорисовываются вдали; листва проглядывает сквозь снег; румянец намечается, пробивается, проступает на щеках; тропинка теряется, пропадает, исчезает в лощине и др.:*

93) *Ржавая ограда, калитка привязана целлофановым пакетом. Глиняные холмики проступают сквозь пену упавших листьев, как женская грудь. Но девочки Оли не видно. Она ушла другой дверью (А. Терехов. Каменный мост) [Терехов 2014].*

В состав 11-ой ЛСГ включена также группа предикатов с семантикой 'открывать пространство для наблюдателя': *открываться, разворачиваться.*

Предикаты 11-ой ЛСГ использованы при построении художественных описательных текстов № 1, 2, 3, 5, 10, 13, 14, 15, 16 Приложения 1.

В вербализации пространства в книжном описательном тексте участвуют нейтральные глагольные предикаты с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик: *звезды различимы, заметны; тело окрашено; газ светится и др.:*

94) *А льды плывут вниз, на черной реке кружатся, и посреди, подлодкой всплывая, шумно урчит вездеход. В мокрые стекла видны пни обгорелого леса, блюдца озер, бурелом, а иногда, если в бинокль взглядеться, можно заметить вдали, как в чашу уходит медведь (Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль) [Шинкарев 1975].*

Предикаты 11-ой ЛСГ использованы при построении описательных текстовых фрагментов № 53, 55, 60,64, 65, 66, 68, 75 Приложения 1.

Выстраиванию пространственной модели разговорного описательного текста способствуют нейтральные и разговорные предикаты со значением выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик: *виднеется дом, белеются цветочки* и др.

95) *Так как сам поселок находится на разных высотах, как бы ступенями, со смотровых площадок видно только самую низкую часть, но и здесь разворачивается шикарный вид и много-много зелени (kiss-kaosenka. Парк культуры и отдыха) [URL: <https://www.otzovik.com>].*

В приведенном тексте функционирует предикат с семантикой выделенности в пространстве на основе световых характеристик (*видно*), а также предикат (*разворачивается*), употребленный с актантом *вид*, используется для передачи зрительно воспринимаемых свойств объекта.

Предикаты 11-ой ЛСГ функционируют также в текстах № 81, 86, 92, 93 Приложения 1.

В диссертационной работе О.П. Игнатенко выделены разговорные формы с языковым переносным значением пространственного положения объекта: *толкаться, мариноваться* [Игнатенко 2004: 76]. Приведенные формы следует отнести к ЛСГ предикатов размещения.

Предикаты, сгруппированные в нашей работе в 11-ой ЛСГ, В.Е. Чумирина делит на формы обозначения цвета и глаголы проявления света, блеска. Если первые обозначают постоянный признак предмета (*белеть, зеленеть*), то в основе предикатов второй группы лежит изменяющийся признак (*мерцает* означает, что признак то проявляется, то нет). В пейзажных текстах и те и другие предикаты часто сочетаются с качественными наречиями (*маки горят огненно*) [Чумирина 2005: 114-116]. Предикаты *отражаться, сквозить, просвечивать* выделяются

в отдельную группу как формы, вербализующие не прямое, а опосредованное восприятие. В этом плане через семантику предикатов выражается точка зрения наблюдателя, употребленные единицы позволяют определить его позицию, с которой ведется наблюдение.

96) *Сквозь густо сплетенные ветви мягко просвечивает нежно-зеленый свет, из-за вековых дубов застенчиво выглядывают белые березки. Одну из них, бедную кривульку, Динка особенно любит: ветки у нее стелются по земле такие пышные, со свежими зелеными листиками, а ствол, раздвоенный посредине, неизвестно кем искалеченный, стоит, горбатится, как седенький старичок* (В. Осеева. Динка прощается с детством) [Осеева 2010].

В приведенном примере представлена точка зрения героини, на это указывает соответствующее наименование воспринимаемых объектов (*бедную кривульку, седенький старичок*). Предикат *просвечивает* отражает позицию наблюдателя в лесу: воспринимающий находится в центре описываемой картины, что позволяет ему видеть и сплетенные ветки, и свет, который через них проходит, и дубы, из-за которых выглядывают березы.

Итак, разные способы существования предметов в пространстве вербализуются глагольными предикатами 11 ЛСГ. Ситуация локализации может также представлять информацию о действии, каузирующем данное местонахождение предмета. Данная семантика может быть эксплицирована предикатами разных ЛСГ, выраженных страдательными причастиями с семей 'привнесенный извне признак': *дом разгорожен на комнаты, комната набита предметами, пол усыпан осколками*.

О.П. Игнатенко, исследуя средства вторичной номинации пространственного положения объекта, выделяет глаголы с языковым переносным значением пространственного положения объекта, закрепленным в словарях, регулярно-речевым, понятным вне широкого контекста иokkaциональным, существующим в рамках определенного контекста [Игнатенко 2004: 76]. Применительно к предложенной нами

классификации можно говорить о том, что нейтральные предикаты (*граничить, блестеть, возвышаться, покрыт* и др.) 11 ЛСГ имеют пространственное значение, для реализации которого не требуется контекста, так как оно закреплено в словарях. Экспрессивные и окказиональные формы (*леса топорщатся, постройки ластятся к селу, стебли одевают ствол, аджика пурпурилась на столе* и др.), понятны вне широкого контекста, для реализации пространственного ЛСВ при этом необходимо сочетание с актантами. К третьей группе глаголов, для реализации пространственного значения которых необходим обязательный описательный контекст будут отнесены рассмотренные в главе V акциональные предикаты.

Эмпирически в ходе исследования описательных текстов нами не были обнаружены формы, способные к передаче пространственных отношений при метафорическом переносе, к числу которых О.П. Игнатенко относит следующие¹:

бултыхаться ‘находиться где-либо в свободном положении (о предмете)’: *учебники бултыхались в сумочке* (Л. Улицкая);

венчать ‘находиться наверху’: *голову венчал зачес*;

дежурить ‘неотлучно, в течение долгого времени присутствовать при ком-, чем-нибудь’: *возле дома дежурил человек*;

дремать ‘стоять, не работая’: *дремлет мельница*;

ежиться ‘сморщившись от влаги, висеть где-либо’: *на столбах ежились объявления* (И. Ильф и Е. Петров);

карабкаться ‘располагаться вверх по склону’: *виллы карабкаются в гору*;

киснуть ‘находиться где-либо в плохом, подавленном настроении’:
киснуть дома;

кишет ‘постоянно находиться возле кого-либо (о большом количестве людей)’: *кишит народ*;

---

¹ Отметим, что перечисленные формы допустимы при конструировании описательных текстов, возможность их функционирования в описании проверена путем подстановки в диагностический контекст.

крючиться ‘лежать, согнувшись крючком’ разговорное: *крючился на нарах;*

куковать ‘находиться где-либо в течение какого-либо времени, ожидая кого-либо’: *кукует на лестнице;*

мариноваться ‘находиться где-либо в ожидании’: *посетители мариновались за дверью;*

меститься ‘располагаться где-либо’: *меститься неподалеку;*

нырять ‘спускаться вниз (о дороге, тропинке, шоссе)’: *шоссе ныряло под мост;*

почивать ‘лежать (о предмете)’ книжно-поэтическое: *предметы почуют на местах;*

приласкаться ‘расположиться рядом с чем-либо, прижаться к чему-либо (о предмете)’: *речка приласкалась к плетню* (М. Алексеев);

притаиться ‘расположиться незаметно в укромном месте (о предмете)’: *за горой притаилась речка;*

толкаться ‘быть, находиться где-либо, обычно в давке, тесноте’: *у кассы толкался народ;*

торжествовать ‘стоять на виду (о предмете)’: *посреди стола торжествовала вазочка* (Л. Улицкая):

тулиться ‘располагаться где-либо, очень близко друг о друга (о предмете)’: *по улице тулились избы...* (В. Шукшин).

устроиться ‘расположиться где-либо’: *деревушка устроилась на горке* (Л. Улицкая) [Игнатенко 2004: 197-209].

Употребление перечисленных предикатов предсказуемо в описательном тексте. Интересен пример окказионального употребления глагольного предиката *торжествовать* с пространственным значением в описательном контексте. На возможность реализации у предиката *торжествовать* значения ‘стоять на виду (о предмете)’ указывает и О.П. Игнатенко [Игнатенко 2004: 208].

97) *Они сидели за круглым столом, покрытым жесткой, как фанера, скатертью. Посреди стола торжествовала вынутая из буфета вазочка с самодельными медовыми пряниками* (Л. Улицкая. Счастливые) [Улицкая 2013].

Описание-интерьер, содержащее актанта структуры пространства *посреди стола* и предметный актанта *вазочка*, позволяет подтвердить мысль о пространственном значении глагольного предиката *торжествовать*.

Следует указать, что формы *дежурить, киснуть, кишеть, куковать, мариноваться, меститься* в описательном контексте имеют общее значение нахождения в пространстве:

98) *У гор кишмя кишит народ около масленичных гор и балаганов на Марсовом поле. Все слои публики слились воедино. Костюмы поражают пестротой. Какой-то гул стоит в воздухе от звука шарманок, гармоний, завываний трубных оркестров, балаганной пальбы, говора и выкрика разносчиков; французская речь гувернантки, сопровождающей разряженных в пух и прах детей, перемешалась с ласковой руганью мастерового* (Н. Лейкин. У гор) [Лейкин 1992].

Итак, наполнение выделенных в нашей работе ЛСГ глагольных предикатов можно расширить за счет выявленных О.П. Игнатенко форм. К ЛСГ со значением размещения в пространстве следует отнести формы *дремать, притаиться, устроиться*. К ЛСГ позиционных предикатов – *бултыхаться, почивать*. К предикатам направления в пространстве следует отнести глагол *нырять*. К ЛСГ ориентации одного предмета относительно другого – *приласкаться, тулиться*. К ЛСГ с семантикой формы предмета – *ежиться, крючиться*. Формы *венчать, карабкаться, торжествовать* следует отнести к ЛСГ с семантикой положения в пространстве.

В работе Н.Ю. Муравьевой в числе глаголов восприятия выделены формы со значением проявления перцептивно воспринимаемого признака, которыми можно дополнить состав выделенной 11-ой ЛСГ: *выделяться,*

куриться, обнажиться, обнаруживаться, обозначиться, открываться, сизеть, чертиться [Муравьева 2008: 355-368].

В своих исследованиях Р.М. Гайсина констатирует, что глаголы, вербализующие пространственные отношения, сводят разнообразие объективных пространственных отношений лишь к линейным: «находиться перед кем, -чем-либо» (*предлежать, предстоять*), «находиться после кого, -чего-либо» (*следовать*), «находиться рядом с кем, чем-либо» (*граничить, прилегать*) [Гайсина 1981: 68]. Однако следует заметить, что исследованные в настоящей диссертационной работе глагольные предикаты описательных текстов 11 ЛСГ способны выражать не только линейные (вертикальные или горизонтальные) отношения (одномерность) (*прилегать, торчать*), но и двухмерность (*простирается, стелиться*) и трехмерность вербализуемого пространства, его вещность (*занят, набит, круглиться*).

Интересно сопоставить функционирование выявленных форм в описании в сравнении с их употреблением в повествовании. В основе повествования как типа речи лежит логическая фигура «диахронологема», в отличие от описания, основанного на «синхронологеме». Повествование выражает развертывающиеся действия или состояния [Нечаева 2011: 73]. О.А. Нечаевой отмечено, что глаголы состояния способны в определенном порядке их следования семантически передавать динамику повествования, при этом «динамика содержания определяется не отдельными глаголами, а их употреблением в совокупности языковых средств в контексте» [Нечаева 2011: 87].

Так, например, предикаты направления *идти, поворачивать, бежать* и др. используются в повествовательном контексте в акциональном значении:

99) *Алёша идёт вдоль трамвайной линии, вслед за нею поворачивает влево, оглядая четырехэтажный зелёный дом, в котором он когда-то часто бывал* (В. Распутин. Новая профессия) [Распутин 2003].

Приведенное повествование моносубъектно, предикаты передают сменяющие друг друга действия в сочетании с личным именем субъекта

(Алёша). Перечисленные действия происходят не в одном месте, которое входит в поле зрения (как в описании), а в разных местах, что типично для повествования.

Однако даже при употреблении с неличным именем субъекта глагольные предикаты выражают в повествовании сменяющие друг друга действия, симптоматично в данном случае сохраняющееся моносубъектное построение микротемы и отсутствие «общего предметно-пространственного объекта речи, в который бы они (действия) входили со значением признаков данной картины, обстановки» [Нечаева 2011: 84], как в описании:

100) *Солнца еще нет, его свет где-то там, внизу. Но оно ощутимо движется нам навстречу. И, послушные его воле, неудержимо плывут, оплавливаются оттенки фантастического праздника утра. И вдруг! Огромный огненный диск выползает из-за горизонта. Алый, нет - уже оранжевый, пылающий его край все больше! На него больно смотреть. Диск теряет свои очертания, уменьшается - это уже лохматый ослепительный шар...* (К. Серафимов. Экспедиция во мрак) [Серафимович 1994].

Перечисленные действия не могут быть одновременными, поэтому они служат средством выражения поступательного движения, т.е. передают семантику повествования. Таким образом, семантика глагольных предикатов «проясняется» в контексте.

Итак, в книжной речи наполнение выделенных 11 ЛСГ несколько отлично от художественного и разговорного стилей: для научного и официально-делового описания нехарактерны стилистически ограниченные (*цветы белеются*), экспрессивные (*горы топорщатся*), окказиональные (*лицо осмуглено зноем*) предикаты, которые могут выразительно представлять пространственные отношения в художественном и разговорном стилях.

Для научного и официально-делового описаний типичны нейтральные (*балки пересекают помещение*), книжные (*голова сочленяется с грудью*) или специализированные для данной области знания предикативные единицы

(*пролеты перекрыты сводами, стена облицована кирпичом и др.*). Публицистическое описание в зависимости от жанра может быть сопоставимо по функционированию глагольных предикатов с художественным или научным и официально-деловым описанием.

При обращении к справочнику «Лексико-семантические группы русских глаголов» под общей редакцией Т.В. Матвеевой очевидно, что внутри поля «Состояние» выделяется подполе «Бытие», объединяющее в том числе глаголы бытия-существования в определенном пространстве в составе 42 единиц: *выдаваться, громоздиться, лежать, стлаться, ютиться* и др. [ЛСГ русских глаголов 1988: 65-66], которые по-разному способны представлять пространственные отношения и потому разведены в нашем исследовании на 10 ЛСГ. 11-ая ЛСГ предикатов входит в подполе «Качественное состояние» в ЛСГ глаголов проявления качества, воспринимаемого органами чувств (36 единиц), объединяющем наряду с глаголами зрительной (*мерцать, отсвечивать*), формы обонятельной (*благоухать, пахнуть*) и вкусовой (*горчить*) рецептивных характеристик и в ЛСГ глаголов выделения объекта по качеству (*алеть, желтеть, лиловеть* и др. – всего 23 единицы).

Рассмотренные неакциональные глагольные предикаты объединены общей семантикой существования, эксплицируют статический процесс или собственно локализацию. Начало и прекращение пространственных отношений имеют характер динамического процесса, поэтому их использование нетипично для описания, номинирующего фиксированные признаки статичного объекта, существующего в воссоздаваемом пространстве в определенный момент времени [Варфоломеева 2016].

Дополнить состав рассмотренных ЛСГ глагольных предикатов позволяет обращение к «Системному семантическому словарю русского языка» Л.М. Васильева, где выделены предикаты пространственной ориентации, не обнаруженные эмпирическим путем в описательных текстах: к ЛСГ позиционных предикатов следует отнести предикат *болтаться*, к

ЛСГ со значением формы предмета – *горбиться, коситься* (о предмете), к ЛСГ со значением положения предметов в пространстве – *возлежать, разметаться, распластаться* [Васильев 2000].

Деление бытийных глаголов с точки зрения начальной фазы бытия, собственно существования, прекращения бытия нашло отражение в классификации глагольной лексики в «Толковом словаре русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» под редакцией Л.Г. Бабенко (далее Толковый словарь).

Научный интерес представляет соотнесение семантики выделенных в диссертационном исследовании ЛСГ глагольных предикатов с данными Толкового словаря. Поскольку предикаты реализуют в описательном тексте бытийную семантику, группа выделенных в словаре глаголов бытия-существования в определенном времени и пространстве может быть определена как специализированная для передачи пространственных отношений в описании.

В ходе наблюдения над функционированием глагольных предикатов в описании было выявлено, что при реализации глагольными предикатами общего бытийного значения в описательном контексте могут реализовываться разные ЛСВ. Например, предикат *сидеть* может реализовываться в тексте ЛСВ ‘размещение в пространстве’ или ‘позиции’: *звездь сидит (размещается) в стене* – размещение в пространстве – *ребенок сидит (находится в соответствующей позиции) на скамье* – позиция в пространстве. Следовательно, в зависимости от реализации в контексте того или иного ЛСВ глагольный предикат по-разному передает пространственные отношения и соответственно входит в разные ЛСГ предикатов (1-ая, 2-ая ЛСГ классификации, приведенной в настоящей диссертации). В Толковом словаре указанные глаголы объединены в группу глаголов бытия-существования в определенном времени и пространстве, при этом, например, глагол *стоять* имеет 8 ЛСВ: *стоять 1* – находиться в вертикальном положении, не двигаясь с места (о людях, животных); *стоять 2* – находиться

в какой-л. позиции, защищая или обороняя ее (о воинских частях); *стоять 3* – находиться где-л., в чем-л. в вертикальном положении (о предметах); *стоять 4* – находиться, существовать где-л. в определенном ограниченном пространстве (обычно скульптурах, строениях и т.п.); *стоять 5* – находиться в неподвижном состоянии; *стоять 6* – находиться на остановке, стоянке и т.п., прекратив движение; *стоять 7* – находиться где-л., заполняя какое-л. пространство (о дыме, пыли, тумане); *стоять 8* – находиться в каком-л. состоянии [Толковый словарь русских глаголов 1999, с. 471-472].

В Толковом словаре представлены глаголы 3-ей (*обступать*), 8-ой (*топорщиться*), 7-ой (*тесниться, упираться, ютиться*), 10-ой ЛСГ (*выдаваться, высываться, выстраиваться, тянуться, топорщиться, торчать*). Предикаты 5-ой и 6-ой ЛСГ предложенной нами классификации представлены в основном словами с переносным значением, поэтому соответствующие единицы отсутствуют в группе глаголов бытия-существования в определенном времени и пространстве, однако они присутствуют в Толковом словаре при передаче иных смыслов: *разделять* (в группе глаголов физического воздействия на объект) – ‘разъединять (разъединить) что-л. целое, цельное, а также совокупность, группу кого-чего-л. на отдельные части, элементы, составляющие и т.п.’ [Толковый словарь русских глаголов 1999, с. 259]; *вести* (группа глаголов перемещения объекта) – ‘помогать кому-л. в чем-л. перемещаться (переместиться) при совместном движении из одной точки пространства в другую’ [Толковый словарь русских глаголов 1999, с.72]. В предложенной нами классификации предикаты 4-ой и 9-ой ЛСГ в основном представлены страдательными причастиями, поэтому отсутствуют в Толковом словаре, содержащем глаголы. В общей сложности в группе глаголов бытия-существования в определенном времени и пространстве насчитывается 35 глагольных предикатов с пространственным значением, реализующих статический характер отношений [Варфоломеева 2016].

Глагольные предикаты с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик (11-ая ЛСГ) представлены в Толковом словаре в группе глаголов качественного состояния среди глаголов становления и проявления цветового признака. Общее число цветовых глаголов со значением свойственного описанию статического проявления признака в Словаре – 21. В 11-ой ЛСГ предикатов объединены единицы со значением не только цветовых, но и световых характеристик (*мерцать, светиться*). Подобные глаголы отнесены в Толковом словаре к единицам проявления качества, общее количество этих форм в словаре – 33. Итак, в 11-ой ЛСГ глагольных предикатов, обнаруженных нами эмпирически в ходе анализа описательных фрагментов, содержится 20 цветовых и 25 световых глаголов, часть форм не совпадает с данными Толкового словаря, поскольку в исследуемых описательных текстах встречались окказионализмы.

Опираясь на данные словаря, можно расширить наполнение выявленных ЛСГ глагольных предикатов, включив формы: *брезжить* (издавать слабый свет), *лосниться* (издавать отсвет), *светлеть* (выделяться светлым цветом) [Толковый словарь русских глаголов 1999: 495].

Дифференциация глаголов с позиции возникновения, появления, собственно существования, конца бытия эксплицирована в классификации глаголов, представленной в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н.Ю. Шведовой (далее – РСС). В РСС содержится дробная классификация глаголов, в соответствии с которой они делятся на 10 фаз сообразно реальному течению бытия:

1. предбытие, близость;
2. возникновение, начало бытия, появление;
3. становление, осуществление, образование;
4. существование;
5. мгновенность бытия;
6. перерыв в течение бытия, приостановка, остановка;
7. достижение предела бытия;

8. затухание, склонение к концу;
9. конец бытия;
10. несуществование, отсутствие [РСС 2007: 55].

Отталкиваясь от мысли объединения предикатов описательного текста инвариантным бытийным значением, мы констатируем, что группа глаголов существования (по терминологии РСС) специализирована для вербализации пространства в описании. Предикаты, разведенные в нашей классификации по 1-ой и 2-ой ЛСГ, в РСС объединены в одну группу глаголов существования с дополнительными локальными характеристиками: *лежать* – ‘существовать, занимая собой какое-нибудь пространство на поверхности чего-нибудь’ *На озере лежит лед*; ‘быть расположенным где-нибудь, иметь направление куда-нибудь’ [РСС 2007: 110] *Поселок лежит в низине. Тропинка лежит на запад*.

Большинство значений глагольных предикатов, отнесенных нами к 3-ей ЛСГ, отмечены в РСС как глаголы существования с дополнительными локальными характеристиками с количественными характеристиками: *опутывать, охватывать* и др.

В предложенной нами классификации 8-ая ЛСГ содержит множество окказионализмов, которые отсутствуют в РСС, остальные глаголы отнесены к глаголам существования с дополнительными локальными характеристиками с качественными характеристиками: *изогнуться, извиваться* и др. [Варфоломеева 2015 б].

Глагольные предикаты 4-ой, 7-ой, 9-ой ЛСГ: *гнездиться, лепиться, покрыть, усыпать* и др. отнесены авторами РСС к глаголам существования с дополнительными локальными характеристиками с количественными характеристиками.

Большинство глаголов 5-ой ЛСГ признаны в РСС глаголами существования с дополнительными локальными характеристиками с качественными характеристиками: *окаймить, окружить, опоясать* и др.

Глаголы 6-ой, 10-ой ЛСГ (*раскинуться, вытянуться, протекать, выситься* и др.) относятся к глаголам существования без дополнительных качественных характеристик или с дополнительными качественными характеристиками.

Ряд глагольных предикатов 7-ой ЛСГ включены в РСС в группу глаголов существования с дополнительными локальными характеристиками с качественными характеристиками: *прилежать, подступать, отстоять* и др.

Глаголы 11-ой ЛСГ представлены в РСС в группе «Существование самовыявляющееся и непосредственно воспринимаемое» в подгруппе «Обозначение восприятия органами чувств качеств, признаков» с дальнейшим уточнением восприятие зрением (*голубеть, краснеть, чернеть, вырисовываться*) [Варфоломеева 2015 б].

Таким образом, соотнесение семантики выделенных в диссертационном исследовании ЛСГ глагольных предикатов с данными РСС, показало, что в описательном тексте, вербализующем параметры пространства, активны единицы, которые обозначены в РСС как глаголы с семантикой «собственно существование» с дополнительными локальными характеристиками: без качественных характеристик, с качественными характеристиками, с количественными характеристиками [РСС 2007: 110-116], а также глаголы с общим значением «существование самовыявляющееся и непосредственно воспринимаемое», обозначающие восприятие зрением качеств, признаков [РСС 2007:117-125].

Данные, полученные в результате анализа глагольной лексики, систематизированной в РСС, позволяют расширить наполнение ряда ЛСГ глагольных предикатов, функционирующих в описательном тексте и выделенных эмпирически, единицами со значением существования. Глаголов, которые имеют дополнительные локальные характеристики и обозначают восприятие зрением, а значит, частотны в описательном тексте, по данным РСС, насчитывается более 240. В предложенной нами

классификации подобных форм около 310, часть из них не совпадает с материалами РСС, так как в нашей классификации имеется ряд окказионализмов (предикаты 8-ей, 11-ой ЛСГ), часть форм приобретает пространственное значение в контексте: *леса сутуляются, дорога отглянцована полозьями*. Часть форм, отмеченных в описании, отсутствует в РСС: *румяниться, пунцоветь, лиловеть* [Варфоломеева 2015 б].

Дополнить наполнение выявленных ЛСГ глагольных предикатов с учетом глаголов, обнаруженных в словаре, следует формами, которые можно отнести к предикатам со значением бытия: *пребывать, протекать, омыwać*, ко 2-ой ЛСГ позиционных предикатов следует отнести: *нависать*, к 4-ой ЛСГ со значением заполнения пространства – *утыкаться*, к 6-ой ЛСГ с семантикой направления – *взбежать, пересекать, пересекаться, уклониться*, к 7-ой ЛСГ со значением пространственного соотношения предметов – *обступать, следовать, соседствовать, стискиваться, группироваться*, к 8-ой ЛСГ со значением формы предмета – *вилять, крутить, крутиться, кружить, кружиться, изогнуться, змеиться, скрещиваться, сгрудиться, сгучиваться*, с совмещением семантики формы и направления – *обтекать, обходить*, к 10-ой ЛСГ со значением положения в пространстве – *господствовать, доминировать, командовать, рассеяться, расставляться, стлаться, увенчивать, углубляться*, к 11-ой ЛСГ – *усматриваться, узнаваться, проявляться, алеться, белеться, голубеться, желтеться, зеленеться, краснеться, пестреться, просвечивать, рдеть, рдеться, розоветься, рыжеть, рябеть, светлеться, сереть, сереться, синеться, сквозить (просвечивать), темнеться, чернеться* [РСС 2007: 110-125]

Таким образом, глагольные предикаты, вербализующие пространственные отношения и имеющие общее значение существования, представлены в Толковом словаре и в РСС. Материалы словарей помогают дополнить сведения, полученные путем наблюдения над предикатами

описательного текста, расширить наполнение выделенных ЛСГ глагольных предикатов.

Обратимся к анализу остальных подгрупп бытийных глаголов. Можно представить включенность в описательный контекст глаголов предбытия, близости (*подстерегать, проектироваться, наступать, собираться [о грозе]*) наряду с глаголами, выражающими собственно существование:

101) *Помню, он сидит у костра (в Любохове? Удине? Тулитове?), дым стелется низко по земле, солнце спряталось за тучу. Собирается дождь* (П. Алешковский. Седьмой чемоданчик) [Алешковский 1999].

Глаголы возникновения, начала бытия, появления (*зародиться, засиять, полезть, забарабанить*); мгновенности бытия (*мелькнуть, прогреметь, сверкнуть*); перерыва в течении бытия, приостановки, остановки (*выключиться, упереться, пресечься*); достижения предела бытия (*дотянуть, достичь, дорасти*); затухания, склонения к концу (*высыхать, примолкнуть, слабеть*); конца бытия (*отшуметь, иссякнуть, прекратиться*) также могут быть включены в текст описания. В данном случае подобные единицы будут использованы с перфектным значением для указания на состояние в результате прошлого действия [Варфоломеева 2015 б]. В описании глаголы с перфектным значением используются в сочетании с глаголами несовершенного вида, что свидетельствует о совпадении прошлого действия с моментом речи [Хандархаева 2011: 145]:

102) *Ветер с воем мчался вдоль реки. За ним, прыгая с тучи на тучу, яростно гнался гром. Сверкнула молния, осветив встревоженную речную гладь и высокие прибрежные обрывы. На одном обрыве что-то неподвижно и ярко белело над самую кручею* (В. Вересаев. Исанка) [Вересаев 1944].

В контексте повествования анализируемые глаголы функционируют с аористическим значением:

103) *Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула*

молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями (И. Тургенев. Бирюк) [Тургенев 2019].

В 103-ем примере используемый глагольный предикат совершенного вида с аористическим значением служат для передачи фактов прошлого, сменивших друг друга без отношения к настоящему.

Глаголы становления, осуществления, образования (*переполнить [о чувствах], учредиться, ладиться, объять [о чувствах]*) в основном служат для обозначения не конкретных действий, которые легко представить в качестве признаков описываемой картины, а отвлеченных явлений, свойственных описанию-характеристике [Варфоломеева 2015 б]:

104) *Они сидели на своем топчанчике, тесно прижавшись друг к другу, и молчали, не в силах высказать словами все те бурные чувства, что переполняли их сердца* (В. Михальский. Одинокому везде пустыня) [Михальский 2003].

Кроме того, в данной подгруппе глаголов наличествуют единицы, способные передавать наблюдаемые признаки объекта описания: *делаться [совершаться, осуществляться], воцариться [установиться прочно], строиться*:

105) *В зале воцарилась тишина. Бесшумно подрагивали язычки свечей – где-то под гобеленами прятались потайные двери, оттуда тянуло сквозняком. Слуги – их осталось двое – замерли за спинками кресел. Баронесса молча страдала* (М. Дяченко. Магам можно все) [Дяченко 2017].

В приведенном примере *воцарилась* функционирует с перфектным значением, обозначая результат действия, совершенного в прошлом, и этот результат является синхронным с остальными признаками описываемой картины.

Глаголы несуществования, отсутствия (*отсутствовать, молчать, избегать*) имеют общее бытийное значение, поэтому легко представить их включенность в контекст описания:

106) *Все молчит. И близко, и далеко. Ряды за рядами: белесая капуста, сизый лук, темная зелень картошки, помидорные гряды, по берегу речки – вербы, за ними – холмы, степь, а выше – небо. И все молчит* (Б. Екимов. Проснется день...) [Екимов 2013].

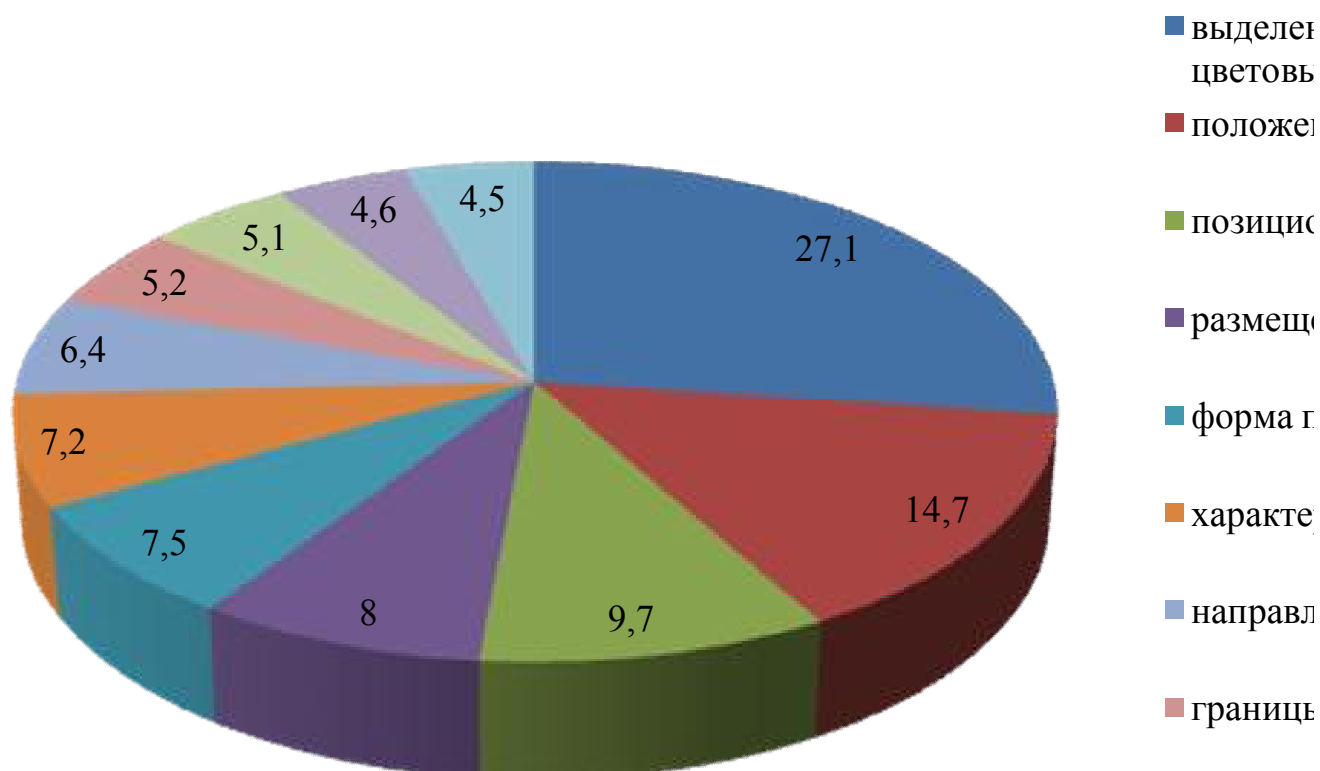
Итак, все виды бытийных глаголов, представленных в РСС, могут выступать в качестве предикатов описательного текста, в силу того, что их инвариантным значением выступает значение «существование».

§ 3.2. Частотность ЛСГ неакциональных предикатов в описательных текстах разных стилей

Чтобы считать выявленные модели ЛСГ продуктивными, требуется более репрезентативный эмпирический материал, поэтому в данном диссертационном исследовании целесообразно говорить о частотных моделях ЛСГ глагольных предикатов не только в описании в целом, но и в разрезе его функционально-стилистической и жанровой парадигм, а также в русле исследования манеры письма отдельных авторов.

3.2.1. Количественный анализ предикатов зрительной рецептивной характеристики художественного описания

На основе анализа текстов художественного описания (970), была исследована частотность глагольных предикатов 11 ЛСГ, выделенных в §3.1. Все словоупотребления глагольных предикатов с пространственной семантикой, функционирующих в художественном описании, были приняты за 100% (1508 неакциональных предикатов зрительной рецептивной характеристики), далее с применением метода пропорции в процентном отношении была определена частотность перечисленных ЛСГ глагольных предикатов при построении описательных текстов.

Рис. 2 – Частотность ЛСГ глагольных предикатов в художественном описании, %

Наиболее частотны в художественном описании глагольные предикаты с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик (11-ая ЛСГ). Использование предикатов данной ЛСГ составляет 27,1% словоупотреблений из всего состава глагольных предикатов с пространственной семой. Подобная востребованность предикатов 11-ой ЛСГ в художественном описании может быть объяснена особой ролью цвето- и светообозначений в художественном тексте, которые используются с целью отображения мировидения автора, обрисовки пространства, наполнения последнего символическим смыслом. Исследования в области цвето- и светообозначений в идиолекте того или иного писателя в настоящее время весьма актуальны [Бабулевич 2004; Верескун 2012; Гатауллина 2005; Ермакова 2007; Лукьяненко 2004; Мишенькина 2006; Цегельник 2007; Шкиль 2005 и др.]. Цветовые и световые эффекты востребованы при обрисовке картин природы, обстановки,

портретов персонажей, художественных деталей, поэтому активно используются во всех жанровых разновидностях описания.

Материалы словарей и эмпирически полученные данные по частотности ЛСГ глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики коррелируют друг с другом. Приняв все ЛСВ (356 ЛСВ 351 предиката), приведенные в Тематическом справочнике (Приложение 2), за 100%, в процентном соотношении установили частотность ЛСГ предикатов. Сводная таблица сопоставления частотности по обобщенным данным и в художественном описании представлена ниже.

Наименование ЛСГ глагольных предикатов	Частотность по обобщенным данным, %	Частотность в художественном описании, %
1. размещение в пространстве	6,2	8
2. позиционные	3,6	9,7
3. охват предмета	4,4	5,1
4. заполнение пространства	4,7	4,5
5. границы пространства	3,4	5,2
6. направление	8	6,4
7. пространственное соотношение предметов	10,9	4,6
8. форма предмета	10	7,5
9. характеристика плоской поверхности	9,9	7,2
10. положение в пространстве	15,3	14,7
11. выделенность в пространстве на основе световых/цветовых характеристик	23,6	27,1

Таблица 1 – Соотношение частотности ЛСГ предикатов по обобщенным данным и в художественном описании

Как видно, данные коррелируют: в целом доминируют предикаты со значением выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик (11-ая ЛСГ) и предикаты положения в пространстве (10-ая ЛСГ). Одной из наименее частотных форм по данным справочника являются позиционные предикаты (2-ая ЛСГ) (их число в языке невелико), однако их частотность в художественном описании значительно выше в силу востребованности позиционной семантики для характеристики объектов (в описании-интерьере и описании-портрете). Таким образом, коррелирующие данные по частотности ЛСГ предикатов в очередной раз подтверждают мысль В.В. Виноградова о том, что язык художественной литературы является полным, «концентрированным выражением» общелитературного языка [Виноградов 1959: 446].

Говоря о структуре глагольного семантического поля рецептивного пространства в тексте типа «описание», необходимо заметить, что компонентом-доминантой исследуемого поля является значение «существование» объектов в пространстве. Указанное значение объединяет все глагольные предикаты описательных текстов. Эта «постоянная» величина может разнообразно расширяться значениями, выражающими способ существования. Данное значение в чистом виде передают бытийные глагольные предикаты *быть, существовать, иметься, находиться, водиться, обитать, встречаться*. Это нейтральные, простые, стилистически немаркированные единицы.

М.Н. Заметалина пишет о том, что из всех локативных глаголов наиболее общее значение ‘занимать место где-либо’ имеет глагол *располагаться* [Заметалина 2002: 67]. Остальные предикаты осложнены дополнительными значениями: *располагаться беспорядочно* – *громоздиться*; *располагаться в вертикальной ориентации* – *выситься*; *располагаться, занимая большое пространство*, – *простирается* и т.д.

В.Л. Ибрагимова признает ядерными в ЛСГ глаголов пространственной локализации формы *находиться* и официально-книжное *пребывать* (о

лицах), а также глагол *быть* (при актуализации в высказывании локативного компонента – *нож был в кожаном футляре*), обозначающие пространственную локализацию в самом общем виде, близок к ядру и ограниченный в употреблении глагол *меститься*, имеющий устаревший характер [Ибрагимова 1994: 22].

Ядро глагольного семантического поля пространства в описании составляют неакциональные глагольные предикаты локативной семантики, которые могут быть определены как специализированные для вербализации пространственных отношений в тексте типа «описание». В составе ядра поля выделено 11 ЛСГ глагольных предикатов, эксплицирующих пространственную семантику по-разному. Таким образом, можно констатировать, что расположение предметного ряда в пространстве разнообразно представлено в описательном тексте глагольными предикатами с неакциональной семантикой. Данные языковые средства представляют зрительную рецептивную характеристику, которая является доминирующей для выражения пространственной семантики.

Единицы входят в поле своими ЛСВ. Так, при анализе, скажем, предиката *вести* значимо, в каком из своих значений он функционирует в тексте, т.е. необходимо нахождение соответствующего контексту ЛСВ: например, при употреблении с неличным именем субъекта реализуется неакциональное значение направления в пространстве: *путь ведет к горам* и др., при сочетании с личным именем субъекта *вести* воспринимается как глагол движения: *мама ведет ребенка в детский сад*; предикат *стоять* может быть использован в позиционном значении: *ваза стоит на столе* или с семантикой размещения в пространстве: *город стоит на возвышенности*.

Известно, что в художественном тексте все формы отражения действительности соответствуют художественному замыслу писателя, могут быть подчинены сознательному выбору автором способа представления действительности. В силу этого вопрос о логическом и референциальном статусе художественного текста принято решать путем постулирования

особого рода «действительности» – вымышленного мира художественного произведения [Шмелев 2002: 239].

Лексика и высказывания со значением восприятия активно исследуются в текстах как средство номинации определенного образного, художественного содержания в прозе и поэзии, как характерологический элемент идиостиля, в связи с эмотивным содержанием текста (Жаркова 2005; Крюкова 2004; Овчинникова 2009), перцептивность исследуется как содержательный мотив произведений (Сухоцкая 1998), составляются лингвостилистический и литературоведческий аспекты изучения перцептивности [Колесов 2008].

Изучение специфики функционирования глагольных предикатов, количественный анализ использования выявленных ЛСГ позволяют вскрыть некоторые авторские предпочтения в обрисовке сенсорных ощущений. И.Г. Оконешниковой отмечено, что «взаимодействие доминирующих модусов перцепции в сознании автора создает определенную стратегию реализации авторского замысла» [Оконешникова 2009: 3].

При анализе описательных текстов, извлеченных из произведений русского сибирского писателя И.К. Калашникова, было выявлено, что в произведениях автора реализуется его мастерство создателя живописных колоритных описаний, вышесказанное вписывается в характеристику писателя как великолепного пейзажиста, знатока природы родного края [Варфоломеева 2007 а].

В ходе наблюдений над описательными текстами, представленными в прозе И.К. Калашникова (более 100), было установлено, что в романах, повестях и рассказах писателя наиболее активно используются глагольные предикаты с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик (11-ая ЛСГ). Предикаты указанной ЛСГ составляют 39,8% словоупотреблений из всего состава глагольных предикатов с пространственным значением; единицы характеристики плоской поверхности объекта – 13,8% (9-ая ЛСГ); с семантическим компонентом

формы предмета – 11,1% (8-ая ЛСГ); со значением положения в пространстве – 10,7% (10-ая ЛСГ); предикаты, указывающие на пространственное соотношение предметов – 5,6% (7-ая ЛСГ); со значением направления – 5% (6-ая ЛСГ); позиционные предикаты – 4,5% (2-ая ЛСГ); с семантикой охвата предмета (в широком смысле) с разных сторон – 3,3% (3-ья ЛСГ); со значением размещения в пространстве – 3,2% (1-ая ЛСГ); единицы, очерчивающие границы пространства – 1,6% (5-ая ЛСГ); со значением заполнения пространства – 1,4% (4-ая ЛСГ).

Из наблюдений видно, что в произведениях И.К. Калашникова частотность глагольных предикатов с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик выше (39,8%), чем у других авторов в виде обобщенных данных (27,1%). Предикаты указанной ЛСГ отмечены в каждом втором описательном тексте, выделенном из прозы И.К. Калашникова. Для характеристики световых эффектов автор использует практически весь синонимический ряд (*сверкать, блестеть, поблескивать, мерцать, пылать, искриться, лучиться, отсвечивать, гореть, сиять, светиться, пламенеть и др.*), включая и окказионализмы, которые усиливают зрительные образы: *дорога отглянцована полозьями, лицо осмувлено зноем* и др.

Ниже представлен пример описания, в котором описание-пейзаж строится с помощью глагольных предикатов с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик:

107) *Было утро. Над сопками пунцовела доцветающая степная сарана, пламенели прозрачные желтые маки, бронзой отсвечивали колючие ветки золотарника* (И. Калашников. Разрыв-трава) [Калашников 1977].

В данном тексте использованы предикаты со значением выделенности в пространстве на основе световых и цветовых характеристик (*пунцовела, пламенели, отсвечивали*) (11-ая гр.).

Полученные данные подтверждают мысль В.В. Виноградова о том, что язык литературного произведения необходимо изучать, «отправляясь от

понятий и категорий общей литературно-языковой системы, от ее элементов и вникая в приемы и методы их индивидуально-стилистического использования» [Виноградов 1981: 277].

В целом, художественный текст отличают определенные особенности при выборе глагольных предикатов, поскольку в данном стиле употребляется «целый ряд семантических групп глаголов, которые регулярно используются литераторами как средство образной речевой конкретизации», которые неуместны в научном и официально-деловом тексте [Голуб 1997].

3.2.2. Частотность ЛСГ неакциональных предикатов в описательных текстах книжных стилей и разговорной речи

Основываясь на исследовании описательных текстов, выделенных из научных текстов разных областей знания (антропологии, археологии, астрономии, географии, геологии, истории, зоологии, искусствоведения, космодинамики, технических наук, химии, энтомологии), официально-деловых материалов (проектов организации строительства, протоколов осмотра мест происшествий, технических заключений о состоянии строительных конструкций, генеральных планов поселений, ГОСТов), публицистики (книг воспоминаний, очерков, эссе, газет, журналов, туристических проспектов и др.), мы произвели подсчет частотности использования глагольных предикатов 11 ЛСГ.

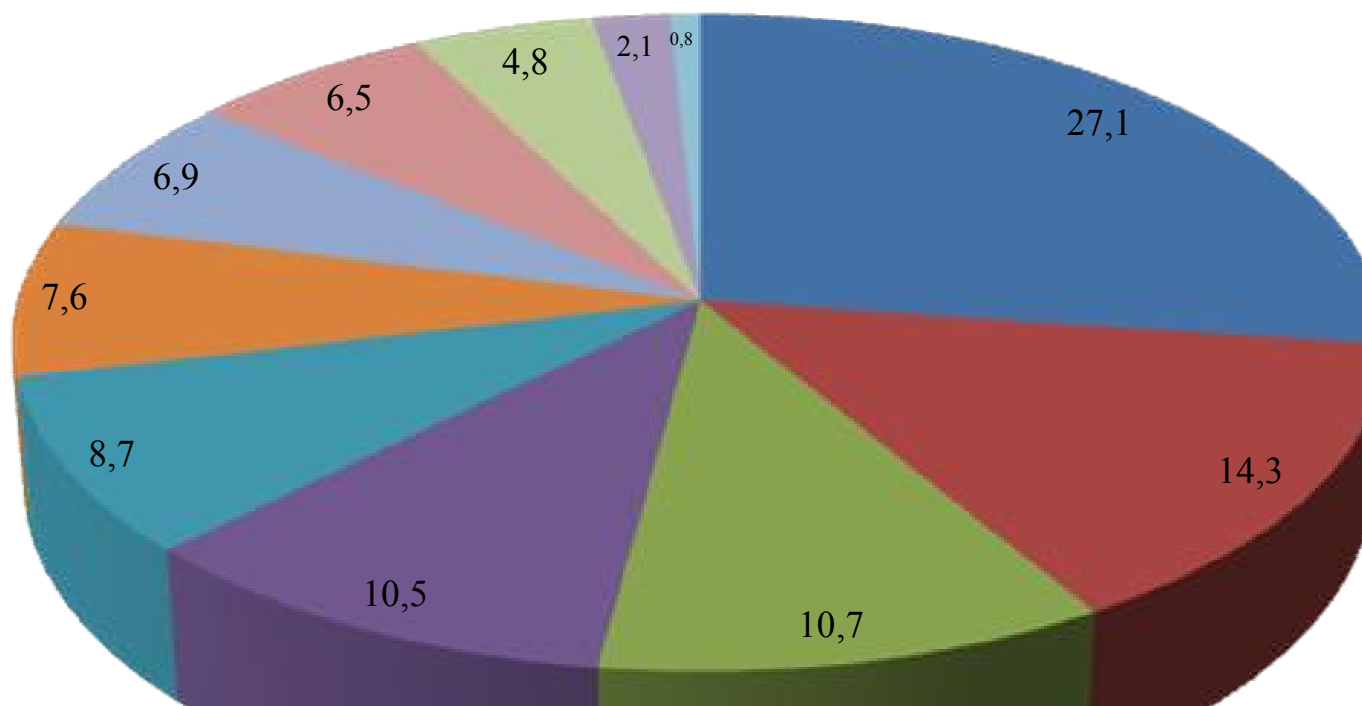
Говоря о научном описании, следует отметить наличие различных типов классификации наук, принадлежащих О. Конту, Г. Спенсеру [Спенсер 2001], Б.М. Кедрову [Кедров 1961] и др.

Такие гуманитарные науки, как история, искусствоведение и ряд др., а также описательные естественнонаучные (геология, география, зоология), как правило, тяготеют к использованию средств словесной образности в большей степени, чем тексты точных наук [Кожина 1993: 168]. Данный факт касается и отбора глагольных предикатов, способных вербализовать пространственную семантику в научном описании.

В результате проведенного анализа представленности и частотности ЛСГ глагольных предикатов в научном описании была выявлена следующая специфика их употребления: максимальное разнообразие глагольных предикатов отмечено в описательных текстах в астрономии, географии, зоологии, искусствоведении, что объясняется особенностями самих объектов описания в перечисленных науках – воспроизведением особенностей земной поверхности (география), воссозданием образа небесных тел (астрономия), описанием внешнего вида живых существ (зоология) или передачей содержания картины (искусствоведение). В официально-деловом стиле наличие разных ЛСГ предикатов предсказуемо при создании проектов организации строительства в части, посвященной описанию объекта, в протоколах осмотра мест происшествия, технических заключениях о состоянии строительных конструкций и др., что объясняется описанием в подобных материалах объектов, имеющих пространственную структуру. Часть публицистических текстов (книги воспоминаний, очерки и эссе, туристические тексты) содержит разнообразные ЛСГ предикатов, часть публицистических описаний (отчет, хроника и др.), близких официально-деловому и научному стилю, отличается сухостью речи и содержит преобладающее количество предикатов размещения.

На основе анализа текстов научных описаний (643 текста), принятых за 100%, была определена в процентном отношении частотность перечисленных ЛСГ глагольных предикатов (760 единиц). Полученные данные представлены в диаграмме (Рис.3).

Рис. 3 – Частотность ЛСГ глагольных предикатов в научном описании, %

Из диаграммы видно, что наиболее частотны в научном описании глагольные предикаты со значением размещения (27,1%) и глагольные предикаты положения в пространстве (14,3%). Предикаты 11-ой ЛСГ являются самой частотной ЛСГ в описании художественного стиля. В научной речи их частотность значительно снижена по сравнению с речью художественной. Указанное обстоятельство следует рассматривать как проявление присущей научной речи тенденции к аналитизму: собственно глагольные предикаты зачастую заменяются составной формой: *иметь определенный цвет, испускать сияние* и т.д. Семантика выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик эксплицируется в визуальном художественном описании, но несвойственна описанию-характеристике и контаминированному описанию, получившим наибольшее распространение в нехудожественной книжной речи [Варфоломеева 2016].

В контексте научной речи глагольные предикаты часто функционируют не в своих основных и конкретных значениях, но в

производных с обобщенно-отвлеченной семантикой [Васильева 1976: 123]. Обозначенная тенденция свойственна и интересующим нас ЛСГ глагольных предикатов, используемых в описательном тексте. Так, при построении текстов описания в литературе по социологии, языкознанию и другим гуманитарным наукам предикаты часто используются с абстрактным значением: *Чикагская школа занимает (абстрактное значение) лидирующее положение в социологии...* (В. Житкевич. Основные направления исследований Чикагской школы социологии) – *Фигура занимает (конкретное значение) пространство геммы* (М. Алпатов. Изобразительное искусство) или *Исследование сосредоточено (абстрактное значение) в области семантики* (Лингвистический словарь) – *Пыль сосредоточена (конкретное значение) в данном слое* (Б. Силкин. В мире множества лун)

В лексической семантике предикатов в научной речи (особенно в текстах социальных наук) наблюдаются явные тенденции к абстрактизации.

В составе ЛСГ глагольных предикатов, реализующих в научном описании пространственную семантику, наличествуют свойственные разным областям знания специализированные предикативные единицы. Так, описания в географии содержат общеупотребительные предикаты, функционирующие со специальным значением: *поверхность перекрыта песком* (для реализации подобной семантики вне научного стиля используется предикат *покрыт (песчаным слоем)*). В языке предикат *перекрыть* имеет значение ‘покрыть заново, превзойти, приостановить’ [Ожегов 1986: 435]. В научном тексте значение ‘покрыть поверхность’.

В научной речи активно используются единицы, имеющие в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова помету книжного стиля: *череп сочленяется с позвонком, крючья причленены к валу.*

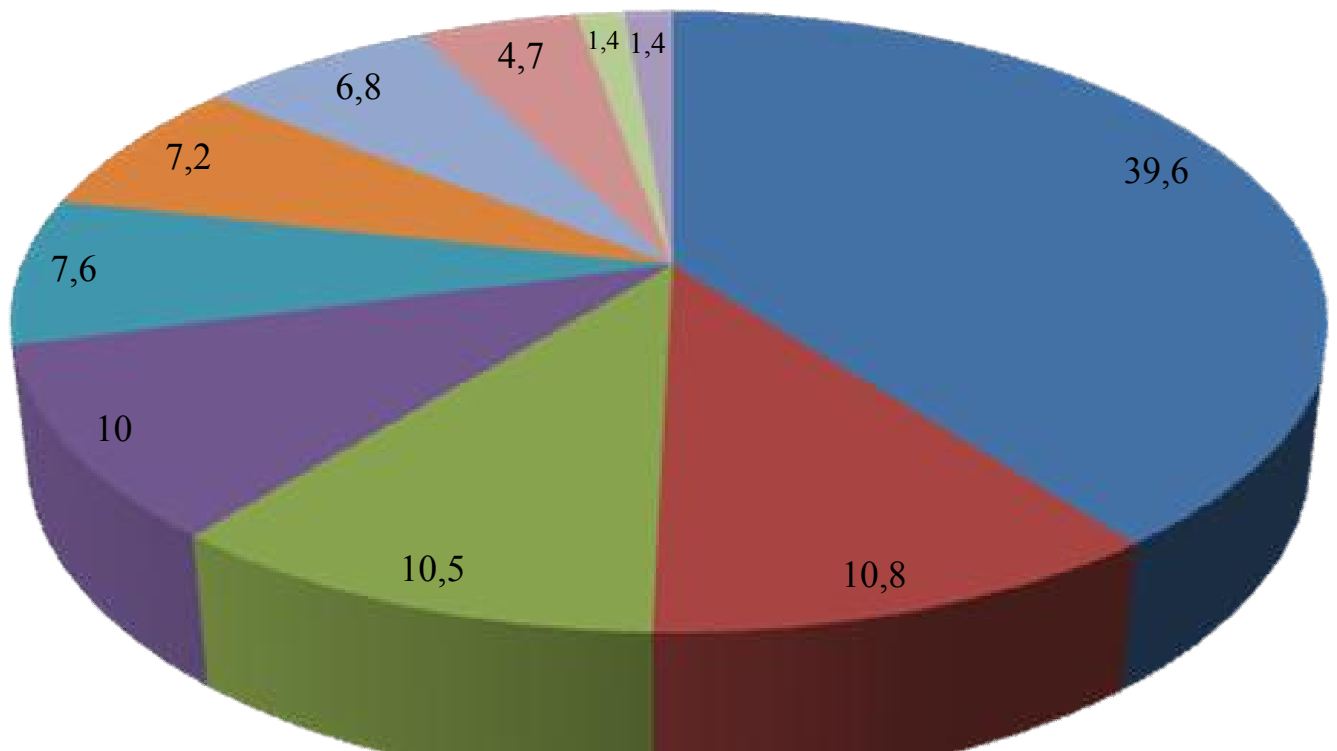
При обращении к РСС отмечены формы с пометой книжного стиля: *предстать* (с.82) *стремить* (*река стремится свои воды к морю*) (с.101), *доминировать* (*башни доминируют над городом*) (с. 113), *венчать* (с. 115) [РСС 2007].

В научном стиле используются и научные «окказионализмы»: *депрессия отшнуровывается (отделяется) от озера; поверхность залесена (покрыта лесом). Резиновая подушка завулканизирована (вварена) в стальной обойме.* В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова данные единицы не представлены.

Предикаты *заболочен, залесен*, употребляемые для передачи свойств поверхности объекта, содержат в своей основе указание на локализатор: предикат в выражении *местность залесена* имеет семантику ‘покрыта лесом’, *местность заболочена* означает, что на данной территории находится болото. Подобные предикативные единицы получили в лингвистике название предикатов с инкорпорированными актантами [ТФГ 1996: 23], пространственная семантика в этом случае выражается имплицитно самой моделью словообразования.

Для научного текста характерно использование свойственных определенной области знания предикатов, не использующихся в художественном описании: *решетка вварена в чашу, прут приварен к валу, шлаковики сообщаются с регенераторами.*

Обратимся к определению частотности ЛСГ предикатов в официально-деловом стиле. На основе анализа текстов официально-деловых описаний (325 текстов), принятых за 100%, была определена в процентном отношении частотность перечисленных ЛСГ глагольных предикатов (278 единиц). Полученные данные представлены на Рис.4.

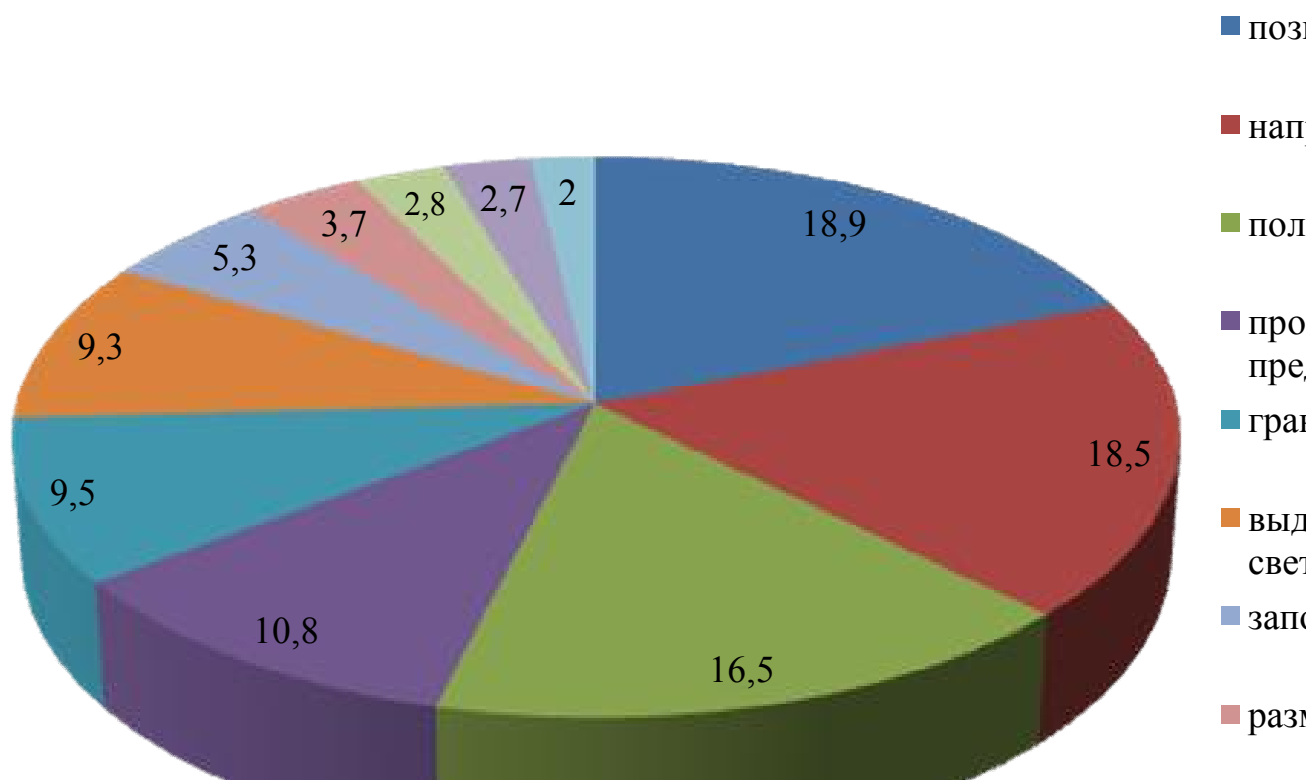

**Рис. 4 – Частотность ЛСГ глагольных предикатов
в официально-деловом описании, %**

Из диаграммы видно, что наиболее частотны в официально-деловом описании глагольные предикаты со значением размещения (39,6%) и глагольные предикаты направления в пространстве (10,8%).

Итак, доминирование предикатов размещения в научном и официально-деловом описаниях свидетельствует о необходимости отметить лишь наличие каких-либо объектов в описываемом пространстве, а не привести их выразительную характеристику. Позиционные предикаты в официально-деловом описании не отмечены, их употребление нетипично для контаминированных описаний, поскольку подобные формы выражают не обобщенные, а проявляющиеся в момент наблюдения позиции объектов и свойственны, следовательно, только текстам визуальных книжных описаний.

Приняв все словоупотребления глагольных предикатов с семой способа существования в пространстве, используемых в публицистическом описании (684 текста типа «описания»), за 100% (1015 предикатов), определим в процентном отношении частотность перечисленных ЛСГ глагольных предикатов при построении описательных текстов. Полученные данные представлены на Рис.5.

Рис. 5 – Частотность ЛСГ глагольных предикатов в публицистическом описании, %

В публицистике наиболее частотны позиционные предикаты, единицы с семантикой направления и положения в пространстве. В данном случае частотность одних предикатов и не востребуемость других, вероятно, зависят от тематики текста. При употреблении глагольных предикатов, способных к вербализации свойств пространства, часто отмечается их переносное употребление. Так, при анализе бытийных предложений в публицистическом стиле М.Э. Хайитова отмечает наличие лексикализованных глаголов *болтаться, мелькать, накопиться*,

простираться, храниться и др. при метафорическом употреблении имени бытующего предмета: *Огонь и дым были видны в районном центре и областном, где высятся этажи руководства: Советы, постоянные комиссии ...* Автор полагает, что данное обстоятельство связано с тенденцией публицистической речи к экспрессивности и способствует оживлению повествования [Хайитова 1996: 15].

Подобное употребление предиката можно отметить в следующем описании:

108) *На сегодняшний день лидирующую позицию в мировом рейтинге занимает Бурдж Халифа в Дубае. Это строение возвышается над городом на 828 метров. Здание имеет 163 этажа (Бурдж-Халифа) [URL: <https://www.aerotour.ru>].*

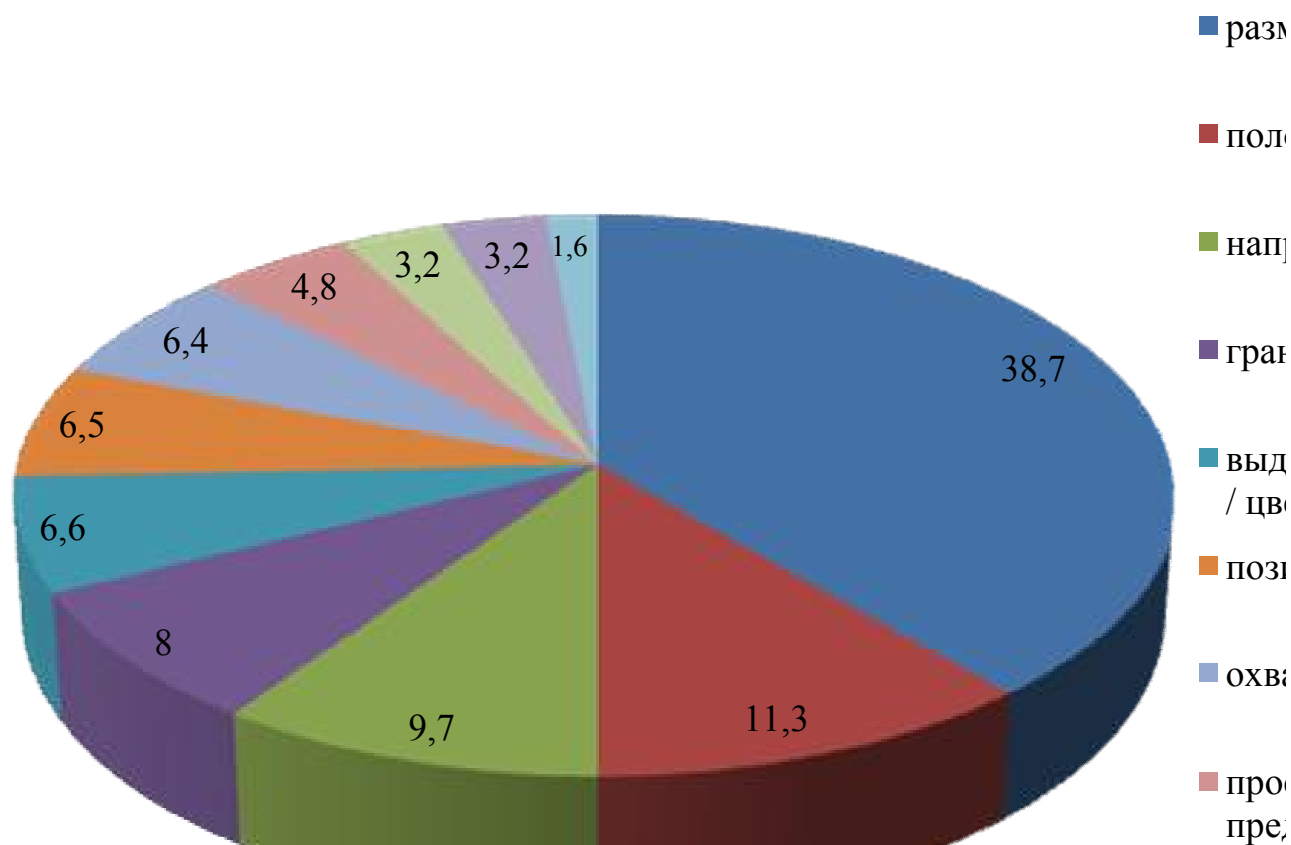
Предикат *занимает* используется не в прямом, а в переносном смысле. Предикат же *возвышается* употреблен в прямом значении и может быть отнесен к 10-ой ЛСГ предикатов со значением положения в пространстве.

Позиционные предикаты *лежать, стоять, висеть*, относимые к делексикализованным, часто функционируют в публицистике в устойчивых сочетаниях: *Поэтому именно на христианах лежит вина за акты насилия... Оформить право на собственность тоже невозможно, пока на шее висит неоплаченный кредит; Перед глазами у каждого стоял гриб на ножке (ядерный взрыв), упирившийся в стратосферу [Хайитова 1996: 19-20].* Предикат *стоять*, помимо отмеченной специфики употребления, функционирует с именами *вопрос, выбор, задача, проблема* и т.п.: *Перед Клинтоном будет также остро стоять вопрос: как поддерживать давление на багдадского диктатора без применения силы [Хайитова 1996: 20].*

Основываясь на анализе разговорных описательных текстов, мы произвели исследование частотности глагольных предикатов рассмотренных ЛСГ.

При анализе разного рода пространственных предикативных единиц В.И. Бессуднова констатирует их распространенность в разговорной речи, однако их частотность может быть обусловлена тематически [Бессуднова 2004: 53]. Применительно к описательному тексту можно говорить о том, что в случае, если речь идет о конкретных объектах, путешествиях, использовании предметов быта, логично предположить наличие значительного количества предикатов с пространственным значением, нежели в ситуации умозрительных рассуждений о политике, взглядах на жизнь и т.п.

На основе анализа разговорных описаний (280 единиц), принятых за 100%, была определена в процентном отношении частотность перечисленных ЛСГ глагольных предикатов (240 предикатов). Полученные выводы представлены на Рис.6.

Рис. 6 – Частотность ЛСГ глагольных предикатов в разговорном описании, %

Превалирующее число составляют глагольные предикаты со значением размещения – 38,7% (1-ая ЛСГ), что может быть продиктовано отсутствием необходимости выражения разнообразных способов существования пространственных объектов из-за возможности восполнения необходимой информации ситуацией непосредственного общения, в том числе паралингвистическими средствами характеристики пространственных параметров. Частотность тех или иных ЛСГ предикатов зависит от тематики текста.

В справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» в группе глаголов бытия-существования в определенном пространстве приведен глагол *виснуть* [ЛСГ русских глаголов 1988: 65], способный функционировать в разговорном описательном тексте. В нашей классификации форма может быть отнесена ко 2-ой ЛСГ позиционных предикатов.

При выделении глаголов подполя «Качественное состояние» в ЛСГ глаголов проявления качества, воспринимаемого органами чувств, отмечены разговорные формы зрительной рецептивной характеристики *белеться, светлеться, чернеться, сиветь, сизеть* [ЛСГ русских глаголов 1988: 72-73].

В «Большом толковом словаре» отмечен разговорный глагол *крючиться*, в семантике которого, помимо значения размещения, обнаруживается еще сема формы предмета (*крючиться* означает ‘сгибаться крючком, съёживаться’ [БТС 2014]).

В «Толковом словаре русских глаголов» среди глаголов бытия-существования в определенном времени и пространстве нашли отражение разговорные формы *топорщиться* (с. 472, в нашей классификации предикат может быть отнесен к 8-ой ЛСГ предикатов формы), *торчать* (с. 472, можно отнести к предикатам 10-ой ЛСГ положения в пространстве), *упираться* (с. 472, к 7-ой ЛСГ пространственного соотношения предметов) [Толковый словарь русских глаголов 1999]. В ЛСГ глаголов становления и проявления цветового признака (сс. 486-489) (в нашей классификации 11-ая ЛСГ

выделенности в пространстве на основе световых/цветовых характеристик) разговорных глаголов не представлено.

Значительный объем разговорных форм нашел отражение в «Русском семантическом словаре»: *валить*: *валит дым* (с. 99) – 8-ая ЛСГ формы, *вилять*: *тропинка вильнула к лесу* (с. 112), *обежать*: *тропинка обежала холм* (с. 113) – 6-ая ЛСГ направления, *подыматься*: *по берегу подымаются утесы* (с. 114), *торчать*: *столб торчит у дороги* (с.115) – 10-ая ЛСГ положения в пространстве, *скучиться*: *на небе скучился тучи* (с.115), *угнездиться*: *сакли угнездились в горах* (с. 116) – 7-ая ЛСГ пространственного расположения предметов, *усыпать*: *одуванчики усыпали луг* (с. 116) – 9-ая ЛСГ характеристики плоской поверхности, *хватать*: *мебели хватает* – 4-ая заполнения пространства, *маячить*: *вдоль трассы маячили столбы* (с. 124), *темнеться*: *на снегу темнелись следы* (с.125) – 11-ая ЛСГ выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик [РСС 2007].

Итак, отталкиваясь от мысли о постепенном переходе в составе семантического поля от ядра к периферии с возможным выделением в его составе ряда периферийных зон, подчеркнем, что в глагольном семантическом поле пространства в описательном тексте ближайшая периферия представлена неакциональными предикатами, функционирование которых ограничено какими-либо условиями (например, рамками художественного или научного описания). К обозначенным предикатам могут быть отнесены ограниченные стилистически (книжные: *перекрывает*, *сочленяться*, *сообщаться*; разговорные: *валяться*, *торчать*, *топорщиться*), экспрессивные (*тропинка ползет*, *дома кривятся*) либо окказиональные (*осмуглен*, *отгляцзован*, *отшнуровываться*) единицы.

Таким образом, особенности построения описательных текстов и функционирования в них глагольных предикатов зависят от стилевой принадлежности текста.

Выводы по главе III

В ходе анализа в диссертационной работе была выявлена ядерно-периферийная (полевая) организация предикатов в описании в разных стилях, не исследованная ранее. Сделаны выводы относительно вербализации свойств пространства при помощи неакциональных глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики в описании. Проанализированный материал (4325 предикатов, выбранных из 2902 описательных текстов) показал, что предикаты описания можно разделить на две группы.

1. Первую группу составляют глагольные предикаты, выражающие пространственные характеристики объектов. В соответствии с исследованиями в области зрительного восприятия, в частности представлением о сформированности у человека ГДЕ-системы мировидения, цель которой состоит в определении расстояний до предмета и между предметами и ЧТО-системы, отвечающей за распознавание предметов, попадающих в поле зрения, внутри первого блока предикатов в работе выделены два подблока:

1) предикаты, вербализующие пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта: 1) размещения в пространстве; 2) позиции; 3) охвата предмета (в широком смысле) с разных сторон, погружения одного в другое; 4) заполнения пространства; 5) очерчивающие границы пространства; 6) направления в пространстве; 7) пространственного соотношения предметов, ориентации одного предмета относительно другого;

2) предикаты, вербализующие собственные пространственные характеристики объекта, которые могут быть выражены без отношения к другому (другим) объекту (объектам) в пределах описательной микротемы: 8) характеристики формы предмета; 9) характеристики плоской поверхности объекта; 10) положения в пространстве.

2. Во вторую группу входят глагольные предикаты проявления качественного состояния объекта: 11) выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик.

Предикаты выделенных ЛСГ выражают линейные (вертикальные или горизонтальные) отношения: одномерность (*прилежать, торчать*), двухмерность (*простираться, стелиться*) и трехмерность вербализуемого пространства, его вещность (*занят, набит, круглиться*).

Для исследуемого нами семантического поля пространства доминантой признается значение «существование» в пространстве, которое может разнообразно расширяться значениями неакциональных глагольных предикатов выделенных ЛСГ, вербализующих способ существования и составляющих ядро поля.

Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно, вычленяется ряд периферийных зон в разной степени удаленности от ядра. Если ядро составляют нейтральные единицы, то зону ближайшей периферии составляют стилистически ограниченные: *валяться (вещи валяются на полу), мариноваться (посетители мариновались в приемной), светлеться (вдали светлелись ландыши), сочленяться (череп сочленяется с позвонком), темнеться (темнеет прошлогодняя трава) и др.* или специализированные для определенной области знания единицы: *залесен, перекрыт (поверхность перекрыта песком, залесена)* и др., экспрессивные: *приласкаться (дорога приласкалась к селу), включен (степь включена), горбатиться (леса горбатятся), лепиться (постройки лепятся к поселку)* и др., окказиональные: *торжествовать (посреди стола торжествовала вазочка Л. Улицкая), заслякощен (пол заслякощен М. Салтыков-Щедрин), пурпуриться (пурпурилась аджика Ф. Искандер), отглянцован (дорога отглянцована полозьями И. Калашников)* неакциональные предикаты, представляющие зрительную рецептивную характеристику.

Наиболее частотны в художественном описании предикаты выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик,

что может быть объяснено особой ролью цвето- и светообозначений в художественном тексте, которые используются с целью обрисовки пространства, наполнения последнего символическим смыслом.

Выбор тех или иных ЛСГ глагольных предикатов позволяет сделать выводы о предпочтениях автора в передаче свойств пространства при обрисовке картин природы, убранств помещений, портретов персонажей и др.

Книжные тексты (технические описания, тексты протоколов осмотра мест происшествия), а также разговорные описания содержат значительное число предикатов размещения вследствие необходимости отметить лишь наличие каких-либо объектов в описываемом пространстве, а не привести их выразительную характеристику.

Тематический справочник глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики, составляющих зоны ядра и ближайшей периферии семантического поля рецептивного пространства (см. Приложение 2), представлен 351 единицей (356 ЛСВ) (выведенной эмпирически с привлечением данных словарей и справочников). Указанные предикаты могут быть использованы в школьной практике и в методике обучения русскому языку как иностранному при анализе типов речи и обучении моделированию описательных текстов. Справочник содержит предикаты (у некоторых выявлено несколько пространственных ЛСВ) с минимальным описательным контекстом (сочетание с актантами); при синтезе двух и более синхронных явлений реализуется описательный текст.

Глава IV. Предикаты разных рецептивных характеристик в структуре семантического поля пространства

§4.1. Восприятие пространства как интермодальная категория

Языковая репрезентация восприятия стала предметом исследования нейрологии, психологии восприятия, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лексической семантики.

Существовавшая со времен Аристотеля традиция выделения пяти органов чувств была значительно расширена в XIX в. научными знаниями о составе ощущений или сенсорных функциях человека. В результате исследований были открыты вестибулярное чувство (ощущение равновесия и ускорения), мышечно-суставное чувство (кинестезия), общеорганические ощущения внутренней среды организма (синестезия).

В XX в. в области естествознания и экспериментальной психологии был накоплен большой объем знаний о многообразии сенсорных систем, что привело к необходимости систематизации материала. Существовавшая с XIX в. классификация сенсорных функций не охватывала их все (например, вкус). Сенсорные функции были сгруппированы в ней по пространственному или временному признаку. «Пространственными» чувствами называли зрение, а позже – вестибулярное чувство, к «временным» относили слух и обоняние, под «пространственно-временными» понимались пассивное и активное осязание, мышечно-суставное чувство [Ананьев 1996: 63].

Последующие научные исследования привели к важнейшей мысли о том, что различение пространственных и временных характеристик объекта связано с ощущениями любой модальности. Многие ученые признали факт пространственного различения всеми сенсорными системами [Бериташвили 1959, 1961; Айрапетьянц, Батуев 1969; Ананьев 1996 и др.]. В работах Б.Г. Ананьева и Ф.Н. Шемякина доказано, что восприятие пространства в зрительной, слуховой, тактильной и обонятельной сферах основано на парной деятельности мозговых полушарий [Ананьев 1996; Шемякин 1969].

Традиционно представление о пространственной локализации связывается со зрительной рецептивной характеристикой, поскольку с помощью органов зрения субъект воспринимает пространственное расположение объектов, ориентацию одного объекта относительно другого. Однако несомненен тот факт, что представление о пространстве человек получает посредством других типов восприятия, например, слуха, обоняния и др. [Шемякин 1969: 32-35; Ананьев 1996: 63]. К. Бюлером установлено, что для слушающего звуки имеют пространственный источник [Бюлер 1993: 85]. Ученый подчеркивает, что для определения нахождения, например, говорящего нужно «следовать за чувственно воспринимаемым ориентиром – пространственным источником звука» [Бюлер 1993: 87].

Интенсивность и разнообразие лингвистических исследований в области вербализации восприятия привели к тому, что языковеды стали говорить о возникновении новой отрасли – лингвистической перцептологии [Мещерякова 2011: 368], или лингвосенсорики [Харченко 2012: 6]. При этом изучаются в основном лексические средства, вербализующие ощущения, восприятие и чувственное представление. Особенности их функционирования в художественном тексте исследованы О.С. Жарковой (в произведениях С.Есенина), Л.Б. Крюковой (на материале поэзии Серебряного века), А.В. Двизовой, Л.О. Овчинниковой (в поэзии Б.Л. Пастернака) и др. [Жаркова 2005; Крюкова 2003; Двизова 2014; Овчинникова 2009]. Изучению подверглась и перцептивная картина мира в разговорной речи горожан [Лещинская 2008], диалектной языковой личности [Вершинина 2013а, 2013б; Земичева 2016] и др.

Интерес представляет анализ роли предикатов разных рецептивных характеристик (слуховой, обонятельной, тактильной, вкусовой) единиц в экспликации пространственной семантики в описании:

109) *Кузнечики кричали на полянах, заросших белой засохшей звездикой. На полустанках пахло немудрыми полевыми цветами* (К. Паустовский. Акварельные краски) [URL: <http://paustovski-lit.ru>].

В приведенное описание включен предикат, выражающий обонятельную (*пахло цветами*) рецептивную характеристику. Предикат с семантикой издаваемого звука (*кузнечики кричали*) реализует в тексте бытийное значение, позволяет установить, что на определенном расстоянии от воспринимающего персонажа находится источник производимого звука.

Итак, когда субъект воспринимает определенные звуки, источник этих звуков располагается на таком расстоянии от воспринимающего субъекта, которое позволяет уловить данные звуки. При восприятии обонянием источник запаха находится в том же пространстве, что и воспринимающий. При соприкосновении с определенной поверхностью или рождением вкусового ощущения создаваемое осязательное или вкусовое представление об объекте предполагает непосредственный контакт с ним. Пространственные отношения эксплицируются в данном случае в представлении «далеко-близко».

В лингвистике существует понятие «поле зрения наблюдателя», в данной диссертационной работе применительно к описанию, в котором перечисляются сенсорно воспринимаемые признаки объектов, предлагается использовать понятие «поле восприятия» (термин был введен в теорию языка К. Бюлером [Бюлер 1993: 86]), передающего информацию не только о зрительно воспринимаемых объектах и явлениях, но и о восприятии мира с помощью всех имеющихся модальностей. Е.С. Яковлева вводит понятие «окрестность говорящего» – то пространство, которое он может воспринять, освоить и узнать [Яковлева 1994: 64].

Приводимый ниже пример из произведения И.С. Тургенева содержит предикаты, реализующие восприятие разными органами чувств:

110) *Заря уже давно погасла, и едва белел на небосклоне ее последний след; но в недавно раскаленном воздухе сквозь ночную свежесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холодного дуновения... По деревне мелькали огоньки; из недалекого, ярко освещенного*

кабака несся нестройный смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова (И. Тургенев. Певцы) [Тургенев 2019].

Приведенное описание-пейзаж актуализирует признаки объектов, воспринимаемые разными органами чувств: наблюдатель может быть соотнесен со зрительным, слуховым или другими видами восприятия, в данном случае перечисляются зрительно (след зари белел, огоньки мелькали), тактильно (чувствовалась теплота), на слух (несся гам) воспринимаемые свойства предметов. Значение тактильного и слухового предикатов проясняются в сочетании с соответствующими актантами (теплота, гам).

В приводимом ниже описании, извлеченном из произведения Б. Васильева, звуковые (слышались, топот, голоса) и тактильно воспринимаемые (мягким, теплым, отдавал, ощущал) явления переданы при помощи актантов, прилагательных и глаголов:

111) *Здесь почти не слышались немецкие голоса, и песок, на котором он лежал был мягким и даже теплым, и все это было ему на руку, все пока было удачей.*

Топот сапог ударами отдавал в песке, и он всем телом ощущал эти удары (Б. Васильев. В списках не значился) [Васильев 1978].

При восприятии органами чувств выделяются дистантное и контактное типы восприятия, получившие освещение в работах Ч. Шеррингтона, положившего в основу подобного деления пространственный признак – отношение между сигналом и рецепторной поверхностью в момент реакции [Шеррингтон 1969]. Основываясь на указанном различии, заметим, что к дистантному типу восприятия следует отнести зрительное, аудиальное и обонятельное, поскольку при них объект (объект зрительного наблюдения, объект-источник звука или объект-источник запаха) располагается на достаточно удаленном от субъекта восприятия расстоянии, не выходя, однако, за пределы поля восприятия [Варфоломеева 2015 а].

Контактное восприятие (вкусовое и тактильное) предполагает расположение объекта в непосредственной близости к субъекту восприятия,

поэтому предикаты типа *горчить*, *кислить*, *жечься* и др. можно охарактеризовать как содержащие значение расстояния. Подобные единицы используются при построении описательных текстов, основу которого составляет вербализация сенсорно воспринимаемых признаков.

112) *Здесь было всё иное, чем там, на бугре. Медленные глинистые воды текли неведомо куда, таинственно изогнутые деревья стояли над ними. Узенькая тропинка хрустит и колет ноги* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [Домбровский 1992].

Приведенное описание содержит разные глагольные предикаты: единицы, реализующие зрительную рецептивную характеристику (с семантикой направления *воды текли*, размещения в пространстве *деревья стояли*), предикаты, передающие звуковые (*тропинка хрустит*) и тактильно воспринимаемые (*тропинка колет*) свойства объектов. Предикат со значением контактного восприятия (*тропинка колет*) свидетельствует о непосредственной близости объекта восприятия (*тропинки*).

§4.2. Семантика предикатов разных рецептивных характеристик в художественном тексте как имплицитный способ вербализации значения пространства

В художественном произведении перечисление определенных сенсорных ощущений позволяет создавать своеобразное настроение, подчеркивать, в каком расположении духа пребывает герой.

113) *От женщин пахло духами и наглаженными платьями. Пахло солнечным майским днем* (Е. Водолазкин. Лавр) [Водолазкин 2012].

В приведенном тексте используются предикаты обонятельной рецептивной характеристики (*пахло*), создающие определенное приподнятое настроение героя. Торжественность случая проясняется последующим контекстом произведения: *Произносили тосты (Мовсес Нерсесович), было очень весело. Когда директор магазина поднимал бокал, медали на его груди приятно звенели*. Оценочные формы (*очень весело, приятно*) подтверждают

мысль о том, что с помощью предикатов обонятельной рецептивной характеристики реализуются приятные для героя ощущения.

В приводимом ниже текстовом фрагменте, напротив, создается раздраженное настроение героя:

114) (...) *большая навозная муха, жуужжа, билась о стекло, разошедшийся пол раздражающе скрипел, а в дополнение ко всему ныл зуб мудрости, который давно надо было бы выдрать* (В. Липатов. И это все о нем) [Липатов 1977].

В приведенном фрагменте использован предикат слуховой рецептивной характеристики (*скрипел*), сопровождаемый оценочным наречием *раздражающе*, а также предикат, передающий внутренние ощущения (*ныл зуб*). В сочетании указанные признаки создают раздраженное настроение Прохорова. Последующий контекст это подтверждает: *Бог знает что с ним происходило! Пилипенко вызывал острое – до боли в висках – раздражение, ночь провел отвратительно, с раннего утра мучила изжога, а минуту назад он забыл, как зовут Гасилова...* Приведенное описание не только помогает воссоздать референциальное пространство, но с помощью перечисленных предикатов разных рецептивных характеристик формируется пространство рецептивное, автор управляет вниманием читателя, создавая определенное настроение.

Таким образом, перечисленные сенсорные ощущения в приведенных текстах способствуют передаче свойств описываемого пространства, использованные предикаты обонятельной и слуховой рецептивных характеристик реализуют дистантный тип восприятия и позволяют установить, что предметы-источники подобных ощущений находятся на определенном расстоянии от воспринимающего. При этом наблюдающий субъект соотносится с разными видами восприятия.

Итак, сенсорные модальности могут быть эксплицированы в описании с помощью рецептивных предикатов со значениями проявления признака (звука, запаха, тактильных ощущений, вкуса).

При употреблении без контекста большинство подобных глагольных предикатов передают воспринимаемые органами чувств, ограниченные временем проявления свойств объектов (*звенеть, пахнуть, жечься* и др.), в описательном контексте эти предикаты реализуют бытийное значение (*звенит* = существует и издает звон, *пахнет* = существует и имеет запах, *жжется* = существует и причиняет неприятные ощущения жжения).

На выражение подобными единицами бытийной семантики обращали внимание исследователи, в частности Н.Ю. Шведова отмечает, что формы *видеться, слышаться, замечаться, ощущаться, виден, слышен, заметен, видно, слышно, заметно, видать, слыхать, слыхано, видано* могут «входить в круг «бытия», т. е. обозначать существование (наличие, присутствие кого-чего-нибудь) сквозь призму чувственного восприятия», при этом обязательно отсутствие прямого указания на воспринимающий субъект и наличие «локализирующего квалификатора, создающего картину пространства, на котором находится воспринимаемый предмет» [Шведова 2004: 248].

Авторы РСС включают подобные единицы в группу бытийных глаголов [РСС 2007, с. 119-125]. М.Н. Заметалина относит глаголы зрительного, слухового и чувственного восприятия к периферии функционально-семантического поля бытийности [Заметалина 2002: 26-31]. В настоящей работе предикаты зрительной рецепции входят в ядро семантического поля рецептивного пространства, предикаты слуховой, обонятельной, вкусовой, тактильной рецепции относятся к периферической зоне.

В описании подобные предикаты часто сопровождаются дополнительными пространственными указателями: *слышно неподалеку, благоухает вокруг* и др.:

115) *От этих предметов веет старой тоской ее детства, как от меховых вещей долго пахнет камфарой, хотя уж весна на дворе. Какие-то странные звуки слышатся рядом. Не там, за стеной, где двигают мебель, а*

тут, рядом. Не то шепот, не то шорох и вздохи (А. Вербицкая. Ключи счастья, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

В качестве актантов с пространственным значением могут выступать не только предметные, но и признаковые существительные, которые обозначают слуховые (*тишина, молчание*), световые (*темнота, мрак*), цветовые (*синева, лазурь*), тактильные (*холод, тепло*) эффекты. В роли актантов структуры пространства или предметных актантов в описании они часто употребляются в сочетании с именами конкретных предметов (*на столе, у дивана, шкаф*) или параметрическими признаковыми именами (*в глубине, на высоте*) [Варфоломеева 2007 б].

116) *Мертвое молчание стыло во всем мире в этот предрассветный час. Мертвое молчание наполняло и караулку. И в этом молчании, в сонном полусвете недвижно чернело что-то на лавке под святыми* (И. Бунин. Веселый двор) [Бунин 2005].

В приведенном описании функционируют признаковые актанты (*молчание, полусвет*), передающие значение состояния, характеризующего описываемое пространство. В первом и втором высказываниях звуковой актант *молчание* выступает в функции предметного актанта (наполняет *мир, караулку*), в третьем высказывании в сочетании со световым актантом (*полусвете*), играет роль актанта структуры пространства, конкретизируясь конкретными субстантивами (*на лавке под святыми*).

4.2.1. Классификация рецептивных глагольных предикатов

1. Предикаты **слуховой** рецептивной характеристики достаточно подробно исследованы на настоящий момент, при этом выделяются глаголы, выражающие процесс слухового восприятия (*звон слышится, слышен, улавливается* и др.) и глаголы звучания [Падучева 2001; Слободян 2007; Авдевина 2014; Курашкина, 2007, 2009; Казарина, 2013]. Для описания типично употребление глагольных предикатов звучания, отражающих различные проявления (в том числе звуковые) объекта (объектов) описания.

С позиций когнитивной лингвистики учеными исследовано языковое оформление восприятия, в частности представление мира звуков [Бабушкин, Стернин, 2018: 114-122]. В последнее время ученые говорят о возможностях описания акустической картины мира, предвещая возникновения отдельной области изучения – лингвосонологии [Колесов, Максимов 2013: 93].

Предикаты звучания могут быть разделены на предикаты со значением общей характеристики звучания: *море шумит, звучит, слышится, гудит* и др. и предикаты дифференцированной слуховой рецептивной характеристики, специфически характеризующие издаваемые звуки: *пчелы жужжат, море рокошет, звери кричат, шары стучат* и др. Предикаты второй ЛСГ предполагают, что объект-источник определенного звука располагается на достаточно близком расстоянии от воспринимающего, нежели объект-источник недифференцированного звука: не просто слышен нестройный шум (*шуметь*), но воспринимаемые звуки могут быть распознаны (*свистеть, жужжать* и т.п.), а предмет, способный издавать подобные звуки, может быть идентифицирован (*автомобиль, шмель*).

В качестве примера рассмотрим описание из рассказа И.А. Бунина «Перевал»:

117) *Когда я пытаюсь разглядеть то, что окружает меня, я вижу только седую бегущую мглу, которая слепит снегом. Когда я вслушиваюсь, я различаю только свист ветра в уши и однообразное позвякивание за спиной: это стучат стремяна, сталкиваясь друг с другом...* (И. Бунин. Перевал) [Бунин 1987].

Герой рассказа заблудился, пытаясь найти дорогу, он осматривается. В поле его зрения попадает только снежная мгла. Используемые в описании единицы слуховой рецептивной характеристики позволяют говорить о вычленении из общей картины только свиста ветра и стука стремян его лошади, поскольку вокруг непогода (ветер), а лошадь находится рядом, это *Единственное живое существо*. Таким образом, при вербализации дифференцированной слуховой рецептивной характеристики, при

восприятию звуков, производимых объектами, находящимися рядом с перцептором, используются соответствующие единицы частной характеристики звучания (*различаю свист, позвякивание, стучат*).

Чуть выше в рассказе использован предикат общей характеристики звучания для передачи звуковых свойств объекта, находящегося вдали от воспринимающего лица:

118) *Поздно. Бор глухо и сонно гудит в отдалении. Ночь становится все таинственнее, и я чувствую это, хотя не знаю ни времени, ни места.* (И. Бунин. Перевал) [Бунин 1987].

Разумеется, при анализе подобных единиц в художественном стиле с точки зрения оппозиции близости – отдаленности объекта-источника звуковых ощущений указанное объяснение может быть только одним из вариантов трактовки выбора того или иного средства, при этом следует учитывать и специфику авторского замысла.

В приводимом ниже описании функционируют предикаты звучания (дифференцированной слуховой рецептивной характеристики: *ветер выл, плакал, стонал, визжал, всхлипывала*), их перечисление способствует передаче негативного отношения героя к окружающей обстановке.

119) *Холодный и резкий ветер выводил ужасные нотки: он выл, плакал, стонал, визжал, точно в оркестре природы дирижировала сама ведьма. Под ногами жалобно всхлипывала слякоть; фонари глядели тускло, как заплаканные вдовы...* (А. Чехов. Ночь на кладбище) [Чехов 1984].

В.Е. Чумирова при анализе пейзажных фрагментов текста пишет о том, что самое близкое расстояние между воспринимающим и моделируемым пространством создается при упоминании частей тела персонажа-наблюдателя [Чумирова 2005: 57]:

120) *Глубоко внизу бежала под ветром люцерна, сверху наливалась жаркая синева, у самой щеки шелестели листья в серебристых прожилках* (В. Набоков. Подвиг) [Набоков 2014].

Н.А. Курашкина предлагает организацию лексических средств звукофферы в семантическое поле, выделяя шесть субполей (в качестве примеров нами отобраны только глагольные средства):

1. Субполе «продуцирование звука» (*издавать звук*).

2. Субполе антропофонов (звуков, издаваемых человеком), в свою очередь, распадается на четыре субполя, куда входят 1) звуки человека как биологического существа (*клацать, чмокать, фыркать, харкать, урчать, барабанить, хлопать в ладоши, грохотать, плюхаться*); 2) звуки человека как чувствующего и говорящего существа (*хохотать, басить, цокать, тараторить, шептать, щебетать, гундосить*); 3) звуки работающего человека (*стучать*); 4) звуки человека творческого (*петь, трубить*).

3. Субполе технофонов (звуков неодушевленных предметов) состоит из пяти субполей 1) звуки контактирующих материалов (*свистеть, трещать, звенеть, шлепать, скрипеть*); 2) звуки приборов и механизмов (*бить, гудеть, лязгать*); 3) звуки сигнальных устройств (*гудеть, выть*); 4) звуки транспорта (*гул, кашлять* (о двигателе)); 5) звуки оружия (*свистеть, грохотать*).

4. Субполе зоо- и натурофонов (звуки природных явлений и представителей животного мира) распадается на два субполя 1) натурофонов и фитофонов (*хлестать, журчать, греть, выть* (о ветре), *шелестеть*); 2) субполе зоофонов (*мычать, щебетать, квакать*).

5. Субполе «восприятие звука» (*слышать*).

6. Субполе нулевой фонации как репрезентация молчания и тишины (*молчать*) [Курашкина 2007: 79-80].

В описании могут функционировать предикаты, входящие во все 6 субполей, при этом подобные единицы реализуют бытийное значение и вербализуют звуки, характеризующие некоторое описываемое пространство.

121) *Внизу, на набережной, смутно шумела толпа, где-то пел женский голос, и слышались серебряные звуки двух мандолин* (В. Вересаев. Паутина) [Вересаев 1944].

Анализ используемых в приведенном примере рецептивных предикатов позволяет сделать вывод о позиции наблюдателя: воспринимающий находится на некотором расстоянии от описываемого, приводимые звуки не дифференцированы (*шумела, слышались*), выделяется только женский голос (*пел*), что подчеркивается соответствующими словами *внизу, смутно, где-то*. Предваряющий описание контекст позволяет сделать вывод о том, что герои воспринимают картину сверху, из окна номера.

2. Ко второй ЛСГ рецептивных предикатов относятся единицы представления **обонятельной** рецептивной характеристики. Формы обозначения запаха исследованы в русском языке на уровне лексики и концепта [Павлова 2006; Одинцова, 2008; Колупаева 2009, Ароматы и запахи в культуре 2010 и др.]. А.В. Петров моделирует суперпарадигму с семантическим инвариантом «запах», которую составляют две субпарадигмы: «Запах-свойство» и «Запах-восприятие» [Петров 2017: 36].

Н.С. Павлова выстраивает лексико-семантическое поле «запах» в русском языке, в состав которого включаются существительные, глаголы и прилагательные. Относительно глаголов исследователь отмечает, что при описании ситуации собственно глаголы восприятия отсутствуют, поскольку семантическим и грамматическим центром высказывания становится то, что воспринимается, а не воспринимающий, поэтому в центре внимания ученого оказываются глаголы проявления запаха [Павлова 2006: 57]. К данной ЛСГ глаголов с интегральной категориально-лексической семой 'издавать запах' входят следующие формы: *пахнуть, запахнуть, попахивать, вонять (разг.), завонять, пованивать, смердеть, благоухать, заблагоухать, нести, разить, тухнуть* [Павлова 2006: 58]. При этом Н.С. Павлова указывает на способности приведенных глаголов характеризовать качество издаваемого запаха (*смердеть, благоухать, вонять*), его интенсивность (*пованивать, разить, нести*) и происхождение (*тухнуть*) [Павлова 2006: 58].

При исследовании безличных предложений с предикатами запаха М.В. Бохиева отмечает их активное употребление в описании [Бохиева 1998: 16].

Предикаты разных рецептивных характеристик, как правило, сочетаются в одном описательном контексте с предикатами зрительной рецептивной характеристики:

122) *Коричневый продавленный диван с отломанной боковиной был завален грудой клокастого тряпья. На письменном столе лежали несколько грязных ложек, наполовину исчерпанный отрывной календарь за позапрошлый год, россыпь разнородных таблеток и комков заскорузлых бинтов. Часть стены возле окна была чёрной, палёной, обои вокруг пятна вывернулись угольными лепестками – должно быть, когда-то по неведомой мне причине загорелась занавеска. Гарью не пахло: значит, это было давно* (А. Волос. Недвижимость) [Волос 2001].

В приведенном тексте используются предикаты со значением заполнения пространства (диван был завален), размещения (лежали несколько ложек), предикат с перфектным значением, реализующий результат действия (обои вывернулись), совершившегося в прошлом, представляющий синхронный с остальными предикатами признак. Помимо зрительно воспринимаемых признаков, используется предикат обонятельной рецептивной характеристики (гарью не пахло).

При использовании в описательном типе текста предикатов обонятельной рецептивной характеристики с семантикой проявления запаха (цветок пахнет, благоухает, источает запах, рассыпает запах, воняет, смердит, разит, воздух напоен запахами и др.) предполагается, что испускаемый каким-либо объектом запах может характеризовать некоторое замкнутое пространство (в доме пахнет лилиями) или распространяться в открытом пространстве (аромат стелется, распространяется по стене). Ко второй группе предикатов относятся единицы, которые Н.С. Павлова выводит из ядерной зоны подполя «запах-свойство» из-за непосредственного

отсутствия семы 'запах' в их семантике: *идти, издать, изливать, изливаться, испускать, испустить, источать, источаться, куриться, наплыть, отдавать, отзываться, слышаться, сочиться, струить, струиться, чадить, чувствоваться* [Павлова 2006: 59].

Таким образом, в составе группы предикатов обоняния выделяются непосредственно предикаты запаха (*благоухать, вонять, пахнуть и др.*) и единицы, приобретающие подобное значение в контексте (*испускать аромат, рассыпать запах и др.*).

123) *Что за незабываемый пасхальный аромат поднимался от такого стола! Был он и легким, весенним, словно пронзненным сиренью, и таким вкусным, съедобным, щекочущим ноздри. Ванильный дух куличей и свежесть сырных пасок ярко выделялись на басовом фоне мясных блюд и более высоких тонах рыбных запахов. И что-то детское чувствовалось в аромате шоколада и сладостей; диссонансом взлетала вверх благоуханность свежего ананаса. От водок же и вин поднимался легкий хмель, особенно подчеркивающий каждое блюдо. И во все это вливались аромат весенних цветов, и духи дам, и дыханье нашей молодости* (К. Веригин. Благоуханность. Воспоминания парфюмера) [Веригин 1996].

Значение запаха может быть передано без употребления собственно глаголов проявления обонятельной рецептивной характеристики, при этом в описательном контексте задается определенный ракурс восприятия:

124) *Сырой сочный запах из цветочного магазина – мокрые белые лилии и парная прелая земля. Запахи из раскрытых окон – свежемолотого кофе. А тут жарят рыбу. А там убежало молоко. Кто-то присел на подоконнике и чистит апельсин. А вот варят клубничное варенье* (М. Шишкин. Письмовник) [Шишкин 2010].

В приведенном тексте обонятельные ощущения переданы с помощью актантов, эллиптических конструкций и глаголов, реализация которыми семантики запаха выводима только из контекста: *жарят рыбу*, следовательно, в воздухе чувствуется запах жареной рыбы; *убежало молоко*,

значит, ощущается запах гари от пригоревшего молока; *чистят апельсин* – пахнет апельсином, *варят клубничное варенье* – витает аромат клубники.

При анализе пейзажных текстов В.Е. Чумирина приходит к выводу о том, что общей и самой распространенной конструкцией для передачи обонятельного восприятия служит модель, состоящая из безличного глагола (*пахнет, пахло*) и синтаксемы в творительном падеже [Чумирина 2005: 63]: *пахнет клубникой, пахло травой*. Безличные формы сообщают о состоянии и непроизвольном восприятии среды или предмета [Золотова 1982: 217], что свойственно описанию. Частотными В.Е. Чумирина признает и конструкции, состоящие из неполнознаменательного глагола (*тянуть, нести*) в сочетании с именем *запах*: *тянуло запахом сирени*. Для передачи насыщенного запаха используется глагол *обдавать*: *меня обдавало благоуханием*.

Глагольные предикаты проявления запаха очень часто сочетаются с собственно оценочными единицами, имеющими значение «хорошо – плохо», при построении описательных текстов (*блюдо дурно пахло*). Предикат *пахнуть* информативно недостаточный, наиболее частотным распространителем при нем выступают оценочные слова. Сами предикаты обонятельной рецептивной характеристики могут содержать в структуре своего значения семантический компонент оценки: *благоухать* означает «приятно пахнуть» [Ожегов 1986: 45], *смердеть* – «испускать зловоние, смрад» [Ожегов 1986: 638] т.е. «отвратительный запах» [Ожегов 1986: 640].

125) *В жарко натопленных комнатах душно, пахнет деревянным маслом и чадом самоварного угля. Евпраксея, усевшись против самовара, перемывает чашки и вытирает их полотенцем* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы) [Салтыков-Щедрин 1972].

Приведенный текст описывает замкнутое пространство (комнаты). Предикат обоняния (*пахнет*) употреблен с уточнителями (*деревянным маслом и чадом*).

Иногда предикаты с семантикой вкуса могут быть использованы для передачи сильных ольфакторных явлений:

126) *Воздух в бараке никогда не был столь удушливо-прокислым, как сегодня. Горчило в носу от вчерашнего банно-застоялого запаха гари... Незванный судья в полушалке молча казнил своими сжатыми губами. «Дура, дура, зачем сама себе напасть навязала?» Солнце, влетающее сквозь щель, конопатые от копоти окошки, еще более оголяло все это позорище* (А. Малышкин. Люди из захолустья) [Малышкин 1988].

В художественном тексте описание обонятельных ощущений способствует вовлечению читателя в мир произведения [Чумирова 2005: 65].

3. К **тактильному** восприятию А.Р. Лурия относит ощущения холода и тепла, боли, прикосновения и давления, кинестетическую чувствительность, которая позволяет определить положение конечностей в пространстве, а также сложную форму осязательного восприятия, когда человек может определить на ощупь форму предмета или узнать предмет при ощупывании [Лурия 2006: 130-133].

Большинство лингвистов относят к лексемам, реализующим тактильную рецепцию, наименования процесса восприятия, характеристики поверхности, ощущений температуры, веса, сухости или влажности.

В языке в основном тактильное восприятие реализуется при помощи прилагательных и глаголов (*шероховатый, ощущать* и др.) Хорошо исследованы прилагательные, отражающие различные аспекты тактильного восприятия [Токарева 1976; Павлова 1978; Нестерская 1979 и др.]. При изучении глаголов восприятия значительный вклад в развитие данной системы знаний внесли Ю.Д. Апресян, Е.В. Урысон, Г.Е. Крейдлин, Т.С. Борейко и др. [Апресян 1995; Урысон 2003; Крейдлин 2004, Борейко 2006]. С.А. Моисеева, Ж.А. Бубырева, исследуя лексику тактильного восприятия, вслед за Ю.Д. Апресяном определяют первичную ситуацию восприятия, включающую того, кто воспринимает, и то, что воспринимается, добавляя представление о том, что субъект может активно использовать определенный тип восприятия. Таким образом, среди глаголов, описывающих ситуацию восприятия, можно выделить трехчастную оппозицию смыслов:

«воспринимать» – «восприниматься» – «использовать способность восприятия» [Моисеева, Бубырева 2006. С.21], что применительно к предикатам тактильной рецептивной характеристики выглядит как *осязать – быть на ощупь – ощупывать*. Для описательного текста, выражающего статическое восприятие, актуален второй элемент парадигм: глаголы тактильной рецептивной характеристики в описании выполняют типичную бытийную функцию.

При вербализации **тактильно** воспринимаемых свойств объектов в описании употребляются предикаты: *шарф колет, жжет, скользит по коже, щекочет; лицо саднит, щиплет* и др.

127) *От вчерашнего осталась лишь боль в висках. В морозных окнах февральское солнце, в комнатах так жарко натоплено, что уши щиплет, в чернильнице чернила, в песочнице песок, перьев наточил по-римски, salatus'ом, на целую канцелярию* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь) [Шишкин 2001].

В приведенном примере предикат тактильной рецептивной характеристики (*щиплет*) реализует типичную для описательного текста бытийную функцию. Валентность предиката *щиплет* заполнена (уши щиплет), поскольку, по замечанию, Т.С. Борейко в ситуации тактильного восприятия обязательно присутствует обозначение органа восприятия [Борейко 2006: 68].

128) *(Она пошла в сад;) мокрая, в росе, трава холодно щекотала ноги; только что поднялось солнце из-за леса, и косые лучи его слепили глаза. Лучи были чуть теплы* (М. Горький. Дело Артамоновых) [Горький 1979].

Объект, орган восприятия (ноги, нос, щеки) является обязательным распространителем при глаголе *щекотать* [Борейко 2006: 67].

129) *Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты* (А. Стругацкий. Обитаемый остров) [Стругацкий 2016].

В приведенном тексте, помимо предикатов слуховой (*шуршала, хрустела*), использован предикат тактильной рецептивной характеристики *впивались*, в качестве распространителя при предикате выступает директив, который указывает на направление движения (предлог *в* и винительный падеж) [Борейко 2006: 68].

Помимо перечисленных, сему прикосновения могут содержать звуковые предикаты, при этом в высказывании должно содержаться указание на орудие действия или части тела (*между ладонями*) [Борейко 2006: 80]: *Песок скрипит между ладонями.*

4. Глаголы **вкуса** исследованы в работах О.В. Макаровой, Л.О. Овчинниковой, О.Г. Лещинской, Е.В. Мельниковой и др. [Макарова 2007; Лещинская 2008; Овчинникова 2009; Мельникова 2010].

Тексту типа «описание» свойственны глагольные предикаты, выражающие вкусовые ощущения: *блюдо горчит, кислит, присолено* и др. Основная часть данных предикатов имеет в составе оценочное значение.

130) *Горячо рдеют леса, тяжелы и душисты спутанные травы, туго звенит, горчит воздух и водянисто переливается под солнцем по низинам; дали лежат в отчетливых и мягких границах; межи, опушки, гребни — все в разноцветном наряде и все хороводится, важничает, ступает грузной и осторожной поступью... И все роняет, роняет семена и плоды, устилая землю* (В. Распутин. Видение) [Распутин 2014].

Художественное описание изобилует формами с семантикой сенсорно воспринимаемых признаков (со значением тактильных (*тяжелы травы, мягких границах*) обонятельных (*душисты травы*) ощущений), среди которых присутствуют глагольные предикаты (*рдеют леса, переливается воздух, звенит воздух, дали лежат*), в том числе предикат с семантикой вкусовых ощущений: *горчит воздух*.

131) *Пирог был отвратительнее всего. Мало того, что блюдо, изначально сладкое, пересолили – он еще и жутко горчил!* (Шимун Врочек. Вампир в законе) [Врочек 2006].

Приведенный контекст содержит предикат вкуса, передающий обонятельную рецептивную характеристику: *горчило в носу*. Подобное смешение достаточно распространено, например, при описании воздуха (*воздух горчит*), когда сложно сказать о каком восприятии идет речь – обонятельном или вкусовом:

132) *В лесу лежал еще снег, но он всюду проседал, источаясь, из него торчала, как выросла за эти дни, прошлогодняя трава, виднелись проталины. Деревья, еще не пробудившись окончательно, уж распрямлялись, отогревались, потяжно пошевеливались от собственных токов. Горчило: воздух за ночь не успел поднять в вышину вчерашнего натая. Солнечные лучи стелились как бы вдоль земли, не доставая до нее, но наклонялись все ниже и ниже* (В. Распутин. Живи и помни) [Распутин 1989].

В описании функционируют предикаты, способные передавать ощущение разнородных явлений *чувствоваться*: *чувствовалась теплота* (осязание), *чувствовался запах* (обоняние), *чувствовалась горечь* (вкус). К предикатам недифференцированной рецептивной характеристики следует отнести предикаты *проявляться, ощущаться, восприниматься, чувствоваться*. Контекст позволяет понять, о проявлении какого признака идет речь:

133) *Тут же на столе горит лампа. В лампу вставлены щипцы для завивки. Щипцы, очевидно, уже были пущены в ход, так как в кухне чувствуется запах спаленных волос* (К. Чуковский. Серебряный герб, НКРЯ) [Чуковский 1985].

134) *Солнце висело красноватым кругом. На лице и руках чувствовалось тепло его лучей* (В. Тендряков. Ухабы) [Тендряков 1990].

135) *Казалось, что оба уха забили землёй, голова кружилась, во рту чувствовался вкус крови...* (А. Гончар. Спасти, во что бы то ни стало!) [URL: <http://okopka.ru>].

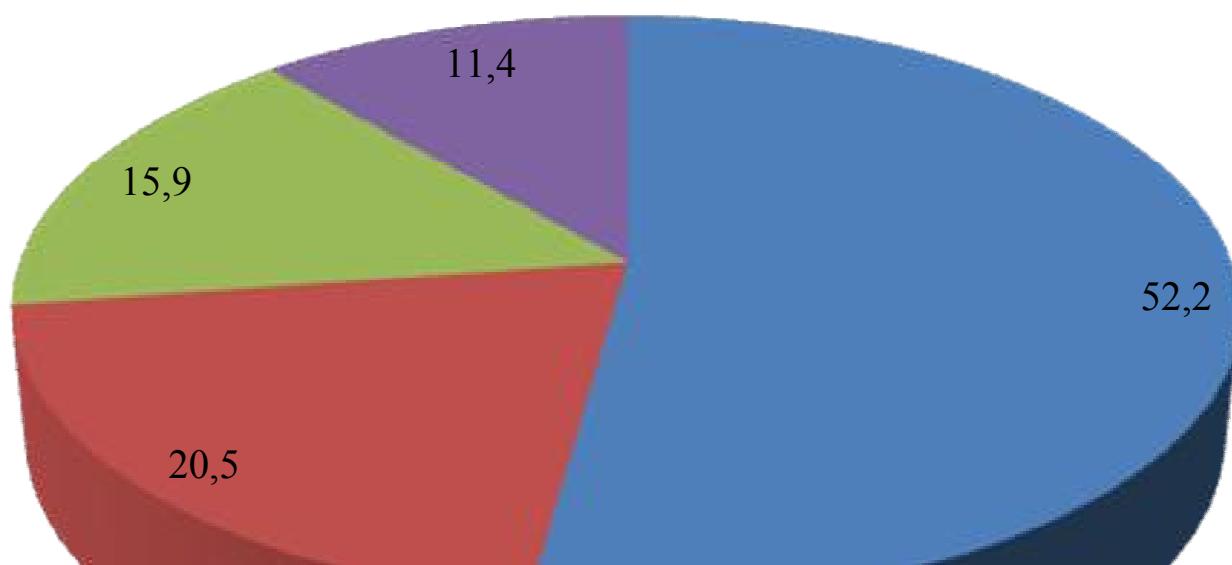
В тексте 133-ем переданы обонятельные ощущения, в 134-ом – тактильные, в 135-ом – вкусовые.

Проследить за функционированием рецептивных глагольных предикатов в художественном описании можно в текстах № 3, 17, 19, 21, 23, 25 Приложения 1.

4.2.2. Частотность ЛСГ рецептивных глагольных предикатов в художественном описании

На основе анализа использования рецептивных глагольных предикатов в художественном описании (208 предикатов), в процентном соотношении была определена частотность ЛСГ предикатов. Поскольку предикаты недифференцированной рецептивной характеристики реализуют в тексте то или иное значение (звуковое, обонятельное, тактильное, вкусовое), они не представлены в отдельной группе, а входят в соответствующие ЛСГ. На рис.7 представлена диаграмма полученных результатов.

Рис. 7 – Частотность ЛСГ рецептивных глагольных предикатов в художественном описании, %

Как и предполагалось, в силу значимости слухового восприятия для человека и отображении подобной особенности в художественном описании наиболее частотны предикаты слухового восприятия при существенной частотности обонятельной рецептивной характеристики и небольшой частотности тактильных и вкусовых предикатов.

§4.3. Предикаты разных рецептивных характеристик в описательных текстах нехудожественных книжных стилей и разговорной речи

4.3.1. Функционирование рецептивных предикатов в книжном и разговорном описании

В научном описании случаи употребления глагольных предикатов со значением слуховых, обонятельных, тактильных, вкусовых эффектов достаточно редки. В соответствии с тенденцией к аналитическому способу изложения в научной речи при передаче сенсорных ощущений в научном описании используются составные предикаты: *шуметь – издавать шум, пахнуть – иметь запах, колоться – иметь колющую поверхность, горчить – иметь горький вкус* и др.

Научные описания с использованием составных предикатов, передающих обонятельную и вкусовую рецептивные характеристики, представлены ниже.

136) *Змеиный источник находится на полуострове Святой Нос, на западном берегу Чивыркуйского залива в бухте Змеиной, в 8 км от поселка Курбулик. (...) Вода имеет запах и привкус сероводорода, его запах ощущается в 500-600 метрах от источника* (Байкал: природа и люди) [Байкал: природа и люди: энциклопедический справочник 2009].

136-ое описание следует отнести к визуальному, поскольку в нем описан конкретный единственный в своем роде источник, хотя перечислены обобщенные свойства объекта. При этом перечисленные свойства объекта (*имеет запах и привкус сероводорода*) не воспринимаются как проявляющиеся в непосредственный момент наблюдения, поэтому не могут быть причислены к единицам, служащим вербализации пространственных отношений.

Аналитический способ обозначения сенсорных эффектов оказывается предпочтительнее в научной речи, так как допускает необходимое уточнение: *имеет запах и привкус сероводорода, имеет характерный сильный запах и очень горький вкус*.

Книжные описания включают преимущественно нейтральные рецептивные глагольные предикаты. В художественном визуальном описании указанные предикаты имеют бытийное значение, в научном стиле, как правило, передают семантику бытийности и постоянного свойства предмета. Данное обстоятельство выступает как частное проявление тенденции к обобщению, характерной для научной речи, поскольку в данном случае в описании перечисляются постоянные свойства объектов: *Цветки лилий приятно пахнут. Полынь имеет горький вкус.*

В научном описании даже в пределах одной отрасли знаний зачастую параллельно функционируют составные и простые глагольные предикаты. Приведем примеры из книги по энтомологии одного автора – профессора Б.Н. Шванвича.

137) *Андрокониями называются волосяные и чешуйчатые образования, которые встречаются преимущественно у самцов бабочек, связаны со сближением полов, и у некоторых форм издают уловимые для человека ароматические запахи. Так, южно-американские нимфалиды Ргерона пахнут ванилью* (Б. Шванвич. Курс общей энтомологии) [Шванвич 1949].

В приведенном тексте в одном ряду употреблены составной (*издают запахи*) и простой (*пахнут*) предикаты обонятельной рецептивной характеристики.

138) *Аналогичные звуки издают некоторые бабочки. Так, южноамериканская нимфалида Ageronia сильно трещит на лету. Она имеет перепончатые выступы при основании крыльев, которые задевают за шипы на груди* (Б. Шванвич. Курс общей энтомологии) [Шванвич 1949].

138-ое описание содержит составной (*звуки издают*) и простой (*трещит*) звуковые предикаты.

В официально-деловом описании, как и в научном, функционируют нейтральные рецептивные предикаты, актуализирующее семантику бытийности и постоянного свойства объекта.

Публицистическое описание, подобно художественному, может актуализировать обонятельные и другие свойства объектов, воспринимаемые в определенный момент времени:

139) *Сосны на золотых песчаных дюнах, буйная зелень по берегам, высокие перистые облака. Пахло хвоей, грибами, земляникой, кружилась голова от тишины. За голубеющими вдали лесами, где-то за второй или третьей грядой, почти уже в синеве, проступали вершины Южно-Муйского хребта* (Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль) [Шинкарев 1975].

Приведенные описания содержат предикаты зрительной (*проступали*) и обонятельной (*пахло*) рецептивных характеристик, которые воссоздают «полную картину» пространства, в котором различимы звуки и запахи.

Итак, функционирование в научных и официально-деловых описаниях составных предикатов для выражения звуковых, обонятельных, тактильных и вкусовых свойств объектов поддерживается онтологической основой описаний указанных стилей, вербализующих закономерные, постоянные свойства объектов. Как правило, речь идет о контаминированном описании, в котором вербализуются сенсорно воспринимаемые обобщенные признаки класса объектов. Употребляемые глагольные предикаты имеют семантику бытийности с постоянным свойством, поэтому говорить о вербализации пространства рецептивными предикатами следует в основном в плоскости публицистического описания, представляющего, подобно художественному, наблюдаемые (в широком смысле слова) в определенный момент времени свойства объекта.

В разговорной речи возможны способы образования разговорных ЛСВ глаголов, в частности звуковых форм, при этом осуществляется метафорический перенос. Основой для сравнений могут выступать звуки животного мира, что приводит к возникновению форм качественно-оценочной характеристики речевого поведения человека: *ворковать, кудахтать, рычать, трещать, шипеть* [Сидорова 2016: 72-73]. К подобным единицам можно отнести и глагол *скулить* в значении ‘плакаться, ныть,

докучать жалобами’, который приобретает в данном случае разговорную окраску и реализует экспрессивную функцию [Джамбинова 2007 а: 15]. Очевидно, что данные формы относятся к личному имени субъекта – производителю подобных звуков.

Звуковыми и обонятельными ощущениями наполнено приводимое ниже разговорное описание:

140) *Гостиница располагается прямо у берега. Из номера слышно, как шумит море. В номере пахнет как-то не очень – плесенью что ли. Зато море благоухает. Вдали видны огни маяка (троплин. Отдых в Бэйдайхэ (Китай) - везде цветы)* [URL: <https://www.otzovik.com>].

При передаче обонятельных рецептивных характеристик в разговорной речи продуктивен предикат *пахнуть*. В ситуации непосредственного рассказа в разговорной речи при использовании рецептивных предикатов встречаются повторы:

141) *В воздухе пахнет яблоками. / м-м В воздухе п... э-э в воздухе пахнет яблоками. / э-э / э-э Тихая спокойная природа* (Спонтанный пересказ художественных текстов, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

В справочнике «Лексико-семантические группы русских глаголов» при выделении глаголов подполя «Качественное состояние» в ЛСГ глаголов проявления качества, воспринимаемого органами чувств, отмечена разговорная форма обонятельнойрецептивной характеристики *вонять* [ЛСГ русских глаголов 1988: 66]:

142) *Тут полно запахов. Краской воняет еще* (Праздные разговоры, НКРЯ) [URL: <https://ruscorpora.ru>].

Интересны наблюдения О.Г. Лещинской за просторечными формами представления разных рецептивных характеристик. Исследуя просторечные глаголы звучания, О.Г. Лещинская отмечает, что доминируют формы для обозначения звуков человека, это глаголы говорения *базарить, молоть языком, мямлить, кликнуть* и др.; формы для выражения эмоций *ржать,*

угорать, хлюпать, хныкать и др.; формы физиологических явлений *кхыкать, бухыкать, перхать, дохать* и др. [Лещинская 2008: 91].

При изучении лексики для передачи обонятельных ощущений в народно-разговорной речи города О.Г. Лещинская констатирует узость круга подобных единиц (отмечает лишь глагольные формы *нести, провонять*), связывая этот факт с большей значимостью зрительного и слухового восприятия для русской языковой картины мира [Лещинская 2008: 116].

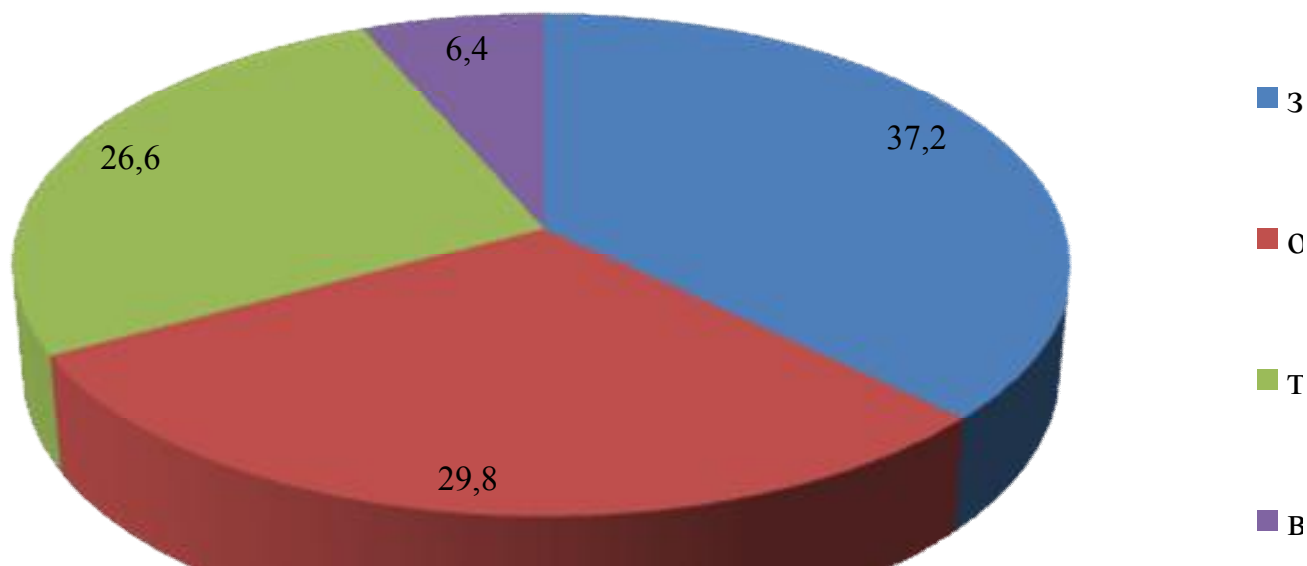
При исследовании вербализации тактильно воспринимаемых явлений с опорой на «Словарь современного русского города» О.Г. Лещинская отмечает, что набор некодифицированных форм данной семантики намного беднее лексики литературного языка, поскольку нелитературная разновидность речи оперирует оценочными единицами, выходящими за пределы нормы, а оценка не так важна для предикатов тактильного восприятия [Лещинская 2008: 110]. Это утверждение касается существительных и прилагательных, исследуемых О.Г. Лещинской, глагольные предикаты тактильного восприятия исследователем не зафиксированы. При анализе лексики вкуса О.Г. Лещинская обращается к глаголам с семантикой поглощения пищи, отмечая, что собственно предикаты вкуса в «Словаре современного русского города» отсутствуют [Лещинская 2008: 120].

4.3.2. Частотность групп глагольных предикатов в книжном и разговорном описании

Для определения частотности ЛСГ рецептивных предикатов данные по научному и официально-деловому описанию можно обобщить в силу сопоставимости функционирования указанных единиц в составе описаний научного и официально-делового стилей.

Приняв все словоупотребления рецептивных глагольных предикатов научного и официально-делового описания за 100% (94 предиката), в

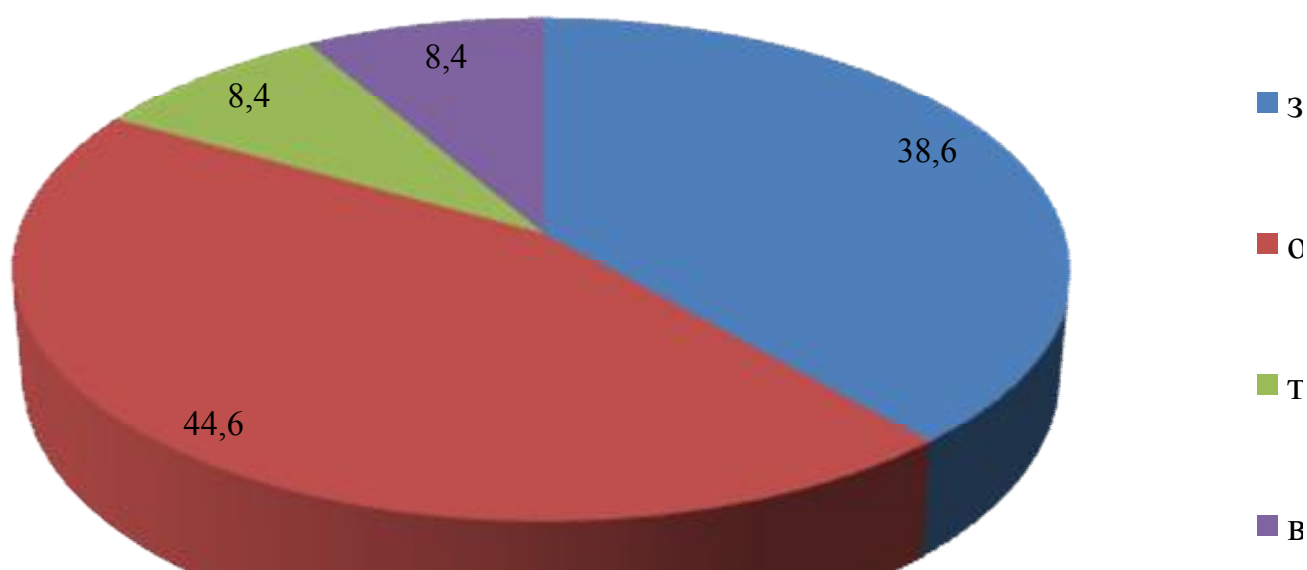
процентном соотношении определим частотность ЛСГ предикатов. На рис.8 представлена сводная диаграмма полученных результатов.

Рис. 8 – Частотность ЛСГ рецептивных глагольных предикатов в научном и официально-деловом описании, %

Приведенные цифры свидетельствуют о преобладании единиц слуховой рецептивной характеристики, значительной доле единиц обонятельной и небольшой частотности предикатов тактильной и вкусовой рецептивных характеристик, что коррелирует с общими психофизиологическими основами восприятия.

В публицистическом описании, как правило, перед нами визуальное описание, предполагающее реализацию непосредственно воспринимаемых в момент наблюдения признаков. Приняв все словоупотребления рецептивных глагольных предикатов публицистического описания за 100% (83 предиката), в процентном соотношении определим частотность ЛСГ предикатов. На рис.9 представлена диаграмма полученных результатов.

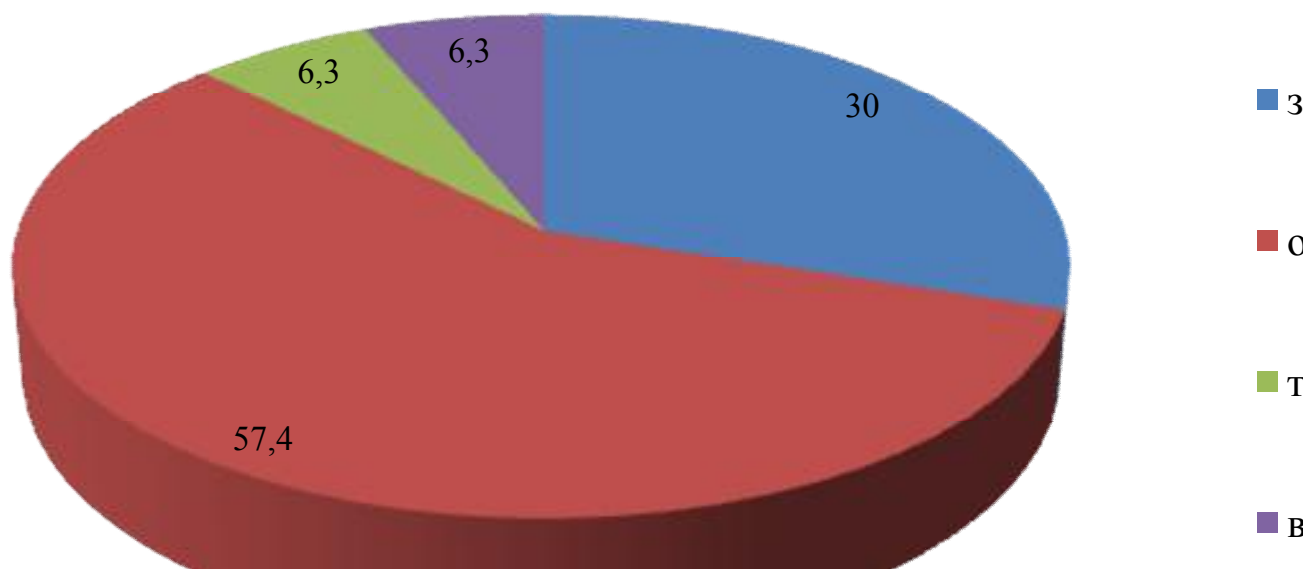

Рис. 9 – Частотность ЛСГ рецептивных глагольных предикатов в публицистическом описании, %

При обычной низкой частотности предикатов тактильной и вкусовой рецептивных характеристик существенную долю составляют формы обонятельной и слуховой рецептивных характеристик.

Приняв все словоупотребления рецептивных глагольных предикатов разговорного описания за 100% (80 предикатов), в процентном соотношении определим частотность ЛСГ предикатов. На рис.10 представлена диаграмма полученных результатов.

Рис. 10 – Частотность ЛСГ рецептивных глагольных предикатов в разговорном описании, %

В разговорной речи прослеживается очевидная асимметрия данных по частотности ЛСГ рецептивных предикатов с явным преобладанием единиц обонятельной рецептивной характеристики при сохраняющейся существенной доле слуховых и низкой частотности тактильных и вкусовых единиц. Объяснить высокую частотность предикатов обонятельной рецептивной характеристики можно, вероятно, особенностями процедуры живого общения, при котором зрительные и звуковые эффекты могут быть переданы при помощи паралингвистических средств (показать размер или форму предмета, воспроизвести звуки) при невозможности воссоздать ольфакторное состояние среды, о которой идет речь, в ситуации непосредственного общения. Предикаты вкусовой и тактильной рецептивных характеристик имеют в описании в целом низкую частотность, что связано и с незначительным количеством подобных форм в языке.

В целом материалы словарей подтверждают эмпирически полученные данные по частотности ЛСГ рецептивных предикатов: звуковые предикаты более разнообразны, из предикатов вкуса в Толковом словаре русских глаголов отмечен один, в РСС они отсутствуют. Анализ всех предикатов

разных рецептивных характеристик, представленных в Тематическом справочнике (Приложение 2), показывает следующий процентный состав. При учете, что 104 ЛСВ предикатов рецептивной характеристики составляют 100%, отметим, что 72,8% из них приходится на предикаты слуховой рецептивной характеристики; по 10,6% – на формы обонятельной и тактильных рецептивных характеристик; по 3% – на предикаты вкусовой и недифференцированной рецептивных характеристик.

Проследить за функционированием рецептивных глагольных предикатов в описаниях книжных стилей и разговорной речи можно в текстах № 36, 59, 62, 78, 89, 94, 95 Приложения 1.

Говоря о частотности ЛСГ глагольных предикатов в художественном описании, следует подчеркнуть наибольшую частотность предикатов слуховой рецептивной характеристики по сравнению с обонятельными, тактильными и вкусовыми. В целом при восприятии материального мира второе место по объему получаемой информации занимает слуховое восприятие. В разрезе текстовой организации следует отметить наличие описаний, построенных только при помощи предикатов слуховой рецептивной характеристики:

143) *Кругом, по всем кустам и гуцам, сладко голосили и цокали соловьи, где-то далеко вдали мерно и настойчиво, не смолкая куковала кукушка* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин 2018].

Анализ описательных текстов разной стилевой принадлежности (эмпирически полученных данных) может представить неполную картину по возможностям употребления в текстах рецептивных глагольных предикатов, способных реализовать пространственные параметры в описании, поэтому важно исследовать данные словарей, систематизирующих глаголы. При сопоставлении наполнения ЛСГ рецептивных глагольных предикатов с материалами «Толкового словаря русских глаголов», необходимо заметить, что единицы слуховой, обонятельной, тактильной и вкусовой рецептивных характеристик, относятся авторами Толкового словаря к группе глаголов

проявления признака к подгруппе «Глаголы проявления качества». В Толковом словаре зафиксирована типовая семантика подобных форм: проявлять какое-либо качество, воспринимаемое органами чувств, издавать запах и т.п. [Толковый словарь русских глаголов 1999: 495].

К глаголам проявления качества относятся в Толковом словаре единицы с семантикой зрительно воспринимаемых качеств (*блестеть* – 2 лексико-семантических варианта (ЛСВ), *блистать*, *брезжить*, *виднеться*, *выглядеть*, *дымиться*, *излучать* – 2 ЛСВ, *излучаться*, *искрить* – 2 ЛСВ, *искриться* – 2 ЛСВ, *коптить*, *кровоточить*, *куриться* (*выделять дымку*), *лосниться*, *лучиться* – 2 ЛСВ, *мерцать*, *отсвечивать*, *пестреть* – 3 ЛСВ, *сверкать* – 4 ЛСВ, *светить*, *светиться* – 2 ЛСВ, *светлеть*, *сиять* – 3 ЛСВ); глаголы слуховой рецептивной характеристики (*бурлить*, *бушевать* – 2 ЛСВ, *кипеть* – 2 ЛСВ, *клокотать*); глаголы обоняния (*благоухать*, *пахнуть*, *чадить*); глаголы вкуса (*горчить*); глаголы, способные передавать ощущение разнородных явлений (*источать* (*вкус*, *запах*), *дымить*, *испускать* (*звук*, *запах*), *источать* (*свет*, *запах*), *куриться* (*выделять дым*, *слабо горя*), *проявляться*, *чувствоваться*) [Толковый словарь русских глаголов 1999: 495-499]; глаголы тактильной рецептивной характеристики в Толковом словаре отсутствуют [Варфоломеева 2015 а].

В «Русском семантическом словаре» глаголы передачи слуховых, обонятельных, тактильных рецептивных характеристик нашли отражение в группе бытийных глаголов в подгруппе «Обозначение восприятия органами чувств качеств, признаков» с дальнейшей дифференциацией на общие обозначения (*восприниматься*, *лезть*, *отдавать*, *ощущаться*, *слышаться*, *улавливаться*, *чувствоваться*), восприятие слухом (*ахать*, *бабахать*, *бахать*, *барабанить*, *бренчать*, *бурчать*, *бухать*, *верещать*, *выть*, *греметь*, *громыхать*, *грохать*, *грохотать*, *гудеть*, *дзенькать*, *дребезжать*, *жуужжать*, *журчать*, *завывать*, *заливаться*, *звенеть*, *звонить*, *звучать*, *звякать*, *катиться*, *клокотать*, *лязгать*, *надрываться*, *перезванивать*, *пиликатать*, *пищать*, *потрескивать*, *раздаваться*, *разливаться*, *раскатиться*,

реветь, рокотать, рыдать, свириспеть, свистать, свистеть, сипеть, скрипеть, стонать, стрекотать, стучать, такать, тарахтеть, татакать, тенькать, трахать, тренькать, трещать, тукать, тюкать, урчать, ухать, фыркать, фырчать, хлипать, хлопать, хлюпать, хрипеть, хрупать, хрустеть, цокать, цокотать, чавкать, чмокать, чокать, шаркать, шелестеть, шипеть, шлепать, шуметь, шуришать, щелкать), восприятие зрением (*алеть, алеться, багроветь, зеленеть* и др. – рассмотрены ранее), восприятие обонянием (*пахнуть, шибать*), восприятие осязанием (*нащупываться, осязаться, прощупываться*) [РСС 2007: 119-125]. Глаголы вкусовой рецептивной характеристики (*кислится, горчить* и т.п.) в РСС отсутствуют [Варфоломеева 2015 а].

В «Толковом словаре русского языка» среди книжных предикатов разных рецептивных характеристик отмечены *благоухать* (с.495), *испускать* (*звук, запах*) (с.496), *источать* (*свет, запах*) (с.496); к разговорным формам в [РСС 2007] – *бухать* (с.120), *дзенькать* (с.93), *нести* (о запахе) (с.120), *пиликать* (с. 94), *такать* (с.95), *татакать* (с.95), *тарахтеть* (с.95), *тенькать* (с.95), *тренькать* (с.95), *тюкать* (с. 96), *хлюпать* (с. 96), *хрупать* (с.96), *чавкать* (о звуке: *чавкают звуки шагов*) (с.96), *жариться* (о тактильных ощущениях: *жариться на солнце*) (с. 117), *морозиться* (о тактильных ощущениях: *морозиться в доме*) (с. 117), *отдавать* (о запахе, вкусе: *отдавать плесенью*) (с.117) [Толковый словарь русского языка 1999].

Таким образом, данные словарей способствуют расширению состава ЛСГ единицами, объединенными общим бытийным значением.

Итак, опираясь на представление о том, что пространственное различие осуществляется всеми сенсорными системами, определим, что периферийную зону глагольного семантического поля пространства в тексте типа «описание», который вербализует пространственные отношения, составляют рецептивных предикаты, выражающие пространственную семантику в оппозиции «близко – далеко». Среди рецептивных предикатов выделяются ЛСГ предикатов звучания (*звенеть, шуметь* и др.), запаха

(*благоухать, смердеть* и др.), тактильной (*жечься, колоться* и др.), вкусовой (*кислить, горчить* и др.) и недифференцированной рецептивных характеристик (*проявляться, ощущаться* и др.). Указанные предикаты менее активно используются для построения описательных текстов, чем предикаты зрительной рецептивной характеристики, представляют пространственные отношения имплицитно, поэтому составляют периферийный слой глагольного семантического поля пространства в описательном тексте.

Выводы по главе IV

С опорой на ядерно-периферийную организацию семантического поля пространства были выявлены предикаты эксплицитной и имплицитной рецептивной характеристики. В ходе анализа описательных текстов было установлено, что периферийную зону семантического поля пространства в тексте типа «описание» образуют глагольные предикаты разных рецептивных характеристик.

Если к эксплицитным предикатам относятся единицы зрительной рецептивной характеристики, традиционно связываемые с категорией пространства, то к имплицитным предикатам примыкают предикаты иных рецепций.

В ситуации восприятия какого-либо звука или запаха источник подобных ощущений пребывает в определенной зоне, в пределах которой возможно слуховое различие или обонятельное восприятие. Важным при этом оказывается введение применительно к описанию понятия «поле восприятия», очерчивающего границы доступного проявления признаков для воспринимающего субъекта. При вкусовой и тактильной рецепции воспринимаемый объект расположен в непосредственной близости от субъекта, следовательно, предикаты, вербализующие вкусовую и тактильную рецептивную характеристику, содержат значение расстояния. Применительно к рецептивным предикатам в описании можно сказать, что в данном случае пространственные отношения реализуются в оппозиции «близко – далеко». Следовательно, рецептивные глагольные предикаты можно квалифицировать как средства, имплицитно выражающие пространственное значение в тексте типа «описание».

Предикаты разных рецептивных характеристик составляют пять ЛСГ:
1) предикаты реализации слуховой рецепции, к которым можно отнести единицы, отражающие процесс слухового восприятия, глаголы общей характеристики звучания и предикаты дифференцированной слуховой

рецепции, специфически характеризующие издаваемые звуки (*слышаться, шуметь, стучать* и др.); 2) предикаты обонятельной рецептивной характеристики (*пахнуть, благоухать, вонять* и др.); 3) предикаты тактильной рецептивной характеристики (*жечься, колоться, щекотать* и др.); 4) предикаты вкусовой рецептивной характеристики (*кислить, горчить* и др.) и 5) предикаты недифференцированной рецептивной характеристики (*ощущаться, восприниматься, чувствоваться* и др.), в последнем случае контекст позволяет прояснить, о каких ощущениях идет речь (обонятельных, тактильных или вкусовых).

Подобные формы функционируют в описательных текстах разной стилевой принадлежности. Наибольшее разнообразие рецептивных глагольных предикатов находит отражение в художественном стиле в силу широкого употребления глагольных форм, использования разностилевой и экспрессивной лексики.

Полученные по частотности ЛСГ данные (высокая частотность предикатов слуховой рецептивной характеристики) подтверждают научный постулат об особой значимости для человека слухового восприятия (после зрительного).

Поскольку учеными было доказано, что пространственное различие осуществляется всеми сенсорными системами, оказалось возможным исследование роли глагольных предикатов разных рецептивных характеристик в развертывании пространственных отношений в описании.

Исследование фреймовой модели описания позволяет сделать ряд выводов об особенностях восприятия пространства. Специфика представления пространства в художественном и разговорном описании, реализующих обыденное понимание пространства, состоит в воссоздании определенных объектов, связанных пространственными отношениями, значимых с позиции воспринимающего субъекта, в отличие от научного или официально-делового текста, где может приводиться полная подробная характеристика описываемого пространства. При этом фигура

наблюдающего субъекта соотносится в описании со зрительным, слуховым, обонятельным и другими видами восприятия. Если фигура воспринимающего субъекта в художественном и разговорном описании может выступать как конкретное лицо, то в научном и официально-деловом тексте это некоторая неопределенная, собирательная фигура, поскольку подобное описание предполагает обобщение признаков.

В результате наблюдения над описательными текстами разных стилей и работы с материалами словарей в тематический справочник включены 104¹ неакциональных предиката разных рецептивных характеристик, представляющих периферическую зону семантического поля рецептивного пространства в описании (Приложение 2). Использование подобных единиц достаточно распространено при моделировании описательных текстов.

---

¹ Всего в справочнике 455 предикатов зрительной и иных рецептивных характеристик.

Глава V. Отдаленная периферия поля пространства: семантика акциональных глагольных предикатов в тексте типа «описание»

В предикатную модель описательных текстов могут быть включены акциональные предикаты, выражающие вне описательного контекста иные непространственные отношения (конкретные физические действия: *рубить дрова* *платье*, *пилить дрова*; речемыслительные действия: *рассказывать историю*, *сообщать новости*; социативные действия: *бороться с соперником*, *спорить с другом* и др.). В силу нетипичности употребления подобных единиц в описании, а предсказуемости в повествовательном контексте, подобные предикаты могут быть отнесены к зоне отдаленной периферии поля глагольной локативности в текстах описания.

В визуальном описании функционируют глагольные предикаты с семантикой конкретно-визуальных, ограниченных временем действий [Хамаганова 1996: 105-106]:

144) *За широкой заснеженной равниной горбатились невысокие голубые сопки. У их подножия рассыпались коровы. Они щипали торчащие из-под снега сухие стебли полыни и жесткую щетину травы* (И. Калашников. Сашка) [Калашников 1956].

Приведенное описание-пейзаж выстроено с помощью глагольного предиката со значением формы предмета (*горбатились*), предиката с перфектным значением (*рассыпались*), который означает результат действия, проявление которого актуально в момент наблюдения. Кроме того, в описании используется и акциональный предикат *щипали*, который вербализует один из признаков описываемого пейзажа, так как производимое действие совпадает с моментом наблюдения.

Приводимый ниже текст содержит акциональный предикат, однако в контексте других признаков, вербализованных неакциональными предикатами (*капитан сидел*, *блестели стекла*, *круги*, *переборки*), предикат

движения (*пассажиры гуляли*) «лишается» семантики активного действия и приобретает значение бытийности:

145) *В пух и прах разодевший капитан сидел на ходовом мостике, по верхней палубе гуляли пассажиры, блестели стекла, яркие спасательные круги, белые переборки* (В. Липатов. И это все о нем) [Липатов 1977].

Таким образом, именно описательный контекст позволяет прояснить значение глагольных предикатов. Следует отметить обязательность полисубъектной структуры описания, при которой перечисляемые признаки, выраженные, в том числе и акциональными глагольными предикатами, воспринимаются как части общей наблюдаемой картины. При моносубъектности микротемы акциональные предикаты, обозначающие действие, составляют текст типа «повествование». При этом важно не то, какая картина предстает перед нами, а что именно совершает субъект повествования:

146) *(То, как он стирает свои рубашки, – целая наука.) Сначала он их замачивает, потом стирает вручную, особым образом прополаскивает и развешивает так, чтобы легче было гладить* (Э. Савкина. Если впрягаюсь, то основательно) [Савкина 2002].

Поскольку повествование отличает динамичность содержания, то именно акциональные предикаты способны к передаче поступательного движения в перечисленных действиях:

147) *Августовским поздним вечером в дверь нашу постучали, затем вошел молодой китаец, очень опрятный, в голубом шелковом халате, и, сняв соломенную шляпу, поклонился, улыбнулся, протянул моей матери вчетверо сложенный грязный листок...* (Н. Ильина. Дороги и судьбы) [Ильина 1988].

Значения предикатов передают последовательность действий одного субъекта (*молодого китайца*).

§ 5.1. Анализ акциональных предикатов: данные словарей

В «Русском семантическом словаре» (РСС) представлены отдельные значения слов как единиц, которые входят в подмножество какого-либо лексического класса. Представленные слова называют определенный участок жизни, информируют о нем и живописуют его [РСС 2007]. Значимым представляется исследование ЛСГ предикатов, функционирующих в тексте типа «описание», по иерархии понятий и терминов, нашедших отражение в РСС: сообразно с понятийными сферами, «исходами», с дальнейшими семантическими сферами, с лексическими подмножествами, лексико-семантическими рядами [Варфоломеева 2015 в]. В настоящей диссертационной работе впервые проводится сверка семантики глагольных предикатов в составе лексической модели описательного текста с данными РСС.

Отметим, что в РСС включены глаголы с семантикой собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния, внутри которых выделяется ряд подгрупп (всего 18500 единиц). В данной работе был проведен анализ более 2000 единиц всех лексико-семантических рядов глаголов активного действия. Проверка возможностей включения глаголов со значением активного действия в описательный текст осуществлялась подстановкой единиц, представленных в РСС, в рабочие текстовые модели, описания¹. Ряд контекстов был извлечен из произведений русской художественной и нехудожественной литературы.

1. Глаголы, входящие в подгруппу «Общие обозначения: созидание, изменение, соединение, разъединение, улучшение, ухудшение, поиск, выбор, пользование, ускорение, замедление, локализация, уничтожение» [РСС 2007] могут выражать конкретные визуально воспринимаемые и отвлеченные действия. Так, предикат *делать* со значением ‘трудиться, создавая что-нибудь своими руками, а также вообще производить какой-нибудь продукт’

---

¹ В данном случае используется метод доказательства присутствия в семантике слова определенного компонента, а именно используется диагностический контекст.

[РСС 2007: 159] (*Фирма делает хорошие фотографии*) следует признать востребованным в особом типе описания – описании-характеристике. В значении ‘выполнять, осуществлять’ (*Делать работу по дому*) предикат *делать* может функционировать в визуальном описании:

148) *В кухне стоит прекрасный аромат. Стол накрыт. Хозяйка делает плов* (Пример составлен автором)

В случае изменения контекста глагол *делать* будет функционировать в обобщенном значении в описании-характеристике:

149) *За молоком и хлебом хожу я; А.А. делает обед и моет посуду; все это с большой охотой и вниманием, даже не очень медленно; немножко меня это удивляет, не ожидал. Едим мы овощи да ягоды, что легче сварить: макароны, чечевицу. Ужинаем обыкновенно с Михаилом Матвеевичем* (Н. Пунин. Письма А. Е. Аренс-Пуниной) [Пунин 2000].

Глаголы, которые функционируют в описании, обозначая в зависимости от контекста конкретные или обобщенные действия, названы в диссертации В.М. Хамагановой «контекстуальными», они не имеют лексически выраженного значения нелокализованности явлений, и различные средства контекста способствуют выражению такими глаголами необходимых значений [Хамаганова 1979: 127].

В первой подгруппе представлены и глаголы-характеристики (термин В.М. Хамагановой), – формы несовершенного вида, обозначающие нелокализованные во времени состояния или процессы: *беднеть* – ‘становиться менее обильным, беднее, хуже’ (*Природа беднеет*) [РСС 2007: 175], *беречь* – ‘не тратить, не расходовать что-нибудь напрасно; экономить’ (*Беречь каждую копейку*) [РСС 2007: 207], *населять* и др.

150) *Летают стрекозы с середины июня и до наступления первых осенних заморозков. Эти термофильные, амфибоинтные насекомые населяют в основном суровые участки Байкала, предпочитая заболоченные берега и небольшие озера...*(Байкал: природа и люди) [Байкал: природа и люди: энциклопедический справочник 2009].

Приведенное научное описание-характеристика содержит перечисление постоянных признаков отряда стрекоз. Предикат *населять* при этом реализует обобщенное невизуальное значение.

2. Глаголы второй подгруппы «Мысль. Чувство. Воля» (*верить, веровать заблуждаться, мыслить, обожать, полагать* и др.) [РСС 2007], как правило, обозначают ненаблюдаемые, отвлеченные состояния, что типично для предикатов описания-характеристики, т.е. в данном случае мы имеем дело с глаголами-характеристиками.

151) *Он любит качели и "блоху", любит стучать молотком по силомеру и покатываться в комнате смеха. Хлебом его не корми, а угости мороженым в парке. Он даже в очереди любит стоять, в очереди стилияг перед рестораном "Плзеньский". Эта сложная личность любит чёрное пиво "Сенатор" и обождает чёртово колесо* (В. Аксенов. Звездный билет) [Аксенов 2012 а].

Приведенное описание-характеристика насыщено предикатами чувства *любить* и *обождать*, которые обозначают не локализованные во времени ненаблюдаемые состояния.

3. В третью подгруппу «Поведение. Контакты. Информация» [РСС 2007] включены единицы, которые могут выступать со значением обобщенных действий и состояний (*дружить, руководствоваться, упрямиться, пить* в значении 'постоянно употреблять спиртное' [РСС 2007: 369]) и конкретных наблюдаемых действий. Например, *баловаться* – 'забавляться веселыми проделками' [РСС 2007: 336] (*Ребенок балуется за столом*), *пить* – 'проглатывать налитое в рюмку спиртное' [РСС 2007: 369], *шуметь* – 'вести себя шумно, нарушая тишину, спокойствие' [РСС 2007: 332], *молиться, говорить* и др. могут реализовываться в зависимости от контекста либо конкретные, ограниченные временем, либо обобщенные, не локализованные во времени действия.

152) *Так она молилась. Над ней сиял серебряный полумесяц* (А. Белый. Северная симфония) [URL: <https://www.litres.ru>].

В тексте визуального описания глагол *молилась* выражает конкретное наблюдаемое действие: героиня, вероятно, стоит на коленях, губы ее шевелятся, произносятся слова молитвы.

В контексте описания-характеристики реализуется обобщенное значение глагола *молиться*:

153) *По ночам дежурила сердитая-пресердитая Мария Григорьевна, маленькая, худенькая старушка в черном чепце и платье, с огненными, черными глазами и следами большой красоты на правильном лице. Замаливала ли она грехи молодости или от роду была набожная, только по целым часам она молилась в комнате, где стояла ее кровать дежурной* (В. Фигнер. Запечатленный труд) [Фигнер 1964].

В контексте описания-характеристики глагол *молилась* выражает нелокализованное во времени действие, что подчеркивается обстоятельством *по целым часам*.

Приведенная дифференциация значений глагола *молиться* подтверждает замечание Ю.Д. Апресяна относительно получения значения свойства в результате снятия идеи времени существования факта из действия или процесса. Согласно мысли ученого проявления превращаются в свойства при тех же условиях [Апресян 2009: 35]: *Цветы пахнут* может быть воспринято как проявление (сопоставимо с контекстом визуального описания: *Парк. Цветы пахнут медом. Птицы поют*) или как свойство (в описании-характеристике: *Цветы растения пахнут медом. Стебель тонкий. Распространено на юго-западе Сибири*).

4. В следующей подгруппе «Общественные и гражданские отношения и связи. Социальная и политическая деятельность» [РСС 2007] объединены преимущественно глаголы-характеристики *англизироваться, возвеличиться, выйти замуж, инспектировать, овдоветь, опекаль, покровительствовать, поселяться, эмигрировать* и др., их употребление несвойственно визуальному описанию, но присуще описанию-характеристике.

В приводимом ниже тексте *опекает* используется в обобщенном значении, характеризуются не локализованные во времени действия.

154) *Без мамы и Лени Ефим всегда чувствует на себе ответственность за «девчаток» и строго опекает их. С Мышкой он еще церемонится, а с Динкой обращается, как с дочкой. Кстати, своих детей у него нет. «Вот он и отыгрывается на мне!» (В. Осеева. Динка прощается с детством) [Осеева 2010].*

Однако ряд глаголов, например, *консультировать, порицать, чествовать* и др. могут быть включены в контекст визуального описания для передачи конкретных действий:

155) *Дроздов «наблюдает», Фундатор, Авдиев и еще кто-то консультируют... (В. Дудинцев. Не хлебом единым) [Дудинцев 1968].*

В приведенном тексте *чествуют* означает, что это действие каким-либо образом проявляется внешне: поднимают бокалы, аплодируют, вручают цветы и т.п.

5. Подгруппа «Труд. Занятия. Спорт. Отдых. Развлечения» [РСС 2007] включает глаголы *жарить, красить, пахать, чеканить, чинить, шить* и др., способствующие передаче конкретных действия, предсказуемых при построении текстов визуального описания:

156) *Пестренький цыпленок, попискивая, бродил по подоконнику, стучал клювом в стекла, ловя мух, а она сидела на нарах, качала люльку и жалким, дрожащим голосом пела старинную колыбельную песню... (И. Бунин. Деревня) [Бунин 2018].*

В приведенном тексте использованы предикаты разных подгрупп, представленных в РСС (*бродил, пела, стучал*), в том числе предикат со значением занятий (*качала*).

Следует заметить возможность выражения подобными глаголами и обобщенных действий в описании-характеристике:

157) *Как и до воли, крестьяне пахут сохами. Сеют те же хлеба и в таком же сравнительном количестве (...) Ржи сеют вдвое больше чем овса,*

а последнего столько же, как и проса. Хозяйство ведут трехпольное, без удобрения, потому что земля в уважении не нуждается (Земля Пензенская) [URL: <http://www.penzagen.ru>].

Кроме того, в пятой подгруппе собраны собственно глаголы-характеристики *охотничать, пекарничать, халтурить* и др.

Глаголы подгрупп «Движение и перемещение в пространстве» и «Физические действия (не собственно движение и перемещение в пространстве)» должны войти в состав пятого тома РСС, который пока остается неизданным.

Глаголы конкретного физического действия и движения нашли отражение в Толковом словаре русских глаголов, в котором представлены

- 1) глаголы движения (*ехать, идти, лететь, плыть, ползти* и др.);
- 2) глаголы перемещения (*везти, выносить, отгонять, подкатывать* и др.);
- 3) глаголы физического воздействия на объект (*бить, давить, падать, вытираться* и др.) [Толковый словарь русских глаголов 1999].

Глаголы перечисленных групп в функции предикатов предсказуемы при построении описательных текстов. Глаголы движения и перемещения способствуют передаче динамических отношений, но при употреблении в описательном контексте на семантику действия наслаивается семантика признака: объект предстает как некоторая движущаяся точка, которая характеризует вещность описываемого пространства, при этом продвижение к конечной точке для описания неважно:

158) *Окно в кухне открыто. Внизу, во дворе, бегают дети, сидят на лавочках пенсионеры* (О. Гладов. Любовь стратегического назначения) [Гладов 2011].

При использовании предиката конкретного физического действия вербализуется действие, важное не с позиции особенностей его протекания, а с точки зрения представления объекта, присутствующего в некотором

описываемом пространстве, т.е. при использовании акционального предиката характеризуется вещьность пространства:

159) *Он вытирает пот со лба. Он сидит в чёрном пиджаке. Он машет рукой* (Б. Окуджава. Новенький как с иголки) [Окуджава 1999].

Итак, описательный текст допускает употребление в качестве предикатов акциональных глаголов разнообразных групп, представленных в словарях. При этом в визуальном описании на значение действия накладывается значение существования, и объект, осуществляющий действие, становится значимым для описания только своим наличием в описываемом пространстве. Описание-характеристика располагает глагольными предикатами с обобщенной семантикой, которые передают не локализованные во времени действия.

§5.2. Роль ЛСГ акциональных предикатов в вербализации пространственного значения в художественном описании

В описательном тексте, онтологическую основу которого составляет существующий в пространстве предметный ряд, могут функционировать акциональные глагольные предикаты, приобретающие в контексте описания способность вербализовать пространство. Подобно неакциональным, акциональные предикаты приобретают в описании бытийное значение: объект, выполняющий действие, представленное акциональным глаголом, наполняет собой описываемое пространство и существует в нем в виде некоторой точки [Варфоломеева 2015 в]. Это подтверждает мысль о том, что «к характеристике местонахождения можно отнести и действие, которое выполняет субъект, находясь в определенном месте» [ТФГ 1996: 19-20].

Предикаты, выражающие конкретные физические действия (*читать книгу, рубить дрова*), как и неакциональные глаголы, реализуют статические отношения объекта и некоторого ориентира: положение объекта относительно какого-либо ориентира в рамках описательной микротемы не изменяется, данный объект воспринимается как некая точка в описываемом

пространстве. Этот объект важен для структурно-семантической модели описательного текста тем, что наполняет описываемое пространство, а способ существования (*читает, рубит* и др.) не актуален.

В визуальном описании могут функционировать ЛСГ акциональных предикатов, выражающие речевые (*говорить, рассказывать* и др.)¹ и intersubъектные (*бороться*) действия, воспринимаемые наблюдателем и описывающие факт существования объекта в пространстве.

160) *Слева от орудия шел по обочине медвежьей развалкой Уханов с Зоей, посмеиваясь, говорил ей что-то, а она, будто переломленная ремнем в талии, рассеянно слушала, кивала ему потным, усталым лицом. Санитарной сумки на ее боку не было, – наверно, положила на повозку санроты* (Ю. Бондарев. Горячий снег) [Бондарев 2006].

В приведенном фрагменте, представляющем собой визуальное описание, глагольные предикаты *говорил, слушала*, вербализуют конкретные, ограниченные временем действия. Перечисленные действия могут быть восприняты героем, имеют внешние проявления, сопровождаясь дополнительными замечаниями: *Уханов говорит, посмеиваясь, Зоя слушает рассеянно, кивает*.

В контексте описания-характеристики подобные глагольные предикаты будут восприниматься как передающие не локализованные во времени, невизуальные действия:

161) *Лепешка хорошо говорит по-русски. Маленький – Вере до плеча, – но страшно самостоятельный, веселый и умеющий добывать из происходящей вокруг жизни самую разнообразную пользу...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы) [Рубина 2008].

По терминологии Т.В. Булыгиной подобные единицы следует отнести к «двузначным», т.е. они могут быть истолкованы как актуальные – локализованные во времени (в частности в контексте визуального описания)

---

¹ Н.В. Золотарева включает в список глаголов речевой деятельности 44 формы [Золотарева 1999: 24].

или неактуальные – не локализованные во времени (например, в контексте описания-характеристики).

Помимо общего значения бытийности, предикаты визуального описания объединены значением эпизодичности [Семантические типы глагольных предикатов 1982: 84-85] или временной локализованности [Хамаганова 1979; Булыгина 1997]. Временные состояния актуальны в течение какого-то конкретного ограниченного периода времени и характеризуют одну из «стадий» существования носителя данного состояния [Князев 1999 в: 166]: *горы виднелись, роса блестела* и др. Пространственное расположение перемещаемых объектов может быть определено как постоянное [Князев 1999 в: 165]: *усадьба стоит на горе*. Однако следует заметить, что, поскольку в визуальном описании находит воплощение только одна из фаз существования объекта, подвергнутого описанию, воспринимаемая в конкретный момент, пространственным предикатам, выражающим соотношение перемещаемых объектов, присуща временная локализованность.

В описании-характеристике предикатам свойственна вневременность, они выражают устойчивые состояния [Князев 1999 в: 165] или «неактуальное» значение [Булыгина 1982: 43]. Т.В. Булыгина относит к подобным формам глаголы *владеть, зависеть, знать, любить, равняться, обладать, ненавидеть, презирать, соответствовать* и др. В работе В.М. Хамагановой такие единицы, которые выражают «без дополнительных лексических и грамматических средств отличительные свойства описываемого объекта» получили название глаголов-характеристик, обозначаемые ими реалии, представляют собой процесс, состоящий из каких-либо конкретных действий, однако эти конкретные действия выступают в обобщенном, отвлеченном виде. К глаголам-характеристикам отнесены единицы обозначения обобщенно-отвлеченные явлений (*учительствовать, заведовать* и др.), состояний (*любить, презирать* и др.), процессов

(толстеть, умнеть и др.). Полный список глаголов-характеристик представлен в работе В.М. Хамагановой [Хамаганова 1979].

С использованием терминов Т.В. Булыгиной названные единицы могут быть охарактеризованы как таковые, употребление которых невозможно в актуальном контексте ни при каких условиях [Булыгина 1982: 43], следовательно, употребление подобных форм нетипично для визуального описания, номинирующего признаки объектов, воспринимаемых в определенный момент времени.

Таким образом, акциональные предикаты, выражающие отвлеченные явления и эмоциональные состояния (*любить, презирать* и др.), используются для описания-характеристики и не типичны при построении текстов визуального описания, в котором функционируют предикаты, которым присуща временная локализованность.

Помимо глаголов-характеристик, в визуальном описании мало продуктивны и предикаты местожительства (*гнездиться (о птицах), гостить, жить, жить у черта на куличках, зимовать, квартировать, населять, обитать, обретаться, проживать, соседствовать, ютиться* и др), отнесенные Л.М. Васильевым к предикатам пространственной ориентации [Васильев 2000]. Подобные формы обозначают нелокализованные во времени явления. Однако можно представить их употребление в контексте визуального описания:

162) *Школа стояла одиночкой, на горе. Слева были церковь и кладбище, походившее на запущенный сад, справа косогор. Дорога шла из полей мимо училища влево под гору. Под горой, ниже кладбища, жили духовные: против них, через дорогу, стояли лавка и кабак Грибакина. На той стороне, за речкой, была усадьба Линтварева с белыми хоромами и скучно синеющими рядами елей перед ними* (И. Бунин. Учитель) [Бунин 1987].

В представленном контексте *жить* имеет бытийное значение, в черед зрительно воспринимаемых признаков с помощью указанного предиката воплощается одна из фаз существования объекта.

В результате наблюдений над функционированием в визуальном описании глагольных предикатов, вербализующих физические действия (*рисовать, рубить, читать и т. п.*), было обнаружено, что указанные единицы функционируют с заполненной семантической объектной валентностью либо ее реализация возможна в контексте (в последнем случае функционируют глагольные предикаты с конситуативной семантикой (термин А.Д. Шмелева [Шмелёв 1998: 167]):

163) *Ночь. Лампа ещё светит. Шулейкин читает книгу. Нос его выступает из темноты розовым таким уголком* (Б. Окуджава. Новенький как с иголочки) [Окуджава 1999].

В приведенном примере предикат *читает* функционирует с конситуативной семантикой, при которой реализация объектной валентности возможна. Действие, вербализуемое предикатом *читает*, предстаёт как наблюдаемое, выступая как один из признаков описываемой картины.

В визуальном описании функционируют акциональные предикаты, предполагающие возможность наблюдения за обозначаемыми ими действиями, однако семантика активного действия нивелируется, предикаты приобретают бытийное значение, поскольку для описания важно лишь наличие действующего объекта в описываемом пространстве:

164) *Стабильность и умиротворение везде. Вы сидите в парке на лавочке в позе кучера. Кормите голубей сдобой. Мимо бегают опрятные, спокойные дети, за ними – их пристойные родители* (И. Мартынов. Это наша с тобой абстиненция) [Мартынов 1997].

В приведенном тексте использованы акциональные глаголы, вербализующие наблюдаемые действия *кормить, бегать*.

В случае употребления невизуальных глаголов активного действия (*думать, беситься, организовывать* и др.) в описании они приобретают семантику визуально воспринимаемых, ограниченных временем действий:

165) *... маленькая, белая как пушинка, Люба, придерживая платье сжатými коленями, хлопала в ладоши, глядя, как бесятся Боря и толстый*

Хряпов: схватившись за руки, они во всю силу топали ногами о землю и, красные с натуги, орал в лицо друг другу: Дай бог дождю Толщиной с возжжу!.. (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина) [Горький 1979].

В описательном фрагменте предикат активного действия *бесятся* функционирует с визуальной семантикой, его семантика получает дальнейшее разъяснение в тексте: *топали ногами, орал*. В подобных случаях для проверки возможности визуального употребления глагола в тексте можно воспользоваться подстановкой перед описательным текстом с интересующими предикатами модусной рамки *Я вижу / видел...* Ср. *Я видел: маленькая, белая как пушинка, Люба, придерживая платье сжатыми коленями, хлопала в ладоши, глядя, как бесятся Боря и толстый Хряпов: схватившись за руки, они во всю силу топали ногами о землю и, красные с натуги, орал в лицо друг другу: Дай бог дождю Толщиной с возжжу!..*

166) *От дынь исходит еле уловимый аромат, и каждый, кто проходит по этим рядам, дышит им. И продавцы в этом ряду тоже иные, и покупатели тут не те, что табуняются вокруг арбузных пятитонок. Продавцы в этом ряду старые, солидные люди, узбеки или казахи - аксакалы с истовыми бородами, с бурыми иконописными лицами, в черно-белых тканых тюбетейках. Они не волнуются, не бегают, не кричат, они только поют: «А вот ароматные сладкие дыни»* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [Домбровский 1992].

В приведенном фрагменте наряду с предикатами активного физического действия (отрицательные формы) *не бегают, не кричат* использован предикат *не волнуются*. В контексте он начинает восприниматься как означающий визуально воспринимаемый признак объекта: *не волнуются* значит не движутся беспрестанно, выполняя множество разного рода действий, внешне спокойны и т.п.

Помимо предикатов конкретного физического действия, в визуальном описании могут использоваться глаголы движения, под которыми понимается группа глаголов, обозначающих «физическое перемещение в

пространстве живых существ и неодушевлённых предметов» [ФС 1986: 137]. Одной из важных характеристик глаголов движения выступает признак направленности – ненаправленности движения. Применительно к описанию можно сказать, что в данном типе текста встречаются глагольные предикаты, обозначающие конкретные направленные и ненаправленные действия:

167) *Высокие стены домов, изредка освещенные тусклым блеском фонарей, кажутся еще чернее неба; местами здания и серые тучи сливаются в одну массу, и огоньки в окнах блестят, как движущиеся звездочки; дождь с однообразным шумом падает на кровли и мостовую; холодный ветер дует с силою и, забиваясь в ворота, стонет жалобно; улицы пусты, кое-где плетется разве запоздалый пешеход или тащится извозчик-ночник...* (Д. Григорович. Петербургские шарманщики) [Григорович 1960].

168) *Перед нею широко стлался зеленый луг; медленно и плавно расхаживали по нем белые, как снег, гуси; селезни и пестрые утки, подвернув голову под сизое крылышко, лежали там и сям неподвижными группами. Далее сверкала река со своими обрывистыми берегами, обросшими лопухом и кустарниками, из которых местами выбивались длинные сухие стебли дикого щавеля и торчали фиолетовые верхушки колючего репейника* (Д. Григорович. Деревня) [Григорович 1960].

В 167-ом примере представлены предикаты направленного действия (*плетется*, *тащится*), в 168-ом тексте предикат ненаправленного действия (*расхаживали*). Глаголы перемещения относят к локативно-валентным, т.е. имеющим в семантике валентность пространственного уточнителя (*расхаживали по нем [по лугу]*).

Глаголы движения способствуют передаче динамических отношений, однако описательный контекст приводит к семантическим трансформациям акциональных предикатов: на семантику действия наслаивается семантика признака: движущийся объект выступает как некоторая движущаяся точка, которая характеризует вещьность описываемого пространства. При этом движение как бы замыкается в описываемом пространстве и воспринимается

как состояние, потому что продвижение объекта, стремление его к конечному пункту не актуально для описательного текста [Варфоломеева 2015 в].

Е.В. Падучева пишет о том, что глаголы движения предполагают не какой-то момент, а целый период времени [Падучева 2002: 121]. Подобный период времени развертывается в повествовательном тексте:

169) *Опять Андрей бежит, ветки его секут. Выбегает на полянку, смотрит направо, налево, лицо растерянное* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора) [Аксенов 2012 б].

Приведенный повествовательный контекст содержит сменяющие друг друга действия одного субъекта, выраженные глагольными предикатами *бежит, выбегает*.

В описании же вербализуется момент, в который происходит восприятие движения, – некое остановившееся мгновение. При этом внимание фокусируется на срединной стадии (по терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 2002: 122]) ситуации движения.

Поскольку наблюдатель вынесен за пределы описательного текста, средствами моделирования восприятия (в соответствии с идеями Р. Арнхейма, В.А. Звегинцева) в данном случае выступают формы несовершенного вида глагола, представляющего срединную стадию осуществления действия.

В Теории функциональной грамматики замечено, что, когда субъект движется, оставаясь в границах некоторого пространства, его положение относительно локализации не изменяется, и подобный процесс можно отнести к местонахождению [ТФГ 1996: 8]: *Ребенок гуляет по парку*. Пределы воспринимаемого органами чувств пространства вербализуются описательным текстом, глаголы движения функционируют в описании с характеризующей функцией.

Глаголы перемещения стали предметом пристального внимания ученых (Н.Т. Валеева, Е.Н. Абрамова, С.А. Зарецкая и др.). При

исследовании акциональных глаголов Н.Т. Валеева создает специальный корпус, который составляют более двухсот бесприставочных глаголов со значением перемещения, автор выделяет четыре семантических группы глаголов движения.

1. Глаголы движения в традиционном понимании, для которых важно противопоставление по признаку однонаправленности / неоднаправленности движения: *лететь-летать, идти-ходить, бежать-бегать* и др. Исследователь использует возможности направительного подхода к изучению семантики глаголов движения, выделяя пять направительных классов глаголов: однонаправленного перемещения (*бежать, волочь, карабкаться*), хаотического перемещения (*блуждать, бродить, метаться*), неоднаправленного перемещения (*бегать, летать, катать*), нециклического перемещения (*ковылять, скакать, скользить*), многократного нециклического перемещения (*бросаться, кидаться, швырять*).

2. Глаголы перемещения, не объединяющиеся в пары по признаку однонаправленности / неоднаправленности движения: *карабкаться, мчаться, шагать* и др.

3. Глаголы со значением динамичного состояния, именующие состояния субъекта объекта, не перемещающегося целенаправленно, но не находящегося в состоянии покоя: *прыгать, реять, трепетать* и др.

4. Глаголы с семантикой пространственного расположения, именующие расположение или смену расположения в пространстве: *стоять – стать – ставить, лежать – лечь – класть* и др. [Валеева 2002: 24-120].

Подробная классификация глаголов активного действия (глаголов конкретного физического действия) представлена в диссертационной работе Е.Н. Абрамовой, которая классифицирует глаголы

1. по способу влияния на объект: выделяя глаголы перемещения объекта, помещения, покрытия и открытия объекта, физического воздействия на объект;

2. по количеству действий: одноимпульсные, или элементарные активные действия, многоимпульсные, сложные и комплексные активные действия;

3. по семам, указывающим на активность действия: в семантике глагола есть семы, указывающие на активность и потенциально активные;

4. по степени активности субъекта: глаголы слабой активности, глаголы нейтральной активности, глаголы высокой активности [Абрамова 2008: 13-16].

К исследованию лексической семантики глаголов перемещения обращается и С.А. Зарецкая, которая создает список глаголов движения (с иллюстрациями), которые имеют в качестве идентифицирующего семантический признак «перемещаться с помощью ног по твердой поверхности» [Зарецкая 1999].

Все перечисленные виды глаголов перемещения могут участвовать при построении текстов типа «описание»:

170) *Бегают, прыгают, лезят. Откуда-то из темной зелени сахарного тростника взлетают самолеты* (В. Розов. Удивление перед жизнью) [Розов 2000].

Приведенный текст содержит форму неоднаправленного движения (*бегают*), глагол со значением динамического состояния, именующий состояние субъекта объекта, не перемещающегося целенаправленно, но не находящегося в состоянии покоя (*прыгают*), глаголы из разряда форм, не объединяющихся в пары по признаку одинаправленности / неоднаправленности движения (*взлетают, лезят*).

Вследствие статичности содержания в описательном типе текста требуется единый временной план, при этом одновременность признаков достигается за счет употребления глаголов в одном абсолютном времени. Однако в определенных случаях, в том числе в стилистических целях, возможно сочетание перфектного значения прошедшего времени с настоящим. Сдвига во времени в данном случае не происходит, так как

результат действия, обозначенного перфектной формой глагола синхронен с признаками, выраженными формами настоящего времени.

171) (...) *от Выселок осталось в эти дни только одно звание – только черные остовы изб среди мусора. Мусор курился молочно-синеватым дымком, кисло воняло гарью...* (И. Бунин. Деревня) [Бунин 2018].

Приведенный текст содержит предикат в перфектной форме (*осталось*), обозначая результат действия, синхронный с остальными наблюдаемыми явлениями (*курился мусор, воняло гарью*).

Формы настоящего времени несовершенного вида могут использоваться в статическом, актуально-длительном значении или актуально-динамическом [Шатуновский 1999: 232], выражая во втором случае смену ситуаций. Для описания типично использование предикатов, передающих актуально-длительное, статическое значение: *Она рисует картину*, при котором одна ситуация не сменяется другой.

При обозначении действий акциональные предикаты употребляются с наименованиями лиц и животных, при выражении разного рода отношений неакциональные предикаты сочетаются с неличным именем предмета. Дифференциация акциональная / неакциональная семантика предиката прослеживается в корреляциях:

Леса окружают деревню / Бойцы окружают неприятеля; Тропинка ведет к реке / Отец ведет ребенка домой.

В описательном контексте пространственную семантику вербализуют предикаты с акциональным и неакциональным значением. При использовании предметного имени с неакциональным предикатом (*леса окружают деревню*) вербализуется статическая ситуация, что типично для описательного текста. При включении в описание акционального предиката (*бойцы окружают неприятеля*) характеризуется вещьность описываемого пространства.

В работе О.А. Прониной исследуется наличие дополнительной информации о некотором признаке локализованного предмета [Пронина

1988]. Применив эту идею для изучения глагольных предикатов описательного текста, мы пришли к следующим выводам о представлении дополнительной информации тремя типами.

1. В описании возможна характеристика статического положения объекта в пространстве; указанное значение реализуется неакциональными глагольными предикатами: *вещи размещаются в шкафу, ковер висит на стене* и др.

2. Характеристика самого локализуемого объекта. Указанный смысл реализуют предикаты, вербализующие собственные пространственные характеристики объекта, выраженные без отношения к другому объекту в пределах описательного текста: единицы характеристики формы предмета (*стебель вьется* и др.), характеристики плоской поверхности объекта (*пол покрыт пылью* и др.), положения в пространстве (*степь стелется на сотни километров* и др.).

3. Указание на действие локализованного объекта; в описательном тексте данный смысл реализуется акциональными глагольными предикатами:

172) *Во дворе, у подъезда – Витькина коляска с поднятым верхом, над ней под зонтом мужчина читает книгу и тихонько подкачивает коляску* (Г. Бакланов. Мой генерал) [Бакланов 2000].

Относительно концептуализации пространства в описании акциональными предикатами следует подчеркнуть, что в отличие от предикатов фиктивного перемещения в пространстве (*дорога бежит на юг, долины расходятся на километры* и др.), при которых концептуализируется не только неподвижность наблюдающего субъекта, но и отсутствие фокуса восприятия, акциональные глаголы предполагают, что точка, с которой ведется наблюдение, неподвижна.

Итак, в художественном описании свойства пространства могут быть вербализованы не только неакциональными, но и акциональными глагольными предикатами, которые выражают существование предметного ряда, наполняющего описываемое пространство.

§ 5.3. Акциональные предикаты в нехудожественном книжном и разговорном описании

В публицистическом описании, близком художественному, употребление акциональных предикатов достаточно распространено, данный факт можно пронаблюдать, обратившись к книге о БАМе:

173) *В 20-местной палатке осталась со мной только смуглая, с большими лучистыми карими глазами девушка. Это Вера Пупикова... Приветливая, спокойная. Сидит сейчас у буржуйки, подбрасывает дрова и рассказывает мне о первых днях их приезда сюда, о родных, о Ленинграде (Испытание трассой) [Испытание трассой 1978].*

В контексте описания предикаты, передающие активные действия (*подбрасывает, рассказывает*) рисуют, как и в художественном тексте, статичную картину: действия воспринимаются в определенный момент времени и важны для описательного контекста только тем, что обозначают наличие некоторого действующего объекта (Веры Пупиковой) в описываемом пространстве.

В научном тексте акциональные предикаты могут функционировать при описании содержания картин в искусствоведении или схемы битвы в истории, при этом описываемые события предстают как непосредственно воспринимаемые.

Так, богата действиями картина Франса Снейдерса «Рыбная лавка», при ее описании используются разнообразные предикаты, в том числе акциональные:

174) *Один на другом громоздятся сомы, шуки, раки, омары, устрицы, извиваются тонкие угри и миноги, копошится черепаха, во все стороны расползаются крабы (Франс Снейдерс) [URL: <http://www.nearyou.ru>].*

При описании неподвижной части картины (*сомы, шуки, раки, омары, устрицы*) используется неакциональный предикат с семантическим компонентом формы *громоздятся* ('беспорядочно лежат'), наблюдаемые

действия (*угрей, миног, черепахи и крабов*) передаются с помощью акциональных предикатов *извиваются, копошится, расползаются*.

Следующим примером употребления акционального предиката выступает описание содержания герба Нарбековых в работе по геральдике:

175) *В щите слева направо скачет всадник, вытаскивая из глаза стрелу уже оторванной рукой. Есть изображение «варварина», которого он проткнул копьем, и всадника, ранившего его сзади. Городская стена, с которой стреляет пушка, изображена достаточно натурально. Внизу щита рисунок, изображающий Дмитрия Чуваша «на одреце», под которым разведен огонь* (М. Бычкова. Русско-литовская знать XV–XVII вв.) [Бычкова 2012].

Приведенный описательный текст наполнен действием, так как в нем передается батальная сцена. В описании использованы акциональные предикаты *скачет* и *стреляет*, передаваемые с их помощью действия воспринимаются в характеризующей функции как признаки описываемой картины.

Употребление акциональных предикатов возможно в научных описаниях других областей знания, когда передается содержание рисунка, диаграммы и т.п., что может подчеркиваться словоформами *на рисунке, на фотографии, на картине* и т.п.:

176) *На этой диаграмме протозвезды находятся правее главной последовательности, так как их температура еще ниже, чем у готовых звезд данной массы и соответствующей ей светимости. Звезда движется горизонтально влево по диаграмме Ц-С.* (Б. Воронцов-Вельяминов. Астрономия) [Воронцов-Вельяминов 1966].

Приведенное научное описание открывается уточнением *на этой диаграмме*, предполагающим, что в тексте будет передано содержание указанной диаграммы. Движение звезды передается как наблюдаемое в данный момент. Объект (*звезда*) предстает как некая движущаяся точка, характеризующая описываемое пространство.

Интересен для анализа с точки зрения разведения описания и повествования фрагмент задачи из учебника по физике:

177) *В море при штиле плывут навстречу друг другу мальчик и лодка. Одновременно между ними плавает любознательный дельфин. Дельфин, подплыв к мальчику, тотчас поворачивает и плывёт к лодке, а от неё вновь возвращается к мальчику* (В. Лукашик. Сборник задач по физике) [Лукашик 2003].

В первых двух предложениях задачи представлено описание, (перечисляются одновременные действия), в третьем предложении – повествование (сообщается о сменяющихся друг друга действиях одного субъекта – дельфина).

В разговорном тексте использование акциональных предикатов в составе описаний также широко распространено. В разговорном стиле могут быть употреблены как нейтральные, так и собственно разговорные акциональные предикаты конкретного физического действия *вкалывать, горбатиться, тискать, всунуть*; речевого действия *молоть, плести, пороть, болтать, тараторить*; перемещения *расхаживать* и др. [РСС 2007, ЛСГ русских глаголов 1988, БТС 2014, СТСРЯ 2006]:

178) *Бывало, у каждого дома сидели под окошками. Там молодежь на гармони играет. А эти пожилые сидят под окном, в карты играют, семечки щёлкают, а там гармонь играет. Там друга гармонь играет* (Ж., 71 г.) [Юнаковская 2007].

В 178-ом тексте нейтральные (*играет, играют*) и разговорный (*щёлкают*) акциональные предикаты передают действия объектов, попадающих в поле зрения наблюдателя в определенный момент. В неподготовленном разговорном тексте эксплицирована описанная в § 2.3 главы II особенность разговорного описания – наличие повторов.

Проследить за функционированием акциональных глагольных предикатов в описаниях разных стилей можно обратившись к текстам № 17, 49, 50, 54, 56, 62, 64, 65, 70, 89, 94, 97 Приложения 1.

Представить классификацию глагольных предикатов, функционирующих в описании, можно в схеме (рис. 11).

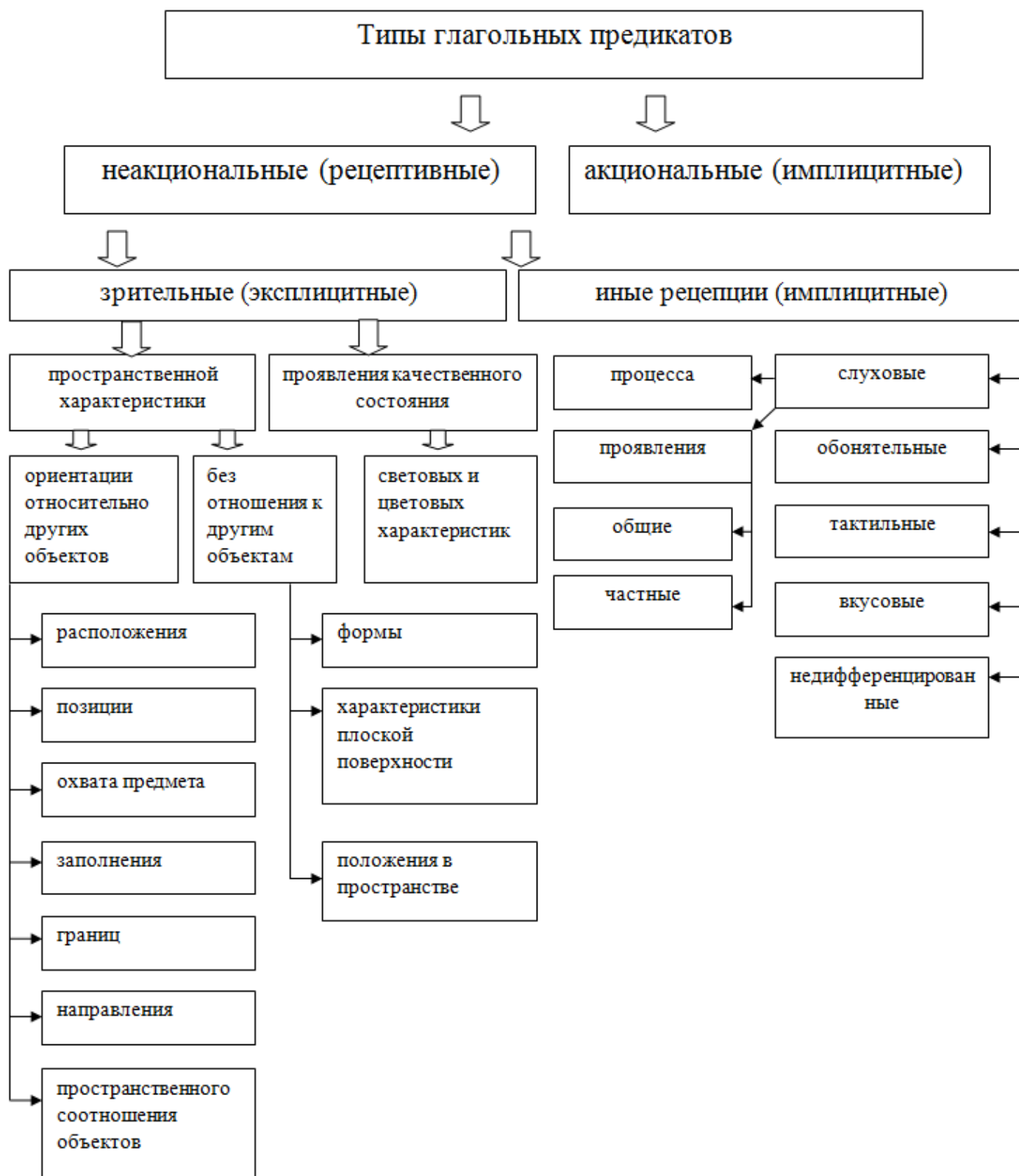
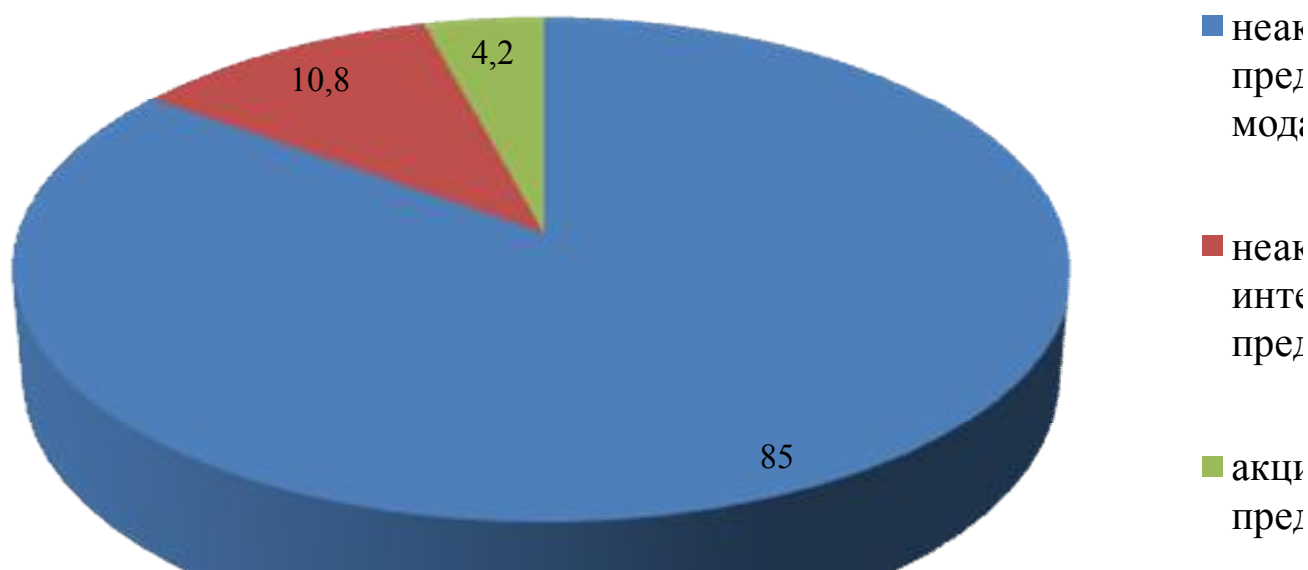

Рис. 11 – Классификация глагольных предикатов описания

Обобщив общее число акциональных предикатов в составе всех глагольных предикатов описания, отметим, что использование акциональных форм при построении текстовых структур описания не столь частотно, данные предикаты находятся на периферии семантического поля пространства в описании.

Приняв все словоупотребления глагольных предикатов с семой способа существования в пространстве, используемых в описании (2902 текста типа «описания»), за 100% (4325 предикатов), мы определили в процентном отношении частотность неакциональных предикатов зрительной рецептивной характеристики (3679 предикат), иных рецептивных характеристик (465 предикатов) и акциональных (181 предикат) форм. Полученные данные представлены в диаграмме (Рис.11).

Рис. 12 – Доля ЛСГ неакциональных зрительных, иных рецептивных и акциональных предикатов в общем количестве глагольных предикатов описания, %

Итак, в тексте типа «описание» параметры пространства разнообразно вербализуются неакциональными и акциональными глагольными предикатами. Значение существования пронизывает все рассмотренные ЛСГ неакциональных и акциональных предикатов, например, *река течет на юг* (т.е. **существуют** и имеет направление), *снег блестит на солнце* (т.е.

существуют и является видным благодаря световым свойствам), *ствол дерева круглится* (т.е. **существуют** и отличается круглой формой), *ребенок читает* (т.е. **существует** в описываемом пространстве как статичная точка), *дети бегают по саду* (т.е. **существуют** и движутся, не выходя за пределы определенного пространства).

Для реализации акциональными предикатами бытийной функции необходим описательный контекст (*В комнате светло, у окна стоит стол. За столом сидит ребенок, он читает книгу*), в то время как у неакциональных предикатов пространственное значение закреплено в словаре или реализуется в минимальном контексте (в сочетании с актантами). В силу более низкой по сравнению с неакциональными предикатами частотности употребления в описании и реализации функции характеристики пространства только в описательном контексте акциональные предикаты должны быть отнесены к периферии глагольного семантического поля пространства в описании.

Опираясь на работу В.М. Делягина по нейрофизиологии, в которой подчеркнута роль периферического зрения для наблюдения за движениями предметов и центрального типа зрения – для фиксации объектов [Делягин и др., 2007, с. 108], С.И. Смирнова констатирует, что рассмотрение мелких деталей объекта – более сложный психонейрофизиологический процесс, нежели восприятие движения [Смирнова 2014: 54-57]. Принимая во внимание, что «когнитивные процессы, в основе которых лежит психофизиологическая деятельность», находят отражение в языке [Кравченко 2004: 13], а онтологическую основу описания составляет вербализованный в статике предметный ряд [Хамаганова 2002], можно говорить о том, что визуально воспринимаемые центральным типом зрения данные воспроизводятся в описательном тексте.

Обозначенной спецификой восприятия объясняется семантическое разнообразие в описании (в основе которого лежит перечисление визуально воспринимаемых признаков статичного объекта) ЛСГ неакциональных

глагольных предикатов, вербализующих разные способы существования объектов в пространстве, в то время как действия, передаваемые акциональными предикатами, важны для описательного текста только с позиции наличия в воспринимаемом пространстве объекта, совершающего некоторое действие.

Таким образом, акциональные предикаты образуют зону отдаленной периферии глагольного семантического поля физического пространства в описательном тексте. Модель глагольного семантического поля пространства, конституируемого ЛСГ глагольных предикатов текста типа «описание», может быть изображена на рисунке, где большая плотность полеобразующих признаков обозначена более интенсивным цветом по мере ослабления по направлению к периферии.

Рис. 13 – Модель семантического поля рецептивного пространства в тексте типа «описание»

Выводы по главе V

Исследование показало, что параметры пространства реализуются в описательных текстах разной стилевой принадлежности акциональными глагольными предикатами. Для реализации указанными формами пространственного значения необходим описательный контекст. Именно контекстологический анализ, с помощью которого представляется прагматическая информация и личностные смыслы, принадлежащие когнитивной сфере субъекта речи, позволяет говорить о рецептивном пространстве текста и его репрезентации, проявляющейся в отношении к воспринимаемому.

Акциональные предикаты следует отнести к зоне отдаленной периферии семантического поля пространства описательного текста к типу имплицитных при выражении вне текста типа «описание» (например, в повествовании) иных значений, что подтверждается полученными выводами относительно доли акциональных предикатов (4,2%) в общем количестве глагольных предикатов (100%), функционирующих в описании с пространственным значением.

Акциональные глагольные предикаты разных ЛСГ (конкретного физического действия: *шить, колоть, вязать*; речемыслительные: *говорить, рассказывать, объяснять*; движения: *идти, бежать, плыть* и др.) приобретают в контексте описательного текста бытийную функцию, обозначая действия точечного объекта в пространстве.

В тексте типа «описание» актант, функционирующий при акциональном предикате, наполняет собой описываемое пространство, глагольный предикат реализует значение существования и представляет обозначенный актантом предмет в виде некоторой точки. Таким образом, важны не сами действия, вербализуемые акциональными предикатами, а только наличие некоторого действующего объекта в описываемом пространстве.

Акциональные предикаты, обозначающие локализованные во времени явления, эксплицированы в описаниях разной стилевой принадлежности. Нелокализованные во времени явления передаются глаголами-характеристиками, их употребление нетипично для визуального описания в силу невозможности их актуального употребления.

Выделенные в результате исследования ЛСГ глагольных предикатов, вербализующих пространственную семантику в описании, позволяют говорить о разных моделях представления пространственных отношений семантикой глагольных предикатов, которые могут быть сведены к следующим схемам.

1. Первая модель состоит в представлении о расположении объекта в пространстве в горизонтальном / вертикальном измерении (*ширяться, стелиться / возвышаться, возноситься* и др.).

2. Вторая модель вербализует длительность / кратковременность размещения объекта в пространстве (*лежать* (о поляне), *размещаться / лежать, сидеть* (о человеке) и др.).

3. Отражение представления о пространстве в виде точки / линии / плоскости / вместилища (*виднеться / выситься / простираться / вмещать* и др.).

4. Отражение одного из важнейших свойств пространства – его вещности (*занимать, загромаждать* и др.).

5. Характеристика объекта, находящегося в некотором пространстве и выделяющегося своими световым или цветовым качествами (*сиять, краснеть* и др.).

6. Отражение представления о возможностях опосредованного восприятия (*просвечивать, отражаться* и др.), позволяющие установить позицию наблюдателя, его местоположение.

7. Следующей схемой представления пространственных отношений выступает отражение в семантике предикатов формы объекта (*круглиться, виться* и др.).

8. Используемые предикаты позволяют установить позицию перцептора и в случае вербализации расстояния до объекта или между объектами: от дистантного до контактного (*отстоять, лепиться, колоться* (о тактильных ощущениях) и др.).

9. Отражение модели фиктивного движения (*дорога ведет, бежит на запад* и др.). В представленных квазидинамических моделях предикаты реализуют не движение, а состояние, являющееся основой описательного текста. Динамично при этом сознание перцептора, а не описываемая картина.

10. Акциональные предикаты реализуют в описании семантику «застывшего» в момент наблюдения действия, характеризуя вещьность описываемого пространства (*на улице совсем тепло, сияет солнце, мальчики бегают за бабочкой, девочки играют в песочнице*).

Компонентом-доминантой глагольного семантического поля пространства в описании выступает значение «существование», ядро составляют 11 ЛСГ неакциональных предикатов зрительной рецептивной характеристики. Ближайшая периферия семантического поля пространства организована стилистически ограниченными, экспрессивными, окказиональными предикатами. Вторая периферийная зона образована глагольными предикатами разных рецептивных характеристик, способными имплицитно представлять в описании значение пространства. Зону отдаленной периферии наполняют акциональные предикаты, приобретающие в описательном контексте бытийную функцию.

Глава VI. Типологическое разнообразие глагольных предикатов в жанровых разновидностях описания

§ 6.1. Вербализация свойств пространства в описании-пейзаже, описании-интерьере, описании-портрете, описании предмета

Опираясь на представление о существовании жанровых разновидностей визуального описания (описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-портрет, описание предмета) [Нечаева 1974; Хамаганова 2002 б; Коньков, Неупокоева 2011; Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» 2011], заметим, что лексическая наполненность данных видов визуального описания подверглась изучению с позиции актантной составляющей, поскольку ЛСГ существительных позволяют различать содержательные разновидности визуального описания.

При анализе вербализации пространства И.М. Кобозевой отмечено, что вначале происходит категоризация типа пространства, а за ней следует категоризация объектов [Кобозева 2000 б]. При фреймовом подходе к жанровым разновидностям описания после процесса категоризации, т.е. указания на тип пространства (пейзаж, интерьер, портрет, предмет) в распоряжение говорящего попадает соответствующий фрейм, «диктующий» выбор последующих объектов, отбираемых для обрисовки пространства, например, предметы мебели в интерьере или части внешнего облика в портрете.

При подходе к пейзажу с позиции лингвокогнитивных исследований В.Н. Левина предлагает выделять пейзажную картину мира – общее устойчивое, повторяющееся представление народа о пейзаже, поскольку пейзаж служит средством воплощения национального менталитета русского человека [Левина 2009].

Достаточно подробно исследованы особенности пейзажных зарисовок в разных типах художественных произведений. Определенный материал по субстантивам, функционирующим в пейзаже, можно почерпнуть,

обратившись к работе Е.В. Харьковской, исследующей тематическое поле «ландшафт», в котором автор выделяет лексико-тематические поля «водное пространство» и «суша» в русском и английском языках [Харькова 2003]. Помимо актантов, как правило, дать представление о структуре пространства помогают эмпирические прилагательные [Шрамм 1979; Аллмере 1991; Харьковская 2003; Анисимова 2007, 2008], функционирующие в определенных разновидностях описания. Колоративная лексика в рекламах интерьера стала предметом изучения в диссертации Ф.Ф. Насибуллиной [Насибуллина 2010].

И.Н. Анисимова, анализируя языковые особенности пейзажных описаний в переводах новелл Ги де Мопассана, сосредоточивает внимание на исследовании существительных, прилагательных и глаголов в пейзажных описаниях на предмет адекватности русских и соответствующих французских лексем. При исследовании глаголов автор обращает внимание на их семантическое переосмысление в пейзажных микротемах, приводящее к персонификации природных явлений (*рождался день, дышала роца* и др.) [Анисимова 2008: 124-137]. В составе пейзажных описаний в переводах новелл Ги де Мопассана И.Н. Анисимова выделяет глаголы состояния и глаголы движения. В составе глаголов состояния автор исследует лексемы с семантикой состояний, связанных с явлениями природы: (*солнце*) *светит*, (*ветерок*) *разносил (аромат)*, (*снег*) *тускнел*; с растениями: (*одуванчики*) *горели*, (*стволы*) *выделялись*, (*трава*) *пестрела*; с животными и птицами: (*птички*) *чирикали*, (*рыбки*) *резвились*, (*куры*) *хлопочут*. Среди глаголов движения внимание сосредоточено на лексемах со значением изменения положения в пространстве: (*ночь*) *спустилась*, (*звезды*) *показались*, (*солнце*) *исчезло*, (*рыбки*) *выпрыгивали* [Анисимова 2007: 141].

Исследованию перцептивно-изобразительных глаголов в пейзажных текстах посвящена диссертационная работа В.Е. Чумириной [Чумиринна 2005], об отражении в пейзажных текстах синестезии пишет Л.О. Чернейко [Чернейко 2000].

С позиции лингвокогнитологии портретные описания рассматривает И.А. Гончар [Гончар 2014, Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания 2017], в частности ученого интересуют сложные портретные описания человека в художественном тексте.

Изучению портретных описаний в прозе В.М. Шукшина посвящена диссертационная работа Л.В. Сериковой, которая рассматривает портретную характеристику персонажа как лексико-семантическую модель [Серикова 2004]. Интересные наблюдения над особенностями портрета в публицистике высказывает М.А. Сидорова, исследующая прагматические, содержательные и языковые особенности портрета как речевого жанра [Сидорова 2005].

Определенные наблюдения над функционированием безличных конструкций в жанровых разновидностях описания отражены в работе М.В. Бохиевой: безличные предложения активно функционируют в описании-пейзаже, в то время как в описании-интерьере и описании-портрете они достаточно редки [Бохиева 1998: 14-15].

В целом исследование лексического наполнения единиц пейзажа служит средством воплощения индивидуально-авторского восприятия природы, но в качестве основы выступает традиционное представление о пейзаже [Левина 2009: 420]. В жанровых разновидностях описания активно используются слова с предметной семантикой, к которым в работе В.И. Конькова, О.В. Неупокоевой относятся не только существительные (актанты), но и глаголы, участвующие в выстраивании текстов визуального описания и дающие наглядное представление об объекте описания [Коньков, Неупокоева 2011: 35].

Рассмотрим функционирование языковых средств выражения пространства в жанровых разновидностях описания: в описании-пейзаже, описании-интерьере, описании-портрете и описании предмета.

Описание-пейзаж:

179) *От дома на далекое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черемухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало; с другой – темно-синее, как небо, которое отражалось в нем, и едва подернутое зыбью* (И. Гончаров. Обыкновенная история) [Гончаров 1960].

Структуру пространства в представленном описании-пейзаже передают актанты *от дома, между деревьями, в разные стороны*, наполнение пейзажа передано через актанты *сад, липы, шиповник, черемуха, кусты сирени, цветы, дорожки, озеро*; наречие с пространственным значением *далее* способствует вербализации локативной семантики; эмпирийные прилагательные, создающее представление об описываемом объекте *густой, гладкое*, колоративы *золотые, темно-синее* завершают картину природы.

Описание-интерьер:

180) *Вот лежанка, на которой стоят утюг, картонная кукла с разбитым носом, лоханка, рукомойник; вот окно, на котором в беспорядке валяются кусочек черного воска, моток шелку, откушенный зеленый огурец и конфетная коробочка, вот и большой красный стол, на котором, на начатом шитье, лежит кирпич, обшитый ситцем, и за которым сидит она в моем любимом розовом холстинковом платье и голубой косынке (Л. Толстой. Отрочество) [Толстой 2003].*

Представленный интерьер содержит актанты *лежанка, утюг, кукла, лоханка, рукомойник, окно, кусочек воска, моток шелку, огурец, коробочка, кирпич, она* (героиня в данном случае выступает как объект, наполняющий описываемое пространство комнаты), колоративы (*розовом, голубой*). Данный текст выстроен при помощи позиционных глагольных предикатов *стоят, валяются, лежит, сидит*. В данном описании-интерьере перечислены статичные объекты, характеризующие описываемое пространство своим наличием, что выражается в форме эллиптических

предложений и позиционных предикатов, передающих только позицию предмета в пространстве.

Описание-портрет:

181) *(Я посмотрел на него и даже не поверил, что это Подуст.) Из-под бархатного воротника его нового мундира торчал чистый крахмальный воротничок, редкие седые волосы были причесаны, даже пенсне он надел новое, парадное, с блестящей золоченой дужкой, которая, точно клешня рогача, впиалась в красную, мясистую переносицу учителя* (В. Беляев. Старая крепость) [Беляев 1988].

Приведенный портрет начинается с введения героя – учителя Подуста. Далее перечисляются части внешнего облика учителя: биологические (*волосы, переносица*) и костюмные (*воротник, мундир, воротничок, пенсне с дужкой*), выраженные актантами. Прилагательные характеризуют внешне воспринимаемые признаки (*бархатного, нового, чистый, крахмальный, редкие, седые, новое, парадное, блестящей, золоченой, красную, мясистую*), предикаты *торчал, впиалась* вербализуют положение предметов (*воротничка и дужки*) в пространстве.

Описание предмета:

182) *Это был в высшей степени красивый и оригинальный чемодан. Просто незаурядное произведение кустарного искусства: кожа изумительной выделки, с тончайшим цветным тиснением, великолепная ручка была прикреплена гвоздиками со шляпками, которые нельзя было отличить от золотых, потому что они и на самом деле были золотыми. Угольники радовали глаз превосходной гравировкой — на них были выгравированы рыбки, птицы и какие-то арабские письма* (Л. Лагин. Старик Хоттабыч) [Лагин 1998].

Описание предмета – кожаного чемодана ручной работы содержит актанты, которые именуют предмет описания (актант-холоним) *чемодан* и его части (актанты-партонимы) *ручка, гвоздики, угольники*. Текст содержит прилагательные, которые передают отличительные особенности предмета

описания: *красивый, оригинальный, изумительной выделки, тончайшим, цветным, золотыми, превосходной, арабскими*. Предикаты *прикреплена, радовали, выгравированы* с ядерным бытийным значением способствуют характеристике предмета описания.

Наибольшее разнообразие ЛСГ глагольных предикатов наблюдается в описании-пейзаже, что обусловлено самим объектом описания – картиной природы, эксплицирующей пространственную структуру. Ограничений в употреблении глагольных предикатов не наблюдается. Следует отметить лишь особенности использования предиката 2-ой ЛСГ *висеть*, который нетипичен для описания-пейзажа, поскольку вертикальная позиция предполагает наличие конструкции, на которой возможно достичь такого положения (например, стена, потолок), и которая, как правило, ограничивает пространство и приводит к возникновению описания-интерьера. Исключением может стать, скажем, наружная стена дома, входящая в поле зрения наблюдателя при описании пространства сада (*На наружной стене дома висит связка трав*) или вертикальное положение на предметах, характеризующих открытое пространство (дерево): *С дерева свисает веревка*.

В приводимом ниже описании-пейзаже использованы глагольные предикаты разных ЛСГ: *растлались* указывает на расположение кустов в пространстве леса в горизонтальном измерении с дополнительной семой ‘большое пространство’, предикат *возвышались* говорит о вертикальном расположении дубов, *синели* информирует о выделенности холмов на основе синего цвета:

183) *Густым лесом ехал Вадим; направо и налево растлались кусты ореховые и кленовые, меж ними возвышались иногда высокие полусухие дубы, с змеистыми сучьями, странные, темные – и в отдалении синели холмы, усыпанные сверху донизу лесом, пересекаемые оврагами, где покрытые мхом болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожного путника (М. Лермонтов. Вадим) [Лермонтов 2014].*

В публицистических жанрах, близких художественному стилю, также обнаруживаются пейзажные описания с разными ЛСГ глагольных предикатов включая экспрессивные, выразительно представляющие пространственные отношения в тексте:

184) *В Северомуйске было тепло – плюс восемь градусов, так же как в этот день в Ленинграде. Аккуратные серийные домики строителей чувствовали себя уютно в объёмах соснового бора. Деревья ласково терлись об их стены. Серебряный овал близкого озера настраивал память на пейзаж Осиновой Рожи или Зеленогорска (М. Белоусов. БАМ, до востребований...) [Белоусов 1981].*

Предикат *чувствовали себя уютно* употреблен в значении размещения, т.е. домики размещаются в сосновом бору, глагольный предикат *терлись* выражает пространственное соотношение предметов (*деревьев и стен домов*).

Большое разнообразие глагольных предикатов можно наблюдать и в описании-интерьере, поскольку объект описания – помещение априори имеет пространственную структуру:

185) *Две двери вели из прихожей. Одна, налево, – в комнату для приезжающих, длинную, полутемную, окошечками на варок; стояли в ней два больших дивана, жестких, как камень, обитых черной клеенкой, переполненных и живыми и раздавленными, высохшими клопами, а на простенке висел портрет генерала с лихими бобровыми бакенбардами; портрет окаймляли маленькие портреты героев русско-турецкой войны, а внизу была подпись: "Долго будут дети наши и славянские братушки помнить славные дела, как отец наш, воин смелый, Сулейман-пашу разбил, победил Врагов неверных и прошел с детьми своими по таким крутизнам, где носились лишь туманы да пернатые цари". Другая дверь вела в комнату хозяев. Там направо, возле двери, блестела стеклами горка, налево белела печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по белому, замазали глиной - и получились очертания чего-то вроде изломанного худого человека, крепко*

надоевшего Тихону Ильичу. За печью высилась двуспальная постель: над постелью был прибит ковер мутно-зеленых и кирпичных шерстей с изображением тигра, усатого, с торчащими кошачьими ушами. Против двери, у стены, стоял комод, крытый вязаной скатертью, на нем - венчальная шкатулка Настасьи Петровны... (И. Бунин. Деревня) [Бунин 2018].

Предикаты, формирующие описание обстановки, достаточно разнообразны: предикаты направления (*вели, вела*), характеризующие направление дверей прихожей, предикат *блестела* передает выделенность горки на основе световой характеристики, *белела* – выделенность печи-лежанки на основе цвета, предикат *высилась* позволяет представить вертикальное размещение постели, позиционный предикат *стоял* вербализует позицию комода.

Текст описания-интерьера наполняют и эллиптические конструкции. В данном случае весьма важным оказывается замечание О.А. Нечаевой о том, что в данной разновидности описания важны актанты, поскольку предметы создают обстановку «только своим наличием в каком-либо месте, без указания на их действие или состояния» [Нечаева 2011: 48], поэтому описание-интерьер по сравнению с описанием-пейзажем, как правило, располагает меньшим разнообразием ЛСГ глагольных предикатов. Подобное замечание было подтверждено в ходе анализа (около 860 описаний-интерьеров), существенное число из которых (более 220) располагает эллиптическими конструкциями:

186) *Церковь была полна праздничным народом. С правой стороны – мужики: старики в доmodellельных кафтанах и лаптях и чистых белых онучах и молодые в новых суконных кафтанах, подпоясанных яркими кушаками, в сапогах. Слева – бабы в красных шелковых платках, плисовых поддевках, с ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными, пестрыми юбками, в ботинках с подковками* (Л. Толстой. Воскресение) [Толстой 1980].

В описании-интерьере в разговорном стиле также часто функционируют эллиптические конструкции. Таково описание отеля на сайте отзывов:

187) *Номер достаточно просторный. На полу ковролин. Кровати удобные, широкие. На окнах шторы с затемнением. В номере – большой шкаф, прихожая с вешалками и полками для обуви и зеркалом* (arisha-soul. Отель «Бархатные сезоны» Русский дом) [URL: <https://www.otzovik.com>].

В научном описании можно обнаружить описания интерьеров, однако в данном случае речь идет, как правило, не об отдельно взятом единичном интерьере, важном для автора (как в художественном или публицистическом тексте), а о некотором обобщенном интерьере, вербализующем наблюдаемые признаки пространства. Ранее подобные описания были названы в данной диссертации котаминированными. Такие тексты обнаруживаются в книге по социальной антропологии:

188) *Большие КК [коммунальные квартиры – Ю.В.] обычно имеют выход на две лестницы; главную («парадную») лестницу и служебную, обычно именуемую «черный ход», или «черная лестница». Парадная лестница, выходящая на улицу и расположенная обычно с фасадной стороны дома, как правило, чище и шире, на стенах встречается лепка, на окнах – иногда витражи. Чаще всего парадная лестница оборудована лифтом, а вход в квартиру с нее – звонками с табличками, где написаны фамилии жильцов* (И. Утехин. Очерки коммунального быта) [Утехин 2001].

Помимо единиц зрительной рецептивной характеристики, пейзаж и интерьер могут располагать и рецептивными предикатами, передающими слуховую и обонятельную рецептивные характеристики среды с возможностями обрисовки тактильных и вкусовых характеристик. При этом М.В. Бохиева отмечает, что в описании-пейзаже и описании-интерьере глагол обонятельной рецептивной характеристики часто распространяется локативным компонентом (*в доме пахнет хлебом*), который, однако, не является структурно значимым [Бохиева 1998: 16].

Приведенное ниже описание природы, кроме иных, содержит предикат с семантикой обонятельной рецептивной характеристики *благоухал*:

189) *В утреннем блеске, за логом, густо дымились крыши деревни. Сад свежо благоухал. А в полдень солнце стояло над деревней, на дворе было жарко, в саду рдели клены и липы, тихо роня разноцветные листья* (И. Бунин. Деревня) [Бунин 2018].

В приведенном ниже фрагменте при обрисовке интерьера употребляются звуковые предикаты:

190) *В большой комнате бубнил телевизор, в ванной шипел душ. Но, несмотря на живые звуки, атмосфера тревожная, гнетущая* (Р. Сенчин. Елтышевы) [Сенчин 2011].

Следующее описание содержит звуковой и вкусовой глагольные предикаты:

191) *Из репродуктора доносилось (Tom Jones): This is a man's man's man's world But it wouldn't be nothing, nothing Without a woman... Океан готовился ко сну, пеликаны сохраняя мудрое достоинство мирно дремали на деревянных сваях, догорал закат, горчило вино, и эхом откликалось черная воронка неба – nothing, nothing, nothing.... Without, without, without...* (Е. Светлова. Немножко Dalí в тёплой воде) [Светлова 2003].

В описании-пейзаже предикаты вкуса часто присутствуют при выражении характеристик воздуха:

192) *В лесу лежал еще снег, но он всюду проседал, источаясь, из него торчала, как взросла за эти дни, прошлогодняя трава, виднелись проталины. Деревья, еще не пробудившись окончательно, уж распрямлялись, отогревались, потяжно пошевеливались от собственных токов. Горчило: воздух за ночь не успел поднять в вышину вчерашнего натая. Солнечные лучи стелились как бы вдоль земли, не доставая до нее, но наклонялись все ниже и ниже* (В. Распутин. Живи и помни) [Распутин 1989].

В описании-портрете функционируют актанты, указывающие на части внешнего облика человека и эмпирийные прилагательные. Глагольные

предикаты разных ЛСГ могут входить в состав описания-портрета, сопровождая информацию об акантах (частях внешнего облика) дополнительными характеристиками:

193) *На громадном туловище сидела, несколько искоса, без всякого признака шеи, чудовищная голова; целая копна спутанных желто-седых волос вздымалась над нею, начинаясь чуть не от самых взъерошенных бровей. На обширной площади сизого, как бы облуленного, лица торчал здоровенный шишковатый нос, надменно топорцились крошечные голубые глазки и раскрывался рот, тоже крошечный, но кривой, растресканный, одного цвета с остальным лицом* (И. Тургенев. Степной король Лир) [Тургенев 2006].

Предикат *сидела* имеет в своем составе дополнительную сему 'глубоко', *вздымалась* – значение положения в пространстве, *топорцились* – семантику формы предмета.

Публицистическое описание-портрет, подобно художественному, располагает разными ЛСГ глагольных предикатов:

194) *Темные волосы подняты над ухом в прическе того времени, длинная шея почти закрыта воротничком, взгляд доверчивый... Красивая, черноглазая, серьезная девочка из тогдашних курсисток* (Н. Ильина. Дороги и судьбы) [Ильина 1988].

Официально-деловое описание-портрет часто содержит эллиптические конструкции, поскольку наличие и расположение частей внешнего облика человека типично, а выразительного представления способа существования объектов в пространстве официально-деловой текст не допускает:

195) *Приметы: европейской внешности, на вид 9-10 лет, рост около 130 см., худощавого телосложения, волосы темные короткие, глаза карие.*

Была одета: футболка белого цвета, бриджи желтого цвета, тапочки сине-жёлтые с изображением утенка, на голове платок белого цвета (Внимание! Розыск несовершеннолетней) [URL: <https://www.03.мвд.рф>].

Если рассматривать такую разновидность описания-портрета, как портрет-ориентировка, то следует отметить, что в криминалистике существует система правил описания внешности разыскиваемого: описание осуществляется максимально подробно, строится сверху вниз, от общего к частному, при этом используется терминология с использованием названий геометрических фигур, голова описывается в анфас и в профиль [Правила описания человека по методу словесного портрета]:

196) *По подозрению в совершении тяжкого преступления ОВД Центрального района гор. Калининграда разыскивается ранее неоднократно судимый гр-н Ролдугин Владимир Николаевич, 1959 г.р. Его приметы: на вид 20...22 года, лицо европейского типа, среднего телосложения, худощавый, волос короткий светлый, голова овальная, низкие длинные брови, носит темные усы средней длины, уши оттопыренные, подбородок скошенный, на шее острый кадык. Был одет в светлую клетчатую рубашку, свитер темного цвета с отложным воротником, по краю воротника идет узкая белая полоса, в свитер вишита застежка-молния белого цвета* (Профессиональное научное сообщество криминалистов, криминологов и судебных экспертов) [URL: <https://www.kriminalisty.ru>].

Примером описания-портрета в научном стиле может выступить передача содержания картины в работах по изобразительному искусству, при этом описание в гуманитарных науках оказывается более близко публицистическому в языковом плане, при использовании нейтральных предикатов может создаваться экспрессивное, выразительное описание внешности:

197) *Живой взгляд ее карих глаз, легкое, едва уловимое движение губ, их уголки слегка приподняты, улыбка в любой миг готова озарить лицо этого полурбенка - полудевушки. На редкость красива нежная женственная кисть ее левой руки, спокойно лежащая на белой скатерти* (Анализ картины «Девочка с персиками») [URL: <https://www.studwood.ru>].

Приведенное описание содержит эпитеты (*живой взгляд, легкое движение, нежная кисть*), создается оценочный характер текста описания-портрета.

Рецептивные предикаты присутствуют в описании-портрете ограниченно: это могут быть формы обонятельной рецептивной характеристики. При безличном предикате компонент с семантикой источника запаха, являясь субъектом описания, становится структурно обязательным: *От нее веяло ароматом роз* [Бохиева 1998: 16].

Предикат обонятельной рецептивной характеристики функционирует при описании внешнего облика героини наряду с предикатом зрительной рецептивной характеристики (*румянилось*):

198) *Лицо её красиво и свежо румянилось от мороза, и от неё пахло свежестью, холодом и слабыми духами* (М. Арцыбашев. Жена) [URL: <http://poesias.ru/proza/mihail-arcybashev>].

Используемый предикат распространен формами, которые позволяют судить о том, что источаемые запахи приятны воспринимающему (*пахло свежестью, холодом и слабыми духами*).

Использование предикатов тактильной (*колет, жжет, щекочет, скользит*) и вкусовой (*горчит, кислит*) рецептивных характеристик нетипично для описания-портрета вследствие особенностей самого объекта описания (человек).

Распространены в описании-портрете предикаты звучания, обозначающие звуки, производимые человеком – антропофоны, к которым Н.А. Курашкина причисляет звуки человека как биологического (*барабанить, грохотать, клацать, урчать, фыркать, харкать, чмокать* и др.), говорящего (*басить, гундосить, тараторить, хохотать, цокать, шептать, щебетать* и др.) работающего (*стучать* и др.) и творческого (*петь, трубить* и др.) существа [Курашкина 2007: 79].

199) *(Я иду-болтаю с симпатичной толстушкой,) она хохочет, ее перманент выбивается из-под платка, цвета которого я не помню, а губы*

ярко покрашены и в солнечном свете кинофильма засвечены и черны (К. Букша. Завод «Свобода») [Букша 2014].

Подобные формы могут быть отмечены в интерьере или пейзаже, когда одним из признаков описываемой картины выступает человек, присутствующий в описываемом пространстве:

200) *Нэсса щебечет что-то, то и дело прижимаясь к супругу и кокетливо заглядывая ему в глаза. Ороне басит, совершенно не обращая внимания на то, что шурин его не слышит, упиваясь своим величием. Вана немного приуныла в конце стола - смотря не на нее. Ауле глядит в одну точку, вцепившись в витую ножку кубка; у Йаванны лицо тоскливое - ее муж сейчас в явной немилости у Короля Мира. Вайрэ сидит у самого трона Варды, запоминая все, что произносится в зале* (Н. Некрасова. Черная книга Арды) [Некрасова 2000].

В целом, относительно восприятия предметного ряда, представленного в жанровых разновидностях описания, можно отметить, что в описании-пейзаже и описании-интерьере преобладает горизонтальное видение, в описании-портрете – вертикальное, что объясняется особенностями самого объекта восприятия. При восприятии пространства местности или помещения легче всего определяется горизонтальная ось [Минский 1979: 24] и идентифицируемые на ней объекты, а человеческому телу «вертикальность» присуща как изначальное свойство» [Кравченко 1996: 30], поэтому в описании-пейзаже и описании-интерьере преобладает горизонтальное видение, в описании-портрете – вертикальное.

Под «предметом» могут пониматься разнообразные материальные сущности, поэтому выявить закономерности вербализации пространственных параметров в описании предмета не представляется возможным. В случае, если объектом описания вступает предмет, имеющий очевидную пространственную структуру (например, дом, бассейн), предсказуемо наличие разнообразных глагольных предикатов, выражающих способ существования в пространстве составных частей объекта.

201) *Бассейн был у царя во дворце, восьмиугольный, прохладный бассейн из белого мрамора. Темно-зеленые малахитовые ступени спускались к его дну (...) восемь серебряных отполированных зеркал отличной сидонской работы, в рост человека, были вделаны в стены между белыми колоннами* (А. Куприн. Суламифь) [Куприн 1989].

Приведенное описание бассейна содержит предикат с семантикой направления в пространстве с вертикальной ориентацией *спускались*, *вделаны* – глагольный предикат со значением погружения одного предмета (зеркал) в другой (стены).

Другое описание предмета – перстня содержит предикаты со значением границ пространства:

202) *... перстень на левой, на безымянном пальце, был тонкий, благородной формы, с черным маленьким камнем; две пухлые складки оказывали его, топорщась сердитыми волосками; два кольца вокруг перстня* (А. Макушинский. Город в долине) [Макушинский 2016].

Публицистический текст, подобно художественному, располагает описаниями предмета, таково, например, описание агрегата из книги о БАМе:

203) *К лобовому откосу предпортальной выемки приткнулся огромный цилиндрической формы агрегат. Это и есть проходческий щит, смонтированный в рекордно короткий срок бригадой слесарей-монтажников, возглавляемой Иваном Васильевичем Селецким* (Испытание трассой) [Испытание трассой 1978].

При описании устройства (агрегата) при передаче его внешних характеристик (размер, форма) использован экспрессивный предикат со значением соотношения предметов *приткнулся*, выразительно представляющий пространственные отношения в данном типе текста.

Описание предмета (автосцепки) встречается и в научном стиле с использованием нейтральных предикатов (направления *проходит* и размещения *расположены*) и специальной терминологии:

204) *По всей высоте малого зуба проходит вертикальное отверстие, которое выполнено для уменьшения массы корпуса и улучшения технологии литья. Вдоль хвостовика на его горизонтальных станках с выходом в переходную зону расположены ребра жесткости* (Автосцепка СА-3: назначение, характеристика, конструкция) [URL: [https://www. trportal.ru](https://www.trportal.ru)].

Разговорное описание предмета часто содержит безглагольные конструкции, что в целом свойственно разговорному стилю. Приводимое ниже описание холодильника на сайте отзывов стремится дать важную с позиции автора информацию о том, что «составляет» данный предмет: каково количество полок, из чего они изготовлены, какие функции имеются:

205) *Три полки стеклянные, металлическая полка для бутылок, две пластиковые емкости для овощей. Пять полок на дверце, у которых боковые части пластиковые, а дно стеклянное, поручень у этих полок металлический. Все полки перемещаемые. Отверстие для стока* (TTUTTI. Холодильник Liebherr Cuesf 4023 -23D) [URL: [https://www. otzovik.com](https://www.otzovik.com)].

Описание куклы в приводимом ниже художественном тексте напоминает портретное, в котором присутствуют актанты, называющие части внешнего облика человека (руки, ноги, лицо, губы, волосы, глаза, нос):

206) *В грязном придорожном кювете валялась кукла. Она лежала навзничь, раскинув руки и ноги. Большая и все еще миловидная лицом, с легкой, едва обозначенной улыбкой на припухлых по-детски губах. Но светлые шелковистые волосы на голове были местами обожжены, глаза выдавлены, а на месте носа зияла дыра, прожженная, должно быть, сигаретой* (Е. Носов Кукла) [Носов 2015].

Таким образом, описание предмета может напоминать пейзажное, интерьерное или портретное, а может характеризовать специфический предмет, что влияет на выбор лексических средств модели описания.

§ 6.2. Функционирование ЛСГ глагольных предикатов

в разновидностях описания

Глагольные предикаты 1-ой ЛСГ с семантикой размещения в пространстве активно используются в описании-пейзаже и описании-интерьере:

207) *Здесь я увидел, что зелень в этом городе расположена террасами, первый этаж – вот эти акации. Над акациями фруктовые сады, над садами тополя, а над тополями уже только горы да горные леса на них* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей) [Домбровский 1992].

В официально-деловом описании предикаты размещения являются самой частотной ЛСГ:

208) *Строительные площадки располагаются в непосредственной близости от места производства работ. На стройплощадках размещаются необходимые временные здания и сооружения* (Ленинградский проспект – Ленинградское шоссе. Реконструкция транспортной развязки с МКАД: проектная документация) [URL: <http://www.mosinzhproekt.ru>].

Для описания-портрета нехарактерно использование предикатов размещения в пространстве, поскольку расположение частей внешнего облика человека стандартно (на лице всегда *размещаются глаза, нос, губы). Включение подобных единиц в описание возможно в случае актуализации в их значении дополнительных смыслов: *На туловище без признака шеи сидит голова*. Предикатом *сидит* в данном случае реализуется дополнительное значение 'глубоко'.

При разведении ЛСВ глаголов *стоять, лежать, висеть* на значение размещения и собственно локализирующее важно отметить, что в описании-пейзаже, как правило, функционируют наименования предметов, которые способны занимать только одну позицию в пространстве: *Дом стоит на пригорке* (дом не может лежать или висеть, при этом при глаголе *стоять* подчеркивается функциональность объекта [Рахилина 1998: 72], ср. *дом лежит в руинах*), *Поляна лежит перед нами* (поляна не может стоять или

висеть, при этом *лежать* используется для характеристики больших неподвижных объектов, за которыми наблюдают с высоты [Рахилина 1998: 74]). При этом актуализируется сема размещения в пространстве.

В описании-пейзаже частотно значение предиката *лежать* с актуализацией идеи распространения чего-либо по поверхности, покрытия пространства: *Туман лежит на полях* – локальный ЛСВ (по терминологии А.В. Трофимовой) глагола *лежать* [Трофимова 2015: 196].

Для пейзажа типично и экзистенциальное значение глагола *стоять*: *Стоит жара. Воздух сух и пылен.* Или:

209) *Стояло осеннее утро. Из труб тянулись к небу столбы белесого дыма* (И. Калашников. Сашка) [Калашников 1956].

Об ограничениях, связанных с использованием в описании-пейзаже предиката *висеть* см. выше (с. 285). В локальных ЛСВ глаголов *висеть*, *виснуть* в описании-пейзаже актуализируется сема ‘отсутствие движения’: *Тучи висят в воздухе* (при этом значение, связанное с соприкосновением с поверхностью в какой-то точке, нейтрализуется: тучи ни на чем не висят).

Предметы, допускающие разные позиции в пространстве, как правило, организуют описание-интерьер: *Книги лежат / стоят на столе.* Эти предикаты 2-ой ЛСГ (позиционные) предсказуемы при построении текстовых структур описания-интерьера, поскольку чаще всего они характеризуют позицию объекта в замкнутом пространстве (например, комнаты), имеющем горизонтальные (пол) и вертикальные (стены) поверхности, относительно которых и занимает позицию объект: *Ковер лежит на полу, картины висят на стенах.*

210) *Пол сер и занозист. Воняет кислою капустой, фитильною гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец. В комнате стоят кровати, привинченные к полу. На них сидят и лежат люди в синих больничных халатах и по-старинному в колпаках. Это – сумасшедшие. Всех их здесь пять человек* (А. Чехов. Палата № 6) [Чехов 1984].

Приведенное описание-интерьер содержит позиционные предикаты, которые выражают позиции неодушевленных (*кровати*) и одушевленных предметов (*люди*): *стоят, сидят, лежат*. Кроме предикатов зрительной рецептивной характеристики, в описании фигурирует и предикат обонятельной рецептивной характеристики (*воняет*).

В контаминированном научном описании предикаты 2-ой ЛСГ используются очень ограниченно, поскольку научный текст редко содержит описание интерьеров, исключением является, например, работа по социальной антропологии:

211) *Основная часть комнаты включает две подсистемы, центрами которых являются телевизор и обеденный стол. Первая подсистема — ось «телевизор – диван (или кресло)», организующая пространство для наиболее важной формы досуга. Телевизор стоит на тумбе, часто застеленной скатертью или салфеткой; сам телевизор тоже бывает покрыт салфеткой или платком (И. Утехин. Очерки коммунального быта) [Утехин 2001].*

При сочетании позиционных предикатов с одушевленным предметом (чаще человеком), который может принимать разные позиции (стоять, сидеть, лежать) легче всего представить себе включенность такой конструкции в описание-интерьер:

212) *В это время под колоннами находился только один человек, и этот человек был прокуратор. Теперь он не сидел в кресле, а лежал на ложе у низкого небольшого стола, уставленного яствами и вином в кувшинах. Другое ложе, пустое, находилось с другой стороны стола (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) [Булгаков 1978].*

Вероятно, предсказуемость подобных актантов при позиционных предикатах в описании-интерьере можно объяснить типичными условиями пребывания человека в пространстве дома, комнаты, другого помещения, что и составляет объект описания в описании-интерьере.

В пейзаже число форм, именующих человека, существенно меньше в силу большего разнообразия других объектов, которые могут составлять

картину природы. В описании-портрете позиционные глаголы достаточно распространены:

213) *Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувеселой, полурассеянной улыбкой (...) На нем была пестрая ситцевая рубаха с желтой каемкой; небольшой новый сермячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его и низкими голенищами были точно его сапоги – не отцовские* (И. Тургенев. Бежин луг) [Тургенев 2019].

Приведенное выше портретное описание содержит позиционный глагольный предикат *висел*, который означает пребывание объекта (*гребешка*) в вертикальной позиции.

Описание-портрет в публицистике близко художественному, в котором при передаче содержания фотографии отмечаются предикаты 2-ой ЛСГ:

214) *На второй (фотографии – Ю.В.) Дмитрий Иванович снят с двумя своими средними детьми (детей было шестеро) - Димой и Катей. Кате года полтора, она у отца на коленях. Диме года четыре, стоит, держась за поручень кресла (кресло старинное, низкое, в чехле с бахромой), прислонился головенкой к плечу отца. Здесь Дмитрию Ивановичу уже за сорок. Так же откинута назад темные волосы, открывая высокий лоб, но пухлые губы скрыты усами и бородой, в глазах усталость* (Н. Ильина. Дороги и судьбы) [Ильина 1988].

Интересно наблюдение Е.В. Рахилиной за семантикой глагола *висеть*, у одного из употреблений которого отмечена идея 'плохо' [Рахилина 1998: 77] для предметов, которым висеть не свойственно: *плащ висит на человеке* (плохо сидит, при этом подчеркивается «отделенность» человека от одежды, т.е. человека от его дополнителя¹ [Рахилина 1998: 79]), *пуговища на рубашке*

---

¹ В трактовке Е.В. Рахилиной объект и его дополнители сосуществуют и функционируют совместно, но ни один не является частью другого [Рахилина 1998: 78]: человек и его одежда или украшения, блюдце и чашка и т.п.

висит (плохо пришита). Интересно, что подобные употребления часто характеризуют объекты в описании-портрете.

215) *Так худа, что кажется бестелесной, одежда висит, как на согнутой, искривленной ветке. Из складок лица, бесформенного, похожего на плохо отжатую тряпку, глядят два так глубоко запряженных, что кажутся забытыми, туманно-голубых глаза с чуть мерцающими зрачками. Зовут ее баба Леля, а по-настоящему Елена Ефимовна (А.Эфрон. Мироедиха) [Эфрон 1952].*

Предикаты 3-ей ЛСГ с семантикой охвата предмета с разных сторон, погружения одного в другое активно используются во всех жанровых разновидностях описания.

Так, они функционируют в описании-пейзаже:

216) *Желтое ржаное поле, полное васильков, вплотную подходило к этим стенам, к бурьянам, татаркам; чей-то белый в коричневых пятнах теленок тонул среди овсов, стоял в них, объедая кисти (И. Бунин. Суходол) [Бунин 2005].*

При описании обстановки предикаты 3-ей ЛСГ достаточно часты (предикат *затянут* часто функционирует с актантом *стол*):

217) *Пол кабинета был затянут сукном, но не солдатским, а бильярдным, а поверх его лежал вишневый, в вершок толщины, ковёр. Колоссальный диван с подушками и турецкий кальян возле него. На дворе был день в центре Москвы, но ни один луч, ни один звук не проникал в кабинет снаружи через окно, наглухо завешенное в три слоя портьерами. Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами (М. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман)) [Булгаков 1978].*

В описании-портрете содержатся части внешнего облика человека (*шея, стан*), которые могут быть охарактеризованы с помощью предикатов 3-ей ЛСГ (*облегать, окутывать*):

218) *В этот холодный зимний день на его ежиком стриженной голове не было шапки, под нейлоновой курткой советского производства тонкий*

колючий свитер плотно облегал широкие плечи, хмурый взгляд исподлобья выражал решительность и целеустремленность (О. Новикова. Женский роман) [Новикова 1993].

Глагольные предикаты 4-ой ЛСГ со значением заполнения пространства могут быть использованы в описании-пейзаже:

219) Весь снег вокруг зданий был завален корьём, щепой; возле штабеля круглого леса догорал огонь, дым, прижатый морозом к земле, стекал с косогора и синей полосой стлался по степи; на солнце холодно взблескивали топоры плотников, где-то наверху, на потолке народного лома равномерно ширкала пила (И. Калашников. Разрыв-трава) [Калашников 1977].

Предикаты 4-ой ЛСГ часто характеризуют заполнение ограниченного пространства, поэтому особенно активны в описании-интерьере:

220) (Из прихожей Глеб увидел лишь две комнаты): одна была заставлена компьютерами и экранами, в другую словно бы спихали всю мебель. В кухне у Борьки висели шкафы-пеналы советского образца, а стол и стулья оказались пластмассовыми, явно украденными из летнего кафе. Холодильник был пёстро облеплен стикерами с записками самому себе. Мойку загромождала немытая посуда (А. Иванов. Комьюнити) [Иванов 2016].

Глагольные предикаты *наполнен, заполнен* содержат сему 'предельная степень занятости всего объема пространства' [Ибрагимова 1994: 26], поэтому, как правило, свойственны интерьеру, характеризующему ограниченное закрытое пространство.

В описании-портрете предикаты обозначенной ЛСГ редко используются, значение заполнения пространства возможно только при характеристике плоской поверхности, например, лица: *Лицо покрыто морщинами*. Подобные предикаты составляют 9-ую ЛСГ.

221) Возле ящика, покрытого газетой, на котором теснились маленькие, на самом деле невзрачные яблоки, стояла сгорбленная под тяжестью лет старушка. На вид лет семидесяти, а то и больше. Лицо

покрыто сеткой морщин и напоминало чем-то ее же яблоки. (Феликса поразили ее глаза.) Они светились какой-то вселенской добротой. Выдавшие виды натруженные руки теребили дряхлый, весь заплатаанный передник (А. Ростовский. По законам волчьей стаи) [Ростовский 2000].

Глагольные предикаты 5-ой ЛСГ, очерчивающие границы пространства, возможны в разных жанровых видах описания: и при характеристике открытого пространства, которое может делиться на части при описании (222-ой текст), и при вербализации особенностей интерьера (223-ий пример), и в описании-портрете (224-ый описание).

222) *Этот город окружен зелеными холмами; холмы – Уральские горы. Близко к полуночи здесь еще видна полоска вечерней зари. Красноуральск открыт с четырех сторон. Он новый* (Д. Самойлов. Общий дневник) [Самойлов 2001].

223) *Камин, около которого стояли удобная козетка и два кресла, совсем был отгорожен от всей комнаты: с одной стороны – пианино, с другой – широколиственными, раскидистыми пальмами и трельяжем из какого-то вьющегося растения* (А. Куприн. Негласная ревизия) [Куприн 1978].

224) *С портрета смотрит на нас милая, изящная, хрупкая, скромная женщина. Чёрные локоны, любимая брюлловская причёска, обрамляют лицо. Необычайно выразительные глаза, отражающие и настроение исполняемой музыки, и богатую внутреннюю наполненность самой певицы. Кажется, очертания головы, линии её фигуры поют. Часто говорят о мадоннах Рафаэля «поющие», имея в виду мягкие плавные контуры образа* (Ж. Дозорцева. Звучащие полотна Карла Брюллова) [Дозорцева 2008].

Предикаты 6-ой ЛСГ активны в описании-пейзаже, содержащем протяженные в пространстве объекты, характеризующем большое по объему пространство (река, дорога и т.п.):

225) *Большим полукругом расположился на солнцепеке город: разноцветные дома то шли ровными рядами, сопутствуемые круглыми деревьями, то криво сползали по скатам, наступая на собственные тени, и*

можно было различить движения на Первом бульваре и особенное мерцание в конце, где играл знаменитый фонтан. А еще дальше, по направлению к дымчатым складкам холмов, замыкавшим горизонт, тянулась темная рябь дубовых рощ, там и сям сверкало озерцо, как ручное зеркало, а другие яркие овалы воды собирались, горя в нежном тумане, вон там, на западе, где начиналась жизнь излучистой Строчи (В. Набоков. Приглашение на казнь) [Набоков 1990].

Описание-интерьер не располагает большим количеством протяженных в пространстве объектов, поэтому предикаты направления используются при построении текстовых структур описания-интерьера ограниченно для характеристики частей помещения (окон, лестниц, дверей):

226) Из прихожей внутрь дома вели две двери. Одна была приоткрыта, виднелись поставленные в тесный ряд кровати, застланные серыми одеялами. За второй дверью были слышны детские голоса: крики, визг, плач (И. Калашников. Не поле перейти...) [Калашников 1999].

Подобная картина встречается в описании-интерьере научного текста:

227) Коридор может быть прямой, а может иметь сложную конфигурацию. Он ведет из прихожей через всю квартиру, на другом конце которой расположены кухня, ванная комната и туалет (или туалеты, их может быть два). Дверь на черную лестницу обычно расположена либо в кухне, либо рядом с ней. В прихожей и по всей длине коридора многочисленные двери ведут в комнаты жильцов (И. Утехин. Очерки коммунального быта) [Утехин 2001].

В описании-портрете использование предикатов направления еще больше ограничено в силу отсутствия протяженных объектов, способных иметь направление, семантика подобных форм в описании-портрете близка предикатам со значением положения в пространстве.

Предикаты 6-ой ЛСГ возможны, например, при описании волос, носа, бровей:

228) *Распущенные волосы, поблескивая, стекали с плеч, затеняя лицо, и зеленые ее глаза казались темными, будто вода в глубоком колодце* (И. Калашников. Разрыв-трава) [Калашников 1977].

229) *Но косички шелковисты и изысканно перевязаны воздушным, словно гигантская бабочка, бантом. Носик прозрачно чист, забавно вздернут, и веснушки на нем аккуратно рассыпаны. А глаза смотрят так вызывающе, что хоть и дразнишь их владелицу, когда находишься в буйном содружестве с прочими мальчишками, но как только остаешься с ней наедине, становишься от застенчивости глуп* (С. Алешин. Встречи на грешной земле) [Алешин 1995].

Предикаты 7-ой ЛСГ, указывающие на пространственное соотношение предметов, частотны в описании-пейзаже, в котором важно указать на ориентацию предметов относительно друг друга:

230) *За полями теснились сопки, округлые и присадистые, как копны сена. На их склонах белели метлы дэрсунa, в ложбинах осыпали листья кусты волчьих ягод, а над полями, над сопками по-летнему горело солнце, высветляя каждую травинку, сверкающим шитьем паутины простегивая бурьян на меже* (И. Калашников. Разрыв-трава) [Калашников 1977].

У предиката *тесниться* при этом актуализирована сема ‘близко друг от друга’ [Ибрагимова 1994: 25].

Для описания-интерьера использование предикатов 7-ой ЛСГ предсказуемо при характеристике положения предметов мебели относительно стен и друг друга (*Холодильник касается стены*):

231) *Вчера я смерила кабинет двадцатью шагами – что вдоль что поперек. Львиную его долю отвоевал черный деревянный стол. Рядом с кожаным креслом ему под стать пристроились два стула – напротив еще четыре* (Я. Сапфир. Убить нельзя научить) [Сапфир 2016].

Описание-портрет допускает предикаты 7-ой ЛСГ (зачастую при характеристике прически человека):

232) 5) *Длинные мягкие волосы собраны в валик у самой шеи и заколоты декоративными заколками. Спереди — слегка подвиты.* 6) *Короткие волосы плотно прилегают к голове. Укладка плоскими щипцами на мокрых волосах.* 7) *Прямые длинные волосы расчесаны на пробор, концы подвиты и закручены внутрь. Лоб открыт, одна прядь слегка приподнята надо лбом, другая — заколота небольшим декоративным гребнем* (Н. Устинова. Современные прически) [Устинова 1980].

В целом описанию-портрету несвойственны глагольные предикаты с семантикой пространственного соотношения предметов, так как расположение частей внешнего облика человека типично. Предикаты 7-ой ЛСГ могут функционировать при актантах, обозначающих парные предметы, составляющие внешний образ человека: *Брови соединяются друг с другом, глаза лепятся друг к другу.*

Предикаты 8-ой ЛСГ с семантическим компонентом формы предмета (экспрессивные) активно функционируют в описании-пейзаже художественного и публицистического стилей, где в числе прочих обнаруживаются формы с инкорпорированными актантами (*увалы косогорятся*).

233) *Мартынову надь прорезал глубокий овраг с крутыми берегами. По дну вилась приметная тропинка* (И. Калашников. Сашка) [Калашников 1956].

Пейзаж из произведения И.К. Калашникова содержит предикат формы *вилась*, характеризующий протяженный в пространстве объект (*тропинку*).

Научное и официально-деловое описания содержат в основном аналитические предикаты с семантикой формы (см. подробно § 2.2 главы II).

234) *Спинная сторона такой раковины прикрыта тонким роговым листком (проостракум), а задний конец образует очень маленький конус, заканчивающийся известковым рожком (рострумом). Главную массу раковинной пластинки составляет множество плотных известковых пластиночек, отходящих от проостракума косо книзу (к брюшной стороне*

тела). Промежутки между пластиночками очень узки и заняты рыхлой известковой массой (В. Догель. Зоология беспозвоночных) [Догель 1981].

В научном описании отмечен нейтральный составной предикат.

Число предикатов формы в описании-интерьере может быть несколько ограничено по сравнению с описанием-пейзажем в силу описания ограниченного пространства с ограниченным набором предметов (отсутствие достаточно протяженных в пространстве и объемных предметов, таких как горы, дорога, леса, часто сопровождающихся в описании-пейзаже именно предикатами формы: *горы горбатятся, дорога петляет, извивается, леса сутуляются, топорщатся*).

Распространены в описании-интерьере глагольные предикаты со значением формы предмета (*грудиться, громоздиться*), имеющие семантику, осложненную дополнительной семой – количественной составляющей, поскольку они характеризуют размещение многих предметов в пределах ограниченного пространства с опорой на поверхность, на что указывает в своей докторской диссертации В.Л. Ибрагимова [Ибрагимова 1994: 26].

235) *На одной деревянной доске уже нарезано было тонкими, сквозившими напросвет пластинами, вяленое мясо, багряно-карминное, с геологическими прожилками воскового жира и янтарных жилок; на другой вповалку лежали толстые сколы мягко светящегося белого сыра, и твердый, темно-желтый со спинки, цельный кусок местного сорта Грана дель Трентино («Вы правы, синьоре: если сыр не ломается, это плохой сыр...»).* В красной глиняной миске грудились толстые ломти домашнего хлеба грубого помола (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы) [Рубина 2010].

В описании-пейзаже подобные формы часто фигурируют с семантикой ‘без опоры на поверхность’: *Тучи громоздились*.

Однако возможна и реализация семы ‘с опорой на поверхность’, при этом характеризуется незамкнутое пространство:

236) *Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась*

широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчики осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня (М. Лермонтов. Герой нашего времени) [Лермонтов 2014].

В описании-портрете глагольные предикаты с семантическим компонентом формы могут быть использованы для характеристики составных частей внешнего облика человека (глаз, прически, бороды, бровей и др.: *глаза круглятся, волосы вьются, борода кучерявится, брови изогнуты, брюки пузыряются на коленях и др.), поэтому предикаты указанной ЛСГ выступают одной из самых частотных групп в описании-портрете.*

237) *(Петров вышел из-за стола.) на нем был черный, полувоенного покроя костюм, застегнутый на все пуговицы, брюки галифе туго обтягивали икры, пузырились на бедрах, празднично блестели хромовые сапоги* (И. Калашников. Разрыв-трава) [Калашников 1977].

Предикаты 9-ой ЛСГ, характеризующие плоскую поверхность, свойственны описанию-интерьеру, в котором легко представить плоские поверхности стен, потолка, пола, стола и т.д.:

238) *В ЗАГСе по летнему времени шел ремонт, стояли малярные козлы, стены были наполовину побелены, а пол в коридоре был закапан известкой* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний) [Дьяконов 1995].

В описании-пейзаже предикаты 9-ой ЛСГ возможны при характеристике плоской поверхности (земли, глади озера, дороги и т.п.):

239) *(Вот он описывает Йер:) «Городок, окружённый, т. е. с трех сторон (четвёртая – море) тремя цепями гор. На первой стоят семь замков, отсюда Людовик Святой уходил в крестовый поход. Вторая цепь вся в соснах и дубах. Третья – покрыта снегом. Видны отовсюду сразу все три»* (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере) [Крейд 2003].

О роли предикатов 9-ой ЛСГ в портрете см. выше.

В описании-пейзаже могут функционировать предикаты 10-ой ЛСГ с семантикой положения в пространстве без каких-либо ограничений включая

формы, характеризующие большое открытое пространство (*простирается, раскидывается, протянуться* и др.).

240) *Железнодорожное собрание (дом парадного вида цвета крем, внутри прекрасные залы и сцена, позади дома - парк, где летом в раковине играл оркестр), а на главной площади, на холме (от него круто вниз, мимо Правления КВЖД, сбегала широкая улица, упиравшаяся в вокзал), возвышался, царил над городом деревянный собор с шестигранным куполом, а над ним и гораздо ниже, по бокам крыши, маленькие луковицы с крестами* (Н. Ильина. Дороги и судьбы) [Ильина 1988].

Для описания-интерьера нетипично использование предикатов, имеющих в своем составе сему 'большое открытое пространство' (*простирается, раскидывается, протянуться*). Остальные предикаты 10-ой ЛСГ достаточно частотны в описании-интерьере:

241) *В клубе, слабо освещенном двумя керосиновыми лампами, клубился пар от дыхания. Его стены, не беленные с довоенных лет, облупились, из пазов местами торчали клочья серого мха* (И. Калашников. Не поле перейти...) [Калашников 1999].

В описании-портрете глагольные предикаты 10-ой ЛСГ функционируют для описания частей внешнего облика человека: *лопатки выдаются, уши торчат, живот выпирает*.

242) *У Толи широкий лоб, выпуклый, как у козленка, глаза узенькие и косые, нос торчит кверху, губы надуты* (З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня) [Масленикова 2002].

Предикаты 11-ой ЛСГ с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик могут быть использованы при построении текстовых фрагментов всех жанровых разновидностей описания.

В описании-пейзаже употребление обозначенных предикатов не ограничено:

243) *Вокруг все вопило от радости – по обочинам краснели, синели, желтели десятки видов цветов, трава стояла чуть не в человеческий рост;*

далее светились ярко-рыжие стволы сосен, а под ними, казалось, было полным-полно грибов. Больших, мясистых, нечервивых... (Р. Сенчин. Елтышевы) [Сенчин 2011].

Приведенное описание-пейзаж изобилует предикатами со значением выделенности предметов в пространстве на основе цветовых (*краснели, синели, желтели*) и световых характеристик (*светились*).

Для описания-интерьера предикаты названной группы также достаточно типичны при обрисовке убранства помещения включая окказионализмы (*пурпурилась*):

244) *В двойной солонке в одной чашечке белела соль, а в другой чашечке пурпурилась аджика. На столе были разбросаны кучки зелёного лука и свежие огурцы* (Ф. Искандер. Чик чтит обычаи) [Искандер 1997].

В научном тексте предикаты 11-ой ЛСГ могут организовать модель описания-интерьера, например, при передаче содержания картины в искусствоведении:

245) *Из окна справа, откуда идет свет, виден, а точнее угадывается, жизнерадостный дачный пейзаж в ранне-осенних, золотистых красках. Этот свет живописно связывает пейзаж с интерьером в одно жизненное пространство: свет сияет на стене и фарфоровой тарелке, бликами отражается на спинках стульев, мягко ложится на скатерть, скользит по лицу и рукам, обтекая фигуру и все предметы, создает единую, органически цельную среду, которая была неотъемлемым свойством живописи молодого Серова (Анализ картины «Девочка с персиками») [URL: <https://www.https://studwood.ru>].*

Для обрисовки световых эффектов используются предикаты со значением выделенности в пространстве на основе световых характеристик (*виден, угадывается, сияет, отражается*), при этом используются и предикаты другой семантики, в сочетании с соответствующими актантами также вербализующие свойства света (*свет ложится, скользит, создает среду*).

В исследовании В.Е. Чумириной формы, составляющие в нашем исследовании 11-ую ЛСГ, обозначены как перцептивно-изобразительные глаголы с семантикой цвета и проявления света, блеска. При этом автором отмечено, что подобные формы характеризуют объекты, которые находятся на большом расстоянии от воспринимающего [Чумирова 2005: 109-126]. Н.Ю. Муравьева добавляет, что подобные предикаты указывают только на одну характеристику объекта, в то время как остальные статальные глаголы с пространственным значением (*обрамлять, вырисоваться*) способны определить форму объекта, его границы или указать на это [Муравьева 2008: 189].

При нечеткости проявления признака, неважности уточнения цвета или с целью создания максимальной дистанции между воспринимающим и объектом восприятия используются предикаты *чернеть, темнеть, белеть, светлеть* (*Вдали смутно темнели очертания домов*) [Чумирова 2005: 112].

Исходя из вышесказанного, можно предположить более активное употребление предикатов 11-ой ЛСГ в описании-пейзаже в сравнении с описанием-интерьером.

Описание-портрет включает глагольные предикаты 11-ой ЛСГ при характеристике особенностей внешности: *глаза блестят, сверкают; щеки румянятся, волосы чернеют* и т.п. с известными ограничениями, которые накладывает биологический облик (щеки, как правило, не зеленеют, они могут алеть, румяниться; волосы не лиловеют (если только их не выкрасили в такой цвет намеренно), а могут чернеть, белеть и т.п.).

246) *Лицо у Марьи осмуглено зноем, но сквозь пробивается на щеки теплая краска, от виска к подбородку бежит дорожка золотистого пушка, полные губы ярко пунцовеют, будто Марья их подрисовала по моде городских дамочек* (И. Калашников. Не поле перейти...) [Калашников 1999].

При обрисовке портрета Марьи И.К. Калашников использует предикаты цветовой характеристики (*пунцовеют*) включая окказионализм (*осмуглено*).

Употребление акциональных предикатов возможно во всех разновидностях описания, поскольку действующий предмет может быть составной частью картины природы, занимать помещение или стать объектом описания-портрета.

247) *Серое небо близко, а растрёпанные, как ведьмы, тучи несутся совсем рядом. Куда они мчатся? Не знаю, как старых моряков, но меня шторм поражает своей бессмысленностью. По палубе бегают два пустых ящика. Мелькают за стеклом рубки лица Игоря и Ильвара. Игорь грозит мне кулаком и показывает вниз. Ох!* (В. Аксенов. Звездный билет) [Аксенов 2012 а].

248) *Некоторые в зале отбытия торопятся наговориться впрок. Дети бегают рядом с подставкой для бесплатных газет. За стеклом темное небо. Самолеты взлетают при любой погоде* (С. Носов. Фигурные скобки) [Носов 2015].

249) *Маша, та самая девушка в бриллиантах, в клинике 31 день. У нее длинные блестящие волосы и фигура модели. Она сидит на кровати у стены и читает книгу Чехова «Палата №6»* (О. Шкарупич. Остановка на жизнь) [Шкарупич 2017].

В описании-портрете акциональные предикаты могут характеризовать не только сам объект описания (человека), но и части его внешнего облика, зачастую черты лица. При этом акциональные предикаты выполняют типичную характеризующую функцию в описании и несут «повышенную смысловую и эмоциональную нагрузку» [Нечаева 2011: 52]:

250) *Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское* (А. Пушкин. Капитанская дочка) [Пушкин 1987].

Итак, исследование типологического разнообразия глагольных предикатов в жанровых разновидностях описания разных стилей оказывается

важным для дифференциации описания-пейзажа, описания-интерьера, описания-портрета и описания предмета, поскольку позволяет установить закономерности предикативного наполнения лексической модели описания.

Выводы по главе VI

В ходе работы выявлены характеристики ЛСГ предикатов в жанровых разновидностях описания (описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-портрет, описание предмета), ранее дифференцированные только на уровне актантов.

В ходе исследования типологического разнообразия глагольных предикатов в жанровых разновидностях можно констатировать, что наибольшее разнообразие глагольных предикатов разных ЛСГ включая предикаты характеристики большого открытого пространства, предикаты разных рецептивных характеристик и акциональные единицы свойственно описанию-пейзажу, располагающему разнообразными объектами, имеющими пространственную структуру.

Более ограниченный набор глагольных предикатов зафиксирован в описании-интерьере в силу меньшего количества самих объектов описания: мебель и предметы интерьера. Значимым оказывается тот факт, что характеризовать описываемое пространство в описании-интерьере одним своим наличием способны актанты, связанные значением «существование», без указания на действия или состояния объектов, поэтому существенную часть описаний-интерьеров организуют эллиптические конструкции. Относительно количественной характеристики употребления глагольных предикатов в данной разновидности описания следует отметить наибольшую частотность позиционных глагольных предикатов и предикатов заполнения пространства.

Минимальный набор пространственных предикатов представлен в описании-портрете, представляющем ограниченный набор частей внешнего облика человека (биологическая составляющая и костюмные формы). Особенности человека как материального существа обуславливают ограниченное употребление в описании-портрете предикатов с семантикой размещения в пространстве, заполнения пространства и направления в

пространстве, пространственного соотношения предметов, а также предикатов разных рецептивных характеристик. Наиболее частотны глагольные предикаты с семантикой формы предмета (глаз, губ, прически и др.).

Поскольку объектом описания предмета могут выступать разнообразные материальные сущности (животные, растения, инструменты и т.д.), исследование специфики функционирования глагольных предикатов в данной разновидности описания представляется затруднительным. При описании предметов, вид которых сопоставим с внешним обликом человека (например, куклы), описание предмета принимает вид описания-портрета, соответственно, в нем функционируют глагольные предикаты, типичные в описании-портрете. В других случаях построение текста при описании предмета сопоставимо с описанием-пейзажем или описанием-интерьером, а употребление глагольных предикатов с функционированием предикатов в описании-пейзаже или описании-интерьере.

Таким образом, проведенное исследование позволяет представить полученные результаты в виде схемы.

ТИП ТЕКСТА «ОПИСАНИЕ»			
Парадигма	Функциональная	Стилистическая	Жанровая
Методология			
Функционально-смысловая	референциальное пространство субъектная перспектива текста семантический синтаксис предикаты - актанты эксплицитность <u>микрореконтекст</u> фигура предикаты эксплицитной рецептивной характеристики	не дифференцированы	дифференцированы на уровне актантов
Лингвокогнитивная	рецептивное пространство субъектная навигация в тексте лексико-прагматические <u>локализаторы</u> намерения субъекта навигации прагматический синтаксис свернутые пропозиции <u>имплицитность</u> <u>макрореконтекст</u> фон предикаты имплицитной рецептивной характеристики	ЛСГ предикатов в разных стилях (художественном, научном, официально-деловом, публицистическом, разговорном)	ЛСГ предикатов в разновидностях описания (описании-пейзаже, описании-интерьере, описании-портрете, описании предмета)

Рис. 14 – Результаты работы в разрезе исследовательских парадигм и методологий

Заключение

Исследование описания с точки зрения функционально-смыслового подхода предполагает анализ его референциально-семантических или референциально-пропозициональных свойств, что не позволяет выявлять прагматические смыслы, реализованных в тексте, в том числе имплицитно.

Исследование типов речи требует привлечения новых лингвистических парадигм. Особое значение при этом имеет изучение роли наблюдающего субъекта, который сообразно с функционально-смысловым подходом оказывается выведенным за пределы описательного текста, в то время как его характеристика имеет огромное значение для объяснения ряда языковых явлений.

В настоящей работе исследование описательного текста проведено в трех парадигмах (функциональной, стилистической и жанровой) в соответствии с функционально-смысловой и лингвокогнитивной методологиями.

Исследование роли наблюдающего субъекта диктует необходимость конструирования новой динамической модели описания, передающей динамику восприятия. Отталкиваясь от общенаучного понятия модели как некоторого образца, обладающего свойством воспроизводимости, в настоящей диссертационной работе мы рассматриваем текст типа «описание» как языковую модель, но не структурно-семантическую, как в исследованиях, реализующих функционально-смысловой подход, а рецептивно-прагматическую, предполагающую дифференциацию «постоянных» и «переменных» величин, семантических и прагматических смыслов, референциального и рецептивного пространств. В работе предлагается воспользоваться понятиями фона и фигуры, введенными в лингвистический оборот Л. Талми и получившими широкое распространение в когнитивистике.

Использованное в работе масштабирование контекста (различение микроконтекста – макроконтекста) помогает дифференцировать фон и фигуру. Описание того, что попадает в поле зрения субъекта, определено как фигура (микроконтекст), фоном же выступает макроконтекст, способствующий репрезентации отношения субъекта речи к тому, что он воспринимает. Таким образом, в тексте представлено и, следовательно, подлежит исследованию не только референциальное пространство, но и прагматические смыслы, т.е. рецептивное пространство, которые позволяют управлять вниманием читателя.

Поскольку передача модусных смыслов оказывается возможна при использовании специальных речевых знаков речевой интенции говорящего – прагматических локализаторов, масштабирование контекста может быть определено как прагматический локализатор рецептивного пространства субъекта и репрезентации фона в описании.

Таким образом, рецептивное пространство и фон в описательном тексте способствуют реализации когнитивной сферы субъекта речи и способствуют ориентации читателя в ней. Такая субъектная навигация в тексте выступает как категория, предлагающая движение от семантического синтаксиса к прагматическому.

В ходе анализа в диссертационной работе была выявлена ядерно-периферийная (полевая) организация предикатов в описании в разных стилях, не исследованная ранее. При исследовании семантики глагольных предикатов описательных текстов разной стилевой принадлежности был выявлен ряд закономерностей их функционирования. Выявленные ЛСГ предикатов организуют семантическое поле пространства, в качестве компонента-доминанты которого выступает значение «существование».

В ходе исследования было установлено, что при доминировании зрительного восприятия основную часть пространственных глагольных предикатов составляют неакциональные единицы, вербализующие зрительную рецептивную характеристику и составляющие ядро

семантического поля. В диссертации разработана следующая семантическая классификация предикатов, согласно которой выделяются следующие классы предикатов описания.

1. Глагольные предикаты, выражающие пространственные характеристики объектов, куда входят

а) предикаты, вербализующие пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта: 1) размещения в пространстве; 2) позиционные; 3) охвата предмета (в широком смысле) с разных сторон, погружения одного в другое; 4) заполнения пространства; 5) очерчивающие границы пространства; 6) направления в пространстве; 7) пространственного соотношения предметов, ориентации одного предмета относительно другого;

б) предикаты, выражающие собственные пространственные характеристики объекта, которые могут быть выражены без отношения к другому (другим) объекту (объектам) в пределах описательной микротемы: 8) характеристики формы предмета; 9) характеристики плоской поверхности объекта; 10) положения в пространстве.

Две системы видения мира предполагают выделение внутри первого класса предикатов двух подклассов. Семантика предикатов, вербализующих пространственные характеристики предмета в отношении другого объекта, соотносима с ГДЕ-системой, ориентированной на определение расстояний до предмета и между предметами. Предикаты, вербализующие собственные пространственные характеристики объекта, которые могут быть выражены без отношения к другому объекту, входят в восприятие ЧТО-системой, цель которой заключается в распознавании предметов, попадающих в поле зрения наблюдателя.

2. Глагольные предикаты проявления качественного состояния объекта: 11) выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик.

Наиболее частотные ЛСГ неакциональных предикатов эксплицируют зону большей плотности полеобразующих признаков в структуре ядерной зоны семантического поля.

Ближайшая периферия семантического поля пространства организована стилистически ограниченными (разговорными, книжными, специальными для определенной области знания), экспрессивными или окказиональными единицами.

Выбор и типологическое разнообразие ЛСГ глагольных предикатов зависят от стилистической принадлежности материала и одновременно задают стилистическую модальность фрагмента. В работе введено понятие стилистической парадигмы описания, исследование которой позволяет констатировать, что репрезентация фона и фигуры в каждом из стилей носит градуированный характер. Художественный текст располагает значительными возможностями исследования семантики глагольных предикатов вследствие их широкого употребления, использования разностилевых и экспрессивных единиц. Выбор тех или иных ЛСГ предикатов, количественный анализ их использования позволяют говорить о некоторых особенностях индивидуальной авторской манеры и предпочтениях автора в обрисовке сенсорных ощущений.

В результате анализа эмпирического научного и официально-делового материала были выявлены особые виды описательных текстов – контаминированные описания. Помимо этого, в официально-деловом и научном контексте функционируют описания-характеристики и визуальные описания, последние характеризуются преобладанием чисто бытийных предикатов и предикатов со значением размещения, что обусловлено необходимостью отметить наличие тех или иных объектов в описываемом пространстве без уточнения и выразительной пространственной характеристики.

При исследовании публицистических текстов был выявлен дуализм их стилистической природы: в ряде жанров выбор глагольных предикатов

оказывается близок текстовой природе художественного стиля, располагающего экспрессивными единицами для обрисовки пространственных отношений. Описания других жанров тяготеют к официально-деловому письму, характеризующемуся сухостью речи, использованием нейтральных и специальных предикатов, преобладанием предикатов ЛСГ «размещение в пространстве» и др.

Разнообразие ЛСГ глагольных предикатов обусловлено и тематически: гуманитарные научные (антропология, искусствоведение и др.) и описательные естественно-научные (зоология, география и др.) тексты, обычно в большей степени содержащие средства словесной образности, располагают значительным разнообразием ЛСГ глагольных предикатов.

Разговорное описание отличается незавершенностью текстовых структур, наличием повторов и распространенностью безглагольных конструкций. При употреблении глагольных предикатов с пространственным значением отмечено функционирование нейтральных и разговорных единиц.

При исследовании количественной характеристики употребления глагольных предикатов в текстах разной стилевой принадлежности была отмечена наибольшая частотность использования в художественном описании глагольных предикатов с семантикой выделенности в пространстве на основе световых / цветовых характеристик, что может быть связано с особой ролью цвето- и светообозначений в художественном тексте, используемых с целью отображения мировидения автора, обрисовки пространства, наполнения последнего символическим смыслом, создания настроения, что особо значимо для постижения авторского замысла.

Описательные тексты научного, а также официально-делового и разговорного стилей, характеризуются высокой частотностью глагольных предикатов зрительной рецептивной характеристики со значением размещения, в подобных текстах важно отметить наличие объектов в описываемом пространстве, а не привести их выразительную

характеристику. Частотность тех или иных ЛСГ предикатов в публицистике и разговорной речи зависит от тематики текста.

В ходе анализа описательных текстов было установлено, что вторая периферийная зона семантического поля пространства в тексте типа «описание» может быть образована рецептивными глагольными предикатами, которые имплицитно представляют семантику пространства в описании.

Если к эксплицитным предикатам относятся единицы зрительной рецептивной характеристики, традиционно связываемые с категорией пространства, то к имплицитным предикатам примыкают единицы разных рецептивных характеристик (слуховой, обонятельной, тактильной, вкусовой, а также недифференцированной). Организуя поле восприятия, вербализуемое описанием, подобные предикаты содержат в своей семантике значение пространства, проявляющееся в оппозиции «близко-далеко».

При изучении специфики употребления рецептивных предикатов в описании отмечена высокая частотность предикатов слуховой рецептивной характеристики в силу особой значимости для человека слухового восприятия, а также единиц обонятельной рецептивной характеристики (особенно в разговорном описании, где подобную особенность можно объяснить отсутствием возможности воссоздания в ситуации живого общения ольфакторного состояния среды паралингвистическими средствами при наличии таковой для передачи явлений, воспринимаемых зрением или слухом: показать размер или форму предмета, воспроизвести звуки и т.п.).

Важным выводом является тот факт, что при включении в описательный текст акциональных предикатов последние претерпевают семантическую трансформацию. Акциональные предикаты разных ЛСГ составляют зону отдаленной периферии поля пространства, приобретая в описательном контексте бытийную функцию, но выражая вне описания (например, в повествовании) иные отношения. Для реализации значения пространства (когда действующий предмет предстает как некоторая точка,

характеризующая вещьность описываемого пространства) необходим описательный текст, что подтверждает мысль о большей зависимости периферийных форм в составе поля от окружающего контекста.

В ходе работы выявлены характеристики ЛСГ предикатов в жанровых разновидностях описания (описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-портрет, описание предмета), ранее дифференцированные только на уровне актантов. Объект описания накладывает ряд ограничений на выбор глагольных предикатов. Наибольшее их разнообразие включая рецептивные и акциональные формы отмечено в описании-пейзаже. Более ограниченный набор глагольных предикатов зафиксирован в описании-интерьере. Минимальный же набор пространственных предикатов содержится в описании-портрете, представляющем ограниченный набор частей внешнего облика человека. Поскольку объектом описания предмета могут выступать разнообразные материальные сущности, исследование специфики функционирования глагольных предикатов в данной разновидности описания представляется затруднительным.

Относительно пересечения глагольного семантического поля пространства с другими полями заметим, что оно пересекается с полем бытийности, поскольку локатив содержательно облигаторен в ситуации бытийности, а значение существования выступает «постоянной» величиной в семантике предикатов описательного типа текста. На периферии следует отметить факт пересечения семантического поля пространства с полем акциональности, поскольку акциональные глагольные предикаты приобретают в тексте описания пространственную семантику, выражая вне описания непространственные отношения.

Семантическое поле глагольных предикатов оказывается составной частью некоторого поля пространства, куда помимо предикативных единиц входят актанты, обладающие закономерностью функционирования в описании, а также атрибутивные, наречные и другие единицы, которые

способствуют вербализации пространства в описательном тексте, однако не являются модельным свойством текста данного типа.

Таким образом, глагольные предикаты, вербализующие свойства пространства и входящие в состав модели описательного типа текста, иерархически организованы в виде глагольного семантического поля с вычленением компонента-доминанты, консолидацией вокруг него ядра и ряда периферийных зон.

Движение от исследования структурно-семантической модели описания в рамках функционально-смыслового подхода к изучению его рецептивно-прагматической модели с точки зрения лингвокогнитивистики сопряжено с выделением фигуры и фона и предполагает обращение к прагматическому синтаксису. Таким образом, фигура оказывается связанной с понятиями эксплицитности, пропозициональной структуры, функционально-смысловым подходом к тексту, субъектной перспективой текста, относящимися к понятийному полю семантического синтаксиса; понятие фона же соотносится с понятиями имплицитности, свернутых пропозиций, лингвокогнитивного подхода к тексту и субъектной навигацией в тексте, относящимися к понятийному полю прагматического синтаксиса.

Перспектива исследования видится в дальнейшем пересмотре теории функционально-смысловых типов речи в свете новых научных изысканий в приложении к повествовательному типу текста, вербализующему развивающиеся действия или состояния, а также с позиции изучения возможностей вербализации временных отношений посредством семантики глагольных предикатов, играющих определяющую роль при построении повествования.

Работа может получить развитие с применением инструментов корпусного исследования. Помимо используемых в настоящей работе корпусов (НКРЯ, «Рассказы о сновидениях» и другие корпуса звучащей речи, личные истории в электронном корпусе дневников), возможно привлечение данных других корпусов, программ (например, AntConc), позволяющих

анализировать частотность и контекст употребления словоформ в разных текстах. Подробное рассмотрение специфики роли наблюдающего субъекта в описательных текстах разных функциональных стилей следует отнести к отдельной научной проблеме и вывести в перспективу исследований.

Список использованной литературы

1. Абдуллина А. А. Иерархическая структура категории локальности в русском языке / А. А. Абдуллина // Теория поля в современном языкознании
2. +: материалы научно-теоретического семинара. – Уфа : Изд-во Башкирского госуниверситета, 1997. – С. 109-112.
3. Абдуллина А. А. Номинативный и коммуникативный аспекты поля локальности / А. А. Абдуллина // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (Уфа, ноябрь 1993 г.). – Уфа : Изд-во Башкирского госуниверситета, 1994. – Ч. III. – С. 24.
4. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка : монография / В. П. Абрамов. – Москва ; Краснодар : Изд-во Кубанского госуниверситета, 2003. – 338 с. – ISBN 978-5-9765-4186-3.
5. Абрамова Е. Н. Семантико-когнитивный анализ глаголов активного действия в русском и английском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. Н. Абрамова. – Челябинск, 2008. – 22 с.
6. Авденина О. Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. Ю. Авденина. – Москва, 2014. – 984 с.
7. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. – Москва : Наука, 1976. – 328 с.
8. Адмони В. Г. Основы теории грамматики / В. Г. Адмони. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 104 с.
9. Айрапетьянц Э. Ш. Принцип конвергенции анализаторных систем / Э. Ш. Айрапетьянц, А. С. Батуев. – Москва : Наука, 1969. – 84 с.

10. Алефиренко Н. Ф. Проблемы когнитивной лингвистики : научная монография / Н. Ф. Алефиренко, Н. Б. Корина. – Нитра : УКФ, 2011. – 216 с. – ISSN 2336-4459.
11. Аллмере Р. А. Сопоставительное исследование прилагательных, указывающих на форму предметов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. А. Аллмере. – Москва, 1991. – 18 с.
12. Альчикова О. М. Лексико-семантическая группа параметрических имен прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке (В сопоставлении с киргизским языком) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. М. Альчикова. – Новосибирск, 2004. – 174 с.
13. Алефиренко Н. Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1998. – 440 с.
14. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Б. Г. Ананьев ; под. ред. А. А. Бодалева. – Москва : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : МПО «МОДЭК», 1996. – 384 с.
15. Анисимова И. Н. Функциональные особенности имен прилагательных и глаголов в описаниях пейзажа в переводах новелл Ги де Мопассана на русский язык / И. Н. Анисимова // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 3. – С. 137-142.
16. Анисимова И. Н. Языковые особенности пейзажных описаний переводов новелл Ги де Мопассана на русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Н. Анисимова. – Казань, 2008. – 161 с.
17. Антонова Л. А. Зависимость пространственного значения сложноподчиненного предложения от семантики входящих в него глаголов (на материале английского и русского языка) / Л. А. Антонова //

- Классы глаголов в функциональном аспекте : сборник научных трудов. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1986. – С. 12-19.
18. Апресян Ю. Д. Дейксис в лингвистике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – 1986. – Вып. 28. – С. 5-33.
19. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. – 767 с.
20. Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) / Ю. Д. Апресян // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1992. – № 3. – С. 20-33.
21. Аржановская А. В. Семантические особенности языковых единиц, выражающих протяженность в пространстве, в русском и английском языках / А. В. Аржановская // [LINGUA MOBILIS](#). – 2013. – № 4. – С. 69-72.
22. Арнхейм Р. О природе фотографии / Р. Арнхейм // Новые очерки по психологии искусства. – Москва : Прогресс, 1994. – С. 119-141.
23. Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – 2-е изд. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – Кн. 1. – 616 с. – ISBN 978-5-86793-720-1.
24. Артемова Н. В. Полевая организация глагольной лексики в современном русском языке / Н. В. Артемова. – Москва : Прометей МПГУ, 2003. – 160 с. – ISBN 5-7042-1280-8.
25. Арутюнова Н. Д. Два эскиза к «геометрии» Достоевского / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 368-384.
26. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

27. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 384 с.
28. Арутюнова Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип: Структура и значение / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – Москва : Рус. яз., 1983. – 198 с.
29. Аскарлова О. Б. Ассоциативное поле метафоры проблема ее понимания / О. Б. Аскарлова // Теория поля в современном языкознании: тезисы докладов научно-теоретического семинара (Уфа, ноябрь 1993 г.). – Уфа: Башкирский университет, 1994. – Ч. III. – С. 37-38.
30. Ахметова Г. Д. Языковая композиция художественного текста (на материале русской прозы 80-90-х годов XX в.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Г. Д. Ахметова. – Москва, 2003. – 38 с.
31. Ахметова Г. Д. Художественный текст как явление культуры / Г. Д. Ахметова // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 4. – С. 89-95.
32. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография / В. В. Бабайцева. – Москва : Дрофа, 2000. – 640 с. – ISBN 5-7107-2806-3.
33. Бабулевич С. Н. Цветообозначения как средство реализации концепта "Родина" в художественной картине мира С. Есенина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. Н. Бабулевич. – Калининград, 2004. – 181 с.
34. Бабушкин А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология : монография / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж : ООО «Ритм», 2018. – 229 с. – ISBN 978-5-6041754-5-3.
35. Баданина Л. П. Психология познавательных процессов / Л. П. Баданина. – Москва : Флинта, МПСИ, 2008. – 236 с. – ISBN 978-5-9770-0203-5.

36. Бардамова Е. А. Пространство и время в языковой картине мира бурят : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. А. Бардамова. – Улан-Удэ, 2012. – 41 с.
37. Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика : пособие для учителей / Л. Г. Барлас. – Москва : Просвещение, 1978. – 256 с.
38. Бекташев О. К. Актуальность изучения глагола с позиций когнитивного подхода / О. К. Бекташев // Актуальные научные исследования в современном мире : сборник научных трудов XX Международной научной конференции (Переяслав-Хмельницкий, 21-22 декабря 2016 г. – Переяслав-Хмельницкий, 2016. – Вып. 12(20), ч. 4. – С. 97-99.
39. Бериташвили И. С. Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных / И. С. Бериташвили. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 367 с.
40. Бериташвили И. С. О нервных механизмах пространственной ориентации высших позвоночных животных / И. С. Бериташвили. – Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1959. – 405 с.
41. Бессуднова В. И. Пространство в обиходно-бытовой речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. И. Бессуднова. – Саратов, 2004. – 241 с.
42. Бессуднова В. И. Способы выражения пространственных отношений в текстоидах обиходно-бытовой речи студентов (когнитивный анализ морфологических характеристик локализатора) / В. И. Бессуднова // Структура и семантика : доклады IX Международной конференции. – Москва : СпортАкадемПресс, 2004. – С. 206-209.
43. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.
44. Богуславская В. В. Моделирование текста. Лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов / В. В. Богуславская. – 2-е изд. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с. – ISBN 978-5-382-00551-5.

45. Богуславская О. Ю. Динамика и статика в семантике пространственных прилагательных / О. Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 20-29. – ISBN 5-7859-0174-9.
46. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н. Н. Болдырев. – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с. – ISBN 978-5-89016-938-9.
47. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – первое издание. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998.(Публикуется в авторской редакции 2014 года.) – URL : <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения : 21.06.2017).
48. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20-35.
49. Бондарко А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин ; под ред. проф. Ю. С. Маслова. – Ленинград : Изд-во «Просвещение» Ленинградское отделение, 1967. – 192 с.
50. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А. В. Бондарко ; Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
51. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1976. – 255 с.
52. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1984. – 208 с.
53. Борейко Т. С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида : диссертация кандидата филологических наук / Т. С. Борейко. – Омск, 2006. – 224 с.

54. Борисова Е. Г. «Речевая ориентация» как категория рецептивной лингвистики / Е. Г. Борисова // Социальные и гуманитарные знания. – 2015. – № 2. – С. 147-150.
55. Борисова Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения / Е. Г. Борисова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2018. – № 6. – С. 34-50.
56. Борщев В. В. Семантические типы размера / В. В. Борщев // Московский лингвистический журнал. – Москва : РГГУ, 1996. – Т. 2. – С. 80-96.
57. Бохиева М. В. Функционирование безличных предложений в описательном типе речи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. В. Бохиева. – Улан-Удэ, 1998. – 25 с.
58. Бочарникова Е. А. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике / Е. А. Бочарникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5) : в 2 ч. – Ч. I. – С. 50-52.
59. Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – Москва : Высш. шк., 1971. – 190 с.
60. Буланин Л. Л. К проблеме глагольной семантики / Л. Л. Буланин // Актуальные проблемы лексикологии : тезисы докладов 4 лингвистической конференции. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1974. – С. 25-31.
61. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка / Л. А. Булаховский. – Киев : Рад. школа, 1952. – Т.1. – 446 с.
62. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – Москва : Наука, 1982. – С.7-85.
63. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

64. Буракова О. М. Адаптация полевой теории к новой научной парадигме / О. М. Буракова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Лингвистика. – 2009. – № 1. – С. 147-150.
65. Бурцев О. П. Субъектно-предикатная структура предложения как основа строения описательных текстов и субъектно-предикатно-объектная (актантная) структура как основа строения повествовательной речи / О. П. Бурцев // Актуальные проблемы теории текста : межвузовский сборник научных трудов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – Вып. 2. – С. 25-36. – ISBN 5-85213-546-1.
66. Бутаева Е. Э. Лексико-грамматическая семантика глаголов позиции в русском и английском языках (на материале лексикографических описаний и художественного текста) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. Э. Бутаева. – Армавир, 2010. – 196 с.
67. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер ; пер. с нем., общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной, вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1993. – 528 с.
68. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 280 с. – ISBN 978-5-9765-0841-5.
69. Валеева Л. В. Фигура и фон как средство категоризации пространства (на материале первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому) / Л. В. Валеева, А. С. Давыдкина // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков : материалы III международной научно-методической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета. – 2020. – С. 29-33.
70. Валеева Н. Т. Глагольные префиксы как средство моделирования пространства и направления перемещения : диссертация на соискание

ученой степени кандидата филологических наук /

Н. Т. Валеева. – Москва, 2002. – 212 с.

71. Варфоломеева Ю. Н. Глагольные предикаты со значением существования в тексте типа «описание» (на материале произведений И.К. Калашникова) / Ю. Н. Варфоломеева // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : материалы I-ой международной научной конференции (Чита, 29-30 октября 2007 г.). – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2007. – С. 22-24.
72. Варфоломеева Ю. Н. Интермодальные глагольные предикаты с пространственным значением в тексте типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6, ч. 1. – С. 191-194.
73. Варфоломеева Ю. Н. Классификация глагольных предикатов научного описания (на материале предикатов зрительной перцепции) / Ю. Н. Варфоломеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14, № 2. – С. 60-67.
74. Варфоломеева Ю. Н. Лингвокогнитивная модель текста типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Научный диалог. – 2019. – № 11. – С. 34-45.
75. Варфоломеева Ю. Н. Семантика актантных слов в тексте типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 11-14 апр. 2007 г.). – Москва : Изд-во Московского университета, 2007. – С. 35-37.
76. Варфоломеева Ю. Н. Семантика бытийных глагольных предикатов текста типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10, ч. I. – С. 47-51.
77. Варфоломеева Ю. Н. Семантика глагольных предикатов активного действия в тексте типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Вестник

- Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 10. – С. 199-203.
78. Варфоломеева Ю. Н. Семантика глагольных предикатов как свойство структурно-семантической модели текста типа «описание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. Н. Варфоломеева. – Улан-Удэ, 2008. – 180 с.
79. Варфоломеева Ю. Н. Семантическое поле пространства: анализ глагольных предикатов в тексте типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 107-113.
80. Варфоломеева Ю. Н. Стилистическая парадигма текста типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Филологические науки в МГИМО. – 2020. – № 1 (21). – С. 79-87.
81. Варфоломеева Ю. Н. Частные лексические значения глагольных предикатов в тексте типа «описание» / Ю. Н. Варфоломеева // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. – 2007. – Вып. 7. – С. 73-76.
82. Васильев Л. М. Семантика русского глагола : учебное пособие для слушателей факультетов повышения квалификации / Л. М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1981. – 184 с.
83. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика / Л. М. Васильев. – Уфа : Восточный ун-т, 2000. – Вып. 1. – 200 с.
84. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика : учебное пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 2000. – Вып. 2. – 146 с.
85. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие для вузов / Л. М. Васильев. – Москва : Высш. шк., 1990. – 176 с.
86. Васильев Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.

87. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи / А. Н. Васильева. – Москва : Рус. яз., 1976. – 188 с.
88. Вейзе А. А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста / А. А. Вейзе. – Москва, 1985. – 127 с. – ISBN 978-5-88811-396-7.
89. Верескун С. А. Ассоциативно-смысловое поле цвета в прозе М.И. Цветаевой : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Верескун. – Ростов-на-Дону, 2012. – 276 с.
90. Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки: монография / Т. Л. Верхотурова. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 289 с.
91. Вершинина М. Г. Диалектная звуковая картина мира: зоофоносфера (на материале пермских говоров) / М. Г. Вершинина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11(29) : в 2 частях. – Ч. II. – С. 58–60.
92. Вершинина М. Г. Лексика природы как фрагмент диалектной звуковой картины мира (на материале пермских говоров) / М. Г. Вершинина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. – 2013. – № 5. – С. 40-44.
93. Веселов П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки / П. В. Веселов. – 4-е изд., перераб. / П. В. Веселов. – Москва : Маркетинг, 1993. – 78 с.
94. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 656 с.
95. Виноградов В. В. Проблемы стилистики / В. В. Виноградов. – Москва : Высш. шк., 1981. – 320 с.
96. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
97. Воронцова Т. А. Элементарная стилистика : учебно-методическое пособие / Т. А. Воронцова. – Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 2008. – 130 с.

98. Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – Москва : Русский язык, 1982. – 264 с.
99. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – Москва : Изд-во МГУ, 2000. – 502 с. – ISSN 978-5-453-00117-0/
100. Выготский Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – Москва : Изд-во ЭКСМО - Пресс, 2002. – 1008 с. – ISBN 5-04-004708-8.
101. Гаджиева А. А. Проблемы семантико-полевого и структурного анализа глагольной лексики (на материале прозы Эфенди Каниева) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. А. Гаджиева. – Махачкала, 2005. – 169 с.
102. Газизова Р. Ф. Полисемия в семантическом поле зоонимов / Р. Ф. Газизова // Теория поля в современном языкознании: тезисы докладов научно-теоретического семинара (Уфа, ноябрь 1993 г.). – Уфа : Башкирский университет, 1994. – Ч. III. – С. 57.
103. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1981. – 195 с.
104. Гак В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.
105. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 768 с. – ISBN 5-7859-0063-7.
106. Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики / И. Р. Гальперин // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1980. – Вып. IX. – С. 5-34.

107. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 137 с.
108. Ганиева И. Ф. Принцип поля в описании спонтанных текстов / И. Ф. Ганиева // Теория поля в современном языкознании : межвузовский научный сборник. – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 2001. – С. 195-197.
109. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
110. Гачев Г. Д. Европейские образы пространства и времени / Г. Д. Гачев // Культура, человек и картина мира. – Москва : Наука, 1987. – С. 198-227.
111. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – Москва : Академия, 1998. – 432 с. – ISBN 5-93311-007-8.
112. Генералова Л. М. О преимуществах когнитивного подход к типологии семантических предикатов / Л. М. Генералова // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 6 (14). – С. 38.
113. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в современном русском языке : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Н. А. Герасименко. – Москва, 1999. – 518 с.
114. Герасименко Н. А. Локальное характеризующее значение в бисубстантивном предложении / Н. А. Герасименко // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка. – Москва : МПГУ, 2002. – С. 27-31.
115. Гехтляр С. Я. О некоторых особенностях экспликации категорий пространство и время в русском языке / С. Я. Гехтляр // ФИЛОЛОГОС. – 2010. – Вып.7. – С. 68-78.
116. Гжегорчикова Р. Понятийная оппозиция верх - низ ('wierzch' - 'spyd') и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 78-83. – ISBN 5-7859-0174-9.

117. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – Москва : Изд. КоЛибри, 1988. – 464 с.
118. Головин Б. Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Б. Г. Головин. – Горький, 1966. – 320 с.
119. Голуб И. Б. Стилистика русского языка : учебное пособие / И. Б. Голуб. – Москва : Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с. – URL : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения : 28.06.2017).
120. Гончар И. А. Описание как единица речи / И. А. Гончар, И. В. Реброва, К. А. Рогова // XLV Международная филологическая научная конференция : тезисы докладов (Санкт-Петербург, 14-21 марта 2016 г.). – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2016. – С. 106-107.
121. Гончар И. А. Тип сложного портретного описания в художественном тексте / И. А. Гончар // Филологический класс. – 2014. – № 3 (37). – С. 13-18.
122. Горбачевский А. А. Теория языка. Вводный курс : учебное пособие / А. А. Горбачевский. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – 280 с. – ISSN 978-5-9765-0965-8.
123. Горбунова Л. И. Атрибутивно-локативная языковая модель и ее семантические модификации / Л. И. Горбунова. – Иркутск : Иркутский университет, 2005. – 164 с. – ISBN 5-9624-0050-х.
124. Гордиенко А. Ю. К проблеме описания категории «пространство множества» в естественном языке / А. Ю. Гордиенко // [Вестник московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование](#). – 2015. – № 1. – С. 102-108.
125. Горшков А. И. Русская стилистика / А. И. Горшков. – Москва : Астрель, 2001. – 367 с. – ISBN 5-17-008672-5.
126. Гукина Л. В. Семантическая классификация английских и русских глаголов со значением «расположение в пространстве» : автореферат

- диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. В. Гукина. – Кемерово, 1997. – 19 с.
127. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 452 с.
128. Дашинамаева П. П. (Не)переводимость художественного текста с точки зрения психонейрофизиологии речемышления / П. П. Дашинамаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып.10 : Филология. – С. 53-57.
129. Дашевская Е. И. Средства предикации в романе В. Пелевина «Generation П» и их художественно-стилистическое использование : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. И. Дашевская. – Москва, 2007. – 21 с.
130. Двизова А. В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. В. Двизова. – Томск, 2014. – 399 с.
131. Дейк ван Т. А. Стратегия понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 153-211.
132. Декарт Р. Первоначала философии : сочинения в 2 томах / Р. Декарт ; пер. с лат и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн [и др.]. – Москва : Наука, 1989. – Т. 1. – 654 с.
133. Делягин В. М. Зрение и компьютер (страшилки и реальность) / В. М. Делягин, Р. Т. Абдулаев, М. Мельникова // Мир ПК. – 2007. – № 9. – С. 102-108.
134. Денисенко В. Н. Семантическое опле как лексическая категория и метод анализа языка / В. Н. Денисенко // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2002. – № 3. – С. 48-55.

135. Десяева Н. Д. Стилистика современного русского языка : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н. Д. Десяева, С. А. Арефьева. – Москва : Академия, 2008. – 272 с. – ISBN 978-5-7695-4075-2.
136. Джамбинова Н. С. Функционирование русской глагольной лексики в публицистическом тексте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. С. Джамбинова. – Волгоград, 2007. – 18 с.
137. Джамбинова Н.С. Функционирование русской глагольной лексики в публицистическом тексте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. С. Джамбинова. – Волгоград, 2007. – 181 с.
138. Диброва Е. И. Пространство текста в композитном членении / Е. И. Диброва // Структура и семантика художественного текста : доклады VII международной конференции. – Москва : СпортАкадемпресс, 1999. – С. 104-111.
139. Добриева З. И. Структурно-семантические и функциональные особенности приставочных глаголов (на материале текстов публицистического стиля : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / З. И. Добриева. – Магас, 2009. – 211 с.
140. Дроздов Диес Т. О локативных предикатах и предикативах в русском и испанском языках / Т. Дроздов Диес // Вестник МГЛУ. – 2010. – Вып. 26. – С. 23-34.
141. Дубровский В. Н. Концепции пространства – времени. Физический и философский аспекты / В. Н. Дубровский. – Москва : Наука, 1991. – 168 с.
142. Дурст-Андерсен П. В. Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs. неконтакт» / П. В. Дурст-Андерсен // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 135-151. – ISBN 5-7859-0174-9.

143. Дускаева Л. Р. Стилистика официально - деловой речи : учебное пособие для вузов / Л. Р. Дускаева, О. В. Протопопова. – Москва : Академия, 2012. – 272 с. – ISBN 978-5-7695-6751-3.
144. Егодурова В. М. Типология глагола в бурятском и русском языках (на материале глаголов движения) / В. М. Егодурова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского пединститута, 1995. – 154 с.
145. Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Б. Ермакова. – Москва, 2007. – 345 с.
146. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 289-298. – ISBN 5-7859-0174-9.
147. Жаркова О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. С. Жаркова. – Москва, 2005. – 22 с.
148. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр-е и дополн. – Назрань : Изд-во "Пилигрим". 2010. – URL : <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com> (дата обращения 20.03.2021).
149. Жинкин Н. И. Язык-речь-творчество. Избранные труды / Н. И. Жинкин. – Москва : Лабиринт, 1998. – 368 с.
150. Журинский А. Н. О семантической структуре пространственных прилагательных / А. Н. Журинский // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1971. – С. 96-124.
151. Зайнуллин М. В. Модальное поле долженствования и необходимости (на материале башкирского и других тюркских языков) / М. В. Зайнуллин // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-

- теоретического семинара (Уфа, ноябрь 1993 г.). – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 1994. – Ч. III. – С. 25-29.
152. Залевская А. А. Когнитивный подход к слову и тексту / А. А. Залевская // Языковое сознание: содержание и функционирование : XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва : Советский писатель, 2000. – С. 91.
153. Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. – Москва : Гнозис, 2005. – 542 с. – ISBN 5-7333-0145-7.
154. Зализняк А. А. Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка / А. А. Зализняк, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. – Москва : Индрик, 2003. – 640 с.
155. Зализняк А. А. Многозначность и способы ее представления / А. А. Зализняк. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 672 с. – ISBN 5-9551-0114-4.
156. Зализняк А. А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке / А. А. Зализняк // [Russian Linguistics](#). – 1995. – Vol. 19.2. – P. 143-185.
157. Заметалина М. Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка (диахрония и синхрония) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / М. Н. Заметалина. – Волгоград, 2002. – 286 с.
158. Зарецкая С. А. Семантический класс глаголов перемещения толкование и лексико-синтаксические свойства: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Зарецкая. – Москва, 1999. – 175 с.
159. Засухина Т. П. Место лексико-грамматических средств в языковом поле пространства / Т. П. Засухина // Теория поля в современном языкознании : межвузовский научный сборник. – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 2001. – С. 73-77.

160. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – Москва : КомКнига, 2007. – 306 с. – ISBN 978-5-484-00699-1.
161. Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности / С. С. Земичева. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2016. – 208 с. – ISBN 978-5-7511-2447-2.
162. Земская Е. А. О понятии «разговорная речь» / Е. А. Земская // Русская разговорная речь. – Москва : Наука, 1970. – С. 3-10.
163. Земская Е. А. Русская разговорная речь / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 69-81.
164. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – Москва : Наука, 1981. – 276 с.
165. Зобов Р. А. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства / Р. А. Зобов, А. М. Мостепаненко // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Ленинград, 1974. – С. 11–34.
166. Золотарева Н. В. Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Золотарева. – Екатеринбург, 1999. – 198 с.
167. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – Москва : Изд-во МГУ, 1998. – 542 с.
168. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1982. – 368 с.
169. Зубарева Е. О. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме / Е. О. Зубарева, С. В. Шустова, Е. В. Исаева // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 3. – С. 17-26.
170. Ибрагимова В. Л. Глаголы пространственной локализации в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание

- ученой степени доктора филологических наук / В. Л. Ибрагимова. – Екатеринбург, 1994. – 47 с.
171. Ибрагимова В. Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке / В. Л. Ибрагимова. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1992. – 172 с.
172. Иванова С. В. Языковое поле пространства, или пространство языкового поля / С. В. Иванова // Теория поля в современном языкознании : межвузовский научный сборник. – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 2001. – С. 77-81.
173. Игнатенко О.П. Средства вторичной номинации пространственного положения объекта (на материале глаголов и глагольных фразеологизмов современного русского языка) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. П. Игнатенко. – Волгоград, 2004. – 209 с.
174. Извекова Т. Ф. Художественная типология как составляющая концептосферы пространства русской картины мира / Т. Ф. Извекова // Университетская филология – образованию: человек в мире коммуникаций : материалы международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций» (Барнаул, 12-16 апреля 2005 г.). – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2005. – С. 173-174.
175. Ильин И. А. Творчество И.А. Бунина / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 томах. – Москва, 1996. – Т. 6, кн. I. – С. 210-270.
176. Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи / Г. Г. Инфантова. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный педагогический институт, 1973. – 133 с.
177. Иссерлин Е. М. Официально-деловой стиль / Е. М. Иссерлин. – Москва : Наука, 1970. – 41 с.

178. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля: монография / Т. В. Ицкович. – Москва: ООО "ФЛИНТА", 2021. – 400 с. Сер. Научные дискуссии – ISBN: 978-5-9765-4549-6.
179. Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т. В. Ицкович. – Екатеринбург, 2016. – 387 с.
180. Ицкович Т. В. Категории времени и пространства в религиозном стиле / Т. В. Ицкович // В мире научных открытий. – 2011. – № 4-1. – С. 699-706.
181. Ицкович Т. В. Религиозный стиль как система жанров / Т.В. Ицкович // Актуальные проблемы стилистики. – 2018. – № 4. – С. 47-55.
182. Казакевич О. А. Селькупская дорога (Пространственная ориентация в фольклоре северных селькупов) / О. А. Казакевич // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 322-328.
183. Казарина В. И. Специфическая лексико-грамматическая группа глаголов с семей «звук» / В. И. Казарина, А. Р. Аль-Хаснави // Filologos. – 2013. – № 16 (1). – С. 25–31.
184. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в их системном и функциональном аспектах : монография / А. А. Камалова. – Архангельск : Изд-во Поморского университета, 1998. – 325 с. – ISBN 5-88086-158-9.
185. Каменская И. В. Глаголы размещения в лексической системе русского языка (лексикографический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. В. Каменская. – Волгоград, 1998. – 22 с.
186. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1976. – 354 с.

187. Карпова Е. В. Функционирование бытийных высказываний в научном тексте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Карпова. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
188. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – 282 с.
189. Кедров Б. М. Классификация наук / Б. М. Кедров. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – 543 с.
190. Кекиева З. Щ. Педагогические основы многосторонности категорий пространства и времени / З. Щ. Кекиева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. – 2009. – № 3. – С. 52-57.
191. Кибрик А. А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – С. 595-634.
192. Кибрик А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – Москва : УРСС, 2002. – С. 276-339.
193. Кильдибекова Т. А. Структура поля глаголов действия : учебное пособие / Т. А. Кильдибекова. – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 1983. – 76 с.
194. Кильдибекова Т. А. Функционально-когнитивный словарь русского языка как новый тип активного словаря / Т. А. Кильдибекова, Г. В. Гафарова // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы международного конгресса исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.). – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – С. 100-101.
195. Кириллова В. А. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия / В. А. Кириллова, М. Б. Примова // Идеографические аспекты русской

- грамматики / под ред. В. А. Белошапковой, И. Г. Милославского. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – С. 116-125.
196. Киферова З. Г. Семантическое поле локальности в русском и болгарском языках / З. Г. Киферова // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (Уфа, ноябрь, 1993 г.). – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 1994. – Ч. III. – С. 63-64.
197. Князев Ю. П. Обозначение направленного движения в русском языке: средства выражения, семантика и прагматика / Ю. П. Князев // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна : Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 182-192.
198. Князев Ю. П. Особенности обозначения пространственных отношений в русском языке: падежи, предлоги и префиксы / Ю. П. Князев // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения / сост. и ред. В. В. Иваницкий. – Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 1999. – Вып. 2. – С. 71-79.
199. Князев Ю. П. Статичность: основные разновидности и смежные явления / Ю. П. Князев // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике : межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. – С. 162-180.
200. Кобзарева Т. Ю. О структуре денотативного значения предлогов / Т. Ю. Кобзарева, Л. Г. Лахути // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1971. – С.124-139.
201. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 152-162.
202. Кобозева И. М. Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов / И. М. Кобозева // ДИАЛОГ'2000 по компьютерной

- лингвистике и ее приложениям : труды международного семинара. – Москва : Наука, 2000. – С. 155-161.
203. Кодзасов С. В. Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) / С. В. Кодзасов // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 227-238. – ISBN 5-7859-0174-9.
204. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М. Н. Кожина. – Пермь : Пермский университет, 1972. – 395 с.
205. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : Флинта: Наука, 2008. – 464 с. – ISBN 978-5-9765-0256-7.
206. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / М. Н. Кожина. – Москва : Просвещение, 1993. – 224 с.
207. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография / И. Ю. Колесов. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. – 354 с. – ISBN 978-5-88210-433-6.
208. Колупаева А. А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. А. Колупаева. – Тамбов, 2009. – 23 с.
209. Комплексный учебный словарь: лексическая основа русского языка / под ред. В. В. Морковкина. – Москва : АСТ Астрель Транзиткнига, 2004. – 872 с. – ISBN 5-17-020681-X.
210. Коньков В. И. Коммуникативные статусы категории «стиль» / В. И. Коньков // Журналистика в 2017 году : творчество, профессия, индустрия: материалы международной научно-практической конференции. – Москва: МедиаМир, 2018. – С. 201-202.

211. Коньков В. И. Публицистичность, медийность, публицистический стиль / В. И. Коньков // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – С. 50-57.
212. Коньков В. И. Функциональные типы речи : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / В. И. Коньков, О. В. Неупокоева. – Москва : Академия, 2011. – 224 с. – ISBN 978-5-7695-6890-9.
213. Корпусова Е. В. Говорящий и наблюдатель в текстах описания / Е. В. Корпусова // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора филологических наук, профессора О.А. Нечаевой (Улан-Удэ, 13-24 апреля 2004). – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. – С. 42-44.
214. Корпусова Е. В. Особенности говорящего – наблюдателя в художественном тексте (На материале рассказа И. Бунина «Первая любовь») / Е. В. Корпусова // Актуальные проблемы теории текста : межвузовский сборник научных трудов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – Вып. 2. – С. 44-49.
215. Корпусова Е. В. Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи «описание» и «повествование» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Корпусова. – Кемерово, 2003. – 24 с.
216. Корпусова Е. В. Прагматический аспект типов речи «описание» и «повествование» / Е. В. Корпусова // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» / под общ. ред. О. А. Нечаевой. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 216-246

217. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.
218. Костюченкова Н. В. Представление горизонтальной оси «вперед – позади» в когнитивном аспекте (на материале русского, норвежского и английского языков) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Костюченкова. – Великий Новгород, 2004. – 25 с.
219. Котин М. Л. «Царство»: от локального к трансцендентному (История переосмысления в древнегерманских памятниках) / М. Л. Котин // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 329-337. – ISBN 5-7859-0174-9.
220. Кохтев Н. Н. Стилистика реклам / Н. Н. Кохтев. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 91 с.
221. Кошанский Н. Общая риторика / Н. Кошанский. – Санкт-Петербург, 1829. – 131 с.
222. Кошелев А. Д. Еще раз о значении имени существительного / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 38-46. – ISBN 5-7859-0174-9.
223. Кравченко А. В. К проблеме наблюдателя как систематизирующего фактора в языке / А. В. Кравченко // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 3. – С. 45-56.
224. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1996. – 160 с.
225. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

226. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с. – ISBN 5-86793-194-3.
227. Кривченко Е. Л. Классификация предметного мира, отраженная в свойствах лексики / Е. Л. Кривченко. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1998. – 56 с.
228. Крюкова Л. Б. Семантическая организация высказываний слухового и зрительного восприятия в поэзии М. Цветаевой / Л. Б. Крюкова // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст : материалы теоретического семинара «Русский глагол». – Екатеринбург : Изд-во УралГУ, 2004. – С. 126-129.
229. Крюкова Л. Б. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте (на материале поэзии Серебряного века) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. Б. Крюкова. – Томск, 2003. – 203 с.
230. Кубрякова Е. С. Виды пространства, текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – С. 19-20.
231. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения / Е. С. Кубрякова / Когнитивные исследования языка. – Москва : ИЯ РАН ; Тамбов: Тамбовский госуниверситет, 2009. – Вып. IV. – С. 11-24. – ISBN 978-5-89016-442-1.
232. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сборник обзоров. – Москва : РАН. ИНИОН, 2000. – С. 5-13. – ISBN 9785248013395.
233. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д.

- Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92. – ISBN 5-7859-0174-9.
234. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Структура и семантика : доклады VIII международной конференции. – Москва : СпортАкадемПресс, 2001. – Т. 1. – С. 72-81.
235. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – ISBN 5-94457-174-8.
236. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1997. – № 3. – С. 22-31.
237. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А. И. Кузнецова. – Москва : Наука, 1963. – 58 с.
238. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учебное пособие для филологических факультетов университетов / Э. В. Кузнецова. – Москва : Высшая школа, 1982. – 152 с.
239. Кузнецова Э. В. Русская лексика как система : учебное пособие / Э. В. Кузнецова. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1980. – 89 с.
240. Кузьмина Т. Е. Когнитивный аспект поля компаративности / Т. Е. Кузьмина // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (Уфа, ноябрь 1993 г.). – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 1994. – Ч. III. – С. 35-36.
241. Куксова Н. А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. А. Куксова. – Тамбов, 2006. – 168 с.
242. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – Москва : Московский Лицей, 2001. – 470 с. – ISBN 5-7611-0303-6.

243. Курашкина Н. А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских орнитофонов) / Н. А. Курашкина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 806–808.
244. Курашкина Н. А. Семантическое поле «звук» как репрезентация звукофферы в языке (на материале английского, французского и русского языков) / Н. А. Курашкина // Вестник Башкирского университета. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 78–80.
245. Курбанова Н. Ш. Единство пространства и времени в лексике языков различных типологий / Н. Ш. Курбанова // Вестник Университета Российской академии образования. Сер. Филология и журналистика. – 2012. – № 3. – С. 69-72.
246. Курлюта И. Н. Метод семантического поля в диахроническом исследовании языковых единиц / И. Н. Курлюта // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы международного конгресса исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.). – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – С. 137-138.
247. Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. Г. Кыркунова. – Пермь, 2007. – 191 с.
248. Кыркунова Л. Г. Функционально-смысловые типы речи в текстах современных документов / Л. Г. Кыркунова, М. А. Ширинкина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – Вып. 2 : Язык. Литература. Культура. – С. 36-40.
249. Лазариди М. И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект / М. И. Лазариди. – Бишкек : Модэк, 2003. – 312 с. – ISBN 978-5-89395-757-0.

250. Лазариди М. И. Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке / М. И. Лазариди. – Бишкек : Модэк, 2000. – 179 с. – ISBN 9967-410-09-4.
251. Левина В. Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте / В. Н. Левина // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев. – Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – Вып. IV. – С. 398-430.
252. Левонтина И. Б. Родные просторы / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 338-347. – ISBN 5-7859-0174-9.
253. Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов / Л. Б. Лебедева // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 93-97. – ISBN 5-7859-0174-9.
254. Лейбниц Г. Сочинения : в 4 томах / Г. Лейбниц. – Москва, 1982. – Т.1. – 633 с.
255. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. – Москва : Высшая школа, 1976. – 144 с.
256. Лексико-семантические группы русских глаголов : учебный словарь-справочник / под общ. ред. Т. В. Матвеевой. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 153 с.
257. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
258. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл ; Академия, 2004. – 345 с. – ISBN 5-89357-153-3.
259. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2000. – 509 с. – ISBN 5-89357-015-4.
260. Лещинская О. Г. Представление модальностей сенсорного восприятия в народно-разговорной речи города (на материале города Омска) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Г. Лещинская. – Омск, 2008. – 242 с.

261. Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование»: монография / под общ. ред. О. А. Нечаевой. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 380 с. – ISBN 978-5-9793-0357-4.
262. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с. – ISBN 5-85270-031-2.
263. Логинова Е. Г. Вербализация пространственных концептов в семантике языка и текста / Е. Г. Логинова // Текст. Структура и семантика : доклады IX Международной конференции. – Москва : СпортАкадемПресс, 2004. – С. 110-113.
264. Локк Дж. Сочинения в 3 томах / Дж. Локк ; ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин. – Москва : Мысль, 1985. – Т. 2. – 560 с.
265. Лопатин В. В. Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи / В. В. Лопатин // Словарь. Грамматика. Текст : сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва, 1996. – С. 241-254.
266. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев ; под ред. И. А. Василенко. – 2-е изд., стереотипное. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 296 с. – (История лингвофилософской мысли). – ISBN 5-354-00894-8.
267. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва, 1996. – 464 с. – ISBN 5-7859-0006-8.
268. Лотман Ю. М. К проблеме пространственной семиотики / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1986. – Вып. 19. – С. 3-6.
269. Лукьяненко И. Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Н. Лукьяненко. – Калининград, 2004. – 182 с.
270. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 320 с. – ISBN 5-94723-559-5.

271. Лысова О. Ю. Структурно-семантическая организация описательных фрагментов текста : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Ю. Лысова. – Уфа, 1998. – 21 с.
272. Лысякова М. В. Теоретические основы анализа разноуровневых единиц функционально-семантических полей русского языка / М. В. Лысякова // Русский язык: исторические судьбы и современность : Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарповой. – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – С. 15-16.
273. Лыткина О. И. Исследование концепта «пространство» в современной лингвистике / О. И. Лыткина // Филологическая наука в условиях диверсификации образования. – Комсомольск-на-Амуре, 2014. – Т. 1. – С. 71-77.
274. Львов М. Р. От редактора / М. Р. Львов // Типы речи и работа над ними в школе : учебное пособие для студентов. – Красноярск : [б. и.], 1989. – С. 3-4.
275. Любимов Н. М. Образная память (Искусство Бунина) / Н. М. Любимов // И. А. Бунин. Собрание сочинений : в 4 томах / И. А. Бунин. – Москва : Правда, 1988. – Т. 4. – С. 516-539.
276. Лягушкина Н. В. Семантика пространственных предлогов и наречий *позади* и *сзади* / Н. В. Лягушкина // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы : сборник статей. – Москва : РГГУ, 2001. – С. 68-74. – ISBN 5-7281-0381-2.
277. Магомедова Х. М. Функционально-семантический анализ глаголов зрительного восприятия в аварском и русском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Х. М. Магомедова. – Махачкала, 2007. – 159 с.

278. Мазурова Ю. В. Наречия верха и низа в русском языке / Ю. В. Мазурова // Исследования по семантике предлогов : сборник статей. – Москва : Русские словари, 2000. – С. 134-151. – ISBN: 5-93259-001-7.
279. Майоров А. П. Русская разговорная речь Бурятии: лингворегионоведческий аспект : монография / А. П. Майоров, И. Ж. Степанова, Е. В. Зырянова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2018. – 366 с. – ISBN 978-5-9793-1287-3.
280. Майорова О. А. Языковое пространство в междисциплинарном аспекте / О. А. Майорова // Вестник Башкирского университета, 2009. – Вып. 1. – Т. 14. – С. 132-135.
281. Майсак Т. А. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 53-66. – ISBN 5-89847-020-4.
282. Макарова О. В. Лингво-когнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. В. Макарова. – Барнаул, 2007. – 22 с.
283. Макеева С. Г. Особенности изучения глагола в первом классе / С. Г. Макеева // Дошкольное и начальное образование: варьирование подходов в условиях смены образовательных парадигм : материалы международной конференции. «Чтения Ушинского» педагогического факультета ЯГПУ. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2013. – С. 230-235. – ISBN 978-5-87555-927-3.
284. Мальцева О. Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Л. Мальцева. – Тверь, 2004. – 18 с.

285. Маляр Т. Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова. – München : Verlag Otto Sagner, 1998. – Band. 362. – 345 p. – ISBN 3-87690-708-X.
286. Манакова Н. А. Пространство как атрибут пространственно-временного континуума в грамматике (на материале русского и английского языков) / Н. А. Манакова // Современные проблемы науки и образования, 2012. – №6. – URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7656> (дата обращения: 02.06.2021).
287. Мандрикова Г. М. Слово в процессе десемантизации / Г. М. Мандрикова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология, 2015. – Т. 14. – Вып. 2 : Филология. – С. 68-73.
288. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск : «ТетраСистемс», 2005. – 255 с. – ISBN 985-470-333-9.
289. Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст / Т. В. Матвеева // Человек - Текст - Культура. – Екатеринбург : УГУ, 1994. – С. 125-140.
290. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с. – ISBN 6-7525-0138-5.
291. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – Москва : Прогресс, 1996. – С. 95-142.
292. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания (на материале современного английского языка) / Э. М. Медникова. – Москва : Высш. шк., 1974. – 202 с. – (Библиотека филолога).
293. Мельникова Е. В. Перцептивная картина мира И. А. Бродского (лингвокогнитивный аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Мельникова. – Вологда, 2010. – 24 с.

294. Мельчук И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук ; общ. ред. Н. В. Перцова, Е. Н. Савиной. – Москва ; Вена : Языки русской культуры ; Прогресс, 1998. – Том II. – 544 с. – ISBN 5-7859-0021-1.
295. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» / И. А. Мельчук. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – I-XXII. – 346 с. (Сер. «Язык, семиотика, культура»). – ISBN 5-7859-0078-5.
296. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. А. Мещерякова. – Елец, 2011. – 457 с.
297. Миниярова И. М. Коммуникативная и номинативная сферы поля персональности / И. М. Миниярова // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь 1993). – Уфа : Башкирский университет, 1994. – ч. III. – С. 33-35.
298. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер с англ. – Москва : Энергия, 1979. – 152 с.
299. Мисайлова Т. И. Дейксис как актуализация компонентов речевой ситуации и денотативного содержания в повествовательном и описательном художественном текстах : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. И. Мисайлова. – Улан-Удэ, 2005. – 171 с.
300. Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы / О. Д. Митрофанова. – Москва : Изд-во МГУ, 1973. – 149 с.
301. Мифы народов мира. – Москва : Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – 719 с. – ISBN 5-85270-072-X.
302. Мишенькина Е. В. Национально-специфическая характеристика концепта «свет-цвет» в русской и английской лингвокультурной картине мира : диссертация на соискание ученой степени кандидатка филологических наук / Е. В. Мишенькина. – Ярославль, 2006. – 265 с.

303. Моисеева С. А. Функциональный анализ языковых единиц, репрезентирующих осязательное восприятие (на материале русского, английского и французского языков) / С. А. Моисеева, Ж. А. Бубырева // Вестник томского государственного университета. – 2011. – № 342. – С. 20-24.
304. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранного языка) : учебное пособие / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.
305. Москальская О. И. Семантика текста / О. И. Москальская // Вопросы языкознания. – Москва : Наука, 1980. – № 6. – С. 32-42.
306. Муравьева И. А. Локативные серии: словоизменение или словообразование? / И. А. Муравьева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 3. – С. 39-43.
307. Муравьева Н. Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. Ю. Муравьева. – Москва, 2008. – 447 с.
308. Мурзин М. Н. Психолингвистический анализ организации пространственной лексики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. Н. Мурзин. – Москва, 1986. – 20 с.
309. Мухтаруллина А. Р. Взаимодействие уровней субъективно-оценочной модальности в создании лексико-семантического поля иронии / А. Р. Мухтаруллина // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (ноябрь 1993). – Уфа : Башкирский университет, 1994. – ч. III. – С. 30-31.
310. Насибуллина Ф. Ф. Колоративная лексика и ее функционирование в рекламах интерьера (на русском и немецком языках) : диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ф. Ф. Насибуллина. – Казань, 2010. – 238 с.

311. Нестерская Л. А. Анализ лексико-семантической группы прилагательных как лексической микросистемы современного русского языка (прилагательные осязания) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. А. Нестерская. – Москва, 1979. – 182 с.
312. Нечаева О. А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. – 96 с. – ISBN 5-85213-178-4.
313. Нечаева О. А. Соотношение текстовых понятий «сложное синтаксическое целое», «функционально-смысловые типы речи» / О. А. Нечаева // Актуальные проблемы теории текста : межвузовский сборник научных трудов. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 1999. – С. 15-22.
314. Нечаева О. А. Теория функционально-смысловых типов речи / О. А. Нечаева // Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» : монография / под общ. ред. О. А. Нечаевой ; [О. А. Нечаева [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 7-112. – ISBN 978-5-9793-0357-4.
315. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1974. – 261 с.
316. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. А. Нечаева. – Москва, 1975. – 45 с.
317. Николаева Ж. В. Переходные случаи описания по степени временной локализованности признаков / Ж. В. Николаева // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения : межвузовский сборник научных трудов. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2001. – Вып. 2. – С. 49-53. – ISBN 5-85213-772-3.

318. Николаева Ж. В. Ситуативное (моментальное) описание, контаминированное описание и описание-характеристика / Ж.В. Николаева // Актуальные проблемы теории текста : сборник научных трудов – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 1999. – С. 72-78. – ISBN 5-85213-207-1.
319. Николина Н. А. Категория времени в художественной речи : монография / Н. А. Николина. – Москва : Прометей, 2004. – 276 с. – ISBN 5-7042-1412-6.
320. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Н. А. Николина. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с. – ISBN 5-7695-0954-6.
321. Новиков Л. А. Семантическое поле как текстовая структура / Л. А. Новиков // Теория поля в современном языкознании : материалы научно-теоретического семинара. – Уфа : Изд-во Башкирского университета, 1997. – С. 3-6.
322. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон ; под ред. и предисл. Л. С. Полана. – Москва : Наука, 1989. – 687 с.
323. Овчинникова Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. О. Овчинникова. – Калининград, 2009. – 22 с.
324. Огородников В. П. Пространство и время – ощущение, концепция, реальность : учебное пособие / В. П. Огородников. – Санкт-Петербург : Петербургский госуниверситет путей сообщения, 1996. – 46 с.
325. Одинцова М. В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина (аспекты номинации и предикации) : автореферат диссертации на соискание ученой

- степени кандидата филологических наук / М. В. Одинцова. – Москва, 2008. – 27 с.
326. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1986. – 797 с.
327. Оконешникова И. Г. Роль модусов перцепции в организации смыслового и коммуникативного пространства художественного прозаического текста (на материале романов Р. Кинга) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Г. Оконешникова. – Омск, 2009. – 18 с.
328. Омельченко Л. Н. О синтаксической структуре повествовательных и описательных фрагментов текста / Л. Н. Омельченко // Актуальные проблемы теории текста : межвузовский сборник научных трудов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – Вып. 2. – С. 75-89. – ISBN 5-85213-546-1.
329. Омельченко Л. Н. Функционирование неполных двусоставных предложений с незамещенной позицией подлежащего в повествовании и описании : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. Н. Омельченко. – Москва, 1998. – 16 с.
330. Орлова М. А. Семантика глаголов ориентированного положения в пространстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. А. Орлова. – Алма-Ата, 1982. – 24 с.
331. Павленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павленис. – Москва : Мысль, 1983. – 286 с.
332. Павлова И. С. Русские прилагательные, обозначающие тепловое восприятие (в сопоставлении с болгарским и чешским языком) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. С. Павлова. – Ленинград, 1978. – 15 с.

333. Павлова Н. С. Лексика с семой «запах» в языке, речи и тексте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 228 с.
334. Падучева Е. В. Говорящий как наблюдатель: об одной из возможностей приложения лингвистики в поэтике / Е. В. Падучева // Известия РАН Серия литературы и языка, 1993. – Т. 52, № 3. – С. 33-44.
335. Падучева Е. В. Говорящий: субъект речи, субъект сознания / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва : Наука, 1991. – С. 164-168. – ISBN 5020110558.
336. Падучева Е. В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва : Индрик, 2002. – С. 121-136. – ISBN 5-85759-191-0.
337. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 609 с. – ISSN 1726-135X.
338. Падучева Е. В. Русские глаголы восприятия: опыт описания структуры семантического поля / Е. В. Падучева // Русский язык: исторические судьбы и современность : Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарповой. – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – С. 144-146.
339. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с. – ISBN 1726-135X.
340. Панова Л. Г. Пространство в поэтическом мире О. Мандельштама / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 429-439. – ISBN 5-7859-0174-9.

341. Папуша И. С. Потенциал сложного синтаксического целого в современной языковой ситуации / И. С. Папуша // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 2. – С. 188-193.
342. Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / И. С. Папуша. – Москва, 2011. – 46 с.
343. Петров А. В. Суперпарадигма с семантическим инвариантом «запах» в русском языке / А. В. Петров // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. – 2017. – № 1-2. – С. 34-47.
344. Пивоварова О. П. Вербализация категории пространства в семантическом и лингвокультурологическом аспектах (на материале лексем и фразеологизмов русского языка с пространственным значением) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. П. Пивоварова. – Челябинск, 2005. – 193 с.
345. Пинжакова Ю. В. Форма объекта в зеркале русского литературного языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. В. Пинжакова. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.
346. Письмак Т. Г. Лексико-семантические группы стальных глаголов / Т. Г. Письмак // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения / сост. и науч. ред. В. В. Иваницкий. – Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 1997. – Вып 1. – С. 59-62.
347. Платонов К. К. Психология : учебное пособие / К. К. Платонов, Г. Г. Голубов. – Москва : Высшая школа, 1977. – 247 с.
348. Плотникова А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 2009. – 38 с.

349. Плу́нган В. А. К семантике русского локатива («второго предложного» падежа) / В. А. Плу́нган // Семиотика и информатика : сборник научных статей. – Москва : Языки русской культуры ; Русские словари, 2002. – Вып. 37. – С. 229-254.
350. Плу́нган В. А. К типологии глагольной ориентации / В. А. Плу́нган // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 205-223.
351. Плу́нган В. А. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог *под* / В. А. Плу́нган, Е. В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов : сборник статей. – Москва : Русские словари, 2000. – С. 115-133. – ISBN 5-93259-001-7.
352. Плу́нган В. А. Предисловие: Дискурс и грамматика / В. А. Плу́нган // Исследования по теории грамматики / ред. В. А. Плу́нган (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. – Москва : Гнозис, 2008. – Вып. 4 : Грамматические категории в дискурсе. – С. 7-36.
353. Подлесская В. И. «Лицом к лицу» / В. И. Подлесская, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 98-107. – ISBN 5-7859-0174-9.
354. Полежаева Ж. Ю. Лексико-семантическая характеристика статальных глаголов / Ж. Ю. Полежаева // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения / сост. и науч. ред. В. В. Иваницкий. – Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 1997. – Вып. 1. – С. 62-67.
355. Полежаева Ж. Ю. Типология классификации глагольной лексики / Ж. Ю. Полежаева // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения / сост. и науч. ред. В. В. Иваницкий. – Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 1999. – Вып. 2. – С. 134-140.

356. Попов А. Ю. Основные отличия текста от дискурса / А. Ю. Попов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 38-45.
357. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : Восток – Запад, 2007. – 314 с. – ISBN: 978-5-17-045103-6.
358. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки , 2006. – 226 с.
359. Попова М. И. Языковые средства включения / исключения объекта описания из перцептуального пространства говорящего / М. И. Попова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. – Т. 14, № 2. – С. 40-48.
360. Попова Т. И. Нарратив и повествование: соотношение понятий / Т. И. Попова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – Вып. 2 : Язык. Литература. Культура. – С. 46-50.
361. Поспелов Н. С. Из наблюдений над синтаксисом языка Пушкина. Бессоюзные сочетания предложений в пушкинской прозе / Н. С. Поспелов // Материалы и исследования по истории русского языка. – Москва, 1953. – Т. 3. – С. 176-199.
362. Поспелова М. С. Идеографическое структурирование семантического поля «покрытие» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. С. Поспелова. – Волгоград, 2000. – 25 с.
363. Потемкин В. К. Пространство в структуре мира / В. К. Потемкин, А. Л. Симанов. – Новосибирск : Наука, 1990. –174 с. – ISBN 5-02-029604-Х.
364. Правила описания человека по методу словесного портрета. – URL : <http://www.kriminalisty.ru> (дата обращения 05.06.2019).

365. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 478 с. ISBN 5-02-026996-4.
366. Пронина О. А. Ситуация местонахождения и средства ее выражения в предложении / О. А. Пронина // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой, И. Г. Милославского. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – С. 95-105.
367. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп ; Гос. ин-т истории искусств. – Ленинград : Academia, 1928. – 152 с.
368. Пространство картины : сборник статей / сост. Н. О. Тамручи. – Москва : Сов. художник, 1989. – 366 с. – ISBN 5-269-00130-6.
369. Пространство спектакля и театральное пространство : сборник статей / сост. А. Г. Лупандина. – Москва, 1984. – 40 с.
370. Пространство цвета. Художники советского кино : сборник статей / сост. В. Бондарев. – Москва : Союз кинематографистов СССР, 1988. – 208 с .
371. Протопопова О. В. Принципы выделения и классификации функционально-смысловых типов речи в научных текстах / О. В. Протопопова // Стилистика текста в коммуникативном аспекте : межвузовский сборник научных трудов. – Пермь : Пермский университет, 1987. – С. 78-84.
372. Пупынина Е. В. Лингвистика пространства / Е. В. Пупынина // STUDIA LINGUISTICA : сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Политехника-сервис, 2013. – Вып. XXII : Язык. Текст. Дискурс: Современные аспекты исследований. – С. 61-69. – ISBN 978-5-906078-80-3.
373. Путрова М. Д. Язык, пространство и гендер / М. Д. Путрова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 77-82.

374. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб ; Республика, 2000. – 464 с. – ISBN 5-300-02904-1.
375. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – Вып. 36. – Москва, 1998. – С. 274-323.
376. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. В. Рахилина. – Москва, 1999. – 41 с.
377. Рахилина Е. В. Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* / Е. В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 69-80.
378. Рачеева Т. В. Методика работы над функционально-смысловыми типами речи в научном и публицистическом тексте в военном ВУЗе гуманитарного профиля : диссертация на соискания ученой степени кандидата педагогических наук / Т. В. Рачеева. – Москва, 1999. – 195 с.
379. Реброва И. В. Фреймовая модель в функционально-семантическом типе речи 'описание пространства': типологическая универсальность текста и жанрово-стилевые проявления / И. В. Реброва // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы : материалы докладов и сообщений XXII международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. – С. 174-178.
380. Реброва И. В. Функционально-смысловой тип речи описание пространства в публицистическом тексте (типологическая универсальность и жанрово-стилевые проявления) / И. В. Реброва // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – 2017. – № 28. – С. 93-103.
381. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени / Г. Рехенбах. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.

382. Рогова К. А. Структурная организация описания как функционально-смыслового типа речи // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – Вып. 2 : Язык. Литература. Культура. – С. 51-56.
383. Рогова К. А. Текстовые фрагменты описание в произведениях И. С. Тургенева // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко : сборник научных статей / под ред. проф. В. Д. Черняк. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 115-121. – ISBN 978-5-8064-2772-5.
384. Рогожин М. Ю. Документы делового общения / М. Ю. Рогожин. – Москва : Рус. дел. лит., 1999. – 208 с.
385. Розина Р. И. О некоторых производных значениях глаголов перемещения в русском языке / Р. И. Розина // Московский лингвистический журнал. – 1996. – Т. 2. – С. 352-360.
386. Рудяков А. Н. Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология: учебное пособие / А. Н. Рудяков. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 312 с. – ISBN: 978-5-9765-1625-0.
387. Рудяков А. Н. Функциональные основы интерпретации художественного текста / А. Н. Рудяков // Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе : сборник трудов III Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, профессора Г.Н. Приступы / науч.ред. О.А. Скрябина. – Рязань : Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, ООО «Издательство «Концепция», 2018. – С. 115-121.
388. Русакова Н. В. Темпоральные (лексические) и референциальные свойства текста типа «описание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Русакова. – Улан-Удэ, 2006. – 164 с.

389. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 2007. – Том IV. – 924 с. – ISBN 5-88744-008-2.
390. Рябова В. Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция (на материале произведений А. П. Чехова) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. Н. Рябова. – Тамбов, 2002. – 196 с.
391. Савинова Е. К. Ономаσιологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. К. Савинова. – Москва, 1989. – 20 с.
392. Саевич С. Т. Локативно-валентные глаголы в системе средств выражения пространственных отношений в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. Т. Саевич. – Ленинград, 1986. – 16 с.
393. Самусев Р. П. Атлас анатомии человека : учебное пособие / Р. П. Самусев, В. Я. Липченко. – Москва : Оникс 21 век ; Мир и Образование, 2004. – 704 с. – ISBN 5-329-00464-0 ; ISBN 5-94666-012-8.
394. Селиверстова О. Н. Семантическая структура предлога *на* / О. Н. Селиверстова // Исследования по семантике предлогов : сборник статей. – Москва : Русские словари, 2000. – С. 189-242. – ISBN: 5-93259-001-7.
395. Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке / О. Н. Селиверстова // Категории бытия и обладания в языке / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. – Москва : Наука, 1977. – С. 5-67.
396. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстовой. – Москва : Наука, 1982. – 365 с.

397. Семенова С. Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров / С. Ю. Семенова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 117-126. – ISBN: 5-7859-0174-9.
398. Семенова С. Ю. Параметрические имена с нестандартной актантной структурой / С. Ю. Семенова // Московский лингвистический журнал. – 1996. – Т. 2. – С. 371-379.
399. Семенова С. Ю. Русская номинативная лексика как инструмент изучения зрительных образов / С. Ю. Семенова // Труды международной конференции «Диалог-2002». – URL : <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/seменова/> (дата обращения 06.05.2017).
400. Серикова Л. В. Портрет персонажа в прозе В. М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. В. Серикова. – Бийск, 2004. – 153 с.
401. Сидорова Е. Ю. Грамматические тенденции и закономерности употребления глагольных слов и значений в русской разговорной речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. Ю. Сидорова. – Санкт-Петербург, 2016. – 152 с.
402. Сидорова М. А. Публицистический вариант речевого жанра «портрет человека» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. А. Сидорова. – Барнаул, 2005. – 20 с.
403. Силиванец А. В. Структура семантического поля «черты характера человека» / А. В. Силиванец // Теория поля в современном языкознании : тезисы докладов научно-теоретического семинара (Уфа. ноябрь, 1993 г.). – Уфа : Башкирский университет, 1994. – Ч. III. – С. 76-78.
404. Симонян Т. А. Семантика пространственных атрибутов в свете когнитивного подхода (прилагательные с параметром высоты) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. А. Симонян. – Москва, 2001. – 184 с.

405. Синтаксис русского языка: традиционное и новое : монография / М. Н. Кулаковский, Е. Н. Лагузова, М. А. Смирнова, А. П. Ушакова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – 159 с. – ISBN 978-5-00089-431-6.
406. Сиротинина О. Б. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы) / О. Б. Сиротинина // Вопросы социальной лингвистики. – Ленинград : Наука, 1969. – С. 373-391.
407. Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург : УГУ, 1994. – С. 105-124.
408. Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1987. – 144 с.
409. Сковородников А. П. Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка : пособие для спецкурса / А. П. Сковородников. – Красноярск : Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 1978. – 95 с.
410. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во СГУ, 1985. – 210 с.
411. Скрынникова И. В. Формирование пространственных представлений в языке / И. В. Скрынникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 153-155.
412. Слободян Е. А. Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия (на материале русского, польского и английского языков) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Слободян. – Уфа, 2007. – 24 с.
413. Словарь современного русского города / авт.-сост. Б. И. Осипов, Н. А. Гайдамак, Н. А. Имедадзе [и др.] ; под ред. Б. И. Осипова. – Москва :

- Русские словари ; Астрель ; АСТ ; Транзиткнига, 2003. – 565 с. – ISBN 5-17-020014-5.
414. Смиренский В. Б. Модели сюжетных структур и нарративного интеллекта / В. Б. Смиренский // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сборник обзоров / РАН. ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания ; отв. ред. С. А. Ромашко. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – С. 181-211. – (Сер.: Теория и история языкознания).
415. Смирнова С. И. Реализация иронии в констатирующих текстах «описание» и «повествование» (на материале русскоязычного текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и англоязычного текста романа Ч. Диккенса «Домби и сын») : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. И. Смирнова. – Улан-Удэ, 2014. – 212 с.
416. Смородинова Ю. И. Семантическая эволюция глаголов пространственного перемещения современного английского языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. И. Смородинова. – Белгород, 2008. – 181 с.
417. Современный русский язык : учебник для филологических специальностей высших учебных заведений / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 928 с. – ISBN: 5-89285-005-6.
418. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2006. – 959 с. – ISBN 5-7711-0103-6.
419. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. – Москва : Высшая школа, 1983. – 228 с.
420. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина ; ред., пер., ввод. ст., примеч. Н. А. Слюсаревой, послесл. Р. Энглера. – Москва : ЛОГОС, 1999. – 236 с. – ISBN 5-8163-0005-9.

421. Спенсер Г. Классификация наук / Г. Спенсер ; пер. с англ. Н. Н. Спиридонова. – Москва : Вузовская книга, 2001. – 92 с. – ISBN 5895221300.
422. Степанов В. Н. От субъектной перспективы к субъектной навигации текста / В. Н. Степанов, Ю. Н. Варфоломеева // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 2.
423. Степанов В. Н. Прагматика спонтанной телевизионной речи : монография / В. Н. Степанов. – Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2008. – 248 с. – ISBN 5-93002-177-5.
424. Степанов В. Н. Суггестия и механизмы ее реализации в рекламном тексте: ритм и синестезия / В. Н. Степанов, Е. А. Чибисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия. Филология. – 2013. – Вып. 1. – С. 206-214.
425. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1981. – 361 с.
426. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Изд-во «Флинта» ; «Наука», 2011. – 696 с. – ISBN 978-5-89349-342-9.
427. Суворова Н. Н. Функциональный аспект рекламного стиля (на примерах рекламы г. Омска) / Н. Н. Суворова // Омский научный вестник. – 2013. – № 4 (121). – С. 138-140.
428. Сухоцкая Е. Б. Мотив «зрение» в текстах метафористов / Е. Б. Сухоцкая // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 4. – С. 81-84.
429. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 408 с. – ISBN 978-5-9551-0386-0.
430. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 229 с.

431. Токарева Т. Е. Лексико-семантическая группа прилагательных, обозначающих температуру, в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. Е. Токарева. – Москва, 1976. – 28 с.
432. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под редакцией Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
433. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – Москва : Наука, 1983. – С. 227-284.
434. Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка / В. М. Топорова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 1999. – 174 с. – ISBN 5-88242-146-2.
435. Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. М. Топорова. – Воронеж, 2000. – 303 с.
436. Трофимова А. В. Особенности семантики русских позиционных глаголов / А.В. Трофимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. – Ч. II, № 2 (44). – С. 195-198.
437. Трошева Т. Б. Описание / Т. Б. Трошева // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) : словарь-справочник / Сибирский федеральный университет ; под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е изд. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 363-364. – ISBN 978-5-7638-3042-2.
438. Трошева Т. Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII - XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т. Б. Трошева. – Пермь, 2000. – 329 с.

439. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: структура и семантика : учебное пособие для педагогических институтов по специальности № 2103 «Иностранные языки». – Москва : Просвещение, 1986. – 126 с.
440. Тханг Ли Тоан. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского языка) / Ли Тоан Тханг ; под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : ИЯ РАН, 1993. – 193 с.
441. Тханг Ли Тоан. «Форма» и «размер» и «расположение объекта» в познании и в языке (на материале вьетнамского языка) / Ли Тоан Тханг // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С.106-117.
442. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с. – ISBN 5-94457-123-3.
443. Усманов Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики: на материале прилагательных, обозначающих "общий размер": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. Ш. Усманов. – Уфа, 2009. – 258 с.
444. Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. А. Успенский. – Москва : Искусство, 1970. – 256 с.
445. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1968. – 272 с.
446. Федоров В. В. Проблема восприятия и символического значения пространства / В. В. Федоров. – Тверь : ТОТ, 1997. – 54 с.
447. Федосеева Л. Н. Восприятие пространства и его отражение в языке / Л. Н. Федосеева // Русская речь. – 2013. – № 2. – С. 66-70.
448. Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. Н. Федосеева. – Москва, 2013. – 43 с.

449. Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. Н. Федосеева. – Москва, 2013. – 450 с.
450. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Очерки по теории языкознания. – Москва : Наука, 1982. – С. 229-239.
451. Филиппенко М. В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) / М. В. Филиппенко // Исследования по семантике предлогов : сборник статей. – Москва : Русские словари, 2000. – С. 12-54. – ISBN: 5-93259-001-7.
452. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Москва : Политидат, 1986. – 590 с.
453. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
454. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – Москва : Прогресс, 1993. – 324 с.
455. Фролова О. Е. Пространство повествовательного художественного текста / О. Е. Фролова // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы : сборник статей. – Москва : РГГУ, 2001. – С. 144-166. – ISBN 9785728103813.
456. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / под. общ. ред. К. А. Роговой. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. – 320 с. – ISBN 978-5-86547-951-2.
457. Хазагеров Г. Г. Изобразительная речь по развитию навыков описания и повествования : учебное пособие / Г. Г. Хазагеров. – Москва : Флинта, 2020. – 228 с. – ISBN 978-5-9765-4083-5.
458. Хайтова М. Э. Бытийные предложения в публицистическом стиле : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. Э. Хайтова. – Москва, 1996. – 22 с.

459. Хамаганова В. М. Глагольное видо-временное и лексическое выражение синхронности в описании как типе речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. М. Хамаганова. – Москва, 1979. – 217 с.
460. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семантики и онтологии) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. М. Хамаганова. – Москва, 2002. – 43 с.
461. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семантики и онтологии) : диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. М. Хамаганова. – Москва, 2002. – 332 с.
462. Хандархаева И. Ю. Функционирование глаголов прошедшего времени совершенного вида в перфектном и аористическом употреблении в темпоральном типе речи (описании, повествовании) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Ю. Хандархаева. – Красноярск, 1999. – 24 с.
463. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – Москва : Либроком, 2012. – 216 с. – ISBN 978-5-397-02316-0.
464. Харшиладзе Н. Семантические модификации глаголов движения и однокоренных с ними глаголов (на примере учебно-научных текстов) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. Харшиладзе. – Москва, 2006. – 24 с.
465. Харькова Е. В. Общее и различное в структуре тематического поля (на примере поля «ландшафт» в русском и английском языках) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Харькова. – Казань, 2003. – 222 с.
466. Цегельник И. Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитивно-функциональный подход: когнитивно-функциональный

- подход : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. Е. Цегельник. – Ростов-на-Дону, 2007. – 157 с.
467. Цурикова Л. В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике / Л. В. Цурикова // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 128-157.
468. Чебанов С. В. Описание и повествование в беллетристике и non-fiction / С. В. Чебанов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019. – № 4 (63). – С. 98-103.
469. Чебанов С. В. Семиотика описательных текстов: Типологический аспект / С. В. Чебанов, Г. Я. Мартыненко. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – 424 с.
470. Чернейко Л. О. Зрение и знание наблюдателя в пейзажных фрагментах текста / Л. О. Чернейко // Научные доклады филологического факультета. – Москва : МГУ, 2000. – Вып. 4. – С. 112-120.
471. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, 2002. – С. 230-232. – ISBN 5-88006-272-4.
472. Чигашева М. А. [Когнитивный аспект семантического поля](#) / М. А. Чигашева // [Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения](#) : Третий межвузовский семинар по лингвострановедению. – Москва : Изд-во «МГИМО-Университет», 2006. – С. 79-84.
473. Чигашева М. А. [Семантическое поле и когнитивная лингвистика](#) / М. А. Чигашева // [Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения](#) : материалы Международной научной конференции. – Москва ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов», 2006. – С. 121-125. – ISBN 5-209-00937-8.
474. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования / А. А. Чувакин. – Барнаул :

- Алтайский государственный университет, 1995. – 126 с. – ISBN 5-230-29792-1.
475. Чугунекова А. Н. Категория пространства в хакасском языке (в сравнительно-типологическом аспекте) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. Н. Чугунекова. – Абакан, 2016. – 345 с.
476. Чумирова В. Е. Тактические приемы моделирования пространства в художественном тексте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. Е. Чумирова. – Москва, 2005. – 176 с.
477. Шамне Н. Л. Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках / Н. Л. Шамне // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние / науч. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. – С. 151-163.
478. Шатуновский И. Б. Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языки динамического мира / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. – Дубна : Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 232-243. – ISBN: 5-89847-020-4.
479. Шведова Н. Ю. Три заметки о смысловых пересечениях / Н. Ю. Шведова // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура : сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 242-255. – ISBN 5-94457-168-3.
480. Шемякин Ф. Н. Некоторые актуальные проблемы исследования пространственных восприятий и представлений / Ф. Н. Шемякин // Восприятие пространства и времени / под. ред. Б. Г. Ананьева, Э. Ш. Айрапетьянц. – Ленинград : Наука, 1969. – С. 32-35.
481. Шенделева Е. А. Полевой подход к анализу образного строя языка: модели лингвистической интерпретации / Е. А. Шенделева // Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы

- Международного конгресса исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001 г.) / под общ. ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарповой. – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – С. 22-23.
482. Шендельс Е. И. Некоторые принципы преподавания грамматики / Е. И. Шендельс // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 1. – С. 3-7.
483. Шеррингтон Ч. Интегративная деятельность нервной системы / Ч. Шеррингтон. – Ленинград : Наука, 1969. – 390 с.
484. Шкиль С. В. Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилиях И.А. Бунина и М.А. Кузмина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. В. Шкиль. – Петрозаводск, 2005. – 291 с.
485. Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования / Е. Н. Ширяев // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. – Москва : Наука, 1982. – С. 34-42.
486. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. – ISBN 5-94457-074-1.
487. Шмелев А. Д. Типы «невывраженных валентностей» / А. Д. Шмелев // Семиотика и информатика : сборник научных статей. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – Вып. 36. – С. 167-176. – ISBN 0135-8537.
488. Шмелев А. Д. «Широта русской души» / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 357-367. – ISBN 5-7859-0174-9.
489. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1977. – 168 с.
490. Шмелева Т. В. Модальность и модус / Т. В. Шмелева // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сборник научных трудов / ред.

- С. С. Ваулина. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2008. – С. 140-151. – ISBN 978-5-88874-892-3.
491. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 1988. – 54 с.
492. Шмелева Т. В. Хронотоп медиатекста / Т. В. Шмелева // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : сборник материалов международного научного форума. В 2-х томах / отв. ред. В. В. Васильева. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. – С. 278-279.
493. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – ISBN 5-94457-082-2. – (Studia philologica).
494. Шокуева М. К. Вербализация пространства и времени с позиции наблюдателя (на материале английского, русского и кабардинского языков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. К. Шокуева. – Нальчик, 2006. – 179 с.
495. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1979. – 136 с.
496. Штукарева Е. В. Семантическая структура бесприставочных глаголов движения и ее модификации в современном русском языке / Е. В. Штукарева // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: история и современное состояние / науч. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. – С. 289-302.
497. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – Москва : Наука, 1974. – 255 с.
498. Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска) : хрестоматия / А. А. Юнаковская. –

- Москва : Языки славянских культур, 2007. – 168 с. – ISSN 1726-135X ; ISBN 5-9551-0191-8.
499. Яковлева Е.Е. Выражение категории пространства в современном русском языке (на примере художественных произведений С.Н. Сергеева-Ценского) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. Е. Яковлева. – Тамбов, 2003. – 204 с.
500. Яковлева Е. С. О некоторых моделях в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 48-62.
501. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва : Языки славянской культуры, 1994. – 343 с.
502. Angeles P. A. The harper Collins dictionary of philosophy / P. A. Angeles. – New York : Harper Perennial, 1992. – 343 p.
503. Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology / E. E. Boesch. – Berlin : Springel-Verlag, 1991. – 380 p.
504. Functional Features in Language and Space: Insights from Perception, Categorization, and Development / Ed. by L. Carlson, E. van der Zee. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 400 p.
505. Jackendoff R. Semantics and Cognition / R. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1983. – 283 p.
506. Järvilehto T. Theory of the Organism – Environment System: I. Description of the Theory / T. Järvilehto // Integrative Physiological and Behavioral Sciences, October-December. – 1998. – Vol. 33. – No. 4. – P. 321-334.
507. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar : In 2 vls. / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – Vol.1: Theoretical. – 614 p.
508. Levinson S. C. Space in language and cognition. Explorations in cognitive diversity (Language, Culture and Cognition) / S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 414 p. – ISSN 978-0521011969.

509. Lintvelt Jaap. Essai de typologie narrative. Le «point de vue». Théorie et analyse / Lintvelt Jaap. – Paris, 1981. – 315 p.
510. Porzig W. W. Wesenhafte Bedeutungsbesichungen / W. W. Porzig // Beitrage zur Geschichte der deutsche Sprache und Literatur. – 1934. – Vol. 58, Jan 1. – P. 70-97.
511. Rimmon(-Kenan) Shlomith. Narrative Fiction. Contemporary Poetics / Rimmon(-Kenan) Shlomith. – London, 1983. – 208 p.
512. Talmy L. How language structures space / L.Talmy // Spatial orientation: Theory, research, and application / H. L. Pick, Jr., L. P. Acredolo (eds). – New York ; London : Plenum Press, 1983. – P. 225-282.
513. Talmy L. The windowing of attention in language / L.Talmy // Grammatical constructions: Their form and meaning / M. Shibatani and S. Thompson (Eds.). – Oxford, 1996. – P. 235–287.
514. The Spatial Foundations of Language and Cognition / Ed. by K. S. Mix, L. B. Smith, M. Gasser. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 328 p.
515. Trier J. Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes / J. Trier. – Heidelberg : Winter, 1973. – 347 p.
516. Varfolomeeva Yu. N. Model properties of the text (on the basis of political image texts of Buryatia / Yu. N.Varfolomeeva, A. V. Kuzmin, E. I. Kharanutova // Journal of Language and Literature, 2016. – Vol. 7, № 3. – P. 133-136.

Список источников

1. Автосцепка СА-3: назначение, характеристика, конструкция. – URL : <http://www.trportal.ru> (дата обращения 30.04.2021).
2. Аксенов В. П. Звездный билет / В. П. Аксенов. – Москва : Эксмо, 2012 а. – 285 с. – ISBN 978-5-699-55470-6.
3. Аксенов В. П. Пора, мой друг, пора : роман / В. П. Аксенов. – Москва : Эксмо, 2012 б. – 316 с. – ISBN 978-5-699-55641-0.
4. Алешин С. И. «Встречи на грешной земле» и другое / С. И. Алешин. – Тверь : Альба, 1995. – 316 с. – ISBN 5-87381-016-8.
5. Алешковский П. М. Седьмой чемоданчик : повести и рассказы / П. М. Алешковский. – Москва : Вагриус, 1999. – 302 с. – ISBN 5-264-00098-0.
6. Анализ картины «Девочка с персиками». – URL : <https://www.https://studwood.ru> (дата обращения 30.04.2021).
7. Анненков Ю. П. Повесть о пустяках / Ю. П. Анненков (Б. Темиряев). – Санкт-Петербург : Лимбах, 2001. – 573с. – ISBN 978-5-89059-003-0.
8. Арцыбашев М. П. Жена / М. П. Арцыбашев. – URL : <http://poesias.ru/proza/mihail-arcybashev/> (дата обращения 30.04.2021).
9. Ахмедов Р. Б. Промельки: повесть / Р. Б. Ахмедов. – Уфа: КИТАП им. Зайнаб Бишевой, 2011. – 653 с. – ISBN 978-5-295-05355-9.
10. Байкал: природа и люди: энциклопедический справочник / Байкальский институт природопользования СО РАН; отв. ред. А.К. Тулохонов. – Улан-Удэ : ЭКОС : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 608 с. – ISBN 978-5-7925-0306-9.
11. Бакланов Г. Я. Мой генерал : повести и рассказы / Г. Я. Бакланов. – Москва : Вагриус, 2000. – 412 с. – ISBN 5-264-00189-8.
12. Белоусов М. В. БАМ, до востребования... / М. В. Белоусов. – Ленинград : Лениздат, 1981. – 96 с.
13. Белый А. Северная симфония / А. Белый. – URL : <https://www.litres.ru> (дата обращения 30.04.2021).

14. Беляев А. Р. Чудесное око: науч.-фантастич. повесть / А.Р. Беляев. – Тюмень : Книжное изд-во, 1963. – 151 с.
15. Беляев В. П. Старая крепость / В. П. Беляев. – Владивосток : Дальневосточное книжное изд-во, 1988 – 395 с.
16. Биль В. Как падал метеорит / В. Биль, И. Максимов // Российская газета – URL : <https://rg.ru/2013/02/15/hronika-site.html> (дата обращения 30.04.2021).
17. Бондарев Ю. В. Горячий снег: роман / Ю. В. Бондарев. – Москва : АСТ : Астрель, 2006. – 413 с. – ISBN 5-17-033627-6.
18. Букша К. С. Завод «Свобода» / К. С. Букша. – Москва : ОГИ, 2014. – 238 с.
19. Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита . – Ленинград: Художественная литература. Ленингр. отделение, 1978. – 813 с.
20. Бунин И. А. Захар Воробьев. Веселый двор. Забота. Суходол / И.А. Бунин // Полное собрание сочинений в 13 томах. Том 03. – Москва : Воскресенье, 2005. – 513 с. – ISBN 5-88528-482-2.
21. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Митина любовь. Деревня / И.А. Бунин // Полное собрание стихотворений, романов и повестей в одном томе / И. А. Бунин. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1181 с. – ISBN 978-5-9922-2611-9.
22. Бунин И. А. На хуторе. Перевал. Учитель / И.А. Бунин // Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. / И. А. Бунин. – Москва: Художественная литература, 1987. – 510 с.
23. Бурдж-Халифа. – URL : [https:// www.aerotour.ru](https://www.aerotour.ru) (дата обращения 30.04.2021).
24. Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV-XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / М. Е. Бычкова – Москва: Квадрига, 2012. – 366 с. – ISBN 978-5-91791-080-2.

25. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие... В списках не значился / Б. Л. Васильев. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1978. – 384 с.
26. В Дубае потушили пожар в небоскребе Torch Tower // Аргументы и факты. – URL : <https://aif.ru> (дата обращения 30.04.2021).
27. Вербицкая А. Ключи счастья / А. Вербицкая (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
28. Вересаев В. В. Избранное / В. В. Вересаев. – Москва: Гослитиздат, 1944. – 380 с.
29. Веригин К. М. Благоуханность: Воспоминания парфюмера / К.М. Веригин. – Москва : КЛЕОграф, 1996. –223 с. – ISBN 5-900583-16-3.
30. Внимание! Розыск несовершеннолетней. – URL : <https://www.03.mvd.rf> (дата обращения 30.06.2019).
31. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) – URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.05.2021).
32. Водолазкин Е. Лавр / Е. Водолазкин. – Москва : Астрель, 2012 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
33. Волос А. Г. Недвижимость: роман / А. Г. Волос. – Москва: Вагриус, 2001. – 315 с. – ISBN 5-264-00614-8.
34. Воронцов-Вельяминов Б.А. Астрономия / Б.А. Воронцов-Вельяминов. – Москва: Просвещение, 1966. – 160 с.
35. Врочек Ш. Вампир в законе // Шимун Врочек. Сержанту никто не звонит. – Москва : Армада: Изд-во Альфа-книга, 2006. – 405 с. – ISBN 5-93556-674-5.
36. Генеральный план Муниципального образования «Город Северобайкальск» (2009). – URL : <https://egov-buryatia.ru> (дата обращения 04.05.2019).
37. Генеральный план Ульканского муниципального образования (городского поселения) Казачинско-Ленского района Иркутской области. – URL : <http://admulkan.ru> (дата обращения 04.05.2019).

38. Гладов О. Любовь стратегического назначения / О. Гладов. – Санкт-Петербург : Азбука, 2011. – 316 с. – ISBN 978-5-389-01356-8.
39. Гоголь Н. В. Мертвые души. Шинель. Ревизор / Н. В. Гоголь. – Москва : Правда, 1977. – 359 с.
40. Гончар А. Спасти, во что бы то ни стало! (Прапор 5) / А. Гончар. – URL : <http://окорка.ru> (дата обращения 04.05.2021).
41. Гончаров И. А. Обыкновенная история / И. А. Гончаров. – Москва: Гослитиздат, 1960. – 312 с.
42. Горький М. Собрание сочинений : В 16 т. / М. Горький; сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. – Москва: Правда, 1979. – Т. 6 : Жизнь Матвея Кожемякина, 1979. – 496 с.
43. Горький М. Собрание сочинений : В 16 т. / М. Горький; сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. – Москва: Правда, 1979. – Т. 10 : Дело Артамоновых, 1979. – 384 с.
44. Горький М. Собрание сочинений : В 16 т. / М. Горький; сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. – Москва: Правда, 1979. – Т.11-14 : Жизнь Клима Самгина, 1979.
45. Григорович Д. В. Петербургские шарманщики и другие рассказы / Д. Григорович. – Москва: Гослитиздат, 1960. – 163 с.
46. Дмитриевский Ю. Д. Озера Африки / Ю. Д. Дмитриевский, И. Н. Олейников. – Ленинград: Гидрометеиздат, 1979. – 184 с.
47. Довлатов С. Д. Чемодан: рассказы / С. Д. Довлатов. – Санкт-Петербург: Азбука, 2001. – 123 с. – ISBN 5-267-00560-6.
48. Догель В.А. Зоология беспозвоночных / В. А. Догель: учебник для ун-тов / Под ред. проф. Ю. И. Полянского – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Высш. школа, 1981. – 606 с.
49. Дозорцева Ж. Звучащие полотна Карла Брюллова / Ж. Дозорцева // Наука и жизнь, 2008 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).

50. Дом жилой с торговой лавкой купца Я.А. Немчинова. – URL : <https://www.ulan-ude-eg.ru> (дата обращения 30.06.2019).
51. Домбровский Ю. Обезьяна приходит за своим черепом. Факультет ненужных вещей. Хранитель древностей / Ю. О. Домбровский // Собр. соч. : в 6 т. Т.2, 4, 5. – Москва: Терра, 1992 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
52. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Москва : Просвещение, 1983. – 480 с.
53. Дудинцев В. Д. Не хлебом единым / В. Д. Дудинцев. – Москва : Художественная литература, 1968. – 408 с.
54. Дьяконов И. М. Книга воспоминаний / И. М. Дьяконов. – Санкт-Петербург : Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995. – 765 с. – ISBN 5-85733-042-4.
55. Дяченко М. Ю. Магам можно все / М. Дяченко, С. Дяченко. – Москва : Эксмо, 2017. – 444 с. – ISBN 978-5-699-96993-7.
56. Екимов Б. П. Проснется день / Б. П. Екимов. – Волгоград: Издатель, 2013. – 414 с. – ISBN 978-5-9233-1008-5.
57. Земля Пензенская. – URL : <http://www.penzagen.ru> (дата обращения 30.06.2019).
58. Иванов А. В. Комьюнити / А. В. Иванов. – Москва : АСТ, 2016. – 382 с. – ISBN 978-5-17-098091-8.
59. Ильина Н. И. Дороги и судьбы / Н. И. Ильина. – Москва : Советская Россия, 1988. – 592 с. – ISBN 5-268-00563-4
60. Иличевский А. В. Перс / А. В. Иличевский. – Москва : Астрель, 2012. – 638 с. – ISBN 978-5-271-41043-7.
61. Искандер Ф. Чик чтит обычаи / Ф. Искандер // Собр. соч.: В 6 т. – М., 1997 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
62. Испытание трассой: Бурят. участок БАМа: Сборник / Редкол.: К.Н. Балков и др. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1978. – 189 с.

63. Калашников И. К. Не поле перейти... – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 288 с. – ISBN 5-7925-0048-7.
64. Калашников И. К. Разрыв-трава (роман) / И. К. Калашников. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1977. – 560 с.
65. Калашников И. К. Сашка / И. К. Калашников // Рассказы писателей Бурят-Монголии / Сост.: Ц. Жимбиев. – Удан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1956. – 161 с.
66. Камолов, 2006 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
67. Краснов П. Н. Ложь / П. Н. Краснов. – Москва : Алгоритм, 2013. – 365 с. – ISBN 978-5-4438-0368-5.
68. Крейд В. Георгий Иванов в Йере / В. Крейд // Звезда, 2003 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (30.06.2019).
69. Куприн А. И. Повести и рассказы / А. И. Куприн. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978. – 432 с.
70. Куприн А. И. Суламифь / А. И. Куприн. – Свердловск : Сред.-Урал. книжное изд-во, 1989. – 268 с. – ISBN 5-7529-0142-1.
71. Лагин Л. И. Старик Хоттабыч / Л. И. Лагин. – Москва ; Астрель : Оникс, 1998. – 378 с. – ISBN 5-8161-0072-6.
72. Лейкин Н. А. У гор. / Шуты гороховые. Повести. Рассказы / Н. А. Лейкин. – Москва : Русская книга, 1992. – URL : <http://az.lib.ru> (дата обращения 30.04.2021).
73. Ленинградский проспект – Ленинградское шоссе. Реконструкция транспортной развязки с МКАД: проектная документация. – Москва, 2010. – URL : <http://www.mosinzhproekt.ru> (дата обращения 30.04.2021).
74. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени: сборник / М. Ю. Лермонтов. – Москва : АСТ, 2014. – 414 – ISBN 978-5-17-079585-7.
75. Липатов В. В. Черный Яр. Сказание о директоре Прончатове: повести. И это все о нем... : роман / В. В. Липатов. – Москва : Советский писатель, 1977. – 719 с.

76. Лукашик В. Сборник задач по физике. 7-9 кл. / В. Лукашик, Е. Иванова. – Москва : Мир и Образование, 2003 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
77. Макушинский А. А. Город в долине / А. А. Макушинский. – Москва : Э, 2016. – 473 с. – ISBN 978-5-699-90733-5.
78. Малышкин А. Г. Люди из захолустья / А. Г. Малышкин. – Москва : Современник, 1988. – 318 с. – ISBN 5-270-00101-2.
79. Марков Г. М. Завещание / Г. М. Марков. – Москва : Советский писатель, 1981. – 272 с.
80. Мартынов И. Это наша с тобой абстиненция / И. Мартынов // Столица, 1997 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
81. Масленикова З. Жизнь отца Александра Меня / З. Масленикова. – Москва: Захаров, 2002. (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
82. Михальский В. В. Одинокому везде пустыня: роман / В. В. Михальский. – Москва : Согласие, 2003. – 302 с. – ISBN 5-86884-111-5.
83. Мосалов А. А. Птицы. Определитель /А. А. Мосалов, П. М. Волцит. – Москва : Астрель, 2013. – 96 с.
84. Набоков В. В. Защита Лужина; Приглашение на казнь: романы / В. В. Набоков. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. – 238 с. – ISBN 5-298-00903-4.
85. Набоков В. В. Машенька. Подвиг / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Азбука, 2014. – 346 с. – ISBN 978-5-389-08646-3.
86. Некрасова Н. В. Черная книга Арды. Исповедь Стража / Н. В. Некрасова при участии Натальи Васильевой. – Москва : Эксмо-Пресс, 2000. – 665 с. – ISBN 5-04-004203-5.
87. Никифоров В. Н. Технология металлов и других конструкционных материалов / В. Н. Никифоров. – Санкт-Петербург : Политехника, 2009. – 382 с. – ISBN 978-5-7325-0918-2.

88. Новикова О. И. Женский роман / О. И. Новикова. – Москва : Кн. сад, 1993. – 184 с. – ISBN 5-85676-015-8.
89. Носов Е. И. Кукла: для среднего школьного возраста / Е. И. Носов. – Москва : Эксмо, 2015. – 316 с. – ISBN 978-5-699-77426-5.
90. Носов С. А. Фигурные скобки / С. А. Носов. – Санкт-Петербург : Лимбус Пресс, 2015. – 268 с. – ISBN 978-5-8392-0500-0.
91. Окуджава Б. Новенький как с иголки: Стихи, рассказы, повести / Б. Окуджава. – Екатеринбург: У-Фактория, 1999 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.04.2021).
92. Осеева В. А. Динка. Динка прощается с детством / В. А. Осеева. – Москва : АСТ: Астрель, 2010. – 1018 с. – ISBN 978-5-17-067621-7.
93. Паустовский К. Г. Акварельные краски / К. Г. Паустовский. – URL : <http://paustovskiy-lit.ru> (дата обращения 30.04.2021).
94. Перумов Н. Д. Охотники. Пророчества Разрушения / Ник Перумов. – Москва: Э, 2017. – 413 с. – ISBN 978-5-699-98292-9.
95. Перумов Н. Д. Война ангелов. Великая пустота / Ник Перумов. – Москва : Эксмо, 2019. – 381 с. – ISBN 978-5-04-101768-2.
96. Писемский А. Ф. Старческий грех / А. Ф. Писемский. – Москва : Гослитиздат, 1955. – 93 с.
97. Праздные разговоры // Из материалов Ульяновского университета, 2007 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
98. Проект организации строительства «Многофункциональный гостиничный комплекс с подземной автостоянкой». – URL : <https://www.povokosino.mos.ru> (дата обращения 03.03.2020).
99. Протокол выемки вещей. – URL : <https://www.obrazec.org> (дата обращения 30.06.2019).
100. Протокол осмотра места происшествия. – URL : <https://www.obrazec.org> (дата обращения 30.06.2019).
101. Протокол осмотра места происшествия. – URL : <https://www.studfiles.ru> (дата обращения 30.06.2019).

102. Пунин Н. Н. Письма А. Е. Аренс-Пуниной: Дневники. Письма / Н.Н. Пунин. – Москва : АРТ, 2000 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
103. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. Т 3. Проза / А. С Пушкин. – Москва : Художественная литература, 1987. – 528 с.
104. Рабочий проект на капитальный ремонт и реставрацию здания ФГУК «Большой Санкт-Петербургский Государственный Цирк». – URL : <https://www.fabrikant.ru> (дата обращения 30.06.2019).
105. Разговор о поездке в Волгоград, 2002 // Из коллекции Саратовского университета (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
106. Распутин В. Г. Живи и помни / В. Г. Распутин. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 429 с. – ISBN 5-7545-0141-2.
107. Распутин В. Г. Видение // Повести. Рассказы в 2 т. Т. 2. / В. Г. Распутин. – Москва : Дрофа, 2014. – 396 с. – ISBN 978-5-358-13633-5.
108. Распутин В. Г. Новая профессия / В. Г. Распутин // Проза новой России: В 4 т. Т. 3. – Москва: Вагриус, 2003 (НКРЯ) – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
109. Рассказ женщины о своей жизни // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
110. Рассказ о конференции, 2006 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
111. Репин И. Е. Далёкое близкое / И. Е. Репин // Воспоминания. – Москва : Захаров, 2002. (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
112. Розов В. С. Удивление перед жизнью / В. С. Розов. – Москва : Вагриус, 2000. – 490 с. – ISBN 5-264-00049-2.
113. Ростовский А. По законам волчьей стаи. – Москва : Вагриус, 2000. (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).

114. Рубина Д. И. На солнечной стороне улицы / Дина Рубина. – Москва : Эксмо, 2008. – 380 с. – ISBN 978-5-699-26336-3.
115. Рубина Д. И. Белая голубка Кордовы / Дина Рубина. – Москва : Эксмо, 2010. – 696 с. – ISBN 978-5-699-40684-5.
116. Савкина Э. Если впрягаюсь, то основательно / Э. Савкина // Дело (Самара), 2002. (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
117. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки / Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). – Кишинев: Лумина, 1972. – 428 с.
118. Самойлов Д. С. Общий дневник / Д. С. Самойлов // Перебирая наши даты... – Москва: Вагриус, 2001. (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
119. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных организациях. – URL : <http://www.base.garant.ru> (дата обращения 04.05.2021).
120. Сапфир Я. Убить нельзя научить / Ясмина Сапфир. – Москва : Э, 2016. – 381 с. – ISBN 978-5-699-92862-0.
121. Сенчин Р. В. Елтышевы / Р. В. Сенчин. – Москва : Эксмо, 2011. – 285 с. – ISBN 978-5-699-50897-6.
122. Светлова Е. Немножко Dalí в тёплой воде / Е. Светлова // Интернет-альманах «Лебедь», 2003 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 04.05.2021)
123. Серафимов К. Экспедиция во мрак / К. Серафимов, 1994 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 04.05.2021).
124. Силкин Б. И. В мире множества лун / Б.И. Силкин. – Москва, 1982. – 208 с.
125. Спонтанный пересказ художественных текстов // Из коллекции А.А. Степихова, 2003 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).

126. Стругацкий А. Н. Обитаемый остров / Аркадий и Борис Стругацкие. – Москва : АСТ, 2016. – 400 с. – ISBN 978-5-17-093053-1.
127. Тендряков В. Ф. Люди или нелюди: повести и рассказы / В. Ф. Тендряков. – Москва : Современник, 1990. – 652 с. – ISBN 5-270-00999-4.
128. Терехов А. М. Каменный мост / А. М. Терехов. – Москва : АСТ, 2014. – 830 с. – ISBN 978-5-17-058261-7.
129. Техническое заключение о состоянии строительных конструкций здания школы. – URL : <http://www.fordewind.org> (дата обращения 30.06.2019).
130. Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Казаки / Л. Н. Толстой. – Краснодар: Книжное изд-во, 1977. – 285 с.
131. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / Л. Н. Толстой. – Москва: ЭКСМО, 2003. – 510 с. – ISBN 5-699-01487-X.
132. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 12-ти т. Т. 11. Воскресение: роман / Л. Н. Толстой. – Москва : Современник, 1980. – 828 с.
133. Трифонов Ю. Дом на набережной. – Москва: Художественная литература, 1986 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
134. Тургенев И. С. Бирюк. Певцы. Бежин луг / И. С. Тургенев // Записки охотника. – Москва : Белый город, 2019. – 462 с. – ISBN 978-5-00119-020-2.
135. Тургенев И. С. Степной король Лир / И. С. Тургенев. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – 317 с. – ISBN 5-91181-096-4.
136. Улицкая Л. Е. Счастливые / Л. Е. Улицкая. – Москва : Астрель, 2013. – 826 с. – ISBN 978-5-271-44521-7.
137. Устинова Н. Современные прически / Н. Устинова // Работница, 1980 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
138. Утехин И. Очерки коммунального быта / И. Утехин. – Москва : О.Г.И., 2001. – 214 с. – ISBN 5-94282-002-3.
139. Фигнер В. Н. Запечатленный труд / В. Н. Фигнер. В 2 т. Т. 1. – Москва : Мысль, 1964.

140. Франс Снейдерс. – URL : <http://www.nearyou.ru> (дата обращения 30.06.2019).
141. Характеристика главного энергетика для представления к награде. – URL : <https://www.iskiplus.ru> (дата обращения 30.06.2019).
142. Цирес А. Г. Архитектура Колизея / А. Г. Цирес. – Москва: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1940. – 68 с.
143. Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30 т. Т.4. Рассказы и юморески 1885–1886 гг. / А. П. Чехов.– Москва : Наука, 1984. – 552 с.
144. Чуковский К. Серебряный герб / К. Чуковский. – Москва : Детская литература, 1985 (НКРЯ). – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).
145. Шванвич Б. Н. Курс общей энтомологии. Введение в изучение строения и функций тела насекомых / Б. Н. Шванвич. – Москва : Советская наука, 1949 – 900 с.
146. Шимбалев А. А. Атлас звездного неба. Все созвездия Северного и Южного полушарий с подробными картами / А. А. Шимбалев. – Минск : Харвест, 2004. – 320 с. – ISBN 985-13-2082-X.
147. Шинкарев Л. И. Байкало-амурская магистраль / Л. И. Шинкарев. – Москва : Советская Россия, 1975. – 96 с.
148. Шишкин М. П. Письмовник / М. П. Шишкин. – Москва : АСТ: Астрель, 2010. – 412 с. – ISBN 978-5-17-068355-0.
149. Шишкин М. П. Всех ожидает одна ночь / М. П. Шишкин. – Москва : ВАГРИУС, 2001. – 300 с. – ISBN 5-264-00695-4.
150. Шкарупич О. Остановка на жизнь / Оля Шкарупич. – Москва : Изд. решения, 2017. – 347 с. – ISBN 978-5-4485-2192-8.
151. Этно-тур «Путешествие в Ацагатскую долину». – URL : <https://www.visitburiatia.ru> (дата обращения 30.06.2019).
152. Эфрон А. Мироедиха / А. Эфрон, 1952 (НКРЯ). [– URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 30.06.2019).

153. Юзефович Л. А. Князь ветра / Л. А. Юзефович. – Москва : Вагриус, 2001. – 267 с. – ISBN 5-264-00453-6.
154. Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска): хрестоматия / А. А. Юнаковская. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 168 с.
155. arisha-soul. Отель «Бархатные сезоны» Русский дом. – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
156. kiss-kaosenka. Парк культуры и отдыха (Россия, Базарный Сызган). – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
157. Mmasinka. Отель Amaris 3* (Болгария, Солнечный Берег). – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
158. Nikita Shkrapko. Ноутбук Huawei Honor MagicBook 14 - Отличный ноутбук за свои деньги). – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
159. OlgaKis-Kis-Mau. Город Салоу (Испания, Коста-Дорада) – Отличный отдых. – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
160. Ritvariyyer. Собор Святого Петра (Италия, Ватикан). – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
161. troplih. Отдых в Бэйдайхэ (Китай) – везде цветы. – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
162. TTUTTI. Холодильник Liebherr Cuesf 4023 -23D. – URL : <https://www.otzovik.com> (дата обращения 30.06.2019).
163. Профессиональное научное сообщество криминалистов, криминологов и судебных экспертов. – URL : <https://www.kriminalisty.ru> (дата обращения 30.04.2021).

Текстография диссертационной работы

Примеры художественного описания

1) Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатошь горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков.

Н. Гоголь. Мертвые души

2) Круглые, низкие холмы, распаханые и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от деревни до деревни бегут узкие дорожки; церкви белеют; между лозняками сверкает речка, в четырех местах перехваченная плотинами; далеко в поле гуськом торчат драхвы; старенький господский дом со своими службами, фруктовым садом и гумном приютился к небольшому пруду.

И. Тургенев. Лес и степь

3) Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по черному глянцу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно тепились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-под каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трехугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что

грудь поневоле все глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен» – не то восклицание не то вопрос – так и просилось на уста.

И. Тургенев. Ася

4) Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне ее бежал и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за темной гранью круто рассеченных горных гребней (...) На самой вершине горной скалы возвышалась четырехугольная башня, вся черная, еще крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне, кой-где лепился плещ, искривленные деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам.

И. Тургенев. Ася

5) От дома на далекой пространство раскидывался сад. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое с одной стороны золотыми лучами утреннего солнца и гладкое, как зеркало, с другой – темно-синее, как небо.

И. Гончаров. Обыкновенная история

6) Зала суда была большая, длинная комната. Один конец ее был занят возвышением, к которому вели три ступеньки. На возвышении посередине стоял стол, покрытый зеленым сукном с более темной зеленой бахромой. Позади стола стояли три кресла с очень высокими дубовыми резными спинками, а за креслами висел в золотой раме яркий портрет во весь рост генерала в мундире и ленте, отставившего ногу и держащегося за саблю. В правом углу висел киот с образом Христа в терновом венке и стоял аналой, и в правой же стороне стояла конторка прокурора. С левой стороны, против конторки, был в глубине столик секретаря, а ближе к публике – точеная дубовая решетка и за нею еще не занятая скамья подсудимых.

Л. Толстой. Воскресение

7) Церковь была полна праздничным народом. С правой стороны – мужики: старики в домодельных кафтанах и лаптях и чистых белых онучах и

молодые в новых суконных кафтанах, подпоясанных яркими кушаками, в сапогах. Слева – бабы в красных шелковых платках, плисовых поддевках, с ярко-красными рукавами и синими, зелеными, красными, пестрыми юбками, в ботинках с подковками.

Л. Толстой. Воскресение

8) Время стоит еще раннее, шестой час в начале, золотистый утренний туман вьется над проселком, едва пропуская лучи только что показавшегося на горизонте солнца; трава блестит; воздух напоен запахами ели, грибов и ягод; дорога идет зигзагами по низменности, в которой кишат бесчисленные стада птиц.

М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы

9) В большой угловой комнате обои были синие с золотом (...) Эта комната была увешана дагерротипами и мелкими страничными гравюрами, а в углу образами.

И. Бунин. Последний день

10) Солнечный осенний вечер прохладен. Из-за дворов большого села, растянувшегося по скатам к лугам, к родниковой речке, желтеют новые ометы и скирды. Улица села в тени, солнце опускается за дворами, за гумнами – и ярко краснеют против него глинистые бугры по ту сторону лугов, блестит на этих буграх стекло в избе мельника.

И. Бунин. Завтра

11) На бугре, за реденьким частоколом телеграфных столбов щетинистыми хребтинами сутулятся леса: Качаловские, Атаманские, Рогожинские. Одна суходолая отножина, заросшая мохнатым терном, упирается в поселок Качаловку, а низкорослые домишки поселка подползают чуть не вплотную к постройкам качаловского коллектива.

М. Шолохов. Двухмужняя

12) Вагон полевого стана приткнулся между двух сопков. Из тонкой жестяной трубы струился белесый дым, ветер сваливал его в сторону, рвал на

ключья. Недалеко от вагона стояли на краю необранного поля гусеничный трактор и комбайн.

И. Калашников. Не поле перейти

13) После недавних дождей в степи поднялись травы. Колосился житняк, зеленел сочный пырей, рядом с ним тянулись к солнцу голубоватые стебли востреца и типчана, степь от них казалась сирой, ближе к реке среди белых солончаковых пятен пламенели синие ирисы; над густым разнотравьем торчали розоватые метелки ревеня и стебли железняка, униженные малиново-сиреневыми мутовками мелких цветов; порхали бабочки, стрекотали кузнечики; на увале лениво пересвистывались суслики.

И. Калашников. Не поле перейти

14) Далеко в степь вдвинулась гряда оглаженных ветрами сопок, у их подножья вольно, без всякого порядка стояли низенькие, черные от старости, с ветхими крышами домики улуса, за ними, на взгорье блестели окнами огромные, по сравнению с домиками, строения.

И. Калашников. Разрыв-трава

15) В доме, пахнущем смолой и свежеструганной сосной, топилась печь, отпотевшие окна слезились, на подоконнике поблескивали лужицы воды, посредине сиротливо стоял небольшой стол, покрытый красной, закапанной чернилами далембой, – вдоль стен – разнокалиберные стулья, табуретки, скамейки.

И. Калашников. Разрыв-трава

16) Иван Зыков для своих двадцати восьми лет был, пожалуй, полноват. Круглились, румянились от полнокровья тугие щеки, на гладкой шее наметились складки, редкие светлые волосы, мягкие, ребячьи, пушистые, обрамляли голову этаким золотистым нимбом.

И. Калашников. Расследование

17) На улице пахло весной. С крыш свисали сосульки, белые, как стеариновые свечи; сугробы стали грязными и все были источены теплом; у

заборов грели бока коровы; середь улицы подбирали вытаявшие зерна и деловито ворковали голуби.

И. Калашников. Разрыв-трава

18) (Бакланов вышел на перевал.) Впереди массив круто обрывался, внизу лежала желтая тундра с бликами озер. Совсем далеко на горизонте тянулась черная полоса, прорезанная кое-где водными отсверками.

О. Куваев. Территория

19) Узкая долина шла между этими перевалами на север. И в тени от их возвышенностей с одной стороны, в мертвой тишине этой пустынной ночи, однообразно шумел горный поток и таинственно плыли и плыли, мерно погасая и мерно вспыхивая то аметистом, то топазом, летучие светляки, лючиоли. Противоположные возвышенности отступали от долины, и по низменности под ними пролежала древняя каменистая дорога.

И. Бунин. Ночлег

20) Улица, где жил Франц, была тихая, бедная, кончавшаяся тупиком, а другим концом выходила на небольшую площадь, где по вторникам и пятницам расставлял свои лотки скромный рынок. Оттуда растекались две улицы, – налево – кривой переулок, где в дни политических торжеств торчали из окон грязно-красные флаги; направо же – длинная, людная улица, на которой, между прочим, был магазин, где всякая вещь стоила пять грошей, будь то пара подвязок или бюст Шиллера. Эта улица упиралась в каменный портик, с белой буквой на синем стекле, – конечная станция подземной дороги.

В. Набоков. Король. Дама. Валет

21) Прямо от школьной ограды, вернее, от проходящей мимо нее дороги, начиналась речная луговина, еще по-летнему зеленая, с белыми вкраплениями тысячелистника, гусиных перьев и каких-то луговых грибов. И только вблизи придорожных ив луг был усыпан палым листом, узким и длинным, похожим на нашу сеймскую рыбку-верховку. А из-за ограды тянуло влажной перекопанной землей и хмельной яблочной прелью. Где-то

там, за молодыми яблонями, должно быть, на спортивной площадке, раздавались хлесткие шлепки по волейбольному мячу, иногда сопровождаемые всплесками торжествующих, одобрительных ребячьих вскриков, и эти молодые голоса под безоблачным сельским полднем тоже создавали ощущение праздничности и радости бытия.

Е. Носов. Кукла (Акимыч)

22) Спокойно перед самым окном стоял тополь с ободранною мочалившеюся корою, уже окрашенный осенью, а за ним, спокойная и сонная, лежала под солнцем площадь. ... Безлюдная, глухая, немного наивная была площадь, но оттого ли, что он смотрел сквозь мутные и грязные стекла, все казалось скучным, бестолковым, изнывающим в чувстве тупой и безнадежной тошноты.

Л. Андреев. Губернатор

23) По крыше барабанил дождь, сад шумел, где-то наверху, за стеною, быстро и мерно капало. Все снаружи сливалось в смутный шум, и рядом с ним в зале казалось особенно тихо.

В. Вересаев. Порыв

24) Впереди массив круто обрывался, внизу лежала желтая тундра с бликами озер. Совсем далеко на горизонте тянулась черная полоса, прорезанная кое-где водными отсверками.

О. Куваев. Территория

25) Теснота в проходе. Туман съестных душиков, когда жареное, варёное, домашнее, покупное, пайковое пахнет всё вместе и потихоньку разлагается в жилом тепле. Стыдливые перегородки-стеночки. Полки слева, полки справа – все свободные, без людей, но слышались всё явственней их голоса.

О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней

Примеры описания в книжных стилях

26) От задних тенториальных ямок отходят две мощные горизонтальные балки, которые направляются к средней линии головы и

несколько вперед и там сливаются вместе. На передней части головы в эпистомальном шве находятся аналогичные передние тенториальные ямки. Они несколько слабее задних; от них косо назад идут передние руки тенториума, которые, сливаясь концами друг с другом и с концами задних рук, образуют характерный крест, горизонтально перегораживающий нижнюю часть головной капсулы.

Б. Шванвич. Курс общей энтомологии

27) К краям чаши причленены челюсти. Тенториум образует крестообразную решетку, которая как бы вставлена в отверстие чаши.

Б. Шванвич. Курс общей энтомологии

28) В примитивной голове треугольный лоб отграничен от клипеуса прямым горизонтальным швом. У личинки осы клипеус вдаётся широким клином в область лба.

Б. Шванвич. Курс общей энтомологии

29) К югу тянется полоса лесостепи. Северная часть зоны полупустынь занята глинистой полупустыней. Огромные площади занимают песчаные полупустыни.

Б. Кузнецов и др. Курс зоологии

30) К основному объему примыкают разные по этажности кирпичные пристройки. Пространственная жесткость и геометрическая неизменяемость здания в целом обеспечиваются совместной работой пересекающихся стен и опирающихся на них перекрытий. Фундаментами здания служат бутовые ленты глубиной заложения примерно 2м. Перекрытия в уровне 1-3 этажей выполнены по балочной схеме из металлических балок, бетонных сводиков и сборных железобетонных плит.

Рабочий проект на капитальный ремонт и реставрацию здания ФГУК

«Большой Санкт-Петербургский Государственный Цирк». URL:

<https://www.fabrikant.ru>

31) Северный и восточный фасады здания выше цоколя облицованы плитами из мелкозернистого бетона. Произведенные испытания плит

неразрушающим методом показывают класс по прочности не ниже В15. Толщина плит – 60мм. Фасады украшены множеством архитектурно-выразительных элементов, таких как русты, карнизы, кронштейны, пояса и т.д., выполненных из того же материала. Крепление элементов облицовки к наружным стенам осуществлено с помощью металлических стержней.

Техническое заключение о состоянии строительных конструкций здания школы. URL: <http://www.fordewind.org>

32) На фотографии он сидит в деревянном полукресле, нога на ногу, крупная, высоколобая голова с лысиной, окруженной нимбом светлых летящих волос, слегка откинута... Нос с небольшой горбинкой, губы закрыты усами, слипшимися с бородой, а глаза за маленькими круглыми стеклами старинных очков с длинными дужками устремлены куда-то вдаль...

Н. Ильина. Дороги и судьбы

33) Самцы свекловичной нематоды имеют вытянутое прозрачное тело длиной до 1,6 мм. Самки отличаются лимонообразной формой тела, окрашенного в желтый цвет, длина его от 0,4 до 1,1 мм. Снаружи самки одеты беловатой слизистой оболочкой.

Б. Кузнецов. Курс зоологии

34) Форма тела кольчатых червей вытянутая, слегка уплощенная. Тело разделено на ряд более или менее сходных сегментов. Они имеют вид колец, соединенных тонкой кожей, что обеспечивает большую гибкость тела.

Б. Кузнецов. Курс зоологии

35) Рандбалки опираются на отдельно стоящие свайные ростверки, расположенные на пересечении осей А и Г сосями 1-4, 13-16. Ростверки имеют прямоугольную форму в плане шириной 0,6 м и длиной около 2,0 м. Высота ростверков переменна от 0,50 до 0,78 м.

Отчет по результатам обследования частей здания спортивного комплекса. URL: <https://www.ozis-venture.ru>

36) Помимо запаха пищи, каждая квартира – и каждая комната в ней – обладает своим специфическим запахом; когда кухня, туалеты и ванная

источают свой аромат менее интенсивно, чем это нередко случается, собственный запах квартиры становится ощутим (...) собственный запах квартиры складывается преимущественно из запаха пола (если он паркетный и натирается мастикой, что в наши дни распространено все меньше и меньше), лака деревянных панелей и дверей, а также мебели и вещей, выставленных в коридоре.

И. Утехин. Очерки коммунального быта

37) Подполье выполнено в виде каналов, ограниченных ленточными бетонными фундаментами-стенами, на которые опирается перекрытие над подпольем (см. раздел 2.2.2). Высота каналов подполья около 0,6 м, ширина 0,8. В подполье размещены инженерные сети: водопровод, отопление.

Отчет по результату обследования частей здания спортивного комплекса. URL: <https://www.ozis-venture.ru>

38) Город расположен в устьевой части р. Тья, а с востока его территория омывается озером Байкал. Река Тья стекает с южного склона хребта Сынныр. Длина реки – 120 км., площадь водосбора – 2580 км². В районе города пойменная долина от 0,5 до 2 км шириной. Склоны долины крутые, местами обрывистые. Дно долины неровное. Русло реки извилистое, образует рукава и острова. Берега реки крутые высотой до 2 м, подмываемые, сложены песчано-галечным грунтом. Глубина 1,3+2м. Ширина рукавов до 100 м.

Генеральный план Муниципального образования
«Город Северобайкальск»

39) Мебель там была самая простая: огромный (не письменный) стол, на котором было удобно раскладывать географические карты, скромное венское кресло. Маленький диван и кресло орехового дерева, ранее стоявшие в его кабинете, в новую комнату не вместились.

Н. Ильина. Дороги и судьбы

40) Стенки целома выстланы эндотелием мезодермального происхождения. Он наполнен целомической жидкостью. Целом у кольчатых червей разделен посегментно поперечными перегородками на камеры.

Б. Кузнецов. Курс зоологии

41) Голова и все членики груди слиты в головогрудь, прикрытую сверху и с боков головогрудным щитом. Грудных конечностей восемь пар. Передняя пара ходильных ног несет мощные клешни.

Б. Кузнецов. Курс зоологии

42) Конструктивное решение корпуса – неполный продольный стальной каркас. По средним осям расположены стальные внутренние колонны по осям В и Е. По колоннам и поперечной стене по оси 12 в продольном направлении смонтированы стальные балки из двух двутавров №40. В поперечном направлении расположены второстепенные балки перекрытия, опирающиеся на наружные продольные стены и главные балки.

Технический отчет обследование строительных конструкций строения.

URL: <https://www.ipcziz.ru>

43) Форма тела ланцетки вытянутая, сжатая с боков, заостренная спереди и сзади. По спине тянется невысокая продольная складка кожи – спинной плавник. На заднем конце тела имеется копьевидный хвостовой плавничок. Парных конечностей нет.

Б. Кузнецов. Курс зоологии

44) Тело надпойменной террасы прислонено к более высоким террасовым уровням или непосредственно к предгорным коллювиально-делювиальным шлейфам. Горизонтальная или слабонаклонная поверхность террасы залесена и отчасти заболочена.

В. Коломиец и др. Низкий террасовый комплекс Усть-Баргузинской
впадины

45) (Крупников перемахнул через фальшборт лихтера и столкнулся с крановщиком.) Это был молодой парень с обнаженным загорелым торсом и хорошими бицепсами. На крепкой шее висел овальный медальон.

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

46) Данный массив со среднегорным рельефом отделен от Баргузинского хребта. Обрамляющие впадину горы характеризуются мягкими очертаниями с полого-волнистыми склонами. Водораздельные части хребтов имеют вид гольцовых плато.

В. Коломиец и др. Низкий террасовый комплекс Усть-Баргузинской
впадины

47) Вдоль города проходит Байкало-Амурская магистральная железная дорога с многочисленными подъездными путями предприятий и портовых устройств. Автомобильная транзитная дорога, подходящая с западной стороны к городу, проходит вдоль железнодорожного полотна по северной окраине города, пересекая жилую застройку на востоке. Большую часть береговых территорий занимают производственные и коммунально-складские территории с причалами.

Генеральный план Усть-Кутского муниципального образования
(городского поселения)

48) Кристаллическая структура молибдата представляет собой трехмерный смешанный каркас. В больших полостях каркаса размещаются 3 сорта катионов камня. Атомы Pb расположены в особой точке инверсионной оси внутри октаэдра. Атомы щелочного металла К (1) и К (2) располагаются на осях третьего порядка (С 3), а К (3) занимает общую позицию симметрии (С 1).

Б. Базаров и др. Структура и колебательные спектры тройных
молибдатов

49) И вот он идет через вагон в свое купе, в засученных штанах, ступая грязными голыми ногами, и все вокруг смеются, а громче и веселее всех смеется он сам...

Н. Ильина. Дороги и судьбы

50) Люди прощаются, целуются, плачут, обещают писать. Объятиям немножко мешают гитары, у кого за спиной, у кого в руках.

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

51) Поверхность Деймоса усеяна мелкораздробленными камнями и пылью, и мелкие кратеры засыпаны до краев. Поэтому поверхность Деймоса выглядит более гладкой, чем поверхность Фобоса.

Б. Силкин. В мире множества лун

52) Лед и каменные россыпи лежат на поверхности Ганимеда попеременно, участками протяженностью в сотни километров. Лед на Ганимеде очень шероховат и неровен, покрыт толстым слоем инея, или измороси.

Б. Силкин. В мире множества лун

53) Вот, например, район около 15° ю.ш. и 325° з.д., который протянулся на 900 км. На снимке различимы трехсоткилометровые извилистые и переплетающиеся «каналы» кроваво-красного цвета, но далее, вниз по их течению, все чаще встречаются угольно-черные пятна.

Б. Силкин. В мире множества лун

54) В двери, настежь распахнутой, кружится лес, березы и сосны, щитовые дома, фонари, ходуном ходит пень, замшелый и древний, с топором, глубоко всаженным в кору, качаются серые провода и видно, как вдали, меж мокрых деревьев, угрюмый бульдозер кружит женскую палатку, где над входом размашисто и строго написано малярною кистью: «Не уверен — не входи!»

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

55) Звезды Млечного Пути – это основная часть нашей сильно сплюсненной Галактики. Дальше всего от центра, находящегося в направлении созвездия Стрельца, Галактика тянется вблизи плоскости Млечного Пути, и в этом направлении видно больше всего далеких, т.е. слабых звезд. В перпендикулярном направлении плотность звезд падает, следовательно, в этом направлении Галактика простирается не так далеко.

Б. Воронцов-Вельяминов. Астрономия

56) А над тайгой, над горами, висит вертолет, гулко и медленно движется. Внизу сплетаются в тугий узел и расходятся косичками горные речки со множеством стариц и островков, притоки близкой Лены и притоки этих притоков, редко хоженные места обширной хвойно-лиственничной тайги...

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

57) Вверху параллельно оси абсцисс расположены самые яркие звезды – последовательность сверхгигантов. У них цвет и температура различны, а светимость почти одинакова. От середины двух предыдущих последовательностей вправо вверх отходит последовательность красных гигантов. Наконец, внизу располагаются белые карлики с несколько различными температурами.

Б. Воронцов-Вельяминов. Астрономия

58) За Кассиопеей находится созвездие Андромеды и Пегаса. По одну сторону от линии, соединяющей Большую Медведицу и Кассиопею, расположены созвездия Лебедя, Лиры и Орла, а по другую – созвездия Возничего, Близнецов, Тельца, Ориона, Большого Пса.

Б. Воронцов-Вельяминов. Астрономия

59) Пахло картошкой, которая сушилась в углу, на окнах стояли горшочки с геранью, а под стеклом висели фотографии родни вперемешку с открытками киноартистов.

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

60) Большие площади поверхности Марса покрыты кратерами. Наблюдаются и низменные равнины, вовсе лишенные кратеров или содержащие малое число их. Вершины гор возвышаются над густыми облаками. Как у полюсов, так и главным образом в тропическом поясе видны глубокие длинные впадины – каньоны; самый большой из них протянулся на 2500 км и имеет в ширину 100-250 км и даже 500 км (с боковыми котловинами).

В. Левантовский. Механика космического полета

61) Мартеновская печь. Ее плавильное пространство ограничено снизу подиной, сверху сводом, с боков – стенками. По обе стороны плавильного пространства находятся головки, с каналами, ведущими к шлаковикам-камерам. Шлаковики сообщаются с регенераторами, имеющими огнеупорную насадку для подогрева воздуха и газового топлива. Подина печи наклонена к задней стенке, в которой находится летка.

В. Никифоров. Технология металлов и конструкционные материалы

62) (Я смотрю в окно.) По Лене плывут баржи с грузами для Байкало-Амурской магистрали. На палубе флаги и транспаранты, слышится музыка. Праздник! Свесившись с борта, молодые люди с интересом разглядывают берега. Ну и тайга!

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

63) Череп состоит из 23 костей. Условно их подразделяют на два отдела мозговой и лицевой. Кости черепа соединены между собой синантрозами – черепными швами, которые представляют собой непрерывное и неподвижное соединение. Нижняя челюсть соединена с черепом при помощи двух суставов.

Р. Самусев, В. Липченко. Атлас анатомии человека

64) На фоне городских стен, идущей мимо них дороги и расстилающихся за пределы холста зеленых полей, изображена часть небольшого каменного домика, похожего на амбар или сарай, возле которого стоят две женщины и сидит мальчик. Рядом с ними в корзинах и прямо на земле навалены разнообразные овощи: цветная капуста, коренья, зеленые бобы, чеснок, кабачки и др. Из-за дома торчит часть телеги, загруженной товаром. Овощей очень много, они уже не помещаются в тару. Хозяйка лавки – не бедная женщина, судя по костюму, продает товар пришедшей горожанке. Та выбирает коренья и траву и складывает к себе в маленькую корзинку, а продавщица дает советы по выбору продуктов. Интересно, что в корзине в левом нижнем углу сложено много грибов, внешне напоминающих белые. Картинка, очень оживленная сама по себе, еще больше динамики

приобретает за счет жанровой сценки в правом нижнем углу: лошадь тянется мягкими губами к свежему кочну капусты, пока люди не успели заметить.

Живописец Франс Снейдерс: биография, творчество и интересные факты. URL: <https://www.syl.ru>

65) Мы летим над Баргузинской долиной, с обеих сторон зажатой скалистыми хребтами. В долине шириною от сорока до восьмидесяти километров сошлись, соседствуя и придавая местности очарование, сухие степи южного типа, сочные заливные луга, хвойные леса, горы со снежными шапками, и все краски такие чистые и буйные, всего так понемножку много, как будто долина взяла на себя функции ВДНХ. Пасутся крупные отары овец, стада коров, встречаются одинокие избы, срубленные у горячих источников «аршанов», где местное население отдыхает и лечится с давних времен; в тихих гаванях баргузинского устья видны золотистые лесные «сигары». ... За поселком Усть-Баргузин дорога уклоняется вправо...

Л. Шинкарев. Байкало-амурская магистраль

66) «Менины» Веласкеса. Ближайшие фигуры справа – любимая карлица принцессы и мальчик-карлик, толкающий ногой большого сонного пса. Поодаль, у правой стены, видны фигуры двух пожилых придворных, и, наконец, в глубине пространства, в светлом дверном проеме – силуэт человека, отводящего рукой занавес. Почти все лица обращены к зрителю картины.

М. Алпатов и др. Изобразительное искусство

67) Более половины гравюрного листа «Панорама Петербурга» занимает небо с клубящимися облаками. В центре размещается огромный картуш в виде широкой развевающейся ленты, на которой по-русски и по-латински написано «Санкт-Питер-Бурх».

М. Алпатов и др. Изобразительное искусство

68) Обосновавшийся в Брюгге итальянский купец Джовани Арнольфини и его молодая жена Джованна Ченами стоят друг напротив друга. Их руки соединены в знак обручения или, по другой версии,

бракосочетания. На заднем плане почти в центре картины видно висящее на стене зеркало, в нем отражается сама пара и еще две фигуры на пороге комнаты, очевидно свидетели происходящего.

Н. Василенко, Е. Яйленко. Живопись эпохи Возрождения

69) Передние опоры имеют резиновые подушки 3, в которых завулканизированы стальные шайбы с болтами крепления. Резиновая подушка задней опоры завулканизирована в стальной обойме и имеет стальную втулку.

Конструкция и ремонт автомобиля ВАЗ 2121 Нива. URL:

<http://www.matrixplus.ru>

70) В корзине, наполненной виноградом, персиками, сливой, орудует белочка. Обезьянка, запустившая лапку в корзину, оглядывает и шипит на подкрадывающегося кота. А он нацелился на лежащего зайца и фазанов, которые небрежно брошены рядом с пореем и артишоками.

Франс Снейдерс. Новатор в области натюрморта. URL: <http://fb.ru>

71) В центре осматриваемого участка расположено складское помещение в металлическом корпусе, длиной 30 м, шириной 15 м (на схеме обозначен № 1). Слева от него, вдоль металлического ограждения расположен кирпичный гараж (на схеме обозначен № 2), правый передний угол которого находится на расстоянии 18 м от левого переднего угла склада.

Протокол осмотра места происшествия. URL: <https://www.zakoniros.ru>

72) Язык представляет собой мышечный орган, расположенный в ротовой полости. Он покрыт слизистой оболочкой, в которую выходят специфические нервные окончания – рецепторы. Вкусовые рецепторы расположены на кончике языка, краях и тыльной стороне языка (грибовидные сосочки), на средней части языка (листовидные сосочки) и у основания языка (желобовидные сосочки).

Р. Самусев, В. Липченко. Атлас анатомии человека

73) Корпус заднего моста разделен сплошными перегородками на три отсека. В среднем отсеке размещена главная передача и планетарный

механизм поворота, а в боковых отсеках – тормоза солнечных шестерен 20 и остановочные тормоза 29.

Трактор ДТ-75М. Задний мост. URL: [https:// www.sinref.ru](https://www.sinref.ru)

74) Квартира расположена на лестничной площадке слева от лестницы. Вход в квартиру прегражден двумя дверьми: внешними металлическими и внутренними деревянными. Металлические двери оснащены двухригельным замком, расположенным на высоте 1,5м. от пола. На деревянной двери два двухригельных накладных замка. Замки, двери и дверной косяк без повреждений. За входом в квартиру расположен коридор длиной 3м и шириной 1,5м. По коридору слева расположено трюмо, на котором бутылка из-под воды «Кола». Справа находится стенной шкаф с верхней одеждой.

Протокол осмотра места происшествия. URL: [https:// www.studfiles.ru](https://www.studfiles.ru)

75) На столе, покрытом алой скатертью - три вазы, центральная из которых значительно крупнее и имеет зеленый узор по белому фону. В вазе представлена композиция, неоднородная по своему содержанию: разнообразные фрукты - лимоны, инжир, абрикосы, зеленый виноград, сливы и фрукты, похожие на алычу. Все фрукты будто бы нанизаны на веточки с листьями и усиками. Веточки причудливо топорщатся в стороны, создавая ощущение свободы и творческого беспорядка. Симметрично большой чаше расположены одинаковые малые чаши двух цветов: желтого и черно-зеленого, видно, что внутри они имеют красно-коричневый цвет и, вероятно, сделаны из поливной керамики.

Живописец Франс Снейдерс: биография, творчество и интересные факты. URL: <https://www.syl.ru>

Описание в разговорной речи

76) Смотрите/ расскажу вам немного о нашем комплексе. Аа мы располагаемся на двух уровнях. У нас на первом уровне расположен бассейн двадцать пять метров/ аа в котором есть территория для свободного плавания/ есть аэробные нагрузки/ есть водное поло и акваджим—это занятия на водных тренажёрах аа в бассейне непосредственно. Также на

территории бассейна у нас есть банный комплекс и джакузи. На втором уровне у нас расположен тренажёрный зал. Аа последние модели тренажёров/ кардиотренажёры/ силовые тренажёры.

Наталья, жен. Звонок в фитнес-клуб, 2015 (НКРЯ)

77) ... стоит белоснежный храм и от куполов идут лучи играют в небо / в небо / в небо.

Красота земная. Тутаев, 2009.

Д/ф из цикла «Письма из провинции» (НКРЯ)

78) Собакой тоже пахнет / причём ужасно. В этой комнате помещаются только я / диван и компьютер.

Праздний разговор молодых людей, 2005 (НКРЯ)

79) Приехали мы туда, там идеально ровные по диаметру вот эти озёра, вода там изумрудная вот!, даже в Байкале такой нет, цвет такой очень яркий, такой насыщенный.

Из рассказов сибиряков о жизни //«Рассказы о сновидениях» и другие
корпуса звучащей речи

URL: <https://www.spokencorpora.ru>

80) Короче/ Антохина комната/ там шкаф-купе стоит/ там в общем всё/ одежда/ там всё это/ полки// У него компьютер/ такой вот/ ноутбук/ у Антохи// Телевизор у него в комнате/ видик/ большой телевизор в зале

Разговор о поездке в Волгоград // Из коллекции Саратовского
университета, 2002 (НКРЯ)

81) Это зеленый парк в центре города, расположен недалеко от нашего отеля «Бест Медетеранео». В общем-то, ничего особенного в парке не было, фонтаны не светятся, но хорошо.

OlgaKis-Kis-Mau. Город Салоу (Испания, Коста-Дорада) - Отличный
отдых. URL: <https://www.otzovik.com>

82) Сам памятник находится в центральной части Богуслава и найти его очень просто. Вокруг него расположились легендарные богуславские камни, среди которых проложили дорожки и поставили несколько скамеек.

Nanik0. Памятник Марусе Богуславке (Украина, Богуслав). URL:
<https://www.otzovik.com>

83) В наличии железный электрочайник, телевизор старого образца с 7 программами. Ремонт хороший, все чистенько и аккуратно. Белье тоже новое и чистое. Матрасы ортопедические!

Отзовичок1. Пансионат "У дяди Феди" (Украина, Донецкая область).
URL: <https://www.otzovik.com>

84) Рядом с центральным корпусом расположен деревянный сруб – сауна и номера. Так называемый банный комплекс, полностью огороженный высоким забором. На его территории есть беседка для вечерних посиделок на улице, детская площадка и тренажеры. То есть банный корпус абсолютно изолирован от центрального корпуса, дороги и посторонних глаз.

ВикВик. Отель Бельведер (Россия, пос. Пересыпь). URL:
<https://www.otzovik.com>

85) И вот у нас там были огородики внизу, на Омке. Заборов никаких не было. Тропиночки так вот и так отделяли каждый участок.

Ж., 53 г., медсестра. Из хрестоматии А.А. Юнаковской

86) На фото видно, что вещи громоздятся посреди комнаты. Направо тумба и телевизор. Налево идет холодильник, который, кстати, очень удачно примостился у дивана. Стены завешены репродукциями и безделушками.

troplih. Отдых на курорте Паттайя (Тайланд).
URL: <https://www.otzovik.com>

87) Вифлеем находится в Палестине. Здесь картина другая. Бедные кварталы, мусор на улице и масса арабских лавок вдоль дороги.

Марина Коноплицкая. Экскурсия из Египта в Иерусалим? URL:
<https://www.irecommend.ru>

88) Отель находится одним из первых по дороге из аэропорта Даламан, что очень удобно, ехать примерно 40 км, но природа так захватывает, что

время проходит незаметно. Эгейское побережье утопает в зелени, глаз от пейзажей просто не оторвать.

Дианашигапова. Хороший бюджетный отдых. URL: <https://www.irecommend.ru>

89) В саду пахнет яблоками. / э-м Вокруг э-э столпилось много народу, / и мужики собирают яблоки.

Спонтанный пересказ художественных текстов // Из коллекции А.А. Степихова, 2004 (НКРЯ)

90) Отель располагается недалеко от океана. Он многоэтажный. Дорога с сумасшедшим движением отделяет его от банка. На улице красота. Ветки деревьев унижены цветами.

troplih. Отдых на курорте Паттайя (Тайланд).

URL: <https://www.otzovik.com>

91) По улице Рабиновича в центр города шла трамвайная линия: она проходила по площади Ленина, до того моста, где сейчас Музыкальный театр, и сворачивала налево.

Ж., 41 г. Из хрестоматии А.А. Юнаковской

92) Из окна видна была дорога, она вилась серпантином.

troplih. Отдых в Бэйдайхэ (Китай) - везде цветы.

URL: <https://www.otzovik.com>

93) Город вытянут вдоль побережья, поэтому имеет несколько пляжей и длинную набережную улицу, хорошо приспособленную для прогулок. Набережная раскинулась, наверное, на километр. Все заполнено туристами. Особенно приятно гулять по ней вечерами, она вся светится фонарями, фонтанами и цветущими деревьями.

OlgaKis-Kis-Mau. Город Салоу (Испания, Коста-Дорада) - Отличный отдых. URL: <https://www.otzovik.com>

94) Сзади нас другой троллейбус гудит / народ на остановке смеётся. Ну / им то / конечно / весело.

Телефонный разговор двух женщин, 2005 (НКРЯ)

95) Мусор везде. Вываливается из баков, валяется на обочинах, разбросан в скверах и парках. Такого количества мусора уже по утрам я не видела нигде. В жаркую погоду смердит и он тоже. На дворцовых территориях и в ботсаду было чисто, здесь нечего сказать.

Тгеуа. Очень большой отзыв о Ялте без прикрас и стеснения (много фото весенней Ялты). URL: <https://www.irecommend.ru>

96) У меня такая забавная картина в коридоре. У меня стоит стремянка / ну сложенная / маленькая / рядом ковер со стены / об- э... обмотанный шнуром / тапочки / сапоги / какие-то пакеты и сахарный песок в мешке.

Телефонные разговоры московских студентов, 2008 (НКРЯ)

97) Под окошками сидели. Гармонь играла да гитары.

Ж., 67 л. Из хрестоматии А.А. Юнаковской

98) Парк поделен на несколько тематических зон. Очереди на аттракционы очень большие.

Astra66. Город Салоу (Испания, Коста-Дорада) - Интересная страна, прекрасная архитектура. URL: <https://www.otzovik.com>

99)... она (тумбочка – Ю.В.) не выпирала / она стояла / как бы на ней были мои личные вещи / мне так было удобно».

Разговор о работе, 2007 (НКРЯ)

100) На окраинах дома деревянные стоят / как в деревне. А так город красивый. Практически весь в лесу. Сосны кругом.

Разговор при знакомстве, 2007] // Из коллекции Ульяновского университета (НКРЯ)

**Тематический справочник рецептивных глагольных предикатов,
составляющих зоны ядра и периферии семантического поля
рецептивного пространства в описании**

А

алеть (алеют цветы)

алеться (алеются маки)

ахать

Б

бабахать

багроветь (багровеет закат)

барабанить

басить

бахать

бежать (бежит тропинка)

белеть (белеют ромашки)

белеться (белеются ландыши)

благоухать

блестеть (блестит роса)

болтаться (картина болтается на стене)

брезжить (брезжит рассвет)

бренчать

бурчать

бухать

бултыхаться (учебники бултыхались в сумочке. Л. Улицкая)

быть (на столе был сервиз)

В

валяться (на полу валяются бумаги)
вварен (решетка вварена в чашу)
вдаваться (скала вдавается в море)
вдвигаться (постройки вдвигаются в село)
венчать (голову венчал зачес)
верещать
вести (дорожка ведет в лес)
взблескивать (взблескивают звезды)
вздыблен (горы вздыблены. М. Шолохов)
вздыматься (холмы вздымаются на горизонте)
виден (виден дом)
видеться (маяк видится вдали)
виднеться (виднеются цветы)
визжать
висеть (висят картины)
витья (дорога вьется)
вклиниваться (село вклинивается в лесок)
вмещать (комната вмещает мебель)
возвышаться (возвышается скала)
возлежать (возлежит на троне)
возноситься (стебли возносятся высоко вверх)
войти (дорога вошла в лес)
вонять
восприниматься
впиваться (тропинка впивается в гору)
врезаться (скала врезается в море)
всклочен (степь всклочена. И. Калашников)
вспыхивать (вспыхивают маки)
вставать (встают стебли)

вставлен (решетка вставлена в чашу)
встречаться (встречаются постройки)
втискиваться (мебель втискивается в комнату)
выдаваться (край выдается вбок)
выделяться (кое-где выделялись домики)
выгибаться (дорога выгибается)
выглядывать (выглядывают дома)
выказываться (выказываются цветы)
выпирать (выпирают горы)
вырисовываться (вырисовываются строения)
вырываться (тропинка вырывается вперед)
высветлять (свет высветляет травинки)
выситься (стебли высятся)
высовываться (высовываются домики)
выстлан (земля выстлана мхом)
выступают (постройки выступают вперед)
ВЫТЬ
вытягиваться (вытягиваются стебли)
вытянут (коридор вытянут на несколько метров)
выходить (окно выходит во двор)

Г

гнездиться (постройки гнездятся у села)
голубеть (голубеют колокольчики)
голубеться (голубеются цветы)
горбиться (горбится гора)
горбатиться (леса горбатятся)
гореть (в короне горит изумруд)
горчить
греметь

громоздиться (вещи громоздятся в комнате)

гроыхать

грохать

грохотать

грудиться (предметы грудятся в зале)

гудеть

гундосить

Д

дежурить (возле дома дежурил человек)

делить (дома делят деревню)

дзенькать

доноситься

дребезжать

дремать (дремлет мельница)

Е

ежиться (на столбах ежились объявления. И. Ильф и Е. Петров)

Ж

жаться (постройки жмутся к деревне)

желтеть (желтеет солнце)

желтеться (желтеются цветы)

жечь

жечься

жужжать

журчать

З

забит (дом забит вещами)

заболочен (низина заболочена)
забрызган (пол забрызган смолой)
завален (комната завалена вещами)
завешан (стены завешаны картинами)
зависать *жарг.* (зависать в парке)
завывать
загроможден (комната загромождена мебелью)
закапан (пол закапан)
закидан (помещение закидано вещами)
заклеен (стены заклеены обоями)
заключать (композиция заключена в ободок)
залегать (порода залегает в коре)
залеплять (картины залепляют стены)
залесен *книжн.* (поверхность залесена)
заливаться
залит (пол залит водой)
заляпан (стены заляпаны)
заметен (заметны огоньки)
замыкать (постройки замыкают село)
занимать вещи занимают всю комнату)
занят (стол занят книгами)
заполнен (полка заполнена игрушками)
зарос (окна заросли льдом)
заслякощен (пол заслякощен. М. Салтыков-Щедрин)
заставлен (спальня заставлена стульями)
засыпан (пол засыпан стружкой)
затоптан (пол затоптан)
затянут (стол затянут в дерматин)
звенеть
звонить

звучать

звякать

зеленеть (зеленеет трава)

зеленеться (зеленеются стебельки)

золотиться (золотится солнце)

И

изборожден (земля изборождена корнями)

идти (дорога идет на север)

извиваться (дорога извивается)

изгибаться (дорога изгибается)

изжеван (отмель изжевана прибоем. И. Калашников)

изломан (дорога изломана)

изрезан (снег изрезан полозьями)

изрешечен (снег изрешечен дождем)

изрыт (снег изрыт копытами лошадей)

изъеден (отмель изъедена прибоем)

иметься (в доме имеется кладовая)

искриться (искрится снег)

испещрен (стены испещрены надписями)

испускать (звук, запах)

испятнан (пол испятнан проходящими)

исслежен (дорога исслежена)

источать (запах)

источен (отмель источена прибоем)

исчезать (тропинка исчезает)

К

касаться (шкаф касается стены)

кантоваться *прост.* (кантоваться в доме)

карабкаться (виллы карабкаются в гору)
кашлять
кислить
киснуть (киснуть дома)
кишеть (кишит народ)
клокотать
клацать
клубиться (дым клубится над домом)
колбаситься *грубо-прост.* (люди колбасились у лотков. А. Степанов)
колоть
колоться
коситься (мебель косится)
косогориться (увалы косогораются. И. Калашников)
краснеть (краснеют маки)
краснеться (краснеются цветы)
красоваться (постройки красуются на солнце)
кривиться (дома кривятся)
круглиться (ствол березы круглится)
крючиться *разг.* (крючился на нарах)
куковать (кукует на лестнице)
купаться (вершины купаются в свете)
куриться (горы курились)
кучерявиться (леса кучерявятся. М. Шолохов)

Л

ластиться (дома ластятся к селу)
лежать (4 ЛСВ: человек лежит на кровати, дом лежит в долине, волосы лежат шапкой, дорога лежит на север)
лепиться (постройки лепятся к деревне)
лиловеть (лиловеют пятна)

липнуть (дома липнут к селу)
лосниться (щеки лоснятся)
лохматиться (леса лохматятся. И. Калашников)
лучиться (снег лучится на солнце)
лязгать

М

мариноваться *разг.* (посетители мариновались за дверью)
маячить (вдали маячит лес)
мерцать (мерцает звезда)
меститься (меститься неподалеку)
мигать (мигает звезда)
молчать
моргать (моргает свет окон)

Н

набит (дом набит вещами)
наклонен (стол наклонен влево)
намечаться (борода еле намечалась)
напичкан (дом напичкан барахлом)
напоен
наполнен (комната наполнена мебелью)
наполнять (мебель наполняет комнату)
направлен (козырек направлен вверх)
направляться (дорога направляется к лесу)
находиться (дом находится у реки)
нащупываться
нисходить (дорога нисходит к лесу)
нырять (шоссе ныряло под мост)

О

- обвешан (стены обвешаны коврами)
обвивать (стебли обвивают ствол)
обит (стол обит клеенкой)
обклеен (стены обклеены обоями)
облегать (брюки облегают икры)
облеплен (стебель облеплен цветами)
облит (стены облиты краской)
обнажиться (кое-где обнажились крыши домов)
обнаруживаться (вдали обнаруживались постройки)
обозначиться (обозначились очертания города)
обособлен *книжн.* (депрессия обособлена)
обрамлять (волосы обрамляют лицо)
обращен (зубы обращены к жерновку)
обрисовывать (ветки обрисовывают контуры дерева)
оброс (пол оброс грязью)
обрызган (стены обрызганы краской)
обставлен (дом обставлен предметами)
обтягивать (брюки обтягивают икры)
огибать (дорога огибает лес)
огораживать (горы огораживают деревню)
ограничивать (леса ограничивают деревню)
одевать (стебли одевают ствол)
окаймлять (волосы окаймляют лицо)
окольцовывать (леса окольцовывают деревню)
окрашен (поток окрашен в синий цвет)
окружать (дома окружают деревню)
окутывать (стебли окутывают ствол)
оплетать (стебли оплетают ствол)
опоясывать (горы опоясывают село)

опутывать (стебли опутывают ствол)
опускаться (дорога пускается в низину)
осмуглен (лицо осмуглено зноем. И. Калашников)
осязаться
отдавать (о запахе)
отглянцован (дорога отглянцована полозьями. И. Калашников)
отграничивать (степь отграничена от лесополосы)
отделять (дома отделяют деревню)
отклоняться (линия отклоняется влево)
открываться (взору открылась поляна)
отливать (снег отливает на солнце)
отодвинут (село отодвинуто от реки)
отсвечивать (снег отсвечивает на солнце)
отстоять (постройки отстоят от деревни)
отходить (линия отходит вправо)
отшнуровываться *книжн.* (депрессия отшнуровывается от озера)
охватывать (ткани охватывают стан)
оцеплять (горы оцепляют село)
ощущаться

П

пахнуть
перезваниваться
перекрыт *книжн.* (терраса перекрыта песчаным слоем)
переливаться (камень переливается на солнце)
переломлен (брови переломлены)
пестреть (пестреют цветы)
пестреться (пестреются постройки)
петлять (дорога петляет)
пиликать

пищать
пламенеть (пламенеют маки)
поблескивать (поблескивает роса)
поворачивать (дорога поворачивает влево)
погружен (челюсти погружены в капсулу)
подниматься (путь поднимается к лесу)
подползать (тропинка подползает в селу)
подходить (река подходит к берегу)
покоиться (вещи покоятся на своих местах)
покрыт (пол покрыт пылью)
ползти (дорога ползет в горы)
помещаться (вещи помещаются в комнате)
посолен
потрескивать
почивать *кн.-поэт.* (предметы почуют на местах)
приварен (прут приварен к решетке)
прижиматься (тропинка прижимается к роще)
прикреплен (стул прикреплен к стене)
приласкаться (речка приласкалась к плетню. М. Алексеев)
прилегать (дома прилегают к берегу)
примоститься (сарай примостился на горе)
примыкать (грунтовая дорога примыкает к шоссе)
припорошен (земля припорошена снегом)
припудрен (пол припудрен пылью)
прислоняться (избушки прислоняются к селу)
присоединяться (дома присоединяются к селу)
присолен
пристроиться (на горке пристроился дом)
притаиться (за горой притаилась речка)
приткнуться (постройки приткнулись к забору)

причленен *книжн.* (крючья причленены к валу)
пробиваться (румянец пробивается)
проглядывать (в волосах проглядывает седина)
пронизывать (трещина пронизывает овраг)
пропадать (тропинка пропадает)
прорезать (долину прорезает река)
прорисовываться (вдали прорисовываются деревья)
просветлен (лес просветлен стволами берез)
просвечивать (просвечивает кора)
простираться (леса простираются на сотни километров)
проступать (вдали проступает тропинка)
прощупываться
проявляться
пузыриться (брюки пузырятся на коленях)
пунцовать (пунцуют цветы)
пылать (пылают маки)

Р

разбегаться (леса разбегаются на километры)
разбросан (вещи разбросаны по комнате)
раздаваться
разделять (дома разделяют деревню)
разить
разлечься (роща разлеглась вдали)
разливаться (озеро разливается на сотни метров)
разливаться (о звуках, запахе)
различим (различимы очертания домов)
разметаться (степь разметалась на сотни миль)
размещаться (дом размещается на горе)
размещен (дом размещен на пригорке)

раскатиться
раскидываться (леса раскидываются на километры)
раскорячиться (леса раскорячились вдали)
распластаться (лес распластался у реки)
располагаться (село располагается у озера)
расползаться (леса расплзаются на сотни километров)
расположен (в здании расположен магазин)
распространен *книжн.* (терраса распространена на сотни километров)
рассеян (валы рассеяны по поверхности)
расстилаться (перед нами расстилалась степь)
расставлен (стулья расставлены вдоль стены)
расходиться (леса расходятся на сотни миль)
расширяться (дорога расширяется к селу)
рдеть (рдеют цветы)
рдеться (рдеются маки)
рисоваться (окна рисуются пятнами)
розоветь (розовеет снег)
розоветься (розовеются дома)
рокотать
румяниться (щеки румянятся)
рыжеть (рыжеет цветок)
рябеть (рябееет трава)

С

саднить
светлеть (светлеет костюм вдали)
светлеться (светлеются ландыши)
сверкать (сверкает на солнце снег)
светиться (светятся льдинки)
свиристеть

свисать (веревка свисает с крыши)
сдвинут (мебель сдвинута в угол)
серебриться (на солнце серебрится иней)
сереть (сереет вдали село)
сереться (сереются постройки)
сидеть (2 ЛСВ: человек сидит на стуле, голова сидит на туловище)
синеть (синеют колокольчики)
синеться (синеются тени)
сизеть (сизели облака)
сквозить (сквозь тучи сквозит лазурь)
сиять (сияет снег)
скользить (дорога скользит по равнине)
скользить (по поверхности)
скрипеть
сливаться (шлаковики сливаются с генераторами)
слит *книжн.* (голова слита с грудью)
слышаться
слышен
смердеть
смещен (линия смещена влево)
содержаться (в емкости содержится жидкость)
соединен (дом соединен с амбаром)
соединять (двор соединяет дом с зимовьем)
сообщаться *книжн.* (шлаковики сообщаются с регенераторами)
сосредоточен (пыль сосредоточена в слое)
сочленяться *книжн.* (череп сочленяется с позвонком)
сползать (дорога сползает с горы)
спускаться (тропинка спускается в низину)
стекать (тропинка стекает с горы)
стелиться (поля стелются на километры)

стоять (2 ЛСВ: человек стоит в комнате, дом стоит на пригорке)

стрекотать

струиться (свет струится)

стучать

сужаться (дорога сужается к лесу)

сутулиться (леса сутуляются. М. Шолохов)

существовать (существуют предметы)

сходиться (дома сходятся друг с другом)

Т

табуниться *прост.* (гуляющие табунились поблизости. С. Сартаков)

такать

тарахтеть

татакать

темнеть (трава темнеет в лесу)

темнеться (темнеется прошлогодняя трава)

тенькать

теряться (тропинка теряется)

течь (река течет на север)

толкаться *разг.* (у кассы толкался народ)

толпиться (дома толпятся у реки)

тонуть (вершины тонут в свете)

топорщиться (леса топорщатся. И. Калашников)

топыриться (леса топыряются. И. Калашников)

торжествовать (посреди стола торжествовала вазочка. Л. Улицкая)

торчать (стебли торчат вверх)

трахать

тренькать

трещать

трубить

тукать

тулиться (по улице тулились избы. В. Шукшин)

тюкать

тянуться (дорога тянется на сотни километров)

У

увешана (комната увешана коврами)

улавливаться (о запахе, звуке)

унизан (стебель унизан цветами)

упираться (постройки упираются в забор)

урчать

усеян (земля усеяна плодами)

уоставлен (комната уоставлена мебелью)

устроиться (деревушка устроилась на горке. Л. Улицкая)

усыпан (пол усыпан опилками)

уткнуться (дома уткнулись в село)

ухать

уходить (равнина уходит далеко)

Ф

фыркать

фырчать

Х

хлипать

хлопать

хлюпать

хохотать

хрипеть

хрупать

хрустеть

Ц

цокать

цокотать

Ч

чернеть (чернеет вдали лес)

чернеться (чернеется неподалеку роща)

чертиться (вдали чертились контуры домов)

чмокать

чокать

чувствоваться

Ш

шаркать

шелестеть

шептать

шибать

шипеть

ширяться (леса ширятся на сотни километров)

шлепать (о звуке)

шуметь

шуршать

Щ

щебетать

щекотать

щелкать

щипать (об осязании)